

А. Житнухин

ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

Анатолий
Житнухин

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1787

(1587)

Анатолий Житнухин

ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ

ВРЕМЯ РАССУДИТ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2016

УДК 355.34:94(47)(092)
ББК 63.3(2)6-36
Ж 74

знак информационной
продукции **16+**

ISBN 978-5-235-03908-7

© Житнухин А. П., 2016
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2016

*Я хочу быть понят моей страной,
А не буду
 понят —
 что ж,
По родной стране
 пройду стороной,
Как проходит
 косой дождь.*

Владимир Маяковский

ОТ АВТОРА

Аббревиатура «КГБ» всем хорошо известна и не нуждается ни в расшифровке, ни в переводах. Вот только воспринимается она всеми по-разному и вызывает у людей сложную гамму чувств — от любви и уважения до ненависти и едва ли не мистического ужаса. Эти противоречивые чувства во многом предопределили и характер оценок личности героя нашей книги, бытующих в наше время. Удивляться этому не приходится — жизнь В. А. Крючкова оказалась прочно связанной с органами государственной безопасности, а возглавил он их в трагический период раскола общества и страны, в переломный момент истории.

Не удивляет и обилие однообразных, клишированных подходов к роли Крючкова в знаковых событиях нашего недавнего прошлого, очевидная заданность многих негативных суждений. Так называемый *мейнстрим*, утвердившийся в средствах массовой информации и пропаганды, таких людей, как Крючков, вытесняет за границы главного течения или и вовсе выплёскивает на берег, как ненужный груз. Критерий прост: творцы новой истории России, больше напоминающей «политику, обращённую в прошлое», не нуждаются в людях, которые жили при советской власти и не боролись с ней или, по крайней мере, не подвергались «гонениям и притеснениям тоталитарного режима».

Вот почему, для того чтобы найти ответы на многие вопросы, которые волновали автора, ему пришлось перевернуть целый ворох литературы, поднять немало архивных материалов. Неоценимую помощь оказали люди, которые жили и работали с Крючковым. Люди, которые стремятся сохранить для новых поколений нашу историю такой, какой они её знали, какой она была на самом деле.

Особенно много таких людей автор встретил в Волгогра-

де, на родине В. А. Крючкова, где, собственно, и начиналась работа над книгой. Среди волгоградцев, у которых он неизменно находил понимание и поддержку, — Л. И. Будченко, А. В. Васин, М. М. Загоруйко, В. А. Кадашова, В. А. Катунин, А. И. Коломыткин, А. В. Конев, Е. И. Моисеев, А. И. Рябец, Ю. И. Сизов, К. В. Сусленков, Г. И. Чурзин, Г. А. Чуриков, Г. И. Хорошева. Именно с их помощью удалось воссоздать ряд неизвестных ранее страниц биографии Крючкова, относящихся к сталинградскому периоду его жизни. Многие удалось восстановить по воспоминаниям и семейным архивам родных и близких Владимира Александровича.

Большую помощь консультационного характера, связанную с проблемами деятельности Комитета госбезопасности СССР, его разведывательных и контрразведывательных органов в 1970—1980-е годы и в начале 1990-х годов, оказали автору генерал-лейтенант, доктор исторических наук Н. С. Леонов и генерал-лейтенант В. М. Прилуков.

Бесценный материал для книги автор почерпнул в ходе многочисленных встреч и бесед с ветеранами КГБ, правоохранительных органов и дипломатических служб, общественными и политическими деятелями — А. Н. Бабушкиным, Ю. И. Дроздовым, В. В. Генераловым, А. Т. Голубевым, А. Г. Егоровым, Ю. П. Ивановым, В. Н. Казимировым, М. Б. Катышевым, В. Е. Костыревым, В. М. Красильниковым, В. М. Некрасовым, Е. Г. Никоноровым, И. К. Полозковым, И. Н. Прелиным, Ю. Е. Сцепинским, Р. И. Хасбулатовым.

Выражая свою признательность всем тем, благодаря кому книга увидела свет, автор сохраняет за собой право на «последнее слово», на собственное видение проблем, по которым у него нередко возникали не только споры с его собеседниками, но и принципиальные расхождения. При этом он не претендует на непогрешимость своих взглядов и выводов, но надеется, что книга поможет читателю лучше понять личность главного героя книги и в поисках истины сделать хотя бы шаг, но в верном направлении.

Глава первая
СТАЛИНГРАД

Родителей и родину не выбирают. Нет ни заслуги, ни вины человека в том, чей род и на чьей земле суждено ему продолжить, и тем не менее большинство людей склонны гордиться своим происхождением. Наполнены такой гордостью и стихи поэта Владимира Овчинцева:

Родословной своей я нещадно богат.
Он от лямки бурлацкой, ярма батрака —
Род мой, древний, как степь и как Волга-река.

Наверное, не каждому современному читателю понятно, что же вызывает гордость у автора этих строк — ведь для многих менталитет людей, живших в СССР, представляется сейчас чем-то архаичным и не заслуживающим особого внимания. В наши дни иные ценности довлеют над душой человека, и ему не так-то просто объяснить, почему ещё совсем недавно никто не стеснялся своей близости к простому народу, не отрешивался от своих корней, уходящих в глубинные пласты народной жизни.

Положенные нами в начало биографического повествования стихи, на наш взгляд, не только символизируют начальный период биографии Крючкова, родившегося и выросшего на Волге. Совершенно неожиданно для нас они оказались наполненными особым содержанием и на удивление конкретным смыслом. Мир тесен, и в нём часто случаются поразительные совпадения. Оказалось, что известный российский поэт В. Овчинцев, много лет возглавляющий Волгоградскую писательскую организацию, — родом из семьи потомственных рабочих-котельщиков Царицынского оружейного завода, впоследствии — Сталинградского (Волгоградского) завода «Баррикады», который в 2014 году отметил своё столетие.

Но ведь котельщиками были дед и отец Крючкова, причём отец, начинавший простым рабочим, дорос до начальника котельного цеха того же завода, на котором работали Овчинцевы. Мало того, несколько лет трудился он с отцом будущего поэта в одном заводском подразделении, о чём свидетельствуют документы военных лет. Так, в заводской многотиражной газете «Баррикады» в октябре 1943 года была помещена заметка Е. Викторовой «Гвардейцы тыла». И вот что в ней говорилось: «Замечательными показателями передовые стахановцы цеха т. Крючкова отвечают на радостные вести об успешном наступлении Красной Армии. Лучшую выработку за сентябрь — 207 процентов дала бригада котельщиков т. Овчинцева...»¹

Удивительно схожими оказались судьбы двух трудовых династий, которых сблизили профессиональная принадлежность, верность одному предприятию, тяжёлые испытания во время Великой Отечественной войны. Есть у них и ещё одна общая особенность: вольный дух поволжских степей, которым веет от поэтических строк Овчинцева, ощущался и в доме Крючковых — особенно после их родства с семьёй донских казаков из древнего центра казачьего движения — села Михайловка (ныне — город в Волгоградской области).

Но — обо всём по порядку. Родился Владимир Александрович Крючков в Царицыне — крупном промышленном центре Поволжья, вскоре получившем стальное имя пролетарского вождя. А назван он был так в ознаменование заслуг перед городом Иосифа Сталина. Оборону Царицына, которую он организовал и возглавил, современники называли «красным Верденом»².

Сталин прибыл в Царицын с чрезвычайными полномочиями руководителя продовольственного дела на Юге России в начале июня 1918 года, когда в результате тяжёлого положения, сложившегося на Нижней Волге, Советская республика оказалось отрезанной от украинского и сибирского хлеба. Войска Краснова и Деникина рвались в Астрахань и Царицын, чтобы перерезать и продовольственную артерию, пролежавшую по Волге от Северного Кавказа.

Сталину пришлось столкнуться с беспомощностью местных властей и организационной неразберихой, разгу-

¹ Баррикады. 1943. 14 октября. № 10.

² Верденское сражение на северо-востоке Франции было ключевым моментом Первой мировой войны.

лом спекуляции, саботажем на железнодорожном транспорте: был раскрыт крупный контрреволюционный заговор под руководством путейского инженера Алексева. Благодаря принятым суровым мерам в Царицыне был наведён порядок. Водными и железнодорожными путями в Россию пошёл хлеб, стали поступать другие необходимые продукты.

Разрозненные войска Красной армии удалось объединить под командованием К. Е. Ворошилова. Боевое ядро красноармейцев составили 15 тысяч луганских металлистов и донецких шахтёров, прорвавшихся к Царицыну с оккупированной немцами территории Украины. Военный совет Северо-Кавказского округа, руководство которым Сталин принял на себя, объявил в Царицыне и уезде мобилизацию всего боеспособного населения, что помогло поставить под ружьё почти 24 тысячи бойцов. В результате войска белых, которые уже вышли на окраину города, были остановлены.

Следует отметить, что в обороне Царицына широко применялись бронепоезда, которые в период боёв ремонтировались именно на Царицынском оружейном заводе. Накал сражений достигал такой силы, что часть из пятнадцати действующих поездов (что составляло более половины всего парка бронепоездов Красной армии) во время боёв заходила на ремонт по нескольку раз. Можно сказать, что рабочие оружейного завода конкретным делом ответили на ленинский декрет-воззвание «Социалистическое отечество в опасности!», с которым в феврале 1918 года РКП(б) обратилась к трудящимся Советской России.

Это — лишь один штрих из истории предприятия, с которым оказалась тесно связанной судьба семьи Крючковых. На заводе «Баррикады» начинал свою трудовую деятельность и Владимир Крючков. Но ещё задолго до этого его отец — Александр Ефимович рабочие корни появившегося на свет 29 февраля 1924 года сына заверил документально: копию свидетельства о рождении, которая понадобилась на работе, украсил большой прямоугольный штамп: «Котельный цех завода “Баррикады”». До сих пор эта фамильная реликвия хранится в семейном архиве Крючковых как одно из подтверждений пролетарской родословной семьи, уходящей вглубь XIX века.

Дед Владимира Александровича, Ефим Фёдорович, как уже было сказано, был так же, как и его отец, котельщиком и работал на нефтебазе, принадлежавшей «Товариществу нефтяного производства братьев Нобель». Основано это

предприятие было в Баку и сыграло важную роль в формировании российской нефтяной отрасли. Среди владельцев товарищества был и Альфред Нобель, ставший позднее учредителем Фонда Нобеля и знаменитой международной премии. Но главную роль в создании российских нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий, в том числе и крупной перевалочной базы в Царицыне с огромным складским хозяйством для хранения нефти и нефтепродуктов, причалами, механическими мастерскими и цехами по производству масел, сыграл его брат Людвиг.

Нефть доставлялась сюда водным путём из Баку; Царицын, представлявший собой не только водный, но и крупный железнодорожный узел, стал для европейской части России главной складской и распределительной базой нефтепродуктов.

В 1880-х годах рядом с предприятием возникло поселение нефтяников — так называемый Нобелевский городок. Благодаря шведским предпринимателям городок стал настоящей достопримечательностью Царицына. Построенный на берегу Волги (территория нынешних Центрального и Краснооктябрьского районов), он имел единую планировку, был электрифицирован и телефонизирован. Такие блага цивилизации были тогда для обитателей рабочих посёлков в диковинку. Для сравнения: во многие районы Сталинграда, в том числе и в дома по улице Пензенской, где в довоенное время обосновалась семья Крючковых, электричество провели лишь полвека спустя, в начале тридцатых годов.

Но, несмотря на все чудеса Нобелевского городка, общая картина старого Царицына выглядела удручающе. Среди современных библиофилов ценится книга А. С. Размадзе «Волга», изданная в Киеве в 1896 году. Рассказывает она о городах и поселениях Поволжья конца XIX века, в том числе и о Царицыне, поэтому на неё часто ссылаются местные краеведы. Надеемся, что впечатления современника будут интересны и для нашего читателя:

«Когда вы подъезжаете к Царицыну, глазам вашим представляется издали широко раскинувшийся город с целым лесом мачт перед ним. Имея понятие о значении Царицына, расположенного на великом водном пути, связывающего железной дорогой Волгу с Доном и, в свою очередь, связанного железными путями с главнейшими центрами России, зная о быстром росте его за последнее время, вы ожидаете увидеть нечто замечательное, что отвечало бы

вашим мечтам, основанным на вышеуказанных соображениях; но, увы, мечты ваши обманчивы! Едва вы подъехали к берегу, как вас поражает прежде всего самый этот берег, являющий полное отсутствие благоустройства; рытвины, канавы, ямы и никакого проезда во время дождей; ничем не огороженная, не мощёная набережная, подмываемая ежегодно Волгой, а за ней расположен город, имеющий вид, с какой стороны вы на него ни посмотрели, громадного русско-азиатского селения, к которому приютилось несколько деревень. Всё серо, незатейливо и грязно или пыльно, смотря по сезону; мостовых нет, уличного освещения почти не полагается, и только торговая площадь, на которой сосредоточены магазины, лавки и пр., хоть сколько-нибудь напоминает собой город и то город, лишённый всяких забот о внешней красоте, порядке и опрятности».

Неприглядная жизнь рабочего люда соответствовала тяжёлым условиям труда на предприятиях. Те же приспособления по перекачке нефти, изобретённые шведами, не избавляли рабочих от непосильного труда, быстро подрывавшего у человека здоровье. Правда, Ефим Фёдорович, испытывавший тягу к грамоте и обладавший определёнными способностями и упорством, сумел самостоятельно выучиться читать и писать. А каллиграфический почерк, которым он овладел, позволил ему занять место среди «рабочей аристократии» — назначили его писарем при конторе нефтебазы. Однако здоровье к тому времени стало совсем негодным, и он рано ушёл из жизни, задолго до появления на свет внуков. Умер он прямо на улице от сердечного приступа, а случилось это несчастье в 1906 году.

Самые тёплые воспоминания оставила у Владимира бабушка Лидия Яковлевна. Познакомилась она с дедом на той же нефтебазе, где работала вместе с Ефимом Фёдоровичем и была мойщицей тары для нефтепродуктов — занималась делом явно неженским. Днями напролёт приходилось вручную ворочать тяжёлые бочки, после чего сил оставалось только на то, чтобы добраться до дома. Выйдя замуж, Лидия Яковлевна работу на нефтебазе оставила и полностью посвятила себя семейным заботам и воспитанию детей, благо заработок мужа позволял.

Девичья фамилия бабушки — Шнайнер — свидетельствовала о том, что происходила она из поволжских немцев — потомков переселенцев из германских государств, переехавших в Россию при Екатерине II, в 1760-е годы, и расселившихся в Нижнем Поволжье. Большинство из них

давно обрусело и полностью восприняло русскую культуру, сохранив при этом некоторые бытовые традиции и особенности. Судя по всему, именно от бабушки унаследовал Владимир такие характерные черты, как аккуратность, пунктуальность и точность, граничащие с педантичностью, верность раз и навсегда заведённому порядку. Все эти качества, безусловно, нужны и полезны в жизни, если только они не подавляют творческое начало в человеке. Слава богу, с Крючковым этого не произошло, о чём мы будем говорить ещё не раз. Лидия Яковлевна, хотя и владела немецким языком, никогда не говорила в доме по-немецки. И сколько ни уговаривал её Владимир обучить его немецкому, она наотрез отказывала внуку, не объясняя причин.

Не будем и мы гадать, в чём тут дело. Заметим только, что все члены семьи Крючковых ценили образованность и тянулись к знаниям. То, что дед Ефим Фёдорович самостоятельно приобщился к грамоте, мы уже отмечали. Имея всего один класс начальной школы, смогла овладеть беглым чтением и мать Владимира — Мария Фёдоровна Крюčkова (в девичестве Сурская), простая крестьянская женщина, родившаяся в 1896 году в селе Заплавное Среднеахтубинского района.

Откуда только что бралось! Её начитанность и память удивляли окружающих. Кроме книг она регулярно читала газеты и журналы, была в курсе всех значимых событий и у нас в стране, и за рубежом. Её тяга к свету, к культуре, безусловно, сказалась на детях, что позволило позднее Крючкову, страстно увлекавшемуся театром, искренне говорить о том, что любовь к сценическому искусству он впитал с молоком матери¹.

Ну а отца своего, Александра Ефимовича, Владимир просто боготворил. В своих воспоминаниях, написанных в зрелом возрасте в камере московского следственного изолятора «Матросская Тишина», он расскажет о том, что мысленно сверял с отцом все свои самые значимые поступки, едва ли не каждый прожитый день.

Родился Александр Ефимович в 1889 году. А с девяти лет помогал котельщикам завода Нобеля: подносил инструменты и материалы, бегал в магазин...

Булыжник — оружие пролетариата. Молот — главное орудие труда. Тяжёлый молот — кувалда — едва ли не основной инструмент котельщика. Наряду с ломом и зуби-

¹ См.: Крючков В. А. На краю пропасти. М.: Эксмо, 2003. С. 275.

лом он часто идёт в дело при установке, ремонте, запуске и текущем осмотре котлов. Через два года подросток мог уже выполнять хотя и не сложные, но самостоятельные работы. С пятнадцати лет — трудился наравне со взрослыми.

В поисках лучшей доли и до революции, и после Октября Александр Ефимович вдоволь помотался по окрестным регионам. Работал паровым котельщиком на судостроительном заводе в Астрахани, на нефтяных промыслах Грозного и Гурьева, на стройках Воткинска и Калача.

Сезонные поездки на заработки (выезжали обычно артелью) были вынужденными — надо было кормить семью. Но в то же время они давали и возможность лучше познать страну, своих соседей, большинство которых жило обычными заботами обычных людей. Трудовому человеку нечего делить с таким же, как он, рабочим или крестьянином, только другой национальности. Эта истина познаётся до конца лишь в совместном труде, она и лежит в основе естественного возникновения в людях чувства интернационализма, презрения к национальному чванству. Как вспоминает Владимир Александрович, именно отец создавал в семье атмосферу, которая исключала возникновение недоброжелательного отношения к кому-либо на национальной почве.

Впрочем, никто ни из старших, ни из младших Крючковых не испытывал нужды в прививках против национальной нетерпимости. Русская кровь в их семье давно смешалась с немецкой, были среди родственников люди и других национальностей. Например, после того как Владимир женился на Екатерине Красильниковой, у Крючковых тёплые отношения установились с семьёй её сестры Ирины, муж которой был евреем. Все уважали его за безграничную доброту и постоянную расположенность к окружающим — качества, часто присущие физически сильным людям. А был Наум Абрамович Шпарбер¹ прекрасным спортсменом, известным в Сталинграде боксёром. Что однажды не учёл какой-то подвыпивший верзила, узревший в лице проходящего мимо человека явно не славянские черты. Однако покуражиться над «жидовской мордой» ему не удалось — непечатный монолог прервал прямой удар в

¹ Сын Н. А. Шпарбера и И. П. Красильниковой — В. Н. Красильников стал известным учёным-экономистом, профессором и академиком РАЕН, первым вице-президентом Вольного экономического общества России и генеральным директором Международного союза экономистов.

челюсть, который поверг приверженца «чистоты крови» в глубокий нокаут...

Но — вернёмся к Александру Ефимовичу. На мироощущении его детей не могло не сказаться то обстоятельство, что росли они в семье убеждённого коммуниста. Причём коммуниста, воспитанного не на учебниках, а на суровом жизненном материале. Как писал Владимир Александрович, « всю жизнь отец прошагал в ногу с Советской властью ». И этот совместный (заметим: далеко не всегда торжественный) марш начался во время Гражданской войны. Именно тогда Александр Ефимович определил свою позицию — встал на сторону красных — и уже не сходил с неё в дальнейшие годы. Бывший рядовой Аварского 187-го пехотного полка¹ царской армии винтовку держать умел. Начинал он сражаться за советскую власть в составе одного из добровольческих формирований РККА, но позднее, учитывая высокий уровень грамотности, его перевели в полевое казначейство финансового отдела 10-й армии. Однако он успел не только как следует повоевать, но и умудрился побывать в серьёзных переделках, одна из которых едва не закончилась трагически. С небольшой группой красноармейцев Александр Ефимович попал в плен к белым. Узнав, что наутро следующего дня они будут расстреляны, товарищи решили попытаться бежать под покровом ночи. Побег удался...

В 1927 году А. Е. Крючков вступил в партию. Событие это произошло в Калаче, где он проработал почти три года — был заместителем начальника строительных работ и председателем стройкома. Но в 1928 году стройка завершилась, и Александр Ефимович стал присматривать работу в Сталинграде, поближе к дому. Возраст приближался уже к сорока, и вести дальше «кочевой» образ жизни стало не по силам.

На «Баррикадах», где он в конце концов и осел, его дела быстро пошли в гору — сказался большой профессиональ-

¹ Интересно, что в этом же полку (тогда ещё — в 255-м Аварском резервном батальоне) в 1899—1906 годах служил в качестве вольнонаёмного музыканта В. И. Агапкин — автор знаменитого марша «Прощание славянки», дирижёр сводного оркестра исторического парада в честь 24-й годовщины Октябрьской революции, состоявшегося 7 ноября 1941 года на Красной площади; генерал-майор В. И. Буймистров, командовавший полком в годы, когда в нём служил А. Е. Крючков, в 1918 году поступил на службу в РККА, был начальником оперативного управления штаба 14-й армии.

ный и жизненный опыт, навыки толкового организатора, которые наиболее ярко проявились в Калаче. А начинал он на «Баррикадах», можно сказать, традиционно — котельщиком, но затем довольно быстро прошёл ступени мастера и заместителя начальника цеха, а в 1931 году был назначен уже начальником цеха. Должность хлопотливая, ответственная и небезопасная. Не случайно первые детские воспоминания Владимира Крючкова об отце связаны с его работой: «30-е годы запомнились мне, тогда ещё ребёнку, тем, что отец очень много работал, домой приходил поздно, а утром, чуть свет, опять отправлялся на завод. Отдыхал лишь по воскресным дням, да и то не каждую неделю. Но жалоб от отца ни я, ни мать никогда не слышали». Добавим: при этом отец Владимира успевал и учиться — в 1937 году он окончил трёхгодичный вечерний институт повышения квалификации хозяйственников (специалистов промышленности).

Такая нагрузка и не всякому здоровому человеку по плечу, а крепким здоровьем Александр Ефимович не отличался с молодых лет. Ещё в 1912 году он был уволен с воинской службы по болезни. А в 1928 году в результате серьёзной аварии в заводском цехе получил тяжёлую травму головы, лишился глаза. В 1937 году умерла бабушка, после чего на отца легли новые заботы.

Правда, к тому времени старшие дети стали уже самостоятельными. Николай, родившийся в 1913 году, отслужил в армии и отправился попробовать свои силы на Дальнем Востоке — страна тогда была охвачена энтузиазмом первых пятилеток. Последние сведения от него приходили в 1944 году. Тогда стало известно, что его зачислили на службу в Краснознамённую Амурскую флотилию. Однако после этого связь с ним оборвалась. Не дали результатов и послевоенные попытки близких что-либо разузнать о его судьбе. После войны несколько раз пытался разыскать хоть какие-то следы брата и Владимир Александрович. Безуспешно.

Константин, который был на два года моложе, окончил лётное училище и, став лётчиком-истребителем, участвовал в финской войне, был награждён орденом Красной Звезды. Но дальнейшая судьба его сложилась трагически: в первые дни Великой Отечественной войны он погиб в воздушном бою в районе города Даугавпилс.

Сестра — Валентина, 1918 года рождения, вышла замуж и стала носить фамилию Горшенина. Растить пятерых детей ей помогали, особенно в годы войны, всем миром.

Самый младший — Владимир задержался в родительском гнезде дольше всех, до 1951 года. Сведений о детских годах в своих воспоминаниях он оставил не слишком много. Но ряд пробелов удалось восполнить по архивным материалам и воспоминаниям близких. Так, когда пришло время садиться за парту, поступил он в начальную школу № 30 им. К. Ф. Рылеева, затем перешёл в среднюю школу № 38 им. И. Д. Папанина. Учился хорошо и легко, усидчивости и прилежности ему было не занимать. Война не дала окончить школу. Лишь в 44-м появилась возможность продолжить учёбу в школе рабочей молодёжи Баррикадного района Сталинграда и получить в следующем году аттестат зрелости. Заглянем в него: почти по всем предметам — отличные оценки, кроме русского языка и литературы, по которым выставлены «четвёрки».

В. А. Крючков вспоминает об одной дружеской привязанности детства: «На нашей улице, в соседнем дворе, жила в землянке одна немецкая семья. Глава этого семейства работал на заводе “Баррикады” и был, как рассказывал мой отец, уважаемым специалистом и очень хорошим работником. Я подружился с его старшим сыном, девятилетним мальчиком, моим сверстником. Мы часто ходили друг к другу в гости, постоянно держались вместе на улице — даже в играх всегда норовили оказаться в одной команде. Русский язык мой немецкий друг ещё не очень освоил. Я, как мог, помогал ему, а он в ответ учил меня немецким словам. Вот тогда и зародилось желание выучить немецкий язык, я даже дал себе слово непременно сделать это. Наша детская дружба продлилась почти семь лет. Потом началась война, а через несколько дней немецких семей в соседних дворах уже не оказалось: всех немцев выслали. С тех пор я потерял след моего друга, но память о нём, о совместных детских годах и нашей дружбе сохранилась навсегда»¹.

В довоенные годы семья Крючковых жила на улице Пензенской, в простеньком деревянном доме, построенном в 1928 году на месте старой бабушкиной лачуги, больше походившей на землянку. Однако в сентябре 1942 года, во время очередной бомбёжки, дом этот сгорел. Пришлось перебраться в заводское жильё, поближе к работе, в дом на улице Портальной, что территориально входила в черту посёлка Верхние Баррикады. (С противоположной стороны завода, у волжского берега, располагался посёлок Ниж-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 28.

ние Баррикады, долго — до немецких бомбёжек и обстрелов — сохранявший вид более комфортного поселения, так как изначально, ещё до революции, когда завод только вводился в строй, предназначался для инженерно-технического персонала предприятия.) Позднее здесь же, на Портальной, Крючковы построили собственный дом, который ничем не отличался от тысяч других домов сталинградских жителей, возведённых подручным способом.

Жили скромно. Можно сказать, что неприязнительность и скромность, сформировавшиеся за четверть века проживания в Сталинграде, переросли у Владимира Александровича в черту характера. Привычка довольствоваться в быту малым стала нормой повседневной жизни, которую не смогли поколебать высокие должности, большие зарплаты и возможности. Гостей его московской квартиры (в том числе и журналистов), которую он получил как председатель Госкомитета и член Политбюро в доме по Денежному переулку, всегда поражала простота обстановки: не было в квартире ни изысканной мебели, ни дорогих ковров, ни хрусталя либо каких других атрибутов, свидетельствовавших о зажиточности хозяев. Возможно, на неприязнительности Крючкова в быту сказалась позиция Ю. В. Андропова, с которым они вместе работали долгие годы. Не случайно в своих воспоминаниях об Андропове Владимир Александрович цитирует одно его двестишестое:

Кто проповедь читать захочет людям,
Тот должен жрать не слаще, чем они.

Можно сказать, что Владимиру Александровичу повезло — в вопросах быта у него не было больших разногласий с женой Екатериной Петровной, что случается в жизни довольно редко — обычно, как мы знаем, женщины не склонны к спартанскому образу жизни. Но, не заботясь о чрезмерном комфорте и не страдая вещиизмом, оба преклонялись перед чистотой и порядком...

Иными, не похожими на нынешние, идеалами жили советские люди. Трудно представить, что стало бы с нашей страной, если бы вдруг тогда, в 1930-е годы, отменили её индустриализацию и занялись строительством «общества потребления», вместо тракторов и танков стали бы выпускать легковые авто, а с производства гаубиц и полковых миномётов перешли бы на выпуск унитазов.

Главный научный сотрудник Института философии

РАН, профессор В. Н. Шевченко — известный специалист по современным социально-философским проблемам — считает, что, несмотря на резкий поворот нынешнего российского общества в сторону ориентиров, свойственных западным странам, примерно две трети наших граждан до сих пор так или иначе разделяют советские ценности. Среди людей растёт понимание, что мы никогда не достигнем западного уровня потребления. И причина здесь не только в том, что у нас отсталая экономика и мы плохо работаем, а потому, что это в принципе невозможно. Если остальной мир хотя бы приблизится к западным стандартам и выйдет за пределы разумного потребления, то планета не выдержит перегрузок техногенного характера.

В 1930-е годы прошлого века, когда наша страна осуществляла прорыв к передовым рубежам производства, науки и культуры, подобных проблем, конечно, не возникало. Это время запомнилось Крючкову двумя особенностями. С одной стороны, люди, поверив в реальность планов социалистического строительства, жили в невиданной ранее атмосфере всеобщего подъёма и энтузиазма. С другой стороны, в воздухе витало предчувствие большой беды, неизбежности смертельной схватки с капиталистическим миром, не скрывающим своей ненависти к Стране Советов.

Невиданные темпы социалистического строительства, масштабы которого поражали воображение, грандиозные успехи в нём стали возможны, как считал В. А. Крючков, благодаря самоотверженности советских людей, их напряжённому, изнурительному труду. «Да, пожалуй, — пишет он в воспоминаниях, — другого выхода тогда и не было. Помощи ждать было неоткуда, поэтому полагаться приходилось лишь на собственные силы. Выручали не только природная выносливость русского человека, его неприхотливость, способность к самопожертвованию, но и глубокая вера в торжество коммунистической идеи, ожидание светлого будущего, которое, казалось, уже не за горами.

Огромные перемены происходили в социальной области, шла настоящая культурная революция. В кратчайшие сроки удалось повсеместно ликвидировать неграмотность — учились все, и стар и млад. Для пожилых людей организовывались вечерние школы, курсы, кружки в клубах, а то и прямо на квартирах. Работали передвижные библиотеки.

На нашей улице учёбой не были охвачены всего две или три пожилые женщины да один старик, которому в ту пору

уже перевалило за девяносто. Не было ни одного ребёнка старше семи лет, который не ходил бы в школу».

Думается, тогда люди уверовали не только в реальность и достижимость поставленных перед страной целей. Гораздо более важным представляется то, что они искренне поверили в существование справедливости, которая рано или поздно, но неизбежно восторжествует на их земле. Поэтому они и готовы были пожертвовать собственным благополучием, отложить решение многих жизненно важных для себя проблем до лучших времён.

Веру людей в справедливость, которую олицетворял социализм, не смогла подорвать мутная волна репрессий, которая в 1937 году докатывалась и до дома Крючковых. Как вспоминал Владимир Александрович, внезапно исчез кто-то из соседей, оказавшись «врагом народа». А однажды, когда отец, как обычно, явился на работу, его не пропустили через проходную, велели возвращаться домой и ждать «результатов проверки». В доме воцарилось предчувствие беды, тем более что в эти дни были арестованы несколько руководителей завода «Баррикады». К счастью, всё обошлось, и отец вновь приступил к своим обязанностям. Кто-то потом рассказал ему, что выручила его безупречная биография и то, что двое его сыновей служили в армии, один, Константин, — в авиации, другой, Николай, — на флоте.

Запомнилась Владимиру Александровичу и та атмосфера, в которой шли аресты: «Конечно, никто вслух не ставил тогда под сомнение действия властей и тем более не связывал происходящее с именем Сталина — об этом не могло быть и речи. Вместе с тем недавние друзья не спешили заклеить позором своего попавшего в беду соседа, не пытались отмежеваться от него скорее, аресты вызвали чувство сострадания и недоумение».

Люди вели себя достойно и доносы друг на друга (как это принято считать в определённых кругах) не писали.

Многие современные историки никак не возьмут в толк, почему ни репрессии, ни трудности индустриализации и тяжёлые издержки коллективизации не подорвали в народе веры в руководство страны, в правильность курса на строительство социализма. «Народ, — считает Крючков, — поверил Сталину, потому что знал, что его слова никогда не расходятся с делами»¹.

¹ Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. С. 32.

В сентябре 2004 года «Известия» и ряд других средств массовой информации опубликовали заметку под одним «сенсационным» заголовком: «Крючков написал о Сталине 100 процентов позитива». Такова была реакция СМИ на презентацию Крючковым в Доме журналиста своей книги «Личность и власть», первая глава которой посвящена И. В. Сталину. Трудно сейчас сказать, что так подействовало на воспалённое воображение некоторых журналистов, но только никаких «ста процентов позитива о Сталине» в ней нет, а есть попытка объективно разобраться в личности советского вождя.

В позиции Крючкова нет двусмысленностей: нельзя забывать или отрицать мрачные страницы в нашей истории, связанные с грубейшими нарушениями законности. Владимир Александрович напоминает о том, что в 1988 году была создана специальная комиссия по реабилитации лиц, попавших под жернова сталинских репрессий. Комиссия установила, что в течение 1931–1953 годов по обвинению в политических преступлениях было репрессировано 3 778 234 человека, из них к расстрелу приговорено 786 098 человек. Ужасающие цифры. «Трудно объяснить, — пишет Крючков, — всю сумму мотивов этих широких репрессивных мер, но факт остаётся фактом, что даже для такой большой страны, какой был Советский Союз, эти цифры огромны, и умалять их значение для нашей истории — дело бессмысленное, напрасное и даже вредное». В то же время «недрузи советской власти, работая по выяснению обстоятельств, причин репрессий, начали активно спекулировать на этой теме и нередко доходили до абсурда, руководствуясь одним стремлением — преувеличить масштабы репрессий, свести к ним историю советского периода и отбросить в сторону всё то положительное, что было сделано советской властью с самого начала её установления»¹.

Хорошо известно, что либерал-демократы имеют привычку раздувать численность репрессированных в СССР, прибегают к беззастенчивой фальсификации сведений, извращают действительность. Например, Юрий Карякин утверждал, что за советский период было репрессировано 120 миллионов человек. Александр Яковлев «ограничился» шестьдесятю миллионами. Безудержно фантазировал на эту тему Александр Солженицын. Их изыски не имеют ничего общего с действительностью, с реальной картиной

¹ Крючков В. А. Указ соч. С. 50.

массовых репрессий, они не дают составить объективное представление об огромной беде, выпавшей на долю советского народа. Более того, взятые с потолка цифры оскорбляют память погибших и пострадавших, особенно когда в число репрессированных включаются преступные, уголовные и всевозможные маргинальные элементы¹.

Есть и такие «разоблачители», которые пытаются взвалить всю вину за репрессии на одних и обелить других, выставить себя в выгодном историческом свете. Номер один среди них — Н. С. Хрущёв. Готовя доклад по культу личности Сталина на XX съезд КПСС, он с помощью председателя КГБ И. А. Серова уничтожил материалы, касающиеся его личного участия в организации и проведении репрессий. Речь идёт, как считал Крючков, о тысячах лиц, которых с одобрения Хрущёва привлекли к внесудебной ответственности. Многие из них были приговорены к высшей мере наказания...

Говоря об отношении Крюčkова к Сталину, следует остановиться ещё на одном принципиальном вопросе. В период перестройки её «архитекторы» и «прорабы» подвергали резкой критике сталинский тезис о том, что по мере строительства социализма классовая борьба, сопротивление враждебных сил не только не ослабевают, но, напротив, усиливаются и принимают всё более изощрённые и ожесточённые формы. С точки зрения Крюčkова, то, что произошло с нашей страной после 1985 года, антисоциалистические события в 1990-е, — это и есть подтверждение предвидений Сталина. Замыслы противников социализма, ярых врагов нашей державы были сполна реализованы Горбачёвым, Ельциным и их сторонниками в конце XX века.

Сталин — это эпоха, в которой вырос Крючков. Не случайно одно из самых ярких воспоминаний у него оставил живой образ вождя, которого Владимиру Александровичу посчастливилось увидеть с близкого расстояния на праздничной демонстрации 1 мая 1952 года. Для нас это событие, чувства, которые испытывал Крючков, важны потому, что помогают понять, как воспринимали Иосифа Виссарионовича простые советские люди. Понять всю глубину их горя, вызванного последовавшей менее чем через год смертью Сталина.

¹ Следует иметь в виду, что по политическим статьям как за преступления против социалистического государства было осуждено значительное количество лиц, совершавших хищения государственного имущества (за кражи, финансовые махинации, спекуляцию и т. п.).

«Когда наша колонна поравнялась с Мавзолеем и находилась в 8—10 метрах от центрального входа, мы оказались совсем близко к И. В. Сталину, который в это время спустился с Мавзолея и медленной походкой направлялся в сторону прохода к Кремлю. Мне удалось очень хорошо разглядеть И. В. Сталина. Его лицо, руки, запомнить его походку. Это был спокойный, уверенный в себе, не спеша идущий человек. На какое-то мгновение он повернул голову в сторону демонстрантов, слегка помахал им рукой и пошёл в сторону Кремля. За ним на некотором отдалении, примерно в 8—10 шагах, шёл Вячеслав Михайлович Молотов. Такой же походкой, не спеша, соблюдая приличную дистанцию от И. В. Сталина. Мне показалось, что В. М. Молотов хотел показать своё уважение к вождю, и дистанция, которую он соблюдал между собой и И. В. Сталиным, только подчёркивала это...

Момент, который я запечатлел, момент близости И. В. Сталина, на всю жизнь остался во мне ярким и невероятно значимым».

...Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось жарким. Владимир с отцом, который сдержал своё обещание — подарить сыну после окончания 9-го класса велосипед, отправились на базар за долгожданной покупкой. В разгар приятной и волнующей процедуры — выбора подходящей модели — неожиданно заработал репродуктор на площади. С правительственным сообщением выступил В. М. Молотов. Война. Тогда, через несколько часов после её начала, невозможно было представить и постичь весь смысл, всё величие заключительных слов Вячеслава Михайловича: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Крючков делится с нами одним наблюдением. Сразу после сообщения о начале войны город опустел — все поспешили к своим семьям. Но позднее, к вечеру, сталолюдно. Жители вышли на улицы, чтобы быть поближе друг к другу, чтобы почувствовать, что они не одиноки в преддверии большой беды, чтобы поделиться с другими своими тревогами и недобрыми предчувствиями.

Через несколько дней 9-й класс «папанинцев» — учащихся сталинградской школы им. И. Д. Папанина — в полном составе явился в военкомат записываться на фронт. Но их не слишком вежливо выпроводили и попросили не мешать работать — оказалось, для фронта ребята пока не вышли годами. Не помогли Владимиру и справка об окон-

чании курсов Осоавиахима, и права на управление мотоциклом. А ещё через некоторое время стало ясно, что над страной нависла смертельная опасность. Семье Крючковых суждено было первой среди обитателей Пензенской улицы получить страшную весть с фронта — в первые дни войны погиб Константин. Затем похорожки, одна за другой, понесли горе по соседским домам...

Для Владимира стало ясно: никакими окольными путями и ухищрениями на фронт не попадёшь. Пока есть только один способ помочь фронту — пойти работать на одно из оборонных предприятий Сталинграда, что, кстати, и сделали большинство одноклассников. Выбор, пожалуй, был predetermined — на заводе «Баррикады» работал отец.

Два месяца потребовалось Владимиру, чтобы освоить довольно сложную профессию разметчика и получить 4-й разряд по механической разметке. Чтобы составить хотя бы общее представление об этой профессии, заглянем в книгу Б. Данилова «Рабочие умельцы», выпущенную в советское время. Там мы сможем найти информацию о том, что на предприятиях машиностроения и металлообработки разметчик производит плоскостную и пространственную разметку заготовок, металлических моделей, штампов, приспособлений, шаблонов. При этом он использует чертилку, кернер, циркуль, линейку, рейсмас, индикатор. Он же устанавливает заготовки, детали и узлы на подкладках, домкратах, выверяет их установку, выполняет чертежи деталей, геометрические построения и тригонометрические вычисления для разметки.

Дело это непростое. «Разметчик, — говорится в специальной главе под названием «Разметка — это наука», — помимо глубоких специальных знаний должен быть обязательно думающим, высококвалифицированным рабочим с золотыми руками мастера и с головой инженера. На многих заводах выпуск конечной продукции зависит от того, кем и по какому методу были размечены заготовки, поковки, литые перед механической обработкой. Если разметка сделана продуманно, если были учтены все варианты последующих операций, успех обеспечен. Если же в разметке была допущена хоть одна ошибка, то подчас дорогая, сложная отливка или целый агрегат окажется браком и труд сотен людей пойдёт прахом»¹.

¹ См.: Данилов Б. Ф. Рабочие умельцы. М.: Московский рабочий, 1978.

Думается, этих сведений достаточно, чтобы понять, насколько была важна и ответственна профессия, которую начал осваивать на «Баррикадах» Владимир Крючков. И, приобретя необходимые навыки, став в короткие сроки высококвалифицированным специалистом, он, по сути, лишил себя возможности попасть на фронт. Ведь завод «Баррикады» на протяжении всей своей истории был одним из важнейших оборонных предприятий страны, чья роль в годы Великой Отечественной войны невозможно переоценить. Мало сказать, что квалифицированные рабочие подобных предприятий мобилизации не подлежали — многие из них просто не могли вырваться на фронт¹. В их числе оказался и Владимир Крючков.

Не будем ходить вокруг да около: мы заостряем внимание на этих деталях, поскольку с событиями 1941 года, имеющих непосредственное отношение к судьбе Крюčkова, начинаются многочисленные, в большинстве своём — сознательные, фальсификации его биографии. Не станем сейчас рассуждать, что за люди этим занимаются и для чего им это надо. Но искажают они биографические сведения о Крюčkове совершенно беззастенчиво и грубо — видно, понимают, что мёртвые сраму не имут. Нередко, например, в печати и Интернете можно вычитать, что Крючков в 1941-м подался в комсомольские работники, чтобы получить бронь от призыва на фронт, словно комсомол в годы войны выполнял роль отхожего места, где можно было укрыться от опасности. Похожую «версию» излагает и Л. Млечин в книге «История внешней разведки. Карьеры и судьбы». Цитируем: «Владимир Александрович Крючков начинал свою жизнь профессиональным комсомольским работником. Во время войны на фронт будущий глава госбезопасности не попал — комсорг ЦК ВЛКСМ, а затем секретарь райкома был нужнее в тылу. После войны из горкома комсомола его перевели в прокуратуру...»² и т. д.

Большая часть последующего жизнеописания, выполненного Млечиным, похожа на биографию В. А. Крюčkова только по некоторым внешним признакам, но мы к этому ещё вернёмся. Версия Млечина, рассчитанная на людей наивных, вызывает вопрос: каким образом мог человек на-

¹ В период восстановления оборонных предприятий Сталинграда в 1943 году высококвалифицированные рабочие и специалисты даже отзывались с фронта.

² Млечин Л. М. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф, 2011. С. 156.

чать свою трудовую биографию с комсомольской работы? На эту работу брали или избирали (в зависимости от должности) только людей, проявивших себя на производстве, службе либо в иной сфере, снискавших авторитет среди молодёжи, обладавших организаторскими способностями, соответствующими склонностями, и т. д. и т. п.

Для тех, кто пишет о Крючкове, не удосужившись толком ознакомиться с его биографией или просто пытаясь ввести читателей в заблуждение, приведу факты, подтверждённые многочисленными архивными данными, сведениями, почерпнутыми из ряда анкет и автобиографий, собственноручно заполненных и написанных Владимиром Александровичем в разные периоды его жизни. Так вот, прежде чем попасть на комсомольскую работу, что произошло только в апреле 1944 года¹, за год до победы, Крючков более двух с половиной лет трудился на производстве, где начинал простым рабочим и зарекомендовал себя ответственным и высококлассным специалистом. Кстати, никто его в прокуратуру после комсомольской работы не «переводил» — комсомольскую работу он оставил по собственной инициативе осенью 1946 года, решив осваивать специальность, которую изучал в юридическом институте, где уже год отучился на дневном отделении. А в ВЮЗИ (заочный юридический) он перевёлся в связи с тем, что семья попала в сложное материальное положение: отец ушёл на пенсию, большую нужду испытывала сестра Валентина, у которой на руках было пятеро детей...

На склоне лет Владимир Александрович запишет: «На своём веку мне приходилось работать в разных коллективах, но самые яркие и сильные впечатления у меня остались именно от рабочей среды».

Мы уже касались истории завода, на котором пришлось держать Крючкову первый серьёзный жизненный экзамен.

Идея строительства крупного артиллерийского пред-

¹ Больше соответствует действительности утверждение, что Крючков начал комсомольскую деятельность в 1943 году, но на самом деле с августа 1943-го по апрель 1944 года он работал мастером Особой строительно-монтажной части № 25, где сначала был избран секретарём комсомольской организации (на общественных началах) и лишь значительно позднее утверждён в должности комсорга ЦК ВЛКСМ.

См.: «Анкета кандидата партии, вступающего в члены ВКП(б)». Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНВО). Ф. 121. Оп. 2. Д. 71. Л. 2.

приятия в России вызрела в 1912 году, в преддверии Первой мировой войны. А вскоре близ Царицына было развёрнуто и его строительство. Представление о быте строителей и первых заводских рабочих позволяет составить «газетакопейка» под названием «Царицынская трудовая жизнь» от 6 июля 1914 года: «Им жить приходится в грязных, низких, тёмных бараках. Длина их 9, ширина 3 и высота 2 сажени. А набивается в них до 100 человек. В таком помещении три маленьких окошечка, наполовину загороженных нарами. Потолки текут, и вода стекает на нары, где рабочие спят буквально друг на друге. На полу и нарах страшная грязь. Кругом масса паразитов всевозможных видов...»¹ Вот в таких условиях и создавался отечественный военный потенциал в дореволюционное время, которое сейчас у нас принято идеализировать.

С заводом «Баррикады» связаны судьбы многих выдающихся людей, которыми по праву гордился Советский Союз, гордится и Россия. К примеру, в год основания Царицынского оружейного завода (с марта 1923 года — завод «Баррикады») на нём работал будущий советский военачальник и государственный деятель К. Е. Ворошилов, который в то время только что вернулся из ссылки. Соратники по революционной борьбе пристроили его табельщиком в железнодорожном цехе. Являясь активным членом РСДРП, он вёл в Царицыне подпольную работу, собирал, как он сам писал, «рассеянных по заводам старых большевиков». 19 июня 1914 года (по старому стилю) состоялось первое в истории завода нелегальное собрание большевиков. На нём Ворошилов подверг местных партийцев резкой критике, назвав их «кустарями-одиночками». Партия тогда выходила из затяжного кризиса, вызванного поражением Первой русской революции, и вступала в период подготовки к решающему сражению...

Надо сказать, что ни до революции, ни в первые годы советской власти Царицынский оружейный завод так и не смог набрать нужных оборотов, стать полноценным предприятием, способным хотя бы частично соответствовать тем проектным идеям, которые вынашивались при его рождении.

Можно сказать, что настоящее рождение завода связано с первым пятилетним планом, в котором самым серьёзным образом ставились вопросы повышения обороноспособно-

¹ Цит. по: Баррикадцы. Кн. 1. Волгоград, 1989. С. 21.

сти страны, в том числе развития артиллерии. Пятилеткой предусматривалось использование возможностей «Баррикад» в интересах Красной армии, и завод был отнесён к первоочередным объектам реконструкции. А в 1930 году предприятие получило первый заказ на изготовление 107-мм и 152-мм пушек и развернуло их серийное производство.

С тех пор «Баррикады» прошли большой и славный путь — от выпуска пушек образцов 1910 и 1930 годов до участия в разработке и производстве современного ракетного вооружения. В конце 1950-х годов — это пусковые комплексы «Марс», «Вихрь», «Луна», «Темп». В 1960-е годы — ракетный комплекс «Луна-М» с твердотопливной неуправляемой ракетой, затем — «Темп-С» с первой отечественной твердотопливной управляемой ракетой. На счету конструкторских и трудовых коллективов ПО «Баррикады» и ЦКБ «Титан»¹ — участие в создании ракетных комплексов «Точка-У», «Ока», «Пионер», «Тополь-М», «Искандер-М»...

Владимир Крючков проходил рабочие университеты на «Баррикадах» (в то время — завод № 221) в период, когда предприятие возглавлял крупный организатор отрасли Л. Р. Гонор. В 1939 году, после его назначения директором, перед заводом была поставлена задача срочно наладить производство орудий крупного калибра. Созданное на «Баррикадах» особое конструкторское бюро возглавил выдающийся конструктор ракетной и артиллерийской техники нашей страны И. И. Иванов, удостоенный в 1940 году звания Героя Социалистического Труда. Под его руководством конструкторское бюро разработало лучшие отечественные орудийные комплексы довоенной поры — «Триплекс» (включавший гаубицу Б-4, 152-мм пушку БР-2, 280-мм мортиру БР-5) и «Дуплекс» (210-мм пушка БР-17 и 305-мм гаубица БР-18), многие другие образцы артиллерийского вооружения.

Сложнейшие задачи на долю коллектива завода «Баррикады» выпали с началом Великой Отечественной войны. В июле 1941 года завод приступил к производству 76-мм дивизионных противотанковых пушек Ф-22 УСВ конструкции Грабина. Следовало в кратчайшие сроки развернуть их серийное производство и к январю 1942 года довести еже-

¹ В 2014 году произошло слияние производственного объединения «Баррикады» и Центрального конструкторского бюро «Титан», образовавших крупнейший научно-производственный комплекс — ОАО ЦКБ «Титан».

месячный выпуск орудий до тысячи единиц. Но это ещё не всё. Надо было обеспечить изготовление крупной серии другого изделия — полкового 120-мм миномёта.

Такие задачи казались невыполнимыми. Начальники двух цехов, позволившие себе говорить об этом в присутствии рабочих, были немедленно уволены — нельзя было допустить распространения подобных настроений.

В такой атмосфере и начиналась рабочая биография Крючкова.

Как работали? По 12 часов в день. Но это — только официально установленная минимальная продолжительность рабочего дня при одном выходном в неделю, который никто не гарантировал. Зачастую люди не выходили из цехов по двое-трое суток. Владимир Александрович вспоминает чистые, бесхитростные отношения между людьми в его первом рабочем коллективе. «Мастер Николай Михайлович досконально знал всю свою бригаду, не только требовал план, но и проявлял искреннюю заботу о людях. Подойдёт, бывало, ночью и скажет: “Вижу, устал, иди поспи часок!” Да ещё при этом даст “концы” — промасленные тряпки под голову. Сам же потом и разбудит»¹.

По инициативе комсомольской организации завода «Баррикады» (подхваченной, кстати, на других сталинградских предприятиях) в трудовом коллективе развернулось движение «двухсотников» — рабочих, взявших обязательство выполнять задания на 200 процентов. В военное время болтовнёй не занимались — многие перекрывали нормы не только в два, но и в три раза!²

Невольно вспоминается: «Этот день мы приближали, как могли...» Казавшееся нереальным правительственное задание выполнялось, выполнялось путём сверхчеловеческого напряжения, предельной ежедневной мобилизации всех имевшихся у людей сил. За сентябрь — декабрь 1941 года было выпущено более 1200 штук Ф-22, а с января 1942 года их ежемесячный выпуск превысил 1000 штук. Было выполнено в срок и задание по миномётам. Трудовой подвиг баррикадцев был отмечен орденом Ленина. Этой высшей награды Родины завод был удостоен в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 января 1942 года «за образцовое выполнение заданий Правительства по производству и освоению новых видов вооружений».

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 18.

² См.: Баррикадцы. Кн. 1. Волгоград, 1989. С. 328–329.

За выдающиеся заслуги в освоении производства орудий и миномётов в трудных условиях военного времени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1942 года директору завода «Баррикады» Л. Р. Гонору было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Тогда же орденами и медалями СССР была награждена большая группа баррикадцев, и среди них — А. Е. Крючков, отец Владимира Александровича, который был удостоен ордена «Знак Почёта».

Александр Ефимович — всегда на хорошем счету у руководства завода, пользуется уважением среди рабочих. Причём какие бы проблемы ни решались на предприятии — он в передовиках. Так, осенью 1943 года его цех получил непрофильное задание: изготовить 500 двухъярусных кроватей для общежитий, в которых размещалась молодёжь, прибывающая со всех концов Советского Союза на восстановление разрушенного города. Работа закипела, и, как доложил А. Е. Крючков через заводскую многотиражку «Баррикады», заказ был выполнен в срок, к 13 октября.

В марте 1945 года была поставлена задача — с наступлением весны навести на территории завода полный порядок и чистоту. И вновь в заводской газете отмечается А. Е. Крючков, взявшийся за дело по-хозяйски.

В первые послевоенные месяцы на заводе «Баррикады» решались проблемы обновления производства, определившие характер соревнования в коллективе за достойную встречу, уже в мирной обстановке, очередной, 28-й годовщины Октября. В октябре 1945 года в статье «Выше темпы подготовки нового производства» газета «Баррикады» отмечала, что люди воодушевлены недавно полученной правительственной наградой — боевым орденом Красного Знамени. С подъёмом трудятся коллективы передовых цехов товарищей Пономарёва, Максимова, Крюčkова, стахановцы товарищи Горемыкина, Ткаченко, Подгорный, Бирюков, Дудин и др.¹

Мы приводим факты, характеризующие с самой лучшей стороны работу на «Баррикадах» отца Владимира Крюčkова, потому что совсем неожиданно в 1946 году в его отношениях с руководством возник конфликт. В чём была причина, сейчас судить трудно, тем более своим близким, в том числе сыну, он никогда и ничего в связи с этим не рассказывал. Как бы то ни было, решил Александр Ефимо-

¹ См.: Баррикады. 1945. 20 октября. № 85 (2958).

вич воспользоваться возможностью досрочно, по болезни, уйти на пенсию — и без того не крепкое здоровье за годы войны оказалось совсем подорванным. Но остановить прогрессирующие заболевания было уже невозможно, и в 1951 году А. Е. Крючков преждевременно ушёл из жизни...

Обратим внимание, что вклад баррикадцев в победу был отмечен высокой боевой наградой — орденом Красного Знамени. Завод работал даже в ходе уличных боёв за Сталинград, до конца августа 1942 года, пока в ходе бомбардировок и обстрелов не был практически стёрт с лица земли.

Систематические налёты немецкой авиации на Сталинград осуществлялись силами 4-го воздушного флота ВВС Германии. Его задачи были сформулированы в директиве Верховного командования вермахта № 45 от 23 июля 1942 года: «Особенно большое значение имеет заблаговременное разрушение Сталинграда... Движение судов в нижнем течении Волги должно быть парализовано путём сбрасывания мин».

Первый массированный налёт на город, продолжавшийся три с половиной часа, был произведён ещё в ночь на 23 апреля 1942 года. А во второй половине дня 23 августа началась массированная бомбардировка Сталинграда, в которой участвовало около четырёхсот фашистских самолётов. Варварскому разрушению подверглись жилые кварталы, больницы, детские и культурно-бытовые учреждения. Город был охвачен пожарами, горели дома, пристани и деревянные строения; вспыхнули нефтехранилища, и огненная лава, сползая вниз, накрыла Волгу¹.

Кто 23 августа 1942 года находился в Сталинграде, тот хотя бы раз в жизни делился пережитым с другими. Потому что такое забыть невозможно. Во всяком случае, автору книги в своей жизни довелось выслушать не один рассказ очевидцев об этом трагическом событии.

Когда начались первые разрывы бомб, Владимир Крючков находился в центре города — у него был как раз выходной день. «Это был кромешный ад! — описывает увиденное Крючков. — Вокруг рушились здания, после прямого попадания они разом оседали на землю, поднимая высоко к небу клубы дыма и плотной пыли. Люди же почему-то искали защиты от бомб и осколков именно вблизи строений, сотнями погибая под их обломками. Вокруг раздавались

¹ Сталинградская битва. Энциклопедия. 5-е изд. / Гл. ред. и рук. авт. колл. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2012. С. 77.

крики, стоны, начались пожары, а самолёты волнами всё шли и шли на город.

Перед бомбометанием лётчики делали большой разворот и, пикируя, заходили с востока, из-за Волги, уклоняясь таким способом от огня наших зениток, расположенных в западной части города. Вечером от разлившейся нефти, горевших пароходов и барж запылали Волга. Зрелище горячей реки производило впечатление какого-то кошмара!

...Мне каким-то чудом удалось живым выбраться из центра города. Один раз близким разрывом меня бросило на землю и привалило сверху деревом. Домой я смог попасть лишь глубокой ночью, а к утру, несмотря на сильную боль в ушибленной спине, побежал на завод.

На «Баррикадах» тушили многочисленные пожары, спасали уцелевшее оборудование и наиболее ценное сырьё. Стало ясно, что нормальная работа предприятия в условиях непрекращающихся бомбёжек и обстрелов уже невозможна. Поэтому было принято решение вывезти всё, что только можно, на другой берег Волги».

Об этой страшной бомбёжке рассказывала автору книги и племянница Владимира Александровича — Алевтина Владимировна Фредерикс (до замужества — Горшенина), дочь его старшей сестры Валентины. Конечно, многое пережитое в Сталинграде во время войны стёрлось из детской памяти, но многое она восстановила по рассказам матери. «Когда немцы начали бомбить Сталинград, мы жили в центре города на улице Пензенской. Недалеко от нас находился нефтесиндикат — огромные резервуары с нефтью (на этом месте сейчас расположен ЦПКиО). Ещё было светло, когда загорелись нефтебаки, и сразу же наступила кромешная тьма, горящая нефть потекла в Волгу, и река загорелась. Ужас!

Бомбёжки не прекращались и в последующие дни. Мой дедуля Александр Ефимович и дядя Володя (Крючковы) занимались эвакуацией за Волгу завода «Баррикады», а моя мама, бабуля и дети — брат с сестрёнкой, которая только что родилась (13 августа 1942 года), и я — в спешке собирались в эвакуацию, так как у пристани уже стояла баржа, которая быстро заполнялась людьми. Но мы не успели на неё, так как, по рассказу мамы, я потерялась в суматохе, а когда меня нашли, баржа уже отошла от берега. Это было нашим счастьем и спасением. До противоположного берега баржа не дошла — налетели фашистские самолёты, и от прямого попадания баржа затонула вместе с людьми».

Подобного рода рассказы приходилось слышать не раз. И дело, конечно, не в том, что люди, не эвакуировавшиеся вовремя, драматизируют обстановку, сложившуюся в городе с конца августа. Слишком часто происходили такие случаи, слишком много мирных жителей Сталинграда гибло под руинами зданий, на баржах и понтонных переправах через Волгу. Транспортный флот на Волге потерял за навигацию 1942 года 126 судов, из них в первые несколько дней интенсивных бомбардировок — 71 судно.

В результате чудовищных бомбардировок в Сталинграде погибло 42 797 мирных жителей. В городе не осталось ни одного целого здания, было разрушено и сожжено 56 предприятий¹.

Нетрудно представить, в какой обстановке проходила эвакуация «Баррикад». Последние рабочие, и среди них — отец и сын Крючковы, покинули территорию завода только в октябре. Ветераны утверждают, что завод стал последним крупным промышленным предприятием страны, завершившим эвакуацию оборудования и персонала, последний этап которой проходил в обстановке ожесточённых боёв за Сталинград и вражеских бомбардировок.

Но, несмотря на это, эвакуация носила плановый и организованный характер. Большая заслуга в этом принадлежала директору Л. Р. Гонору, сумевшему наладить эту беспрецедентную работу в неимоверно тяжёлых условиях, под огнём и бомбами врага. За Волгой, по правому берегу реки Ахтуба вплоть до Ленинска были построены эвакуопункты с запасами продовольствия и медикаментов. Через них были вывезены десятки тысяч тонн техники — станков, оборудования, приспособлений. Директор покинул территорию завода 25 сентября, последние рабочие и специалисты — 5 октября 1942 года².

В соответствии с задачами, поставленными Государственным Комитетом Обороны, который руководил не только эвакуацией, но и мобилизацией всей промышленности страны в соответствии с потребностями фронта, в том числе выпуском вооружений и боеприпасов, оборудование и персонал завода «Баррикады» распределялись по семнадцати предприятиям страны, выпускавшим продукцию оборонного назначения. Среди них был и Горьковский завод № 92 им. И. В. Сталина, остававшийся в этот тяжёлый пе-

¹ Указ. соч. С. 78.

² Там же. С. 60.

риод лидером пушечного производства. На это крупнейшее артиллерийское предприятие подлежали эвакуации 400 семей специалистов и рабочих «Баррикад». Отправились в Горький и Крючковы, где Владимир продолжал работать по освоенной в Сталинграде специальности — разметчиком.

2 февраля 1943 года войска Красной армии завершили разгром крупнейшей стратегической группировки немецких войск в междуречье Дона и Волги. Блестящая победа советских солдат и военачальников, тружеников тыла увенчала Сталинградскую битву — крупнейшее сухопутное сражение в истории человечества.

В. А. Крючков по праву гордился всю жизнь, что его первой государственной наградой стала медаль «За оборону Сталинграда».

В апреле 1943 года, сразу же после открытия навигации, коллектив сотрудников, эвакуированных в Горький, первыми пароходами вернулся в Сталинград.

Город выстоял, город был охвачен идеей возрождения.

Из обращения секретаря Сталинградского обкома и горкома ВКП(б) — председателя Городского комитета обороны А. Чуянова и председателя исполкома Сталинградского областного Совета депутатов трудящихся И. Зименкова:

«3 февраля 1943 г.

К рабочим, служащим, интеллигенции, ко всему населению города Сталинграда.

Дорогие товарищи!

Героическая Красная Армия полностью очистила наш родной город от немецко-фашистских захватчиков. С невиданным упорством, непревзойдённой стойкостью выдержал Сталинград бешеный натиск врага... С звериной жестокостью немецкие варвары разрушали, превращали в груды развалин наши заводы и фабрики, наши прекрасные зелёные улицы с их просторами, светлыми домами, наши театры, школы, институты, наши сады и набережные — всё, что с годами создавалось упорным, самоотверженным трудом сталинградцев, горячо любящих свой родной город.

Кровью стариков, женщин, детей залил враг захваченные им кварталы Сталинграда. Немецко-фашистские мерзавцы рассчитывали деморализовать нас, сломить нашу волю, подавить наше сопротивление. Но они просчитались. Не подавленность, а ненависть овладела нами, не страх, а мужество забилося в наших сердцах. В дни грозной опасности ожили

славные боевые традиции города-героя, города-орденоносца, под стенами которого снова, как и 24 года тому назад¹, загремели бои за честь и независимость родины.

Сталинград выстоял. Сталинград остановил врага, измотал, обескровил его и нанёс смертельный удар...

Товарищи сталинградцы!

Наш родной город разрушен, враг нанёс ему тяжёлые раны. Обугленный, заваленный обломками, но непреклонный перед врагом, он стал ещё более дорог для каждого сталинградца, каждого патриота нашей Родины. Наш Сталинград — гордость и слава народа, олицетворение его доблести, сверкающий символ стойкости и непревзойдённого мужества.

Пройдёт немного времени, и снова над Волгой поднимется кварталами светлых домов обновлённый Сталинград, снова задымят его заводы, засверкают асфальтом широкие улицы, зазеленеют сады и скверы.

Мы возродим тебя, родной Сталинград!

Это будет нелёгкое дело, но не нам, сталинградцам, бояться трудностей.

Дорогие товарищи!

Всю любовь к отчизне, родному городу вложим в свой труд. В созидательном труде по восстановлению города будем такими же стойкими, упорными, какими были воины Красной Армии в защите нашего города от немецких захватчиков.

Поставим целью нашей жизни быстреее возрождение родного Сталинграда, восстановление в нём нормальной, кипучей жизни.

Дружнее за работу, товарищи сталинградцы!

Поможем Красной Армии собрать богатые трофеи, разминировать площади, улицы, дома, цеха заводов, расчистим город от обломков, разрушений, очистим от вражеских трупов, восстановим водопровод, электростанции, связь, городской, железнодорожный и водный транспорт.

С каждым днём, с каждым часом должен ожить наш город, его дома, школы, институты, театры, культурно-бытовые и лечебные учреждения.

В нашей созидательной работе мы найдём поддержку всего народа, он поможет нам восстановить город Сталина, как помог отстоять его от гитлеровских полчищ.

Товарищи сталинградцы!

В тяжёлых боях вы отстояли свой город. В напряжённом труде возродим его.

¹ Имеются в виду бои за Царицын во время Гражданской войны.

Все, как один — на восстановление городского хозяйства. Каждый восстановленный дом, цех, трамвайный вагон — наша лучшая помощь наступающей Красной Армии.

Отстоим наш героический город, каким он был — полный сил и неисчерпаемой трудовой энергии, направленной на оборону Родины.

Вперёд, сталинградцы, к новым трудовым подвигам во имя Родины, во имя победы, во имя Сталина!..»¹

Руководители города и области обращались к сталинградцам — откликнулась вся страна.

В апреле 1943 года Центральный комитет ВЛКСМ принял постановление «О шефстве комсомола над восстановлением Сталинграда». В течение 1943—1944 годов из различных областей и республик СССР по комсомольскому призыву в Сталинград прибыла 21 тысяча молодых людей. Нужно было их принять, разместить и накормить, обеспечить бесперебойной работой.

Кроме этого, необходимо было подкрепить организаторской работой в масштабах города и области почин женской добровольческой бригады Александры Черкасовой по восстановлению разрушенных промышленных объектов и жилых домов. Черкасовское движение, зародившееся в июне 1943 года и начавшееся с восстановления знаменитого дома Павлова, было поддержано на всех предприятиях, во всех учреждениях и учебных заведениях, всеми жителями города.

В этих и во многих других важных начинаниях руководство города полагалось на комсомол. На Владимира Крюкова, молодого и энергичного, грамотного рабочего, обратили внимание в Баррикадном райкоме партии. Помимо организаторских способностей, всех подкупали в нём исключительная дисциплинированность, конкретный, деловой подход к решению тех или иных задач, что, согласимся, для военного времени было немаловажно. Задачи по возрождению города носили масштабный характер, а способные организаторы в городе были наперечёт.

Молодёжь составила основу контингента Особой строительно-монтажной части № 25, которая занялась восстановлением завода «Баррикады» и заводских посёлков.

¹ Цит. по: Книги о Сталинграде, изданные в период Великой Отечественной войны (библиографический обзор). <http://lib.volsu.ru/site/Stalingradskaya-bitva/info/txt/06.pdf>

После беседы с первым секретарём Баррикадного райкома ВКП(б) Романенко Владимир Крючков перешёл на работу мастером ОСМЧ и был избран секретарём её комсомольской организации, а немного позднее утверждён комсоргом ЦК ВЛКСМ части. Что такое комсорг ЦК ВЛКСМ в военное время? Это — комсомольский вожак, который не избирается, а назначается вышестоящими органами. А следовательно, спрос с него в несколько раз больше, чем с выборного активиста.

Этот сложный экзамен Крючков выдержал. Работая в ОСМЧ, он успешно прошёл кандидатский стаж и 24 октября 1944 года был единогласно принят в члены ВКП(б) на собрании первичной парторганизации. Принимали его уже в то время, когда он работал секретарём Баррикадного райкома комсомола. Нельзя без волнения читать простые слова заявления Крюčkова, написанные на серой обёрточной бумаге, его обещание «отдавать свои знания и энергию на благо Родины». Рекомендовали Владимира в партию люди в ОСМЧ № 25 авторитетные, с довоенным партийным стажем — Иван Петрович Ломов, бригадир рыболовецкой бригады ОСМЧ, и Василий Николаевич Жуков, начальник части, отметивший в рекомендации большую роль Крюčkова в создании молодёжных бригад, которые он сумел вывести в число передовых¹.

Есть основания полагать, что, работая комсоргом ЦК ВЛКСМ, по важнейшим производственным вопросам Крючков занимал принципиальную, активную позицию. Так, в июне 1944 года он выступает с публикацией в газете «Баррикады». Статья, которая называется «Срывается важнейшая стройка», помогает понять характер его работы. Ознакомимся с ней:

«В статье под заголовком “Дело чести”, помещённой в газете “Баррикады” за 7 июня, указывалось на недопустимо медленный ход строительства школы № 16, которая строится на средства гвардейского корпуса.

Недостаток леса является основным тормозом в строительстве школы. В этом виноват управляющий СМТ-53 тов. Волкинштейн, не выполнивший решение бюро РК ВКП(б) от 10 мая, обязывающее его передать в распоряжение ОСМЧ-25 на строительство школы 200 кубометров пиломатериалов в счёт покрытия старой задолженности.

В дальнейшем в счёт погашения этой же задолженности

¹ См.: ЦДНИВО. Ф. 121. Оп. 2. Д. 71.

трест должен был без перебоев передавать ОСМЧ-25 частями лес — пиломатериалами и кругляками, не допуская перебоев в обеспечении строительства школы.

В настоящее время ввиду отсутствия леса часть рабочих даже пришлось перебросить на другие объекты. Нет возможности строить физкультурный зал и главный вход из-за того, что УКС завода, руководимый тов. Шашиным, до сих пор не представил чертежей. Таким образом, не выполнено решение бюро Баррикадного РК ВКП(б), которое обязывало до 15 мая сдать все чертежи ОСМЧ-25. Не следует об этом забывать кандидату в члены ВКП(б) т. Шашину!

Комсомольская организация ОСМЧ-25 оказала недостаточную помощь строителям школы, и доля вины падает на комсомольский комитет. Однако основным тормозом является то, что трест 53 не выделил нужного количества леса.

Крючков.

Комсорг ЦК ВЛКСМ ОСМЧ-25».

Ранней весной 1944 года произошло одно из тех событий, которые в официальных биографических источниках обычно не фиксируются, но которые могут многое поведать о человеке. О случившемся автору рассказала опять-таки племянница Владимира Крючкова Алевтина Фредерикс, хорошо запомнившая историю, в которой она оказалась одним из «главных действующих лиц». Произошло это во дворе дома на Портальной, недалеко от которого в куче мусора они с братишкой нашли какой-то металлический предмет зелёного цвета. Естественно, притащив находку во двор, они принялись рассматривать её со всех сторон и изучать её устройство. За этим увлекательным занятием их и застал «дядя Володя», который вышел на крыльцо. Судя по всему, в этот момент дело зашло уже слишком далеко: из боевой гранаты была извлечена чека. Как вспоминала Алевтина Владимировна, «побледневший дядя Володя рванулся к нам, выхватил из наших рук гранату, отшвырнул её в сторону и накрыл нас собой. Раздался взрыв, и осколками дяде Володе задело ноги. Мы же с братом остались невредимы».

Мамы Владимира в это время не было дома, и ей решили ничего не рассказывать, чтобы не расстраивать. Позже она недоумевала, откуда у сына взялись шрамы на ногах?

...После окончания 10-го класса ШРМ у Владимира было твёрдое намерение продолжить образование. На се-

мейном совете решили: пока отец работает, можно и нужно учиться на дневном отделении. С вузом Владимир определился раньше — Саратовский юридический институт. Поступил без особых проблем. Однако через год в семье возникли серьёзные материальные трудности, и пришлось перевестись в ВЮЗИ, в его Саратовский филиал. Поначалу Крючков дал согласие на работу в Сталинградском горкоме комсомола, и его избрали секретарём ГК ВЛКСМ. Однако, как говорится в таких случаях, себя он на новой работе не нашёл. По отрывочным воспоминаниям ветеранов, у него не сложились отношения с одним из секретарей горкома, что вылилось в конфликт на городской комсомольской конференции, состоявшейся осенью 1946 года (проходила она в помещении речного порта). Что послужило причиной возникших сложностей — принципиальность, излишняя горячность, неискушённость молодых людей? Сейчас, не обладая достаточно полной и объективной информацией, какими-то определёнными сведениями, ответить на этот вопрос трудно. Только решил Владимир Крючков комсомольскую деятельность оставить и пойти работать по своей будущей специальности юриста. Что ж, жизненный опыт человека многогранен, это не копилка одних лишь его успехов и побед. И реальная жизнь человека редко бывает такой гладкой и накатанной, как часто представляется биографами...

Уже в зрелом возрасте Владимир Александрович рассказывал близким людям, что прокурорская работа поначалу у него не слишком заладилась. Думается, причина здесь одна: полное отсутствие навыков работы — всё приходилось начинать с нуля. И, конечно же, тяжелее всего приходилось на первых порах в прокуратуре Тракторозаводского района Сталинграда, где он начинал народным следователем. Это отчасти подтверждают акты комплексных ревизий прокуратуры города Сталинграда по обследованию прокурорско-следственных органов районных прокуратур за 1946 и 1947 годы, сохранившиеся в Государственном архиве Волгоградской области.

Так, в одном из них отмечается, что т. Крючков работает всего четыре месяца, и пока нагрузка его — он закончил пять общеуголовных дел — небольшая. (Тем не менее отметим, что приказом прокурора Сталинграда 19 февраля 1947 года Крючков после успешного прохождения испытательного срока был утверждён в должности народного следователя.)

На производстве у народного следователя Крючкова на день проверки находилось два уголовных дела, в том числе дело по обвинению В. С. Нагорного, П. Р. Золотухина, Г. С. Цикатонова и Д. А. Федянова по статье 109 УК РСФСР (злоупотребление властью или служебным положением).

«Обстоятельство дела: Нагорнов, будучи начальником БТК отдела сбыта СТЗ, совместно с другими расхищал запасные части для тракторов и эти части продавал представителям МТС за продукты и деньги.

Всего было установлено хищений на сумму 22 000 рублей по госцене прејскуранта. За три случая расхитителями получено 20 пудов муки и 5 тысяч рублей денег.

Предварительным следствием пока установлена продажа запасных частей следующим МТС:

- а) МТС Сальского района Ростовской области,*
- б) Перекопской МТС Клетского района Сталинградской области.*

Нагорнов при возникновении дела был освобождён от работы дирекцией завода и выехал неизвестно куда. 6 марта 1947 года народный следователь назначил бухгалтерскую ревизию в отделе сбыта и бюро спасения брака СТЗ, а также в Сталинградской конторе Автотракторосбыта с целью установления отпуска запасных частей и недостачи таковых.

Предложения по делу:

1) Немедленно составить план расследования по делу и согласовать его с прокурором района.

2) Составить постановление об изъятии корреспонденции на имя жены Нагорного для установления местонахождения Нагорного.

3) Послать отдельное требование о допросе представителей МТС Сальского и Клетского районов с целью установления, когда и какое количество запасных частей ими было приобретено за декабрь — январь месяцы.

4) Назначенная ревизия из одного бухгалтера-ревизора не обеспечит полную ревизию, поэтому необходимо назначить ревизию из бухгалтеров других заводов для быстрейшего окончания её»¹.

Мы приводим подробную выдержку из акта ревизии городской прокуратуры, чтобы читатель мог составить представление о характере работы начинающего следователя Крючкова и проблемах, с которыми ему приходилось сталкиваться.

¹ ГАВО. Ф. 3174. Оп. 2. Д. 50. Л. 44—45.

Сам Владимир Александрович отмечал, что в то время, когда он начинал работать в прокуратуре, борьбе с преступностью придавалось очень большое значение. «Эффективно действовали сами правоохранительные органы, но главное было в другом — у нарушителей закона не было никакой социальной базы, с ними боролась не только милиция, но и широкие слои общественности, весь народ. Даже после массовой послевоенной демобилизации, амнистии, в условиях, когда места недавних боёв были завалены горами неубранного оружия, неизбежный всплеск преступности, особенно тяжкой, — такой как убийства, бандитизм, грабежи, — был очень незначительным, с ней удалось быстро справиться. Да, принимались самые жёсткие меры, но они были обоснованными и получали полную поддержку у населения. Любое тяжкое преступление в районе являлось предметом особого разбирательства на всех уровнях, за ходом расследования осуществлялся неустанный контроль. Раскрываемость поэтому была почти стопроцентной, в подавляющем числе случаев виновным не удавалось уйти от наказания. Что же касается хозяйственных правонарушений, то они вообще носили единичный характер, а суммы причинённого ущерба при этом были незначительны»¹.

Пожалуй, приведённый выше пример из акта проверки по расследованию Крючковым уголовного дела подтверждает последнее замечание Владимира Александровича (о характере хозяйственных правонарушений). А кроме того, в этом акте и других архивных материалах, с которыми удалось ознакомиться, мы наглядно увидели, что к деятельности правоохранительных органов проявлялось большое внимание, за ними осуществлялся действенный контроль, местным органам прокуратуры и начинающим сотрудникам оказывалась конкретная помощь сверху.

Постепенно Крючков набирался опыта, приобретал необходимые навыки, а с ними — профессиональный вес и авторитет. В немалой степени этому способствовала и учёба в юридическом институте, на которую, правда, времени практически не оставалось. Загруженный текущими делами и заботами, заочник чаще всего учится только тогда, когда наступает сессия, и эту «традицию» Крючкову не давала нарушить огромная занятость на работе. Тем не менее экзамены по подавляющему большинству предметов он сдавал на «отлично» и «хорошо», хотя изредка проска-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 21.

кивали и «тройки». То, что он недополучал как заочник, Владимир Крючков вскоре с лихвой восполнит в другом учебном заведении...

Органы прокуратуры испытывали нехватку кадров. Осенью 1947 года прокурор Сталинграда Ксенофонтов издаёт приказ, в котором отмечает сокращение численности следователей в районных прокуратурах города. В связи с этим, а также в соответствии с приказом Прокуратуры Союза ССР № 67 от 18 апреля 1946 года «О выделении квалифицированных следователей для расследования дел о преступлениях несовершеннолетних» с 25 октября 1947 года на Крючкова ложится дополнительная нагрузка — он назначается следователем по расследованию дел несовершеннолетних по Тракторозаводскому району¹.

Продвижение по службе не заставило себя долго ждать: в декабре 1947 года В. А. Крючков становится прокурором следственного отдела Сталинградской областной прокуратуры. А после того, как он успешно окончил институт и ему постановлением Государственной экзаменационной комиссии от 11 ноября 1949 года была присвоена квалификация юриста, Владимир Александрович выдвигается на ответственную самостоятельную работу — назначается прокурором Кировского района Сталинграда.

Новая должность предполагала и активное участие Крючкова в общественной деятельности — он избирается членом Кировского РК КПСС и депутатом районного Совета депутатов трудящихся. В то время большое внимание уделялось участию руководителей всех рангов в непосредственной работе с людьми, среди населения. Только один пример: не успел Крючков на новом месте как следует разобраться в своих служебных обязанностях, как прокурор Сталинграда приказом от 29 марта 1950 года обязал всех районных прокуроров два раза в месяц вести приём людей на местах, прямо на предприятиях. За Крючковым был закреплён завод им. Я. З. Ермана².

Мы немного увлеклись рассказом о служебной карьере Крючкова и прошли мимо события, которое заслуживает, может быть, большего внимания, чем обычно требует биографическое повествование. В ноябре 1947 года Владимир Крючков женился, а избранницей его стала Екатерина Петровна Красильникова — донская казачка, родившаяся в

¹ ГАВО. Ф. 3174. Оп. 3. Д. 5. Л. 8.

² Там же. Д. 14. Л. 43.

Михайловке, бывшей в прежние времена волостным центром Войска Донского. Семейство Красильниковых имело купеческие корни и когда-то владело в Михайловке магазином скобяных изделий.

Отец Екатерины Петровны, хотя и служил во время Гражданской войны при штабе Ворошилова, советскую власть не жаловал и поносил её при каждом удобном случае. Не раз над ним сгущались тучи, его арестовывали и как тунеядца (был он юристом с высшим образованием, но юридической практикой занимался от случая к случаю — то здесь, то там подрабатывал в качестве юрисконсульта), и как антисоветчика, но справка о службе в Красной армии спасала от неприятностей.

Об этих и других подробностях узнали мы из воспоминаний сестры Екатерины Петровны — Ирины Петровны, написавшей в 1990-х годах довольно интересную книгу о своей судьбе и профессии¹. Отец, будучи деспотом, человеком своенравным и скупым, мало что мог дать детям (в семье их было четверо), не жалел их и доводил, по свидетельству Ирины Петровны — высококвалифицированного врача, до тяжёлых невротических реакций.

Можно предположить, что именно поэтому жене Крючкова была присуща в семейной жизни некоторая неуравновешенность и вспыльчивость, к которой, впрочем, Владимир Александрович относился вполне терпимо, с пониманием. Изредка возникавшие на этой почве недоразумения были ничтожны по сравнению с его огромной, поистине беззаветной любовью к супруге и безграничной преданностью ей. (Заметим, что на долю Екатерины Петровны выпали и другие нелёгкие испытания. Участник Великой Отечественной войны, она находилась на фронте с февраля 1943-го по май 1945 года и завершила свой боевой путь под Берлином. Вместе с мужем в 1956 году в Будапеште пережила тяжелейший период развития венгерских событий, когда в непосредственной близости от советского посольства шла «охота» на коммунистов, которых линчевали прямо на улицах. Такое не забывается и бесследно не проходит...)

К счастью, дети не восприняли негативных черт характера отца — видно, слишком велико было их отторжение, внутреннее неприятие. Зато от матери, которая имела хоро-

¹ См.: Красильникова И. П. Исповедь врача, или Становление характера. Волгоград: Волгоградская медицинская академия, 1996.

ший голос и слух, пела в церкви, прекрасно исполняла арии из опер и старинные романсы, много читала, — все они унаследовали разносторонние способности. «Мама, — читаем мы в книге воспоминаний И. П. Красильниковой, — стремилась дать нам всё, что возможно и для общего образования, и для развития эстетического вкуса, и для привития нравственных устоев, и ожидала от нас многого».

И. П. Красильникова стала профессором в области кардиологии и приобрела в Волгограде известность как прекрасный специалист. Дело прошлое и, надеемся, не затрагивает чести бывших кремлёвских эскулапов, но по рекомендации В. А. Крючкова она несколько раз негласно консультировала Ю. В. Андропова.

Не была обижена способностями и Екатерина Петровна, которая окончила педагогический институт и стала преподавать в школе русский язык и литературу. Для нас важно одно её качество, подмеченное сестрой (и, кстати, не только ею):

«Сестра, проникшись взглядами мамы, несмотря на некоторые врождённые качества характера (вспыльчивость, обидчивость и гордость, вплоть до гордыни), на всю жизнь осталась высоконравственным человеком с устойчивыми убеждениями и верностью своим идеалам. Так, раз приняв коммунистическую идеологию, она от неё не только не отступила, но, напротив, тем яростнее её отстаивала, чем больше появлялось доказательств её несостоятельности. Более того, вера её за годы краха коммунистических идей стала носить какой-то истовый характер. Она крушила в ней многое, даже родственные связи. С горечью приходится констатировать её охлаждение ко мне и моей семье за критическое отношение к тому, что для неё оказалось свято. И это несмотря на недюжинный ум, наблюдательность и образование. Её негибаемость, я думаю, тоже от мамы»¹.

Не будем говорить о том, что слова И. П. Красильниковой о несостоятельности и крахе коммунистических идей принадлежат человеку либеральных убеждений, имеющему к тому же весьма поверхностное представление о предмете. Не имеют они ровным счётом никакого отношения и к тому, что произошло с советской властью и Советским Союзом. Заметим только, что разгул либерализма в экономике и политике в 1990-е годы Красильниковой, человеку

¹ Красильникова И. П. Указ. соч. С. 13.

честному, на многое раскрыл глаза и заметно отразился на её «демократическом» мышлении. Приведём ещё одну выдержку из той же книги:

«Вернусь к разговору о привилегиях партийных деятелей... Если сравнить те, как они говорили, законные привилегии с теми, которые создали себе теперешние правители, окажется, что те, прежние, кто их имел, были такими же, если не нищими, то бедными, как и весь народ... И всё же, считая себя убеждённой демократкой и обманутой (имеется в виду обманутой российскими «демократами». — А. Ж.), как и все, хочу сказать, что те — прежние — были честнее. В меру своих возможностей они хотели быть справедливыми, пусть в своём понимании. Хотели всё же быть полезными обществу, тоже в своём понимании. Но у людей, отчаявшихся в своих невзгодах, были хоть какие-то возможности найти в партийных организациях сочувствие и понимание. Там же и вершился суд — скорый, но иногда и правый»¹. Комментировать не будем.

Коснувшись родословной жены В. А. Крючкова, мы бы хотели обратить внимание читателя на два обстоятельства.

Первое. Мы видим, что среди ближайших родственников Крючкова были люди совершенно разных взглядов, что никак не сказывалось на его добром к ним расположении. Можно сказать, что его естественный интернационализм (о чём мы уже говорили) дополнялся вполне уважительным отношением к мировоззрению других людей, даже если оно противоречило его убеждениям. Сказанное в полной мере относится и к его жене. Так что слова И. П. Красильниковой о том, что Екатерина Петровна в силу своей веры в коммунистические идеи крушила даже родственные связи, выглядят несколько преувеличенными. Например, профессор В. Н. Красильников, её сын, отмечает очень близкие отношения, всегда существовавшие между двумя семьями. Кстати, сам Виктор Наумович — приверженец взглядов и экономических концепций известного в недалёком прошлом лидера российских демократов Гавриила Попова.

Есть и другие примеры, свидетельствующие о том, что люди иного круга (если только они не были политиками, сознательно проводившими в стране деструктивную, разрушительную линию, иногда — при поддержке западных спецслужб) никогда не вызывали у В. А. Крючкова внутреннего отторжения. Так, в 1960-х годах, в то время, когда

¹ Указ. соч. С. 110.

он работал в МИДе, его семья проживала на Кутузовском проспекте в одном доме с семьёй писателя и диссидента Ю. М. Даниэля. Старший сын Крючковых — Сергей вспоминает, что у него были если не дружеские, то вполне нормальные отношения с Александром Даниэлем — они были практически одного возраста. А когда над семьёй Даниэлей сгустились тучи и начался известный процесс¹, отец предупреждал Сергея, что проблемы, возникшие у соседей, не должны повлиять на его отношение к Александру...

И второе обстоятельство. Самые близкие для Владимира Александровича люди — отец и жена — были настоящими коммунистами. Конечно, и самому В. А. Крючкову, который вступил в партию в военное лихолетье, убеждённости было не занимать. Но единство взглядов, при котором люди понимают друг друга с полуслова и не дают друг другу отступить, — вещь особая.

В этой связи вспоминается одна очень важная мысль, высказанная А. И. Герценом: «Я... убеждён, что в действительно близких отношениях тождество религии необходимо — тождество в главных теоретических убеждениях»².

...Подошёл к концу наш рассказ о волгоградском периоде биографии Крючкова. Сам Владимир Александрович, завершая воспоминания об этом времени, пишет, что в 1951 году в его жизни случился резкий поворот. Что же такое, из ряда вон выходящее, произошло тогда?

Об этом — в следующей главе.

¹ В 1965 году Ю. Даниэль был арестован и в 1966 году приговорён к пяти годам лишения свободы («процесс Синявского — Даниэля»).

² Герцен А. И. Былое и думы. М.: Правда, 1979. С. 538.

Глава вторая
ВЕНГЕРСКИЙ МЯТЕЖ

Страна залечила нанесённые войной раны, время при-
тупило боль невосполнимых человеческих утрат. Жизнь
Сталинграда вошла в мирное русло.

В августе 1950 года супруги Екатерина и Владимир
Крючковы отметили радостное событие — у них родился
сын Сергей. О прокурорской работе главы семейства можно
было сказать следующее: человек нашёл своё место в жи-
зни. Как пишет в воспоминаниях Крючков, о другом он и не
помышлял. Работа нравилась, в ней всё меньше оставалось
профессиональных секретов, молодой районный прокурор
был на хорошем счету у руководства городской прокурату-
ры. Подкупали его добросовестность, знание дела и умение
разбираться в сложных ситуациях, начитанность и эруди-
рованность¹. Поэтому, когда обком партии попросил найти
достойного кандидата для поступления в Высшую дипло-
матическую школу МИД СССР, в выборе не сомневались:
Крючков. Жалко, конечно, было отпускать перспективно-
го сотрудника, но ведь такой случай во второй раз человеку
вряд ли когда представится.

Рекомендация обкома партии не давала никаких га-
рантий поступления в ВДШ, как это представляется в ряде
опубликованных биографических сведениях о В. А. Крюч-
кове, а свидетельствовала лишь о том, что на учёбу направ-
ляется человек достойный. Например, второй кандидат из
Сталинграда, поступавший вместе с Крючковым по такой
же рекомендации, вступительных экзаменов не выдержал и
вынужден был вернуться на прежнее место работы.

¹ Последнее качество Крючкова, разработавшего свой метод са-
мообразования и систематизации знаний с помощью специальной
картотеки (о ней мы расскажем позже), позднее отмечали многие его
знакомые и сослуживцы по КГБ.

Как вспоминает Владимир Александрович, возглавлял приемную комиссию известный советский дипломат, заместитель министра иностранных дел СССР А. В. Богомолов. Он же и проводил собеседование, которому придавалось огромное значение при определении пригодности кандидата к дипломатической работе, поэтому было много самых разнообразных и неожиданных вопросов. И главный из них: почему решили стать дипломатом? Разумеется, одними дежурными фразами в присутствии маститых дипломатов отделаться было трудно. Крючков рассказал о том, что в простых рабочих семьях Сталинграда всегда был большой интерес к внешней политике. Вспомнил, как в тридцатые годы в семьях и во дворах домов, в которых проживали в основном рабочие заводов «Баррикады» и Сталинградского тракторного, горячо обсуждали события итало-абиссинской войны¹, развязанной фашистским диктатором Муссолини, который поставил своей целью создание так называемой Новой Римской империи. Как свою личную трагедию переживали тогда люди поражение Эфиопии.

Ещё с довоенной поры в доме Крючковых висела огромная карта мира², и за младшим сыном, читавшим много газет и слушавшим по самодельному приёмнику все новостные передачи, закрепилась негласная обязанность домашнего политинформатора по международным вопросам. Так что он со школьных лет хорошо разбирался в политической географии, без труда находил на карте любую страну и мог рассказать о её государственном устройстве и политике. А позднее, работая в прокуратуре, Владимир Александрович по поручению райкома партии часто выступал в трудовых коллективах с докладами по внешнеполитическим проблемам.

В общем, приёмная комиссия ВДШ ответами Крючкова осталась довольна, успешно сдал он и вступительные экзамены. Однако после их завершения всех абитуриентов

¹ Вторая итало-эфиопская (итало-абиссинская) война 1935—1936 годов наряду с гражданской войной в Испании и начавшейся в 1937 году японо-китайской войной считается предвестницей Второй мировой войны. В октябре 1935 года Лига Наций официально признала Италию агрессором. Итогом войны стали аннексия Эфиопии и провозглашение колонии Итальянская Восточная Африка (включавшей также наряду с Эфиопией Эритрею и Итальянское Сомали).

² Эту карту в бабушкином доме хорошо помнит и сын Крючковых Сергей.

отправили по домам — ждать окончательного решения. Пребывать в мучительном неведении пришлось до самого конца августа. Нетрудно представить, с какой радостью в доме было воспринято долгожданное известие из Москвы о зачислении В. А. Крючкова слушателем дипломатической школы!

Впервые в жизни Крючкова наступило время, когда он мог всецело посвятить себя учёбе. Правда, не давали покоя мысли о семье: жена с маленьким сыном остались в Сталинграде, и им там приходилось не слишком сладко — ушёл из жизни Александр Ефимович, давала о себе знать скудость семейного бюджета.

Письма близких людей не лгут. В семейном архиве сохранились пожелтевшие странички посланий, написанные Екатериной Петровной порой на каких-то случайных обрывках бумаги (кое-где и в школах ещё писали на полях газет) и адресованные мужу в период его учёбы в дипшколе. На конвертах — неизменный адрес: Москва, Стремянный переулок, дом 29, комната 26. Перед нами — не только трогательная история любви к мужу и первенцу — сыну Сергею, но и история нелёгкой жизни того времени. С позволения близких родственников заглянем в них.

В письме от 14 февраля 1952 года — о болезни сына: «Он стал бледненький. Обострение дизентерии. Покорила картошкой на комбижире, не было нигде сливочного масла. Теперь всё время просит кушать, кидается на всё, мой галчонок, ротик так и открывает. Володя, нужно ему сухарей, хороших, но не слобных, простых, и рису. Может быть, по 1 кг. Тогда купи и передай мне через Ольгу Владимировну (а мне денег вышлешь меньше). Если сможет О. В. взять хоть 1 кг яблок. У нас нет, а Серёже велят давать ежедневно, а в городе 30 р., да и то неважные».

Другое письмо написано чуть позже: «Яблоки есть ещё — 5 шт. Я ведь Серёже перед твоими покупала 1,5 кг».

Заботы повседневные: «Была у Иры. Она привезла Серёже хорошенький костюмчик за 13 р. Во какой хороший, и дёшево! К лету можно будет купить ещё. Книгу самую главную “Литературное чтение в школе” достала, не надо теперь».

И ещё: «Ухожу в школу к 8 ч. утра, прихожу в 4—5 ч. вечера. И почти ежедневные собрания, совещания, политучёба, и всё — вечерами. К урокам готовиться нет совсем времени. Вот приедешь — увидишь. Вернее, меня-то будешь мало видеть».

Письмо от 8 мая 1952 года: «Получила перевод. Пойду и отдам за квартиру. Себе оставлю 30 р., есть у меня ещё 30 р.».

А сколько восторгов, когда удалось купить сыну велосипед! «Научился кататься сразу. Он всё делает сразу. Сразу бросил грудь сосать, сразу пошёл, сразу стал говорить! Да ещё как катается! И назад, и вперёд, и рулит даже! Так что к твоему приезду будет велосипедист в совершенстве».

...Крошечная комнатка общежития ВДШ в Стремянном переулке насчитывала шесть квадратных метров на двоих, но о лучших условиях Крючков и не мечтал. Не отличалось простором и здание дипшколы, находившееся неподалёку от Красных Ворот. Но главное — в нём была прекрасная библиотека, которая просто поразила Владимира Александровича, жадного до чтения, своим богатством. В ней он и проводил практически всё свободное от занятий время, благо в подвальном помещении школы находился уютный и недорогой буфет.

Совершенно неожиданно Крючков приобрёл известность среди слушателей — часто в коридорах он ловил на себе любопытные взгляды и слышал примерно одну и ту же фразу: «Вон идёт тот самый чудак, который учит венгерский!»

Венгерский язык с его невысказанными по сложности грамматическими конструкциями, невероятным количеством падежей казался для слушателей ВДШ чем-то непостижимым. Тем более что на глазах у всего потока двое других слушателей, приступивших к его изучению вместе с Крючковым, через несколько занятий обратились к руководству школы разрешить им изучать другой язык, так как венгерский оказался им не под силу. Группа распалась, и все три года Владимир Александрович штурмовал казавшийся другим непреступным предмет один на один с преподавателем. Справился, и неплохо.

Известен такой случай. Когда Крючков уже находился на пенсии, к нему обратились венгерские журналисты с просьбой дать интервью для одного из будапештских изданий. Журналисты пришли с переводчиком, но он не понадобился. Две вещи поразили журналистов на состоявшейся в московской квартире Крючковых встрече: скромность обстановки и прекрасный венгерский хозяина квартиры. А ведь к тому времени у Владимира Александровича почти сорок лет не было языковой практики. Впрочем, точнее будет сказать: не было разговорной практики. Среди газет и журналов, которые ложились по утрам на его рабочий стол,

всегда присутствовала венгерская «Непсабадшаг» — центральный орган Венгерской социалистической рабочей партии. Знал он и венгерскую художественную литературу, любил поэзию Шандора Петёфи, читал книги по истории страны. М. Б. Катышев (в 1990-е годы — начальник Главного следственного управления Генеральной прокуратуры, заместитель Генерального прокурора РФ), который хорошо был знаком с Крючковым, вспоминает, как подарил ему в день рождения редкую книгу по истории Венгрии на венгерском языке. Надо было видеть, какой радостью засветилось лицо Крючкова, который долго не мог от неё оторваться...

Во время учёбы в дипшколе большое впечатление на Крючкова произвела преподавательница немецкого языка (это был второй язык, который он изучал в ВДШ) Софья Борисовна Либкнехт, вдова известного лидера германских коммунистов Карла Либкнехта. Была она всесторонне образованным, интеллигентным человеком и, несмотря на возраст, а было ей за семьдесят, сохраняла поразительную живость ума. В 1953 году она посетила Западный Берлин и побывала на могиле мужа, павшего в 1919 году от рук членов фрайкора — немецкого военизированного добровольческого корпуса, участвовавшего в подавлении выступлений немецких коммунистов и левых социал-демократов, в том числе в разгроме Баварской Советской Республики.

Анализируя впечатления, которыми Софья Борисовна делилась со слушателями ВДШ от посещений ГДР и Западного Берлина, Владимир Александрович обратил внимание на одно немаловажное, на наш взгляд, суждение: она часто повторяла, что немцы в ГДР живут лучше, чем советские люди, но явно проигрывают в жизненном уровне своим западным собратьям. «Если в ГДР, — говорила она, — снабжение хорошее, то в Западной Германии блестящее: рано или поздно такая ситуация приведёт к возникновению большой и крайне опасной “немецкой проблемы”». Помню, что нас удивляла её обеспокоенность, ведь мы воспитывались в другом духе, когда соображения материального порядка вообще не играли заметной роли».

Прозорливость старой революционерки и коммунистки заслуживает уважения. При этом проблемы, подобные «немецкой», о которой говорила Либкнехт, были свойственны и другим социалистическим странам, порождали противоречия в их развитии, вызывали недовольство людей и приводили в итоге к серьёзным внутренним конфликтам.

В конечном счёте аналогичная проблема стала узловой и для СССР, объектом манипулирования антисоциалистических сил, развернувших подрывную работу против Советского Союза.

Впрочем, к тому времени, о котором рассказывает Крючков, «немецкая проблема» уже успела проявить себя: в виде так называемого «берлинского восстания» в июне 1953 года. Поскольку в последние годы в связи с реанимацией политики антисоветизма просматривается стремление поставить берлинские события в один ряд с польским кризисом 1956 года, последовавшим за ним «венгерским восстанием» и Пражской весной 1968 года, они заслуживают несколько большего внимания, нежели простого упоминания.

Не секрет, что основную долю вины за события 1953 года в Берлине буржуазная и либеральная пропаганда возлагает на Советский Союз. Но такая оценка лишена оснований. Напомним читателям об одном принципиально важном моменте: главной целью в послевоенной политике СССР было *единство нейтральной Германии*. И это был не просто лозунг. Советское руководство и, подчеркнём это, лично Сталин исходили из того, что существование ГДР — явление *временное*, поскольку объединённая Германия, при условии отказа от участия в военных блоках, представляла для нашей и европейской безопасности большую ценность, чем самостоятельное восточногерманское государство, требующее постоянной поддержки и больших материальных затрат. Если бы инициативы СССР, преследующие эту цель, нашли поддержку у западных держав, то объединение Германии произошло бы не в 1990 году, а значительно раньше (и, естественно, не с такими унижительными для СССР последствиями, которые стали возможными в результате беспринципной внешней политики Горбачёва и его команды).

То, что образование Германской Демократической Республики не рассматривалось как поворотный пункт в германской политике СССР, свидетельствует и поздравительная телеграмма Сталина руководителям ГДР от 13 октября 1949 года. В ней, в частности, говорилось: «...Закладывая фундамент для единой демократической и миролюбивой Германии, вы вместе с тем делаете великое дело для всей Европы, обеспечивая ей прочный мир». Нет двусмысленностей и в провозглашённой Сталиным здравнице в конце

приветствия: «Пусть живёт и здравствует единая, независимая, демократическая, миролюбивая Германия!»

Уже после смерти Сталина Советский Союз выдвинул идею образования парламентами ГДР и ФРГ Временного общегерманского правительства, которое должно было осуществить «национальное воссоединение Германии на демократических и мирных началах путём подготовки и проведения свободных общегерманских выборов без иностранного вмешательства».

(Следует заметить, что активным проводником идеи возрождения единой Германии был Л. П. Берия, который руководил наведением порядка в Берлине в июне 1953 года. Его позиция: «Нам нужна только мирная Германия, а будет там социализм или не будет, нам всё равно» потом трактовали как недопустимый для коммуниста отказ от идеи строительства социализма в Германии и использовали в качестве одного из поводов для его смещения и ареста.)

Причины, по которым рухнули планы СССР по созданию демилитаризованной единой Германии, — отдельная тема. Она тесно связана с политикой западных стран и углублением холодной войны, активной деятельностью иностранных спецслужб, направленной против Советского Союза, а в дальнейшем — и на подрыв Организации Варшавского договора — военного союза европейских социалистических стран, создание которого в 1955 году закрепило факт существования биполярного мира.

Сыграл свою роль и ещё один существенный фактор: с момента создания ГДР на решение германской проблемы стала оказывать влияние политика правительств двух немецких государств. Для многих лидеров ФРГ и ГДР власть над частью страны оказалась более привлекательной, чем туманная перспектива получения власти в общенациональном масштабе.

Советское руководство не без тревоги отмечало, что немецкие коммунисты «склонны к крайностям», имея в виду их стремление советизировать управление восточной зоной оккупации¹. Обратим внимание на то, что провозглашённый Социалистической единой партией Германии во главе с Вальтером Ульбрихтом курс на «планомерное строительство социализма» включал необоснованные и преждевременные шаги по ограничению активности мелких собственников, частной торговли и широкой национа-

¹ См.: Рыбас С. Ю. Громыко. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 229–236.

лизации предприятий. Было объявлено о создании Народной армии, и милитаризация страны вкупе с репарациями легла тяжёлым бременем на её бюджет. В апреле 1953 года произошло повышение цен на общественный транспорт, одежду, обувь, хлеб, мясо и другие продукты. Результат не заставил себя ждать — началось массовое бегство жителей в западную зону.

В мае МИД СССР вручил руководству ГДР меморандум с требованием прекратить коллективизацию и ослабить репрессии. А в начале июня, после нелюбезных бесед в Москве, германские руководители публично признали ряд ошибок и в целях улучшения снабжения населения наметили замедление темпов развития тяжёлой промышленности, отменили некоторые меры экономического характера, вызвавшие недовольство населения. Но было уже поздно — в стране начались волнения. Не в силах справиться с ними, правительство ГДР обратилось за вооружённой поддержкой к руководству СССР.

Внутренняя политика лидеров стран народной демократии в 1950-е годы, В. Ульбрихта — в ГДР, Эдварда Охаба — в Польше, М. Ракоши — в Венгрии, свидетельствует о том, что влияние на неё Москвы было далеко не безграничным. Они обладали достаточной самостоятельностью, и Советский Союз не может нести ответственность за все их грубые ошибки и просчёты, приводившие к серьёзным последствиям.

...Жизнь в ГДР быстро нормализовалась, но жёсткая конфронтация западных стран с Советским Союзом, сопровождавшаяся дискредитацией его действий, привела к тому, что вопрос об объединении Германии был надолго снят с повестки дня. Заметим, что стремление представить наведение порядка советскими оккупационными войсками как подавление прав и свобод немецкого населения не выдерживает критики. Волнения происходили в советской зоне оккупации, и Советский Союз обладал всеми правами и обязанностями оккупационной державы-победительницы, в том числе отвечал за сохранение на территории ГДР общественного порядка и спокойствия...

Крючков не раз отмечал, что трёхлетняя учёба в Высшей дипломатической школе дала ему невероятно много. Впервые у него появилась возможность основательно заняться языками и многими другими предметами, среди которых он выделял изучение советской и зарубежной литературы. Отмечал он и широкие возможности, открывшиеся

в работе с документальными источниками, и, конечно же, большой след, который оставило в нём общение с профессорско-преподавательским составом ВДШ, входившим, без преувеличения, в научную элиту страны. О том, что учёба в дипшколе оказалась исключительно плодотворной, свидетельствует красный диплом, который получил Владимир Александрович по её окончании.

Начало работы Крючкова на дипломатическом поприще совпало со сложными процессами в политической жизни страны, переломным периодом в советской истории.

5 марта 1953 года скончался И. В. Сталин, что стало трагедией для большинства населения Советского Союза. Смена власти оказалась чрезвычайно болезненной для страны и имела тяжёлые последствия. Крючков на этот счёт высказывался однозначно: «Иногда кажется, что судьба решила горько пошутить и после И. В. Сталина поставила у власти Н. С. Хрущёва и тем оттенила неприглядные особенности последнего, а именно: бездарность, никчёмность, отрицательный тип человека, недостойную манеру поведения. И. В. Сталин и Н. С. Хрущёв — это полные противоположности как личности, а также по результатам своей деятельности, практического курса, которого придерживались...

Н. С. Хрущёв не отдавал отчёта в том, что своими действиями он толкал страну в пропасть, ослаблял её внешние и внутренние позиции. От шараханья, бездумных эмоциональных решений и других иррациональных порывов, свойственных характеру и стилю работы Н. С. Хрущёва, страна до сих пор не может оправиться»¹. Сказано в 2004 году, в обстоятельном очерке Крючкова о Хрущёве.

Увы, после Сталина у нас не нашлось достойного лидера. Однако это не значит, что людей, способных возглавить великую державу, в стране не было. Беда в том, что не было создано механизма, позволявшего обеспечить безболезненную смену и преемственность в высшем партийно-государственном руководстве страны, богатой на талантливых и преданных ей политиков и организаторов. Безусловно, это было следствием серьёзных просчётов Сталина в кадровой политике, и возникшие в 1953 году «пустоты» в верхних эшелонах власти партия и государство так и не сумели заполнить качественным «материалом». Смена власти в стране сопровождалась отчаянной борь-

¹ Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. С. 60–61.

бой за место под солнцем, а принципы социалистической демократии — коллективность руководства, выборность и открытость для критики руководящих органов, демократический централизм — служили лишь ширмой, которой прикрывались исключительно личные и групповые интересы. Пример тому — борьба за власть в 1953—1957 годах, начавшаяся ещё до смерти Сталина. Причём в схватке, из которой победителем вышел Хрущёв, не гнушались и такими средствами, как физическое устранение соперников.

Хрущёв ввёл практику тотального выдвигания на руководящие должности только тех, кто безоговорочно соглашался с его взглядами, его курсом. «Беспрестанно критикуя И. В. Сталина за его подход к кадровой политике, — пишет Крючков, — Н. С. Хрущёв тасовал кадры так, как ему хотелось, как заблагорассудится. Главное — личная преданность ему, принцип землячества, активное участие в критике И. В. Сталина, безусловная поддержка всех начинаний Н. С. Хрущёва, которые как из рога изобилия сыпались каждодневно без всякого анализа, обсуждения и должной оценки»¹.

Владимир Александрович своё отношение к политике Хрущёва довольно основательно аргументирует, подтверждает многими примерами. Чего стоит, скажем, одна реорганизация структуры исполнительной власти в центре и на местах, созданные по инициативе горе-реформатора совнархозы в республиках, краях, областях и соответствующие структуры в нижестоящих территориально-административных образованиях. Совнархозы, по замыслу Хрущёва, должны были стать органами рачительного использования имеющихся возможностей и резервов на местах, способствующими росту экономического потенциала страны. Но они не только не оправдали надежд, но и моментально порвали все горизонтальные и вертикальные экономические связи, разрушили отраслевой принцип руководства промышленностью и сельским хозяйством, не только не повысили ответственности руководителей в областях, краях и республиках, но, наоборот, породили местничество и круговую поруку, головотяпство и инертность. Всё это сразу же сказалось на срыве выполнения важнейших народно-хозяйственных задач.

Реформаторский зуд не оставлял Никиту Сергеевича, и он ухватился ещё за одну идею — разделить партийные и

¹ Указ. соч. С. 74.

комсомольские структуры на местах на промышленные и сельские. Это сомнительное новшество вызвало увеличение штатов, организационную сумятицу, не говоря уже о неразберихе в таких направлениях жизни общества и государства, как воспитание, культура, наука, образование.

В либерально-демократических кругах принято считать, что Хрущёв после долгих лет так называемой «сталинской диктатуры» подарил стране «оттепель». Но тогда простому человеку трудно, например, понять: почему вмешательство СССР в события 1956 года в Будапеште те же люди называют «подавлением венгерского восстания»? И следует ли считать результатом «потепления» возведение Берлинской стены или вооружённое подавление выступления рабочих в Новочеркасске? Таких вопросов наберётся немало.

Не вполне ясной выглядит и позиция представителей интеллигенции, которые любят говорить о послаблениях в области литературной и иной творческой деятельности, то есть в тех сферах, где невежество Никиты Сергеевича проявилось особенно полно. Крючков, который живо интересовался вопросами литературы и искусства, подметил такую характерную для Хрущёва деталь. В ноябре 1962 года в журнале «Новый мир» была опубликована повесть А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». В ней, как известно, автор показал жизнь в ГУЛАГе человека, отбывающего наказание за «антисоветскую деятельность». Хрущёв высоко оценил эту повесть и дал ей широкую дорогу к читателю. Крючков полагает, что причина такого благосклонного отношения к этому произведению заключается лишь в том, что Солженицын критиковал в нём Сталина, беззаконие и репрессии, что как бы подтверждало позицию Хрущёва, обрушившего на своего великого предшественника шквал критики.

Но вот год спустя, замечает Владимир Александрович, в том же «Новом мире» была опубликована повесть Солженицына «Матрёнин двор», где критически описывается сельская действительность уже периода хрущёвского правления. Картина убогости и невероятных трудностей крестьянской жизни, воссозданная в повести, была по политике Хрущёва и вызвала его недовольство. Не помогло и то, что действие повести перенесли с 1956 на 1953 год. Хрущёв в корне изменил своё отношение к Солженицыну и подверг писателя жёсткой критике, обвиняя его в необъективности и злопыхательстве...

Ещё одна характерная черта Хрущёва — при жизни Сталина он отличался славословием в адрес вождя. Вершиной его лести стало высказанное в 1934 году на XVII съезде ВКП(б) предложение ввести новое понятие, характеризующее высший этап развития марксизма, — «ленинизм-сталинизм». Сталин отверг эту формулировку, поскольку считал себя лишь учеником Ленина.

Верно говорят о таких людях, как Хрущёв: мёд на языке, яд — в сердце.

Многое становится на свои места, если помнить о том, что доклад на XX съезде КПСС делал человек, сыгравший в своё время ведущую роль в репрессиях на Украине и в Москве, где он возглавлял партийные организации. Причём в отличие от руководителей других крупных республиканских и областных парторганизаций Хрущёв требовал от Центра увеличения лимитов на количество репрессированных лиц, однако получил отказ Сталина. А в ходе голосования на февральско-мартовском пленуме ЦК 1937 года Никита Сергеевич высказался за суд над Бухариным и Рыковым, в то время как И. В. Сталин предложил ограничиться их высылкой.

Эти факты, а также жёсткие распри в партийно-государственной верхушке после смерти Сталина позволяют нам сделать вывод, что доклад по культу личности на XX съезде не имел, по существу, никакого отношения к коренному решению проблемы возрождения в партии и государстве демократических норм жизни. Вот, к примеру, на июньском пленуме ЦК 1957 года Хрущёв одержал верх в борьбе с так называемой «антипартийной группой В. Молотова, Г. Маленкова, Л. Кагановича и примкнувшего к ним Д. Шепилова», которая была не согласна со стилем руководства Хрущёва и со многими его авантюрными решениями. Но вскоре, забыв о том, как сам критиковал ранее сосредоточение в одних руках неограниченной власти, к своей должности первого секретаря ЦК КПСС присовокупил и должность председателя Совета министров СССР. Для циничного политика найти предлог для таких кульбитов — дело несложное, были «аргументы» и у Хрущёва: всё делалось под предлогом совершенствования управленческой деятельности, повышения ответственности, концентрации сил и средств на решении важнейших задач, и т. д., и т. п.

Вот так довольно посредственный и не слишком образованный человек, один из организаторов кровавой вакха-

налии 1930-х годов наделил себя неограниченными властными полномочиями. Писатель Рой Медведев упоминает в одной из своих работ о встрече Хрущёва с драматургом Михаилом Шатровым, которая состоялась в то время, когда Никита Сергеевич был уже на пенсии. Он не только удивил антисталиниста Шатрова своим признанием, что у него, Хрущёва, «руки по локоть в крови», но и незнанием некоторых элементарных фактов нашей истории и общественной жизни¹.

Отметим, что имеющий огромное судьбоносное значение для страны и социалистического содружества доклад Хрущёва на XX съезде КПСС о противозаконной деятельности Сталина был заслушан без всякого обсуждения. По сути дела, партия на протяжении десятилетий руководствовалась установками бывшего холуя из окружения Сталина, который после прихода к власти упорно насаждал в руководящих структурах партии и государства атмосферу угодничества и покладистости. Ну а высшие органы КПСС вплоть до прекращения её существования так и не удосужились проанализировать исторические корни и причины репрессий, отделить горькую правду от грязной лжи враждебной пропаганды, сделать должные выводы. Зато непримиримые противники партии, ненавистники социализма в годы горбачёвской перестройки постарались представить объективно сложную эпоху социалистического строительства исключительно как чёрную дыру отечественной истории. Был забит первый клин в раскол социалистического содружества.

Ограниченность мышления автора доклада «О культуре личности и его последствиях», беспринципная позиция делегатов съезда, так и не заикнувшихся о необходимости серьёзного анализа и широкого обсуждения поднятых вопросов, привели в конечном счёте к тому, что все козыри в пропагандистских играх против СССР оказались на руках у наших внешних и внутренних противников. Уже тот факт, что доклад на съезде делал Хрущёв, таил в себе негативный заряд. Но тогда, в феврале 1956 года, ещё мало кто предвидел, что XX съезд нанесёт такой ощутимый удар по авторитету Советского Союза, станет предвестником заката могущества и международного влияния СССР. Однако через призму личных целей Хрущёва стратегические

¹ См.: *Медведев Р. А.* Хрущёв Н. С.: Политическая биография. М.: Книга, 1990. С. 108.

интересы страны выглядели отдалёнными и не слишком беспокоили.

Известно, что XX съезд образовал глубокую трещину в советско-китайских отношениях, привёл к разрыву с Албанией, послужил детонатором в руках организаторов волнений в Польше и венгерского мятежа 1956 года, вызвал если не негативную реакцию, то как минимум настороженность у руководителей других социалистических государств. Ни одна компартия, включая КПСС, пережить XX съезд без потрясений, издержек так и не смогла.

Не менее важным представляется и другое: западные стратеги холодной войны, манипулируя материалами доклада Хрущёва, постарались отвернуть от Советского Союза значительную часть трудящихся капиталистических стран, укоренить в их сознании представление о социализме не как об обществе социальной справедливости, а как о режиме диктата и насилия.

Коммунистические идеи, интерпретированные западными идеологами, стали катастрофически терять свою привлекательность в мире, а международное коммунистическое движение — утрачивать сплочённость и силу.

Всё это создавало большие трудности во внешнеполитической деятельности государства, с которыми вскоре предстояло столкнуться начинающему дипломату В. А. Крючкову.

За всеми впечатлениями Крючкова, относящимися ко времени начала его работы в Министерстве иностранных дел, просматривается, пожалуй, главное — ощущение идеологического вакуума и отсутствия чёткой программы действий в главном внешнеполитическом ведомстве страны. Там полагали, что «внешнеполитический курс должен был определяться тем, по какому пути пойдёт развитие страны в постсталинский период. А что делать со страной, как управлять ею в новых условиях, никто в нашем тогдашнем руководстве представления как раз и не имел. Одни явно не хотели порывать с прежней жизнью, другие же, хотя осознали необходимость реформ и были готовы решительно покончить со старым, пока ещё не знали, как это сделать практически».

А поскольку лидера под стать сложному историческому моменту, как мы уже говорили, не было, то «государство, да и общество в целом начали движение вперёд без чёткой концепции, без ясных ориентиров...

Многие концепции, программы основывались в значи-

тельной мере на эмоциональных порывах, на благих пожеланиях, рождались, исходя из произвольно поставленных сроков, без учёта реалий и глубокого всестороннего анализа накопившегося мирового опыта. Отсюда дефицит внутренней логики и последовательности в наших действиях, чрезмерная поспешность, граничащая с губительным авантюризмом. Как и прежде, большинство ответственных решений принималось единолично (причём людьми далеко не самыми мудрыми, а то и порочными), хотя коллективизм как таковой и являлся политическим фундаментом нашего строя»¹.

Атмосфера в МИДе была непростая. В рассуждениях и оценках дипломатов сквозила заметная вольность по отношению к официальным установкам, люди стали более раскованными, начали глубже задумываться над недавней историей и происходящим вокруг, ставить всё больше вопросов. Вот только на многие из них, как считает Крючков, ответов не было. Людей разделяла линия в зависимости от их отношения к Сталину, которая, впрочем, иногда, во время вспыхивавших споров, принимала зримые очертания. А некоторые вещи рядовым сотрудникам просто трудно было объяснить. Так, в апреле 1955 года перед партийным активом министерства, обсуждавшим текущую работу и задачи ведомства, выступил министр иностранных дел В. М. Молотов. А в ходе прений слово взял его первый заместитель А. А. Громыко, который подверг стиль работы Молотова резкой критике, говорил о необходимости выработки нового подхода. Зал недоумевал: что же это было — вольный ветер демократических перемен, отсутствие элементарной слаженности в работе руководства или проявление интриг, о существовании которых можно было только догадываться? А ведь все знали, что именно Молотов отозвал Громыко из Лондона с должности посла, чтобы назначить своим заместителем...

Крючков получил назначение в IV Европейский отдел МИДа, которым в то время заведовал М. В. Зимянин². Венгерская референтура, куда он был распределён, насчитывала восемь человек, причём все размещались в одной небольшой комнате, расположенной на 17-м этаже высот-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 31–32.

² М. В. Зимянин — один из организаторов партизанского движения в Белоруссии; находился на дипломатической работе до 1965 года; в 1965–1976 годах — главный редактор газеты «Правда», в 1976–1987 годах — секретарь ЦК КПСС.

ного здания на Смоленской площади. Здесь, как вспоминает Крючков, знакомились с почтой, готовили документы, обсуждали текущие дела, спорили, принимали посетителей из других ведомств. К концу дня в голове шумело от разговоров, телефонных звонков и табачного дыма. Но в этой тесноте были и несомненные плюсы, и главный из них: все постоянно находилось в курсе всего происходящего на венгерском направлении.

Дипломатическую карьеру Крючков начал в 30 лет. К новой работе он приступил не только хорошо подготовленным теоретически (два высших учебных заведения за спиной), но и с богатым жизненным багажом. Солидный производственный опыт в рабочих коллективах в условиях военного времени, комсомольская работа, пять лет прокурорской деятельности — не каждый может таким похвастаться. Так что, когда в самом конце лета 1955 года Владимир Александрович получил назначение на работу в советском посольстве в Будапеште, он был вполне состоявшимся человеком. Что позволило ему выдержать новые нелёгкие экзамены, уготованные в ближайшем будущем.

Работа Крюčkова в Венгрии — не просто строчка в его биографии. Это — крупная жизненная веха, важный этап, круто изменивший его судьбу. Во многих публикациях биографического толка, посвящённых Владимиру Александровичу, часто повторяется одно и то же утверждение, что Крючков якобы «участвовал в подавлении венгерского восстания». Причём создаётся впечатление, что авторы публикаций в СМИ и редакторы многих информационно-справочных порталов в Интернете заимствуют эту фразу друг у друга, не потрудившись вникнуть в её суть. Поскольку нелёпое утверждение о том, чем занимался Крючков в первой заграничной командировке, вводит в заблуждение огромное количество людей, мы постараемся рассказать не только о том, что он делал в Будапеште, но и попытаемся, обратившись к историческим материалам, вникнуть в суть событий, происходивших в Венгрии в 1956 году.

Итак, в начале октября 1955 года Крючков вместе с семьёй — женой Екатериной Петровной и сыном Сергеем — отправился в первую и, как окажется, последнюю в своей жизни командировку по дипломатической линии. Вряд ли начинающий дипломат, связывавший с будущей службой самые радужные перспективы, мог тогда предположить, что эта поездка станет лишь началом нелёгкого пути, резко поменявшего все жизненные планы и ожида-

ния. И что будут на этом пути не только ухабы и рытвины большой политики, но и холодные тюремные коридоры. К этому небольшому философскому отступлению подтолкнули нас размышления Владимира Александровича, вспоминавшего осенью 1991 года на тюремных нарах, как поезд Москва — Будапешт уносил его семью в новую, как тогда казалось, увлекательную, полную романтики жизнь.

...Поначалу ничто не предвещало грозы. Венгрия встретила приветливо, и Владимир Александрович отвечал ей взаимностью. Первое, что отметил он, знакомясь со страной, — это исключительное трудолюбие венгров, которые привыкли делать всё неторопливо, тщательно и увлечённо. С утра и до позднего вечера на бесчисленных земельных наделах копошились крестьяне-единоличники, причём трудился и стар и млад. Подростки работали наравне со взрослыми: возили на арбах собранный урожай, кукурузные стебли и солому, разбрасывали навоз. Технику почти не использовали, её заменяли лошади, которых было на удивление много, как и другого скота. Особой ухоженностью отличались виноградники. К винограду у венгров отношение особое, можно сказать, трепетное — в его выращивание они вкладывают всю душу.

Селились крестьяне, как правило, на хуторах, не отличавшихся особым богатством — небольшие дома, хозяйственные постройки... Крючков нашёл, что венгерские крестьяне по характеру мало чем отличаются от наших, российских. Только, пожалуй, они немного сдержаннее, но такие же добрые и гостеприимные.

Отличительная черта венгров — необычайно уважительное отношение к своей истории (вот чему нам следовало бы у них поучиться!). История у венгров, архитектурные и исторические памятники, которые содержатся в идеальном порядке, — это святое. В этом, как считал Владимир Александрович, кроются корни венгерского патриотизма. Но в этом же — и истоки явного национализма, свойственного этому народу.

Эти два фактора очень многое объясняют. Возможно, благодаря им Венгрия и сохранила себя в многовековой борьбе за независимость и свободу, пронесла национальный дух через самые трудные времена. По мнению Крюкова, именно эти качества в сочетании с трудолюбием и организованностью, любовью к порядку, умением переносить невзгоды и лишения сделали венгерскую нацию сильной, выносливой и жизнеспособной.

И ещё одну особенность венгров отмечает Крючков — их доброжелательность, дружескую расположенность к иностранцам. Но если же они оказались по другую сторону баррикад, то вы столкнётесь с весьма серьёзным противником.

Кто недооценивает всё это, пытаясь наладить или укрепить свои отношения с Венгрией и венграми, — рано или поздно, но всё равно просчитается. Крючков предельно честен: «Мы получили жестокий урок в 1956 году, расплатившись в какой-то мере и за собственные ошибки, за пренебрежительное отношение к чувствам, традициям венгерского народа». Эти слова Крюčkова неплохо бы помнить его многочисленным «биографам», пытающимся у читателей создать представление, что он «не сделал никаких выводов из венгерских событий 1956 года». Более того, автор книги, как и многие соратники Владимира Александровича, убеждён, что именно пережитое в Венгрии удержало его от силового решения вопросов в августе 1991 года. Чем бы это могло кончиться в ином случае — объяснять не надо...

В то же время следует обратить внимание, что под ошибками Крючков подразумевал в первую очередь просчёты в развитии сотрудничества с Венгрией и Венгерской партией трудящихся¹. И среди них — недооценка национальных особенностей в той модели социалистического строительства, которую разработала и пыталась реализовать ВПТ во главе с Матьяшем Ракоши. Это был откровенно подражательский курс на ускоренное строительство социализма советского образца, что не вызывало энтузиазма в некоторых слоях населения Венгрии, особенно у той части, которая болезненно восприняла и переживала трагические для страны итоги Второй мировой войны. Начала давать сбои идея индустриализации, непродуманное создание коллективных хозяйств не получило поддержки в широких кругах крестьянства.

Явно недооценивалась роль церкви, которая пользовалась у населения большим авторитетом. Так, при согласии Москвы власти Венгрии в феврале 1949 года арестовывают и сажают за антиправительственную деятельность в тюрьму главу венгерских католиков — кардинала Йозефа Минд-

¹ 30 октября 1956 года ВПТ была распущена по инициативе премьер-министра Венгрии Имре Надя; с 1 ноября 1956-го и по 1989 год правящей партией страны являлась Венгерская социалистическая рабочая партия.

сенти, совершенно не принимая в расчёт (даже с учётом его вины¹) его влияния на верующих. Вполне понятно, что США и Ватикан организовали широкую кампанию в СМИ, в результате которой СССР оказался в изоляции. А о силе воздействия Ватикана на умы и чувства католиков говорить и вовсе не приходится. Поэтому нетрудно представить, как они реагировали на заявление II Всемирного конгресса католиков, состоявшегося в 1953 году, о том, что «под гнётом коммунистической тирании стонут 50 миллионов христиан».

Усложнились отношения между венгерским правительством и Римско-католической церковью в мае 1953 года, когда Андраш Хегедюш сменил на посту главы Совета министров Имре Надя, коммуниста-перерожденца, испачкавшего руки кровью невинных людей и маскировавшегося к концу своей карьеры под политика либерального толка (об этом — позже). Радио Ватикана не преминуло прокомментировать эту смену по-своему и объявило на весь мир, что органы Управления госбезопасности Венгрии «возобновили тайное наблюдение за церквями, епископскими дворцами, священниками и католическими законниками».

Ко всему сказанному выше следует добавить, что и внутри самой ВПТ имелись серьёзные противоречия, которые добавляли грубые кадровые просчёты.

Однако при всех допущенных с советской стороны ошибках Крючков никогда не подвергал сомнению принципиальную позицию СССР в критический период развития событий 1956 года, всегда выступал против попыток либеральных кругов навязать нам комплекс вины, которую мы якобы должны испытывать перед венграми, оказав вооружённую поддержку законному руководству Венгерской Народной Республики. Напомним, что и ЦК правящей тогда Венгерской партии трудящихся, и правительство Венгрии, когда события приняли характер откровенного мятежа, направленного на вооружённый захват власти, приняли решение обратиться к нам за помощью. А вот мы

¹ 28 октября 1956 года под давлением оппозиции Миндсенти был выпущен на свободу. Он был среди тех, кто обвинял президента Эйзенхауэра в «нерешительности» и недостаточном применении «всех возможных средств для поддержки венгерской революции». Позднее его экстремизм проявился в следующем заявлении: «Президент Эйзенхауэр нёс ответственность за поражение венгерских бойцов за свободу в революции 1956 года».

венгерскую армию, которая выступила в 1941-м на стороне фашистской Германии и объявила нам войну не на жизнь, а на смерть, к себе уж точно не звали.

Почему-то либерал-демократы, до сих пор стенающие по поводу «подавления венгерского восстания», не утруждают себя вопросом: а с какой целью венгерские полчища приходили к нам на Дон и под Сталинград? И полчища немалые, на Восточном фронте против СССР воевали сотни тысяч венгров. И воевали эти люди, не в пример итальянцам или румынам, со знанием дела и с особой ожесточённостью.

Факт венгерского нашествия на Советский Союз не был следствием какого-то случайного стечения обстоятельств, что иногда случается в мировой политике. Поэтому, хотя бы ради исторической справедливости, кое о чём следовало напомнить.

Начнём с того, что всю внешнюю политику Венгрии, в которой сильны были реваншистские настроения, в предвоенные годы определяла главная цель — возвращение внушительных территорий, потерянных после Первой мировой войны. С 1939 года Венгрия приступила к реформированию своих вооружённых сил, включавших сухопутные и военно-воздушные соединения, запрещённые Трианонским договором 1920 года¹. В августе 1940 года по решению Венского арбитража Румыния вернула Венгрии Северную Трансильванию, а в апреле 1941 года венгерские войска оккупировали ряд районов северной Югославии, в том числе крупный город Нови-Сад, где в январе произошли массовые погромы. Трёхдневную резню евреев и сербов (тела убитых сбрасывали в Дунай) учинили части под командованием генерала Ференца Фекетехалми.

Возвращая утраченные в 1918—1920 годах территории, Венгрия впала в полную зависимость от поддержки Германии. К лету 1941 года венгерская армия представляла внушительный военный кулак. Только в сухопутных войсках насчитывалось 27 пехотных бригад, две моторизованные, две пограничные егерские, две кавалерийские, одна горнострелковая бригады. Военно-воздушные силы Венгрии включали пять авиационных полков, один дивизион дальней разведки и один парашютно-десантный батальон. Чис-

¹ Договор между странами-победительницами и Венгрией был подписан 4 июня 1920 года в Париже, в Большом Трианонском дворце Версаля.

ленность самолётного парка венгерских ВВС составляла 536 машин, в том числе 363 — боевых.

26 июня 1941 года на венгерский город Кашша (ныне — словацкий Кошице) совершили налёт неопознанные самолёты, объявленные советскими. Эта немецкая провокация и стала поводом для объявления Венгрией войны Советскому Союзу.

Поначалу военные действия для венгерской стороны складывались удачно. Крупные силы так называемой Карпатской группы 1 июля 1941 года вторглись на украинское Прикарпатье и форсировали Днестр. Затем механизированный корпус численностью 40 тысяч человек вторгся на территорию Правобережной Украины и продолжал военные действия в составе 17-й немецкой армии, участвовал в пленении советских частей. Германское командование предложило наградить наиболее отличившихся венгерских солдат и офицеров крупными земельными наделами, расположенными на территории России.

Весной 1942 года Германия, испытывая потребность в большем количестве солдат на советско-германском фронте, вынудила венгров провести ещё одну мобилизацию, в результате которой была развёрнута 2-я армия численностью в 200 тысяч человек под командованием генерал-полковника Густава Яни. В июне 1942 года она прибыла в район Курска и заняла позиции по Дону к югу от Воронежа, с августа по декабрь вела бои с советскими войсками под Воронежем, безуспешно пытаясь ликвидировать советский плацдарм на правом берегу Дона.

12 января 1943 года советские войска форсировали по льду Дон и прорвали оборону венгерских частей, обратив их в беспорядочное бегство. Венгры понесли самое крупное поражение за всю свою историю, в числе погибших был и старший сын регента Венгерского королевства Миклоша Хорти.

В 1943 году наиболее активным соединением венгерских войск, действовавших на Восточном фронте, был 8-й корпус так называемой «Мёртвой армии». Корпус был сформирован в Киеве, ему была поручена охрана коммуникаций от польских, советских и украинских партизан на северо-востоке Украины и в брянских лесах. На переднем крае фронта дислоцировались бронетанковые дивизии.

23 сентября 1944 года советские войска вступили на территорию Венгрии и в октябре объявили венгерской стороне ультиматум с требованием объявить перемирие, порвать

всякие отношения с Германией и начать активные военные действия против немецких войск. Хорти принял условия ультиматума, но немцы его быстро арестовали и поставили во главе страны лидера ультранационалистической партии «Скрещённые стрелы» Ференца Салаша, под руководством которого было сформировано несколько венгерских пехотных дивизий СС. Позднее, в марте 1945 года, на основе венгерских формирований был создан 17-й войсковой армейский корпус СС.

4 ноября 1944 года советские войска подошли к Будапешту, но вскоре их наступление захлебнулось. И всё же в конце декабря советские войска 2-го и 3-го Украинских фронтов завершили окружение будапештской группировки немецких и венгерских войск.

Михаил Исаковский не случайно упоминает «медаль за город Будапешт» (официальное её название — «За взятие Будапешта»; обратим внимание: не за освобождение — за взятие) в знаменитой песне «Враги сожгли родную хату», в которой отразилась неизбывная боль советского народа, ценой тяжелейших утрат освободившего Европу от фашистской чумы. Полтора месяца длились кровопролитные бои за венгерскую столицу, превращённую вражеской группировкой в неприступную крепость. Слепая ненависть к советским бойцам была столь сильна, что многие защитники города, в первую очередь салашисты, клялись стоять насмерть. Таких продолжительных уличных боёв, как в Будапеште, не было ни в одной из европейских столиц, взятых Красной армией. Однако, несмотря на ожесточённое сопротивление, 13 февраля 1945 года город пал. Десятки тысяч советских солдат отдали свои жизни в боях за Будапешт. Всего же при освобождении Венгрии погибло 200 тысяч наших воинов. Сами же венгры, вдохновляемые хортистами и салашистами, потеряли убитыми 350 тысяч человек; 514 тысяч венгерских военнослужащих попали в советский плен.

Стоит ли ворошить прошлое? Стоит, если мы действительно хотим разобраться в том, что же произошло в 1956 году.

В 2004 году в газете «Красная звезда» была опубликована большая беседа Александра Бондаренко с В. А. Крючковым, приуроченная к его 80-летию. Естественно, в ней поднимался вопрос, связанный с венгерскими событиями. Нам кажется, что публикуемый ниже фрагмент заслуживает внимания:

« — В 1956 году вы, молодой дипломат, работали в Венгрии. Как вы сегодня оцениваете тогдашние события?

— Мне кажется, мы тогда не смогли понять, что *это была первая серьёзная попытка пересмотреть итоги Второй мировой войны!* (курсив мой. — А. Ж.). После неё прошло 11 лет, и, казалось бы, мир должен идти по той колее, в которую вошёл по её результатам. Но мы этот момент как-то упустили — ни советская, ни венгерская пропаганда ничего не сказали по этому поводу. Хотя выходец из одного графского семейства именно так мне тогда и заявил: “Итоги войны были не во всём справедливы, и, вероятно, придёт время, когда их надо будет пересматривать. Может быть, сейчас мы начали это делать”. Я не придавал его словам должного значения. Народный строй тогда ещё по-настоящему не утвердился, а “бывшие” теряли силу и торопились что-то сделать, чтобы отвоевать утерянные позиции.

— Вы считаете, что тогдашняя политика Советского Союза была правильной?

— Если бы мы потеряли позиции в Венгрии, потом ещё где-то, думаю, то, что произошло у нас в стране в 1990-х годах, наступило бы значительно раньше. *Говорить, что в Венгрии была революция, а мы совершили контрреволюцию, — глубокая ошибка* (курсив мой. — А. Ж.). Против народной власти, против её институтов поднялась сравнительно маленькая часть венгерского населения, а большая была за эту власть... Кстати, как председатель КГБ СССР, я хорошо знаю, что в 1990—1991 годах наши люди не помышляли о том, чтобы уничтожить советскую власть и установить другую — об этом думала весьма небольшая часть населения. Когда я сравниваю то, что было в 1956-м в Венгрии и в 1991-м у нас, картина примерно та же: один процент активного населения ломает жизнь 99 процентам...

— Но разве нельзя было обойтись без “силового решения”?

— Я считаю, что другого выхода не было. На пять дней в конце октября — начале ноября 1956 года наши войска ушли из Будапешта, и за эти дни там были убиты сотни людей. А если бы, допустим, произошла полная и стремительная смена строя, то думаю, что кровавых жертв было бы намного больше»¹.

¹ Владимир Крючков: «Я сделал всё, что мог, чтобы спасти державу». Беседу вёл Александр Бондаренко // Красная звезда. 2004. 28 февраля.

В 2009 году увидел свет сборник документов «Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР»¹. Это серьёзная исследовательская работа осуществлена созданным в 2001 году Обществом изучения истории отечественных спецслужб во главе с его президентом доктором исторических наук А. А. Здановичем. Напомним, что одна из главных целей этого общества — противостояние грубым извращениям исторической правды о деятельности органов ВЧК — ОГПУ — НКВД — МГБ — КГБ СССР.

На наш взгляд, опубликованный сборник позволяет зримо восстановить подлинную картину трагических событий осени 1956 года, которые следует рассматривать в контексте международных политических процессов периода обострения холодной войны, представить масштабы и суть конфликтной ситуации, возникшей при непосредственном участии западных спецслужб.

Материалы сборника не оставляют сомнения, что экспансия западных служб против Венгерской Народной Республики, которая рассматривалась ими как наиболее слабое звено в восточном блоке государств, была тщательно спланирована и скоординирована. Во вступительной статье его авторы-составители подчёркивают, что венгерские события — это не что иное, как одна из первых инспирированных из-за рубежа «цветных» революций, а активизация подобной деятельности в наше время, в том числе события на Украине, не позволяет нам равнодушно относиться к тенденциозному подходу к их освещению и изучению.

В авангарде контрреволюции находились те силы Венгрии, которые от поддержки фашизма в годы Второй мировой войны перешли к ориентации на западные демократии. Именно они (по сути — «пятая колонна»), имевшие мало общего с жизненными интересами венгерского народа, и чинили кровавые расправы над активистами и членами ВПТ, простыми гражданами, поддерживавшими народную власть.

Разгул грабежей и насилия начался утром 30 октября — в тот день, когда наши части оставили Будапешт и вернулись к местам своей постоянной дислокации (о чём с горечью упоминал Крючков в интервью «Красной звезде»). Как вспоминает Крючков, повсеместно вершились самосу-

¹ Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР / Сб. док. Сост. А. А. Зданович (руководитель), В. К. Былинин, В. К. Гасанов, В. И. Коротаев, В. Ф. Лакшул. М.: Объединённая редакция МВД России, 2009.

ды, коммунистов и «агентов Москвы» вешали на фонарных столбах.

Приведём пример из хроники тех давних событий:

«30.10. Уздания горкома ВПТ в Будапеште мятежниками (группа Й. Дудаша и др.) расстреляны секретарь горкома Имре Мезё и ещё 20 человек»¹.

Но сухие строки хроники не передают того, что испытывали люди перед смертью. В 1956 году четверо советских журналистов — очевидцев событий по горячим следам выпустили книгу-репортаж «Что же произошло в Венгрии»². Читать этот материал непросто:

«В ночь на 30 октября фашистские молодчики проникли в дома, окружающие горком партии, а утром начали его вооружённую осаду. Находившиеся в горкоме коммунисты мужественно оборонялись. Фашисты ввели в дело пулемёты и артиллерию и в конце концов ворвались в здание. Началась дикая по своей бессмысленной жестокости расправа.

Вот что рассказала корреспондентам “Правды” коммунистка Ида Хайош, находившаяся в горкоме вместе с товарищами по партии и спасшаяся лишь в результате ряда счастливых случайностей. Эта седая женщина с забинтованной головой, всё ещё не оправившаяся после полученных ран и пережитого потрясения, медленно, с трудом произнося слова, говорила нам:

— Я была на втором этаже. Когда меня схватили и погнали вниз, я видела, как в коридоре бандиты растаптывали на смерть коммуниста. “Старуху можно не убивать”, — заметил один из бандитов. Когда я спускалась по лестнице, меня подгоняли ударами приклада в спину.

Одного коммуниста, офицера армии, повесили перед зданием на дереве вниз головой. Верёвка оборвалась. Бандиты вновь принялись избивать его, потом опять повесили, вероятно, уже мёртвого. Вокруг тела убитого рабочего беснующиеся бандиты устроили дикую пляску, ещё одному убитому забили в рот скомканный партбилет. И это было ещё не всё. Меня опять затащили в здание горкома. Там в холле лежал убитый секретарь горкома партии Имре Мезё, которого все мы знали как замечательного человека и преданного народу коммуниста. Тов. Мезё в прошлом воевал против фашизма в составе

¹ Указ. соч. С. 51.

² См.: Крушинский С., Маевский В., Ефимов П., Одинец М. Что же произошло в Венгрии. Репортаж. М.: Правда, 1956. Поскольку книга является библиографической редкостью, с ней можно ознакомиться в Интернете.

интернациональных бригад в Испании. Это был настоящий боец за дело рабочего класса, и пал он от рук фашистских бандитов...

Наши венгерские друзья рассказали нам множество историй, от которых холодеет кровь в жилах. Мы находили подобные истории также в фашистских газетных листках, которые нередко сами описывали злодеяния контрреволюции ради своего рода бахвальства.

В одной из таких газет, “Мадьяр фюггетленшег”, некто “К. А.”, цинично смакуя подробности убийства, описывал, как фашистские головорезы вешали человека. “Он выбежал из подвала горящего дома, — говорилось в статье, — держа на руках белокурого четырёхлетнего сынишку... Ему не удалось спастись... Его труп был повешен за ноги на дерево и висел там, залитый кровью... Бледный от пережитых ужасов, ребёнок потерял сознание...”

В газете “Мадьяр гонвед” рассказывалось, как бандиты повесили человека на углу улиц Керута и Аради-Утца. “Я это видел, — пишет автор заметки в газете, — там он висел на дереве с простреленной головой, удивительно, как затянула шею верёвка”.

Бандиты повесили несколько человек на фонарях по улице Ракоци. На площади имени Москвы около 30 человек были повешены на деревьях головами вниз, облиты горючим и сожжены заживо.

Палачи расстреливали женщин, стоявших в очередях за хлебом. Так было на углу улиц Изабеллы и Ласло Рудаша, где фашистские бандиты открыли огонь по стоявшим в очереди женщинам. На площади у парламента хортистские палачи устроили кровавую бойню, расстреляв мирных людей. На одной из улиц убийцы бросили в подвал коммуниста вместе с его женой и детьми, а затем залили подвал водой.

Людям выкалывали глаза, выламывали пальцы из суставов, били железными палками, и всё это лишь за то, что они симпатизировали народной власти».

Садистским фантазиям зверствующих молодчиков не было предела. Так, большое распространение среди неонацистов получили казни «тройками», во время которых живых людей за ноги по трое привязывали к грузовику и таскали по булыжным мостовым, пока их тела не превращались в кровавое месиво.

О роли западных спецслужб в венгерских событиях 1956 года нельзя упоминать лишь через запятую. Они использовались «западными демократиями» в качестве организу-

ющих центров, призванных обеспечить разрыв «слабого звена» в ещё не окрепшем социалистическом содружестве. После этого, как предполагалось, должна была рассыпаться вся политическая конструкция восточного блока. На многое проливает свет предыстория вопроса, поэтому необходимо сделать хотя бы краткий исторический экскурс. Он необходим ещё и потому, что ниже мы затронем вопросы, с которыми после прихода на работу в КГБ при Совете министров СССР В. А. Крючков столкнётся напрямую. И, как увидим, пребывание в Венгрии ещё задолго до службы в органах госбезопасности предоставило ему возможность в полной мере оценить масштабы и методы осуществления западными спецслужбами своих замыслов в Восточной Европе. Хорошо просматривалась и ведущая роль в венгерских событиях *главного противника*, или ГП, как на языке советской разведки именовались ЦРУ и другие секретные ведомства Соединённых Штатов.

Итак, немного истории, которая, возможно, даст читателю на какие-то вещи взглянуть другими глазами, а многие из «завоеваний» нашей демократии конца 1980-х — 1990-х годов покажутся ему и не такими уж безобидными.

После победы во Второй мировой войне и разгрома фашизма советско-американские отношения сразу же дали глубокую трещину. Все увидели мощь Советского Союза, которая многим не давала покоя. Вот почему так быстро усиливалась конфронтация между бывшими союзниками — СССР и западными державами. В русле набиравшей силу холодной войны в 1948 году Совет национальной безопасности США принял несколько секретных директив, отражавших доктрину Соединённых Штатов по дискредитации политики СССР на международной арене и организации против него широкой подрывной работы. В этих целях директивой NSC 10/2 (а опубликована она была только в 1978 году) в составе ЦРУ учреждалось Управление по координации политических действий, которое считало, что «горячая» война с СССР уже «на пороге». Под руководством начальника этого ведомства Фрэнка Г. Уиснера был разработан целый пакет специальных проектов. Они предусматривали развёртывание антисоветской пропаганды с широким использованием средств массовой информации, поддержку оппозиционных «коммунистическим режимам» движений, создание тайных организаций антикоммунистической направленности, различные формы и методы ведения экономической войны, применение в

разведывательной деятельности против СССР и других социалистических стран приёмов саботажа и диверсий. Особая роль в планах УКП отводилась активному вовлечению в эту работу антисоветской эмиграции, беженцев из СССР и стран Восточной Европы.

Важнейшим средством подрывной деятельности стали так называемые тайные операции. «Под термином “тайные операции”, — поясняла директива NSC 10/2, — следует подразумевать все виды деятельности... которые проводятся правительством США против враждебных иностранных государств или групп в поддержку дружественных иностранных государств или групп. Однако эта деятельность планируется и проводится так, что внешне никак не проявляется её источник — правительство США, а в случае её разоблачения правительство США может правдоподобно отрицать всю ответственность за неё.

Тайные операции включают пропаганду, экономическую войну; превентивные действия, включая саботаж... разрушения и эвакуацию; подрывную работу против иностранных государств, включая помощь подпольному движению сопротивления, партизанам и эмигрантским группам освобождения, поддержку антикоммунистических групп в странах свободного мира, находящихся под угрозой».

В обиход официальной американской политики вошло понятие «правдоподобное отрицание» — соответствующим решением Совета национальной безопасности США ложь признавалась инструментом внешнеполитической деятельности США.

Затем, в августе 1948 года, последовала директива NSC 10/1 «Цели США в отношении России», в которой процитированные выше правительственные установки конкретизировались:

«Наши основные цели в отношении России сводятся, в сущности, всего к двум:

- а) свести до минимума мощь и влияние Москвы;
- б) провести коренные изменения в теории и практике внешней политики, которой придерживается правительство, стоящее у власти в России».

Здесь же отмечалось, что более отдалёнными и перспективными задачами политики США в этом направлении являются подбор новых элит, которые будут править уже на постсоветском пространстве, «декоммунизация» и «территориальное расчленение» СССР.

В ноябре 1948 года президент США Гарри Трумэн утверждает очередную директиву (NSC 20/4) «Задачи США по сдерживанию угроз безопасности США, исходящих от СССР», принятую в развитие стратегического курса Соединённых Штатов. В ней, в частности, содержалось предупреждение, что «возможности СССР... приведут к общему увеличению мощи СССР по отношению к США и западным демократическим державам. Этого можно избежать путём:

- а) успешного осуществления программы восстановления Европы;
- б) развития западноевропейского союза и его поддержки со стороны США;
- в) увеличения эффективности военных институтов США, Великобритании и других союзных государств;
- г) усиления внутренних противоречий между СССР и его союзниками».

На развал существующего политического строя в СССР и социалистическом содружестве была направлена и секретная директива NSC 58 «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе», утверждённая СНБ в сентябре 1949 года. Перед ЦРУ ставилась задача — «найти способы ослабления и последующего прекращения господства СССР над Албанией, Болгарией, Чехословакией, Венгрией, Польшей и Румынией». Специальный раздел «Урок Тито» был посвящён задачам распространения примера Югославии, вышедшей из-под влияния Москвы. В разделе «Возможности, открытые для США» подчёркивалось, что существуют два способа «устранения советской власти в государствах-сателлитах» — с помощью войны и с помощью балансирования на грани войны; второй является более предпочтительным. Там же указывалось на необходимость добиваться, чтобы между странами Восточной Европы и Москвой «накапливались трещины»; «когда же произойдёт окончательный разрыв, мы не будем напрямую втянуты в ситуацию, так как конфликт произойдёт между Кремлём и коммунистами-отступниками».

В 1950 году Трумэн утверждает директиву NSC 68 «Задачи и программы национальной безопасности США», которая фактически пришла на смену директиве NSC 20/4 и стала основой долговременной политики в отношении СССР и других социалистических стран. Для достижения главной цели политики США предполагалось «усилить многократно военные приготовления» и «сеять семена раз-

рушения внутри советской системы». В директиве, в частности, давалось следующее указание: «Нам нужно вести открытую психологическую войну¹ с целью вызвать массовое предательство в Советах и разрушать иные замыслы Кремля. Усилить позитивные и своевременные операции тайными мерами в области экономической, политической и психологической войны с целью вызвать и поддержать волнения и восстания в избранных, стратегически важных странах-сателлитах».

В книге А. Колпакиди и О. Лемехова «Главный противник. ЦРУ против России» упоминается специалист по психологической войне Р. Холт, теоретически обосновавший концепцию операции «Фокус» по свержению социализма в Венгрии. Холт предложил три взаимосвязанных метода «мирного освобождения», без глобальной войны, стран восточного блока от коммунистического режима. Это — путч, произведённый оппозиционно настроенными членами руководства страны с последующим их дистанцированием от Москвы; народное антикоммунистическое восстание с последующим проведением свободных выборов под международным контролем, за которыми должен последовать распад режима в результате борьбы партий или последовательного разрушения политической системы; наконец, использование «благоприятных международных условий, которые должны позволить расправиться с режимом без вмешательства Москвы»² (под «благоприятными условиями» имелась в виду ситуация, когда у Москвы будет своих проблем по горло).

Документы, о которых мы только что говорили, в совокупности с аналогичными директивами, принятыми в последующие годы, представляют собой чёткую программу конкретных действий, которой США руководствовались, выстраивая отношения с Советским Союзом и его ближайшими союзниками.

Обратим внимание, что с 1953 года, со времени принятия американцами доктрины «стратегического сдерживания СССР», агрессивность политического курса Соединённых

¹ Задачи психологической войны были конкретизированы в принятой весной 1951 года секретной директиве «Психологическое наступление против СССР. Цели и задачи». В ней, в частности, подчёркивалось: «Нужно расширить разрыв, существующий между советским народом и его правителями».

² См.: Колпакиди А. И., Лемехов О. И. *Главный противник. ЦРУ против России*. М.: Вече, 2002.

Штатов ещё более возросла. В начале года выступивший с программной речью госсекретарь Джон Фостер Даллес поспешил заверить «угнетённые» народы Восточной Европы во всесторонней помощи и поддержке со стороны США. А в феврале президент Дуайт Эйзенхауэр, назначив директором ЦРУ Аллена Даллеса, выдал ему карт-бланш на активизацию тайной войны «против коммунистических режимов в Европе и Азии».

От слов — к делу. В мае 1953 года в соответствии с директивой NSC 143/2 начала реализовываться идея создания на базе советской эмиграции «парамилитарных (военизированных. — А. Ж.) сил», получивших название «Добровольных корпусов свободы» (*Volunteer Freedom Corps — VFC*).

Особенно тщательно готовился так называемый «Новый план нанесения поражения коммунизму», в рассмотрении которого в Белом доме вместе с президентом, госсекретарём, директором ЦРУ и высокопоставленными представителями других силовых ведомств принял участие миллиардер Нельсон Рокфеллер. Весь документ был выдержан в наступательном духе, в нём систематизировались и конкретизировались задачи всех центров, организаций и ресурсов, задействованных в деле морально-психологического разложения СССР и других социалистических стран. Вот как формулировались положения раздела «Руководящие установки для политического наступления»:

1. Поддерживать по всей советской империи дух сопротивления и всемерно подогревать надежду на освобождение и обретение суверенитета...

2. Повсеместно сеять горькое чувство, которое испытывают все внутренние враги Кремля, путём доведения до их сознания того факта, что, подобно революционерам в старое, царское время, они тоже имеют преданных друзей и сильных союзников за пределами их родины...

3. Усиливать всеми возможными путями и средствами неуверенность советских властей в преданности своего народа...

4. Обеспечивать как моральную, так и материальную поддержку (в том числе и квалифицированным руководством) всех оппозиционных и подпольных движений в странах-сателлитах, а также в Китае и самой России.

5. Максимально использовать беженцев из советской зоны влияния...

6. Делать ставку на личные устремления тех людей, которые находятся под коммунистическим игмом и мечтают...

о сохранении права собственности на небольшие хозяйства и дома, о создании свободных профсоюзов, о свободе вероисповедания, о возможности путешествовать и т. д.

7. Рассеивать ореол вечности и незыблемости, которым окружил себя коммунизм...

8. Внушать миллионам жителей свободных стран чувство моральной ответственности за расширение свободного мира...»

Весьма показательно, что в июле 1956 года Совет национальной безопасности вернулся к пересмотру действий США в Восточной Европе, что было закреплено соответствующей директивой — NSC 5608. Было сосредоточено внимание на необходимости активизировать усилия, направленные на разделение восточного блока, призванные подтолкнуть восточноевропейские народы к восстаниям. Нетрудно догадаться, что к эскалации подрывных действий против Венгрии американцев подтолкнула складывающаяся «благоприятная ситуация» — накануне, в июне, произошли события в Познани, вылившиеся в один из самых драматических конфликтов в послевоенной истории Польши. Тогда недовольные своим материальным положением рабочие и служащие предприятий Познани провели массовый митинг протеста, переросший в крупные беспорядки: часть агрессивно настроенной молодёжи напала на тюрьму и освободила заключённых, захватила оружие и попыталась штурмовать Управление госбезопасности. Завязалась перестрелка, в ходе которой с обеих сторон погибли десятки человек. Эти события явились началом общепольского кризиса, который достиг своего апогея к октябрю 1956 года.

21 октября 1956 года лидером Польской объединённой рабочей партии был избран Владислав Гомулка, незадолго перед этим восстановленный в партии. Он сумел стабилизировать ситуацию, провозгласив курс на самостоятельное развитие («польский путь к социализму»), что послужило своеобразным сигналом к открытому выступлению оппозиции в Венгрии.

Отнюдь не простым совпадением явилось то, что началом открытого мятежа в Венгрии стал инициированный студенчеством и молодёжью митинг в Будапеште, состоявшийся 23 октября у памятника польскому генералу Йозефу Бему (1794—1850). Именно этот человек для людей с антисоветскими и антироссийскими настроениями символи-

зировав уходящую вглубь XIX века историю совместного противостояния поляков и венгров русским войскам.

Наиболее важным инструментом Центрального разведывательного управления в период подготовки контрреволюционного мятежа в Венгрии явилась созданная американскими спецслужбами при Комитете «Свободная Европа» профашистская венгерская эмигрантская организация. Этому комитету была подчинена и радиостанция «Свободная Европа», которая первоначально носила название «Освобождение Европы».

8 сентября 1954 года руководством Комитета «Свободная Европа» была утверждена директива № 15 «Венгрия, операция “Фокус”»¹. 1 октября 1954 года миллионы листовок, «разъясняющих» жителям Венгрии цели и задачи «национального сопротивления», были заброшены в ВНР с помощью огромного количества воздушных шаров. Неустанно вела пропагандистские передачи на эту тему радиостанция «Свободная Европа».

В январе 1956 года американская военная разведка подготовила доклад «Венгрия: активность и потенциал сопротивления». Основную задачу — «перевод недовольства в фазу активного сопротивления», по мнению разведчиков, облегчали определённые особенности в настроениях жителей Венгрии. Они заключались в антиславянских и антисемитских проявлениях среди некоторых групп населения, а также в живучести симпатий к гитлеровской Германии, которая обеспечила Венгрии существенные территориальные приращения в 1940–1941 годах.

Из хроники венгерских событий:

«05.01.1956: Один из крупнейших аналитических центров США — Джорджтаунский университет выполнил секретный заказ американской военной разведки G-2, завершив исследование на предмет использования Венгрии в качестве “потенциального театра развёртывания специальных сил” (“potential theatre for Special Forces”), включая силы “внутреннего сопротивления” — подпольные и партизанские группы с имеющимися у них резервными базами и арсеналами»².

Свою лепту в подготовку контрреволюционного путча

¹ Ряд российских историков считают, что операция «Фокус» — это первая «оранжевая революция» по сценарию ЦРУ.

² Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР / Сб. док. Сост. А. А. Зданович и др. М.: Объединённая редакция МВД России, 2009. С. 39.

в Венгрии внесли влиятельные политические круги и разведывательные учреждения ФРГ, Англии и других европейских стран. Важную роль в этом деле сыграл бывший гитлеровский генерал Рейнхард Гелен. Считавшийся «специалистом по СССР», Гелен был привлечён к работе американскими спецслужбами, на деньги которых он создал в 1947 году новую разведывательную службу — «Организацию Гелена». К 1 апреля 1956 года завершился процесс перехода «Организации Гелена» под юрисдикцию правительства ФРГ, после чего геленовская разведка получила статус Федеральной разведывательной службы Германии — БНД (*Bundesnachrichtendienst, BND*).

Ещё в 1950 году Гелен создал внутри своей организации Венгерский отдел, многие сотрудники которого ранее, в период правления Хорти, служили в венгерских разведорганах. Антикоммунистические ячейки в Венгрии получали от геленовских агентов (главным образом через Австрию) пропагандистскую литературу и оружие. Под контролем Гелена находились размещавшиеся в Западной Германии венгерские эмигрантские организации — «Содружество венгерских борцов», «Движение за свободу Венгрии», «Союз венгерских братьев по оружию», «Венгерский совет обороны в изгнании», в задачу которых входило руководство венгерскими вооружёнными формированиями. Так, «Союз венгерских братьев по оружию», объединявший бывших хортистских офицеров, с весны 1955 года приступил к организации и обучению в военных лагерях «добровольцев» для засылки в Венгрию.

В длинном списке формирований, участвовавших в подготовке контрреволюционного мятежа в Венгрии, следует отметить созданный ещё в 1953 году и действовавший в ФРГ Добровольческий корпус свободы (*Volunteer Freedom Corps*). В это бандформирование, занимавшееся подготовкой венгерских боевиков, входили в основном эмигранты, бежавшие в годы войны вместе с немцами. Деятельность корпуса контролировали Госдепартамент и Министерство обороны США, которые предполагали довести его численность до 30 тысяч человек. Цель корпуса Совет национальной безопасности формулировал так: «Создание кадровых частей из антисоветских добровольцев, которые можно быстро увеличить в случае чрезвычайных обстоятельств или широкомасштабной войны».

В Австрии действовал Международный комитет помощи Венгрии, который возглавил известный американ-

ский генерал Донован — можно сказать, «легенда» американской разведки. По свидетельству западной прессы, во время пребывания в Австрии он неоднократно переходил границу с Венгрией для организации диверсионной работы. Донован заявлял, что «снабжение оружием тех, кто ещё борется», является лучшим способом «оказать помощь венграм».

Там же, в Австрии, на территории американской зоны оккупации, действовала так называемая «Венгерская канцелярия», Центральным разведывательным управлением были созданы «Союз американских венгров» и «Национальный комитет венгров в США».

Архитекторы «венгерской революции» опирались на разветвлённую сеть правонационалистических организаций, действовавших внутри страны. Среди них выделялись своей численностью и активностью «Меч и Крест», «Свободная Европа», «Белая гвардия», «Дивизия Ботонд», «Союз кадетов», «Белые партизаны», «Кровавый договор», «Венгерское движение сопротивления», «Движение национального сопротивления» и целый ряд других. Тактика всех этих объединений включала организацию массовых беспорядков и широкомасштабных провокаций, которые стали бы для НАТО поводом вмешаться и ввести в Венгрию свои войска.

Для руководства этими разношёрстными объединениями — националистического и неонацистского, религиозного, антикоммунистического и антисоветского толка — западные спецслужбы начиная с 1955 года наращивали заброску в ВНР шпионов и диверсантов. Если в 1954 году Управление государственной безопасности Венгрии вело расследование 53 дел о шпионаже, то в 1955-м — уже 162. В первом квартале 1956 года пограничники ВНР зафиксировали 191 случай нелегального перехода границы из Австрии, а в августе того же года — 438 случаев. В 1955–1956 годах было разоблачено 15 крупных и 30 мелких враждебных группировок. А за три года после подавления контрреволюции, в течение 1956–1959 годов, было раскрыто 26 нелегальных контрреволюционных центров, члены которых вели подпольную деятельность уже на протяжении восьми—десяти лет. Интересны и более поздние сведения органов безопасности ВНР: десять из двадцати подпольных организаций, раскрытых в 1960–1961 годах, действовали ещё до 1956 года.

Аналитики полагают, что в подготовке и осуществлении вооружённого контрреволюционного мятежа в Венгрии

принимало участие в общей сложности около 250 нелегальных организаций и группировок¹. Особую роль играла в тех памятных событиях католическая церковь. К 1956 году Ватикан поддерживал тайные связи с большинством подпольных клерикальных группировок и организаций, действовавших на территории Венгрии. Известно, например, что один из руководителей нелегального «Христианского фронта» Л. Шигмонд, который регулярно отчитывался перед Святым престолом о деятельности этой организации, сообщал летом 1956 года в Ватикан о распространившихся в стране «реформистских настроениях» и делал вывод о возможности скорой смены общественной системы.

В начале ноября, когда события достигли накала и контрреволюционным силам уже мерещился призрак победы, власти США пришли к мнению, что кардинал Миндсенти — наиболее приемлемый кандидат в политические лидеры Венгрии после переворота. А 3 ноября Миндсенти благословил на «святое дело» папа Пий XII, после чего кардинал обратился к венгерскому народу с призывом свергнуть в стране коммунизм и освободить её от советского присутствия.

Мощное воздействие извне было направлено на то, чтобы подогреть в стране накопившиеся внутренние противоречия, которые, несмотря на половинчатые решения многих жизненно важных для страны и её народа проблем, на ошибки со стороны Венгерской партии трудящихся и советского руководства, не выглядели такими уж неразрешимыми и тем более угрожающими для будущего страны. Наверное, поэтому у В. А. Крючкова после первых месяцев работы в Венгрии, во всяком случае — до весны 1956 года, не возникало ощущения таких угроз. И это не было проявлением наивности или незнания реального положения вещей — оптимизм внушали объективные данные, которыми располагало советское посольство, личные наблюдения Владимира Александровича:

«Венгрия производила впечатление благополучной страны. Обилие товаров и продовольствия, низкие цены, отличное соотношение денежной и товарной массы. Хорошо помню, что в 1955—1956 годах на каждую денежную единицу в один форинт приходилось товаров на сумму три форинта.

По несколько раз в год для сбыта товаров проводились

¹ См.: *Берец Я.* Крах операции «Фокус». М.: Политиздат, 1986.

распродажи по бросовым ценам. Огромное количество товаров Венгрия поставляла в Советский Союз. *Венгры — самые различные по своему социальному положению — говорили, что никогда ещё они не жили так хорошо, как в 1955 году* (курсив мой. — А. Ж.).

В стране не было безработицы, люди стали получать от государства бесплатное жильё, в невиданных масштабах шло строительство. Энтузиазм охватил широкие массы, и казалось, ничто не угрожало устоям новой народной власти...

Отношение к Советскому Союзу было отличным. Советские люди, находившиеся в Венгрии, чувствовали это в своей повседневной жизни. Торгово-экономические связи наших стран расширялись и углублялись по всем направлениям. Обмен делегациями, специалистами, частные поездки людей приобретали постоянный характер. Казалось бы, небо в советско-венгерских отношениях было безоблачным...»¹

Как видим, даже Крючков, отличавшийся наблюдательностью, интуицией и аналитическим складом ума (в чём читатель ещё не раз сможет убедиться), не замечал ничего неладного — признаков грядущих потрясений не было и в помине. И этому можно найти объяснение. Во-первых, подготовительная работа западных спецслужб и внутренних антикоммунистических сил велась исподволь и была неплохо законспирирована. А во-вторых, Запад не торопился давать «отмашку», поскольку терпеливо ждал повода для начала решительных действий — «благоприятных внешних условий». Такие условия сложились сразу же после XX съезда КПСС, доклада Н. С. Хрущёва по культуре личности. Поэтому, когда в апреле 1956 года Комитет «Свободная Европа» приступил к полномасштабным действиям по осуществлению операции «Фокус», в качестве первоочередной ставилась задача сосредоточения всей пропаганды на «борьбе против сталинизма и культа личности». Причём такие явления, как диктат и репрессии, расценивались не как ошибки и перегибы социалистического строительства в СССР, а как неизбежное порождение самой системы, присущее природе социализма.

(Заметим, что этот же шаблон западной пропаганды лежит в основе информационно-пропагандистской работы и многих российских средств массовой информации; с

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 42.

его помощью у наших людей, прежде всего у молодёжи, и формируется неприязненное отношение к советскому прошлому, социализму и коммунистическим идеям.)

Тогда, в 1956-м, буржуазная пропаганда основной огонь направила на Центральный комитет Венгерской партии трудящихся, в первую очередь на её лидера Матьяша Ракоши. Крючков, на которого были возложены обязанности пресс-атташе советского посольства, видел, с какими проблемами пришлось столкнуться руководству Венгрии. Получив доклад Н. С. Хрущёва, оно пришло в замешательство. Все понимали, что в международном коммунистическом движении возникли новые политические реалии, но никто не знал, что следует предпринять в сложившейся обстановке. Кроме советов «действовать по обстановке», из Москвы не поступало каких-либо внятных рекомендаций. В апреле ЦК ВПТ провёл пленум, посвящённый итогам XX съезда КПСС. Но он прошёл примерно по тому же сценарию, что и съезд в Москве во время доклада Хрущёва по культуре личности — прений не открывали, никаких вопросов не обсуждали.

Ракоши неоднократно обращался за помощью и консультациями к советскому послу Ю. В. Андропову, но тот сам ломал голову над тем, что происходило в Москве, поскольку никаких ясных установок оттуда не получал. А тем временем, по воспоминаниям Крюčkова, по стране поползли слухи, что в Венгрии тоже творились беззакония, подобные сталинским. Многочисленные домыслы и легенды, как водится в таких случаях, обрастали леденящими душу подробностями.

Но что же на самом деле представляла собой «диктатура Ракоши»? Крючков считал, что «надо отдать должное Ракоши, он не дал разгуляться репрессиям, устоял перед советским примером».

С 1949 по 1953 год по политическим мотивам в Венгрии было репрессировано в судебном порядке несколько сотен человек. Обратим внимание на то, что многие из них в прошлом тесно сотрудничали с нацистами, были активными членами партии Ференца Салаша «Скрещённые стрелы», а в послевоенные годы участвовали в создании и деятельности на территории ВНР контрреволюционных организаций.

За всё время из числа репрессированных к смертной казни были приговорены 12 человек. Это, конечно, трагедия, но по масштабам она несопоставима с той, которая

произошла в Советском Союзе в 1937—1939 годах. Однако на ней постоянно спекулировали, пытаясь раздуть в Венгрии огонь братоубийственной гражданской войны.

Венгерская контрреволюция нуждалась в символах. Из двенадцати имён погибших она выбрала одно — Ласло Райк¹ и начертала его на своём знамени. Перезахоронение останков Райка 6 октября 1956 года вылилось в массовую демонстрацию, ставшую предвестницей более серьёзных волнений.

В 1951 году в Москве вышла переведённая на русский язык книга прогрессивного французского журналиста Рено де Жувенеля «Тито — главарь предателей»² (её автор получил широкую известность в Европе своими разоблачениями оборотней в международном коммунистическом движении). Современному читателю название книги может показаться чрезмерно резким и вызвать недоумение. Но нельзя забывать об атмосфере тех лет. Напомним, что в сентябре 1949 года вышла директива Совета национальной безопасности США № NSC 58 «Политика США в отношении советских сателлитов в Восточной Европе», и специальный её раздел «Урок Тито» был посвящён задачам распространения примера Югославии, решившей строить социализм, исходя из собственного его понимания, но весьма далёкого от марксизма. Совокупность этих задач получила тогда в обиходе название «титоизация восточного блока».

Дело не ограничивалось риторикой — югославский путь исподволь, но настойчиво навязывался западными спецслужбами другим социалистическим странам как пример для подражания. Не случайно в ноябре 1949 года Информационное бюро коммунистических и рабочих партий³ приняло специальную резолюцию, в которой югославские руководители подверглись жёсткой критике. Её название — «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» — тоже не отличалось особой деликатностью. Главную озабоченность Коминформа вызывала вносящая раскол в международное рабочее движение политика на-

¹ В последние годы перед смертью Ласло Райк был одним из руководителей ВПТ, занимал пост министра внутренних дел Венгрии.

² С этой книгой можно ознакомиться в Интернете.

³ Международное бюро коммунистических и рабочих партий, или Коминформ — международная коммунистическая организация, действовавшая в 1947—1956 годах.

ционального коммунизма, главными проводниками которой были И. Б. Тито и Эдвард Кардель — заместитель председателя правительства Югославии.

Но вернёмся к книге Рено де Жувенеля. В ней он уделяет целую главу Ласло Райку, называя его «патентованным полицейским осведомителем». На судебном процессе, состоявшемся осенью 1949 года, Райк признал, что сотрудничал с венгерской полицией «в качестве осведомителя о деятельности коммунистической партии» и в результате его доносов в 1932 году было арестовано 17 человек. Во время гражданской войны в Испании он также выполнял задание полиции: выяснял имена бойцов венгерского батальона имени Ракоши, сражавшегося на стороне республиканского Народного фронта, и пытался внести «разложение в его ряды», но был разоблачён и исключён из партии.

В книге Жувенеля содержатся и многие другие неблагоприятные факты из биографии Райка. Безусловно, мы в полной мере сознаём, что подобные признания могли быть «выбиты» во время следствия методами физического воздействия, чем, как свидетельствует ряд источников, в то время в Венгрии не брезговали. Но, как известно, на судебных процессах пыток не применяли, а такие факты, как исключение из партии, фальсифицировать невозможно. К тому же есть ещё одно подтверждение того, что раскаяние Райка на судебном процессе было искренним: последние слова, которые он произнёс перед казнью, — «Да здравствуют партия, Сталин и Ракоши!». На эшафоте не лгут...

К слову сказать, если мы хотим основательно разобраться в механизме репрессий, необходимо исключить крайние подходы к этому трагическому явлению в истории. Нам неприемлема позиция людей, которые относятся к репрессиям, как к позитивному, «исторически необходимому процессу», оправдывая творившиеся беззакония. Но мы не можем согласиться и с точкой зрения тех, кто бездоказательно утверждает, что все жертвы репрессий пострадали невинно, преследовались лишь на основании ложных доносов и каждый оговаривал своих товарищей, подвергаясь пыткам и психологическому давлению.

В связи с этим напомним, что крупнейшие зарубежные писатели — Лион Фейхтвангер, Ромен Роллан, Теодор Драйзер — не сомневались в справедливости приговоров, выносимых на процессах 1930-х годов. К примеру, Фейхтвангер своими впечатлениями поделился в книге «Москва 1937»: «До тех пор, пока я находился в Европе, обвинения,

предъявленные на процессе Зиновьева, казались не заслуживающими доверия. Мне казалось, что истерические признания обвиняемых добываются какими-то таинственными путями. Весь процесс представлялся мне какой-то театральной инсценировкой, поставленной с необычайно жутким, предельным искусством... Но когда я присутствовал в Москве на втором процессе, когда я увидел и услышал Пятакова, Радека и их друзей, я почувствовал, что мои сомнения растворились как соль в воде под влиянием непосредственных впечатлений от того, что говорили подсудимые и как они это говорили. Если всё это было вымыслено или подстроено, то я не знаю, что тогда значит правда».

Похожим образом рассуждал и посол США в СССР в 1936–1938 годах Джозеф Э. Дэвис, который присутствовал на трёх судебных заседаниях. «Предположить, что этот процесс изобретён и поставлен как политическая театральная пьеса — значит предположить наличие творческого гения, равного Шекспиру».

Заслуживает внимания мнение Александра Зиновьева — известного философа, участника Великой Отечественной войны: «Если подходить к событиям с научной точки зрения... то репрессии стали одним из факторов победы... Не нужно следовать солженицынской концепции, что все были жертвы, а наверху сидел Сталин со злоумышленниками. Ведь была же революция, была Гражданская война, шла грандиозная стройка, шла непрерывная борьба и было, разумеется, сопротивление... Если бы не было 1937 года, то в 1941 году через два-три месяца война закончилась бы для Советского Союза поражением».

...Обстановка в Венгрии тем временем накалялась.

По наблюдениям Крючкова, особую активность проявляла творческая интеллигенция — писатели, журналисты, деятели искусства. Вполне естественно, что людям из этой среды всегда присущи духовное и политическое брожение, склонность к увлечению новыми идеями, особенно теми, в которых главной ценностью провозглашаются свободомыслие и свобода творчества. Но отсутствие ясных целей, размытая политическая позиция могут привести и к непоправимым последствиям¹.

Организаторам информационной войны, которая начиная с конца весны 1956 года разрасталась с каждым днём,

¹ Вспомним роль нашей либеральной интеллигенции в развале СССР.

надо отдать должное — действовали они напористо и воодушевлённо. Преподаватели и студенты будапештских вузов, члены Союза писателей и дискуссионного «кружка Петёфи» на правах духовных пастырей нации неустанно вели пропагандистскую работу на предприятиях и в учреждениях страны.

В круговерть драматических событий, разворачивавшихся в Венгрии, стремительно вовлекалась городская, в первую очередь студенческая молодёжь. Нарастивали свою подрывную информационно-пропагандистскую работу средства массовой информации. Особенно усердствовала радиостанция «Свободная Европа», требовавшая немедленного вывода советских войск из Венгрии. Утверждалось, что СССР «грабит Венгрию, установив заниженные цены на поставляемую в Советский Союз венгерскую продукцию». На самом деле всё было наоборот: СССР закупал венгерские товары по более высоким ценам, чем те, которые действовали на международном рынке. Это позволило Венгрии в 1951—1955 годах дополнительно увеличить свои доходы на 723 миллиона валютных форинтов¹. А кроме того, Советский Союз предоставил Венгрии кредиты на льготных условиях (2 процента годовых) на сумму 100 миллионов рублей...

Крючков подметил одну особенность: «Наибольшую активность нередко демонстрировали именно те, кто ещё вчера слыл коммунистом и даже сталинистом. Такие люди делятся на две категории. Одни прежде искренне заблуждались и теперь под влиянием всплывших на поверхность фактов захотели встать на чистую дорожку в жизни, решили исправить положение дел в стране. Другие же действовали из сугубо карьеристских соображений: однажды уже совершив восхождение в своём общественном и служебном положении в рамках старых порядков, они и теперь вознамерились сделать очередной рывок, отталкиваясь от нового трамплина»².

Как венгерские, так и советские руководители лихорадочно искали выход из сложившегося положения. Владимир Александрович, который был в курсе всех текущих дел советского посольства, вспоминал впоследствии: «Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, в июне 1956 года Ракоши

¹ Валютный форинт (как и валютный рубль) — специальная денежная единица, применявшаяся во внешнеторговых расчётах.

² Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 49.

по настоятельному совету Москвы взял шестимесячный отпуск и выехал на лечение в Советский Союз. Тогда он ещё не знал, что навсегда прощается с Венгрией, в которую после многолетней ссылки в Советском Союзе вернётся уже мёртвым, чтобы быть похороненным в Будапеште на кладбище для заслуженных ветеранов...»

Крючков поведал нам о трагической судьбе этого крупного деятеля мирового коммунистического движения, соратника В. И. Ленина. Владимир Александрович считал, что личная драма Ракоши — отражение той сложной эпохи, в жерновах которой погибла целая плеяда замечательных людей, посвятивших жизни борьбе за интересы простого народа и до конца дней сохранивших верность своим идеалам.

В 1924 году после работы в Коминтерне Ракоши нелегально вернулся в Венгрию, но был схвачен. В хортистских застенках он провёл 16 лет, а в 1940 году вместе со своими товарищами был обменян на венгерские знамёна, захваченные Россией в Первую мировую войну. Продолжая политическую деятельность в Советском Союзе, обзавёлся семьёй. Его женой стала Ф. Ф. Корнилова — та самая женщина, которая возглавляла когда-то комитет за освобождение Ракоши.

В 1944 году Матьяш Ракоши возвращается на родину и после войны становится во главе Венгерской партии трудящихся. Будучи одарённым и всесторонне образованным человеком, он неизменно производил сильное впечатление на всех, кто с ним соприкасался и работал. В 1947 году на одной из пресс-конференций для венгерских и иностранных журналистов в Будапеште он поразил присутствующих тем, что без переводчиков отвечал на вопросы журналистов на семи языках. После этого мировая пресса писала, что в лице Ракоши на небосводе коммунистического движения вззошла новая яркая звезда.

Но, как считает Крючков, Ракоши, чья деятельность жёстко регламентировалась советским руководством, не нашёл в себе силы вырваться на простор самостоятельной политики, позволяющей более полно учитывать особенности Венгрии. Слишком мощным оказался общий поток, в русле которого находились все социалистические страны, твёрдо верившие, что впереди их народы ждёт безбрежное море счастья, изобилия и благополучия.

Ракоши до корней волос был революционером в том понимании этого слова, которое было присуще его эпохе.

Но на смену одному этапу исторического развития неизбежно приходит другой, несущий в себе уже иные понятия и реалии. Далекое не каждому дано осознать это, избавиться от прежних стереотипов, продолжать шагать в ногу со временем. К сожалению, не был исключением и Ракоши. Но это уже скорее не вина, а беда человека, не сумевшего (или не успевшего) разобраться в жестоких закономерностях новой эпохи.

Спустя несколько лет, уже находясь в Советском Союзе, на обвинения руководителей Венгрии нового поколения в том, что его деятельность в бытность руководителем ВПТ привела к «извращениям, искривлениям, пренебрежениям национальными особенностями», Ракоши с сарказмом ответил, что только недалёкие люди не могут не учитывать наличия в то время общих источников как великих побед, так и совершённых ошибок.

«Пройдёт время, — пишет Крючков, — и история, вернее “мудрые”, как всегда, историки задним числом во всём разберутся, разложат всё и вся по полочкам. К сожалению, для многих это будет слишком поздно...»

В 1961 году Владимиру Александровичу, уже как сотруднику аппарата ЦК КПСС, довелось присутствовать на беседе двух представителей руководства Венгерской социалистической рабочей партии — Иштвана Ногради, председателя Центральной контрольной комиссии, и Дьердя Ацеля, члена ЦК ВСРП, — с Матьяшем Ракоши. Беседа, которая состоялась в Краснодаре, длилась более восьми часов. Цель посланцев из Венгрии состояла в том, чтобы высказать Ракоши претензии в связи с фактами его «антипартийной деятельности, подстрекательскими письмами и нежелательными встречами с некоторыми венгерскими гражданами». Ракоши решительно отверг все предъявленные ему обвинения, а на выпады в его адрес высказал следующее: «Вы не забывайте, что перед вами единственный оставшийся в живых руководитель Коминтерна, работавший с Лениным под его личным руководством. Шестнадцать лет я провёл в хортистских застенках в Венгрии, вёл себя достойно, не сдался, выдержал все испытания. Во время войны ещё раз доказал, что являюсь другом Советского Союза. Под моим руководством в Венгрии победила социалистическая революция, а вот без меня в 1956 году произошла контрреволюция».

Ракоши всю жизнь винил себя в том, что поддался давлению Москвы и дал согласие оставить высший партийный

пост и покинуть Венгрию в июне 1956 года. Он был уверен, что если бы продолжал руководить ВПТ, то не дал бы событиям принять драматический характер и завершиться для его страны такой трагической развязкой. Но, как мы знаем, у истории нет сослагательного наклонения, и бессмысленно гадать, чем бы всё закончилось в Венгрии, если бы Ракоши остался в стране.

Заметим, что Андропов ценил и уважал Ракоши и был против того, чтобы его в тот момент, когда обстановка в Венгрии накалилась, отозвали в Советский Союз. А вот к Имре Надю Юрий Владимирович относился с большим недоверием. Возможно, поэтому в Москве летом 1956 года возникла идея сменить несговорчивого Андропова на нового посла. Подобрали даже кандидатуру — секретаря ЦК Компартии Белоруссии П. А. Абрасимова. Но в последний момент у Хрущёва появились какие-то сомнения, и все остались на своих прежних постах.

Андропов уважал Ракоши не за его жёсткость, как принято считать в либеральной печати, а за его знания, опыт, деловые и организаторские качества. Даже для американских и западных спецслужб было вполне очевидно, что в его лице Венгрия имела сильного руководителя, способного обеспечить нормальное политическое и экономическое развитие страны. Этого-то они как раз и не могли допустить, так как понимали, что Ракоши никогда не отступит с твёрдой просоветской позиции.

27 апреля 1956 года глава миссии США в Будапеште, направив в Вашингтон рекомендации по мерам, цель которых — скорейшая отставка Ракоши, признавал, что Ракоши, отстранив Надя от руководства правительством, сумел добиться стабилизации и даже улучшения социально-экономического положения Венгрии. Теперь же, как отмечали американские дипломаты, «костяшки домино в Восточной Европе стали падать, ситуация в Венгрии ухудшается быстро», в связи с чем необходимо «усилить внутрипартийную оппозицию Ракоши», то есть поддержать группу Надя и идущую за ним творческую интеллигенцию. В послании подчёркивалось, что «соответствующие» действия США могут прямо повлиять на будущее Венгрии¹.

Реализуя планы США, радиостанция «Свободная Европа» неустанно твердила в своих передачах на Венгрию, что

¹ См.: Платошкин Н. Н. Будапешт: мрачная осень 56-го // Военно-исторический журнал. 2010. № 2.

только Имре Надь может быть достойным её лидером (эта идея странным образом совпала с намерениями А. И. Микояна).

После отъезда Ракоши в СССР партию возглавил Эрнё Герё. Это был человек, совершенно не обладавший качествами политического руководителя, сухой по характеру, лишённый какого бы то ни было ораторского дара (как убедился Крючков, работая в Венгрии, это качество имеет для венгров очень большое значение). Герё с самого начала показал свою беспомощность и не только не приобрёл влияния в широких массах, но и растерял последние остатки авторитета партии.

Герё — не единственная крупная кадровая ошибка, к которой были причастны советские руководители. Когда события в стране приняли угрожающий характер, он не раз обращался к советскому послу с просьбами и призывами оказать венгерскому руководству военную поддержку. Но Андропов отказался ставить перед Москвой вопрос о вводе наших войск в Будапешт. Поэтому Герё стал решать этот вопрос напрямую с Хрущёвым.

О твёрдой позиции Андропова свидетельствует не только Крючков. То, что Андропов не был инициатором ввода советских войск в Будапешт, в беседе с автором книги подтвердил и В. Н. Казимиров, известный советский дипломат, в прошлом — чрезвычайный и полномочный посол, а ныне — председатель совета ветеранов МИДа. (Владимир Николаевич тогда был немного моложе Крючкова, с которым у него установились дружеские отношения, но имел уже более солидный опыт работы в Венгрии — до назначения в Будапешт успел поработать в советском консульстве в Дебрецене.) В то же время позиция Андропова не означала, что он возражал против силового решения проблемы: бесчинства на улицах, чинимые вооружёнными бандами, не оставляли возможности для иного выбора.

23 октября, когда людские массы выплеснулись на улицы, Герё заявил о своей отставке. В условиях полной политической неразберихи в ночь с 23 на 24 октября был экстренно созван пленум ЦК ВПТ. Члены ЦК, находившиеся в явной растерянности, фактически всю полноту власти передали Имре Надю, который возглавил правительство. Ведь знало же большинство Центрального комитета цену Надю, но, видно, сказались давление оппозиции и та странная благосклонность, которую проявляла к Надю Москва.

Бывший премьер Андраш Хегедюш, молодой и талантливый руководитель, стал его замом.

Надь никоим образом не возражал, когда и участники пленума, и члены правительства приняли решение обратиться за помощью к Советскому Союзу. Но когда Андропов обратился с настойчивой просьбой оформить эту просьбу документально, Надь подписывать соответствующий документ отказался, переложив ответственность на Хегедюша. А через несколько дней, лишь только части советских войск начали вытеснять мятежников из Будапешта, Надь провозгласил восстание (которое раньше сам называл контрреволюционным) национально-демократическим движением и потребовал вывода советских войск из столицы. Одновременно он заявил о выходе Венгрии из Организации Варшавского договора и призвал к вводу в Венгрию войск ООН.

Вот чем обернулись надежды Москвы на то, что Надь попытается стабилизировать обстановку в стране, погасить вооружённые конфликты — это не входило в его планы. Опытный политический интриган вознамерился управлять выступлениями мятежников, использовать их в своих интересах. Но поскольку воспринимали его далеко не все лидеры контрреволюционных сил, Надь пытался вызвать к себе симпатии, выступая с призывами к реставрации капитализма и антисоветскими заявлениями.

Стало очевидным, что советское руководство, главным образом Хрущёв и Микоян, допустило новый кадровый просчёт, на этот раз — фатальный.

Следует сказать, что ещё в 1953 году, когда Надь стал премьер-министром, между ним и Ракоши возникали принципиальные разногласия по вопросам социалистического строительства в Венгрии. Правительство Имре Надя провозгласило либерально-буржуазный «новый курс», были освобождены политзаключённые, безграничное поле деятельности получили диссиденты, поощрялись статьи в прессе, направленные на критику социалистического строя. Вполне обоснованно Надь обвинялся в поддержке сил, выступавших за реставрацию буржуазных порядков, в разжигании националистических настроений, критиковался за непоследовательность во взглядах и политике. Практически у всех вызывала раздражение его склонность к демагогии. В конце концов весной 1955 года он был отстранён от дел и исключён из ВПТ.

Почему А. И. Микоян выступил с инициативой реани-

мировать политический труп и вернуть дискредитировавшего себя деятеля к руководству страной, остаётся загадкой. Очевидно, он полагал, что Ракоши был к Надю несправедлив и проявил к нему излишнюю жёсткость. Отметим, что мнение Микояна не нашло поддержки ни в Москве, ни в ЦК ВПТ. Прислушался к нему лишь Н. С. Хрущёв, который в июне поручил Микояну вылететь в Будапешт, чтобы в личной встрече проверить, обоснована его позиция или нет.

К организации этой встречи оказался причастен Крючков. Накануне визита Микояна Андропов поручил ему разыскать Надя, созвониться с ним и выяснить, согласен ли тот встретиться в советском посольстве с Микояном. Согласие было получено. А вскоре Крючков получил и новое задание — привести Надя на встречу с Микояном. Предоставим слово Владимиру Александровичу:

«По дороге Надя с теплотой рассказывал о своём пребывании в Советском Союзе, говорил, что привык к советской прессе, особенно к “Правде”, регулярно слушает московское радио. По поводу своей дочери мой спутник заметил, что она вообще больше русская, чем венгерка, как по воспитанию, так и по языку. Сам Надя по-русски говорил совершенно свободно, без всякого акцента. В машине он ненавязчиво обронил несколько фраз о том, что не мыслит Венгрию без тесного союза с Советским государством, дал понять, что лучше его кандидатуры Москва не найдёт, что с ситуацией в стране только он в состоянии справиться.

Как мне рассказывали, беседа Микояна с Надем носила характер глубокого зондажа и завершилась обоюдным выводом о целесообразности взаимного сотрудничества. Но, как отмечали венгерские друзья, Надя часто говорил одно, а делал совсем другое»¹.

К личности этой, как считал Крючков, «роковой для Венгрии фигуры» мы ещё вернёмся. А сейчас — несколько слов о том, в какой обстановке приходилось работать сотрудникам посольства, которое оказалось, по существу, на осадном положении. Сначала — об одном эпизоде, о котором рассказал автору В. Н. Казимиров. В городе шла перестрелка, когда Андропов проводил планёрку. Неожиданно оконные стёкла с треском прошила пуля. Все находившиеся в кабинете, согласно инструкции, попадали на пол (одного Андропова это не смутило — он оставал-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 54.

ся сидеть), и Казимиров увидел, что срикошетившая обо что-то пуля лежит прямо перед ним. Он не растерялся и быстро положил её в карман — на память. Долго хранил её у себя, а спустя 20 лет подарил её Юрию Владимировичу в его день рождения.

И Крючков, и Казимиров отмечали одну важную черту Андропова: он доверял молодым сотрудникам. Когда начались первые демонстрации, он сразу же собрал всех, кто знал венгерский, и провёл с ними совещание. Чувствовалось, что для Юрия Владимировича оно было нелёгким. Задача, которую поставил посол, заключалась в следующем: любыми путями собрать как можно больше информации о настроениях людей, митингующих на улицах. Андропов считал, что, если посольство хочет иметь полную и объективную картину, оно не может полагаться только на спецслужбы. Тем более что накануне событий были расхождения в оценках происходящего: разведка оценивала перспективу более оптимистично, чем посол, который заранее предупреждал Москву о возможности уличного сценария развития событий (подчеркнём, что о «соревновательности» или соперничестве в той обстановке и речи не было — все друг другу помогали). Дело было рискованное, но каждый понимал его важность.

Сейчас Казимиров с улыбкой вспоминает о том, как сотрудники посольства шли в толпы митингующих. Но тогда было не до смеха. Тот же Крючков, в пошитых перед загранкомандировкой по московской моде широких брюках, с сохранявшимся акцентом, который не оставлял сомнений в национальной принадлежности говорившего, слишком мало напоминал венгра. Сам Крючков вспоминал, что знание венгерского языка позволяло вступать с венграми в разговоры, получать свежую информацию прямо из центра событий. Но хорошо, если перед тобой оказывался благожелательный собеседник — частенько попытки завязать беседу заканчивались тем, что приходилось в буквальном смысле слова уносить ноги, как только по акценту в тебе распознавали русского.

Митинги отличались не только агрессивной риторикой — то там, то здесь раздавали оружие, вспыхивали потасовки. 23 октября над толпами растянули изображение нового польского лидера Гомулки, со всех сторон звучали призывы идти на радиокомитет и захватить его.

Крючков находился в рядах демонстрантов, когда те, разогретые собственными выступлениями и подстрекате-

лями, двинулись на площадь Сталина — низвергать памятник советскому вождю. Вот как он описывает это действо:

«Её (статуи) низвержение сопровождалось безудержным ликованием собравшихся. Казалось, большего восторга и счастья никто из присутствовавших в своей жизни не испытывал. Сначала памятник с помощью автомашины раскачали из стороны в сторону, а затем, подрезав автогенной частью фигуры чуть выше сапог, тягачами свалили навзничь (так и стоял потом ещё несколько дней на площади постамент с одними сапогами на нём, что дало повод жителям Будапешта тут же окрестить это место “площадью сапог”). Повергнутая статуя мгновенно скрылась под телами забравшихся на неё людей. Площадь огласилась каким-то диким рёвом. И вдруг — то ли от ещё сохранившегося страха перед этим человеком, то ли просто отрезвев от отвратительной сцены варварства — люди как-то разом притихли и стали поспешно уходить, вернее, даже убежать прочь от зловещих обломков. Через минуту бегство приобрело массовый характер, толпа была буквально охвачена паникой...»

Другая задача, которую решали сотрудники посольства, пренебрегая собственной безопасностью, — спасти от расправы партийных активистов, не успевших укрыться от беснующихся нацистов и бандитов (вспомним, какую кровавую баню устроили те в Будапештском горкоме ВПТ), вывезти их в безопасное место, используя, в том числе, возможности посольств социалистических стран. При этом часто действовали они по личной инициативе, используя связи в кругах своих венгерских друзей, контакты и возможности. Казиминову, например,годились многочисленные знакомства среди венгерских любителей футбола. Дело в том, что он сам был прекрасным футболистом (в молодости занимался в московском «Торпедо» и выступал за юношескую команду этого прославленного советского клуба), а в Будапеште слыл страстным болельщиком и знатоком венгерского футбола.

Для эвакуации венгерских коммунистов Владимир Николаевич использовал грузовик Военторга, где работала его жена. Так, 2 ноября он узнал от заведующего международным отделом ЦК ВПТ Шандора Ногради, что многие руководители ВНР порвали с Имре Надем и им грозит расправа. На следующий день Казимиров вместе с водителем-венгром приехал по условленному адресу. Всех ожидавших благополучно разместили в фургоне, и машина тронулась. Однако вскоре её остановил патруль с повязка-

Кривошов

Дореволюционный Царицын

Семья деда В. А. Крючкова

Владимир Крючков (в центре) среди родных.
Отец Александр Ефимович, мать Мария Фёдоровна, брат Константин
и сестра Валентина. 1941 г.

Свидетельство о рождении Владимира Крючкова

КОТЕЛЬНИЦКИЙ ЦЕЛ...
 ЗАПИСЬ РОЖДЕНИЯ
 № 4120
 1924 г.
 г. Шарыпово

ПАСПОРТ (с рождения)

Удостоверение

Дано сего гражданину
Владимиру Крючкову
Александрову Ефимовичу
 в том, что как видно из Актовой книги Шарыпов. Губери. уезда. Зап.
 Акт. Гр. Сост. о рождении за 1924 год поя ст. № 4120 знач.
 итется у граждан Крючков Александр Ефимович
 и Марии Федоровны
 рожден Свин по имени Владимира
 тельца Февральской Захаровской
Челобарки года Февраля месяца 29 дня.
 Что подписями и приложением печати удостоверяется.

Зав. Цар. губ. плотд.
 Записей Актот Гражданского Состояния Александров
 Делопроизводитель Д. Д. Д.

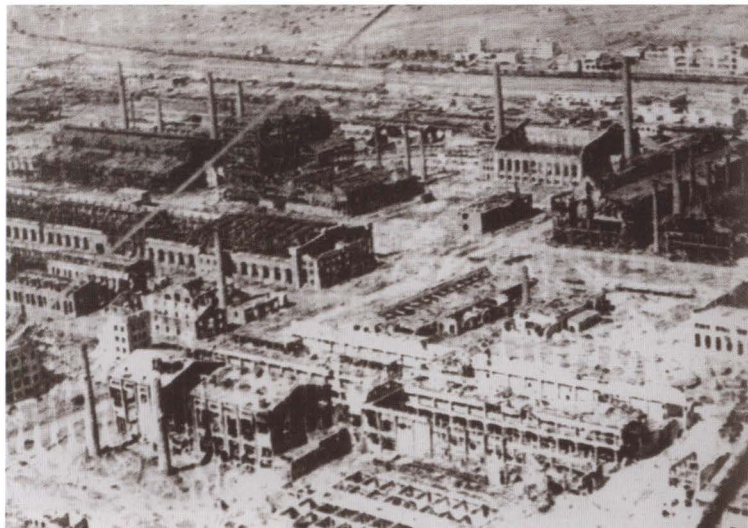
1-28-28

Семнадцатилетний
Владимир Крючков —
рабочий завода
«Баррикады».
Октябрь 1941 г.

Рабочие котельного
цеха завода
(в первом ряду
в центре —
А. Е. Крючков).
Осень 1943 г.

Завод «Баррикады» после налёта немецкой авиации на Сталинград
(снимок сделан с немецкого самолёта-разведчика 24 августа 1942 г.)

Продукция завода «Баррикады» на фронтах Великой Отечественной войны. На снимке: противотанковая пушка Ф-22 выдвигается на позицию. 1943 г.

Секретарь
Сталинградского
горкома комсомола
В. Крючков. 1946 г.

По зову сердца

В первую партизанскую
бригаду при Баррикадной РК.
ВКП(б) от кандидата в ст. ВКП(б)
Крючкова Владимира Александровича

Заявление

Прошу признать меня в члены
ВКП(б); с уставом и программой озна-
комлен; буду честно и добросовестно вы-
полнять все партийные поручения; буду
отдавать свои знания и энергию на
благо Родины.

20/1-44. К сему: *В. Крючков*

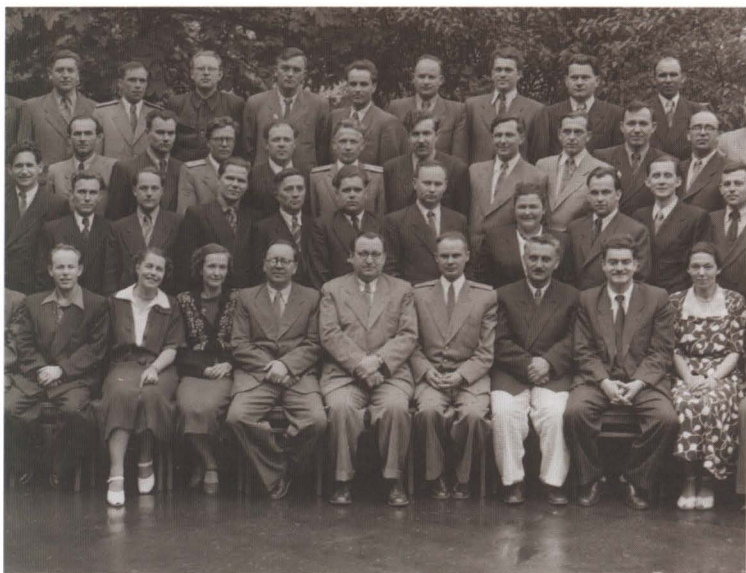

Е. П. Крючкова
вскоре после свадьбы. 1947 г.

Прокурор следственного
отдела Сталинградской областной
прокуратуры. 1948 г.

Преподаватели и выпускники Высшей дипломатической школы
МИД СССР. В. А. Крючков – во втором ряду пятый справа. 1954 г.

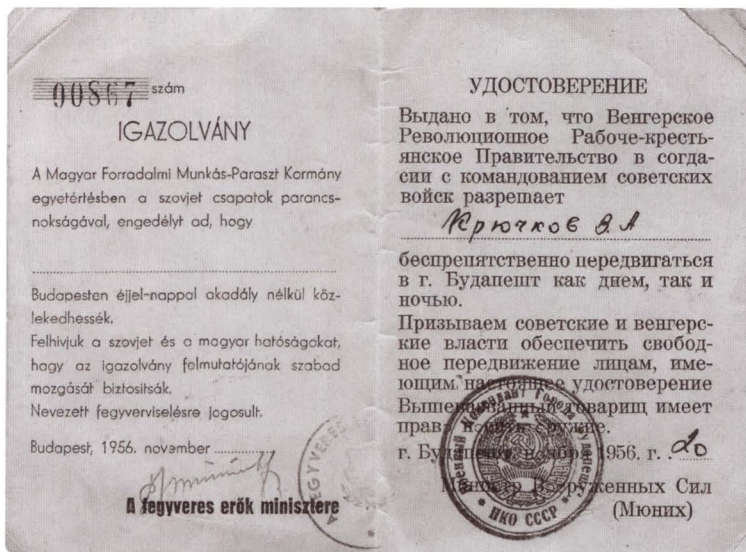

Начинающий дипломат
в Будапеште.
Осень 1955 г.

Во дворе жилого
комплекса советского
посольства в Будапеште.
В центре —
Е. П. Крючкова
с сыном Сергеем.
Весна 1956 г.

Удостоверение на право передвижения по Будапешту

Мятежники расстреливали и вешали людей прямо на улицах венгерской столицы. *Осень 1956 г.*

Посол СССР
в Венгерской
Народной
Республике
Ю. В. Андропов

Вручение
В. А. Крючкову
ордена Трудового
Красного Знамени
за образцовое
выполнение
служебного долга
в Венгрии

Руководитель внешней разведки КГБ СССР

В. А. Крючков знакомит Ю. В. Андропова с работой разведывательного комплекса в Ясенево

Памятник советским разведчикам, отдавшим жизни при исполнении служебного долга

Закладка мемориального сада в честь героев-разведчиков

Митинг памяти

Удостоверение председателя Комитета госбезопасности

На торжественном заседании в Краснознаменном институте
им. Ю. В. Андропова

С руководителем Демократической Республики Афганистан
Бабраком Кармалем

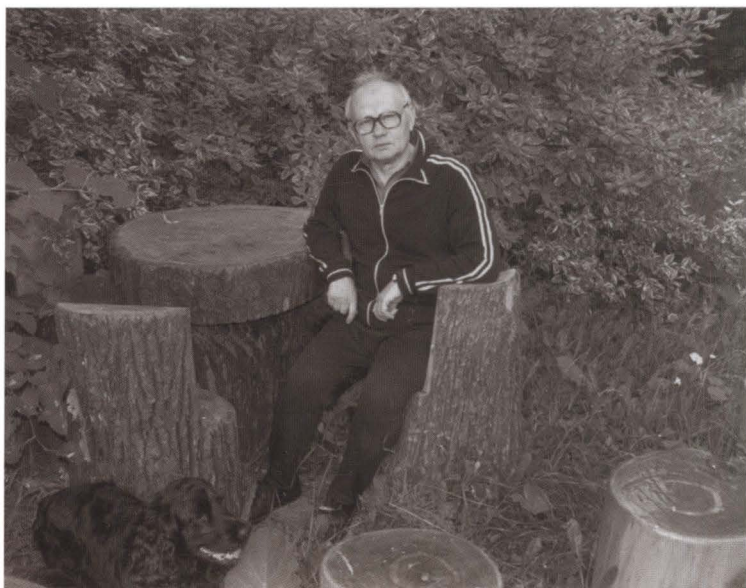
Снимок на память у мусульманской святыни – Голубой мечети
в Мазари-Шарифе. *Афганистан, 1988 г.*

С любимой внучкой Машей и снохой Ольгой

Излюбленное место отдыха на служебной даче в Ясеневе

ми Национальной гвардии, которым командовал человек в мундире хортистского офицера. К счастью, пронесло: документы проверили только у водителя, а они оказались в порядке (между прочим, статус Казимилова в то время ещё не предоставлял ему дипломатической неприкосновенности). Люди были спасены.

В те дни в экстремальную ситуацию мог попасть любой сотрудник посольства, едва он выходил в город, выполняя какое-либо поручение, связанное с посещением учреждений, ведомств, посольств социалистических стран.

В. Н. Казимиров тепло отзывался о Крючкове, который в критический период развития событий стал одним из наиболее доверенных лиц Андропова. При этом Владимир Александрович никогда не относился к тем людям, которые стремятся выслужиться перед начальством или угодить руководителю. Он всегда имел собственное мнение по тем вопросам, которые обсуждались в посольстве на совещаниях и планёрках, не скрывал его, излагал своё мнение спокойно и аргументированно. А Юрий Владимирович искренне уважал подчинённых, не боявшихся ему перечить, отстаивавших свою точку зрения.

Безусловно, большую роль сыграло хорошее знание Крючковым венгерского языка, и на многих встречах с венгерскими руководителями Владимир Александрович выполнял обязанности переводчика. И что ещё отмечал Казимиров, так это необычайную дисциплинированность и исполнительность Крючкова — качества, которые, казалось, были у него в крови.

Андропов, всегда требовавший системности и порядка в делах, отучал отдельных работников посольства от разболтанности весьма оригинальным способом. Сам он приходил на службу за полчаса до начала рабочего дня, а сотрудники посольства, придя на работу, расписывались у дежурного в журнале. Но в ту минуту, когда официально начинался рабочий день, дежурный нёс журнал в кабинет посла и клал на отдельный столик. Опоздавший вынужден был идти расписываться в кабинет руководителя. Посол при этом продолжал читать свои бумаги и даже, похоже, не обращал на проштрафившихся никакого внимания. Казимиров, как он сам вспоминал, там тоже пару раз побывал, после чего опаздывать перестал. Одним из немногих сотрудников, кому не пришлось ни разу перед началом рабочего дня расписываться в кабинете посла, был Крючков.

Но отличался он не только собранностью и деловы-

ми качествами. Ему было свойственно какое-то неуёмное стремление помогать и делать добро окружающим, и это были не просто жесты и знаки внимания, которые в повседневной жизни носят скорее символический характер. Речь идёт о вещах более серьёзных и существенных. Причём, помогая людям, Крючков старался оставаться в тени, незамеченным. Казимиров привёл пример из собственной жизни. По возвращении из Венгрии его семья, которая нуждалась в жилье, долго не могла получить от МИДа нормальную квартиру. Предложения были, но по всему было видно, что исходили они от тех, для кого главное — «решить вопрос», а там хоть трава не расти. Совершенно неожиданно Владимир Николаевич узнал, что его жилищной проблемой занимается соответствующая служба ЦК КПСС (с чего бы это?), и вскоре она благополучно разрешилась. Лишь через несколько лет он совершенно случайно выяснил, что здесь не обошлось без участия Крюčkова, который подключил к решению вопроса Андропова, уже имевшего в ту пору в ЦК КПСС большое влияние...

Владимир Александрович в горячие дни венгерских событий сопровождал посла, пожалуй, в большинстве его выездов. А они были непростыми и в любой момент могли печально закончиться. Крючков, по своей скромности, которая, кстати, отличала его на протяжении всей жизни, в опубликованных воспоминаниях об участии в этих поездках умалчивает. Но описывает один случай, из которого можно понять, с чем были сопряжены выезды посла.

Так, в ночь на 24 октября Андропов вместе с военным атташе отправился на военный аэродром встречать высокопоставленных гостей из Москвы. На окраине столицы они попали в засаду, были обстреляны, при этом их пробитая пулями автомашина, к тому же ещё угодившая в завал из деревьев, полностью вышла из строя. Пассажирам пришлось глубокой ночью в течение двух часов пешком добираться до советского посольства. А на улицах Будапешта было беспокойно, по ним бродили толпы возбуждённых и вооружённых людей, которые несколько раз пытались остановить странных пешеходов. Однако каким-то чудом всё обошлось благополучно. Участники этого ночного «похода» были удивлены выдержкой и самообладанием Андропова. Сам же Юрий Владимирович признался потом, что это происшествие стоило ему огромного нервного напряжения.

Надо сказать, что Юрий Владимирович беспокоился

больше не за себя. Всем было видно, что он переживал прежде всего за безопасность сотрудников посольства и их семей (жёны и дети сотрудников были эвакуированы в самом начале ноября, в разгар бесчинств, творившихся вокруг посольства). Постоянное нервное и физическое напряжение дало о себе знать — в декабре 1956 года Андропов перенёс инфаркт. Его здоровье оказалось серьёзно подорванным в самом расцвете сил — ему было только 42 года...

4 ноября, чтобы пресечь действие мятежных групп, принявших откровенно кровавый и разбойный характер, в Будапешт вновь вошли советские части. Отказавшись от цивилизованных способов борьбы и разрешения жизненно важных для страны проблем мирным способом, не признавая серьёзных уступок и подвижек, предпринятых со стороны руководства ВНР, *мятежники сами сделали этот выбор.*

Существует мнение, что если бы не серьёзные кадровые просчёты, в которых, безусловно, была вина и советского руководства, развитие событий в Венгрии, процесс назревших преобразований можно было решить иным образом. Но, думается, даже избежав серьёзных ошибок, от неприемлемых, жестоких столкновений уйти бы не удалось — такой сценарий совершенно не устраивал ЦРУ и спецслужбы западных стран, чьи замыслы и цели носили глобальный характер: переворот в Венгрии должен был стать лишь первым этапом открытой борьбы за полное уничтожение «коммунистической заразы» в Европе.

Имре Надь бежал в югославское посольство, а затем был вывезен вместе со своими ближайшими сообщниками в Румынию. В июле 1957 года он был возвращён в Венгрию и предстал перед судом, который приговорил его к высшей мере наказания.

Новый руководитель Венгрии — Янош Кадар воспринял историю с Надем как свою личную трагедию, которая не оставляла его в покое на протяжении всей жизни. Крючков, который сдружился с Кадаром, очень сожалел, что тот не дожил до того дня, когда стали известны материалы, раскрывающие непосредственное участие Нады в репрессиях, развёрнутых против венгерских коммунистов, находившихся в СССР, в 1930-е годы.

В 1989 году В. А. Крючков, будучи председателем КГБ СССР, представил в Политбюро ЦК КПСС архивные материалы, касающиеся Имре Нады. В них раскрывалась неблагоприятная деятельность венгерского политика, который с 1933 года сотрудничал с НКВД как секретный агент по

кликке «Володя». В результате множества лживых доносов на своих соотечественников, многие из которых были сотрудниками Коминтерна, Надь обрёл на смерть более 150 венгерских коммунистов. Эти материалы были направлены руководству Венгерской социалистической рабочей партии, которая попросту положила их «под сукно» — в это время в Венгрии, как и в СССР, бурными темпами шёл процесс «демократизации». Нужны были мученики «за свободу и демократию», и венгры решили, что именно Надь подходит на роль национального героя.

Советская сторона отнеслась тогда к позиции ЦК ВСРП с полным пониманием, поскольку у неё к этому времени было большое количество своих новоявленных страсто-терпцев и борцов против «тоталитарного режима» с сомнительными биографиями.

Осенью 1992 года Б. Н. Ельцин, поддерживая созданный ему имидж лидера российских демократов, который на Западе не пошатнулся даже после расстрела в октябре 1993 года Верховного Совета РФ, передал президенту Венгрии обширное досье, посвящённое драматическим событиям 1956 года. Несмотря на то что там было и немало неизвестных ранее документов, ничего принципиально нового оно не содержало. Но важен был жест, свидетельствующий о том, что ельцинское руководство России признаёт вину руководства СССР за то, что оно, введя в Будапешт войска, не позволило тогда Венгрии встать на путь «свободного развития». По существу, Россия в оценке венгерских событий полностью поддержала позицию западной пропаганды.

С тех пор ничего не поменялось.

Остаётся только надеяться, что не за горами то время, когда мы начнём уважать себя и свою историю.

Глава третья

СОРАТНИК АНДРОПОВА

За образцовое выполнение служебного долга в период венгерских событий Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1957 года В. А. Крючков был награждён орденом Трудового Красного Знамени. Высокая оценка работы начинающего дипломата в комментариях не нуждается. Заметим только, что сам Владимир Александрович считал, что ему крупно повезло: у Ю. В. Андропова, возглавлявшего посольство, было чему поучиться. Трудно заподозрить Крючкова в предвзятом отношении к Андропову. Его высокое мнение о руководителе посольства подтверждает такой авторитетный дипломат, как В. Н. Казимиров: «Не в укор другим начальникам, с которыми пришлось работать потом, Андропов был самым талантливым и сильным руководителем. Он отличался масштабом мышления, организаторской хваткой, полной самоотдачей в работе. Под его руководством наше посольство достойно выстояло в бурных будапештских событиях».

Юрий Владимирович сумел сплотить коллектив, организовать его работу даже в условиях фактической осады посольства, благодаря прежде всего своим личным качествам. Вызывали уважение его порядочность, самообладание и мужество (школа партизанского и подпольного движения в Карелии в годы Великой Отечественной войны не прошла даром), умение находить верные решения в экстремальных ситуациях, наконец, доброжелательность и простота в общении с подчинёнными.

Полагают, что грамотные действия Андропова во время мятежа, его оценки происходящего и принципиальная позиция, прежде всего в кадровых вопросах, которую приходилось отстаивать перед Москвой, невзирая на лица (вспомним хотя бы явные просчёты, допущенные Микоя-

ном, особенно выдвижение Имре Надя), в конечном счёте оценил и Хрущёв: в марте 1957 года Юрий Владимирович был назначен заведующим отделом ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран¹.

Андропов не забыл про Крючкова и после возвращения Владимира Александровича в августе 1959 года из Венгрии пригласил его в свой отдел на должность референта. Кто-то считает: Крючков вытащил счастливый билет. Но, думается, сарказм здесь неуместен, тем более что исходит он от тех, кто продвижение по служебной лестнице рассматривает не иначе как лотерею, сложную, полную интриг игру, цель которой — любым способом переиграть конкурентов. Этим людям, видно, и в голову не приходит, что кто-то в своей жизни придерживается совсем иных, не столь примитивных норм поведения, исповедует иные нравственные принципы, а порядочные и грамотные руководители ценят в своих подчинённых прежде всего профессионализм, образованность, творческое мышление, чувство долга. По этим качествам они и судят, на что человек способен, есть ли у него перспектива роста. А то, что Андропов подходил к людям именно с такими, самыми высокими, мерками, сомнений не вызывает.

Именно поэтому попытки представить дело так, что Юрия Владимировича привлекали в Крючкове только его исполнительность и покладистость, — чистой воды домыслы, не имеющие под собой никаких оснований². Да и «влезть в доверие» к Андропову было невозможно — он терпеть не мог неискренности, всегда чувствовал фальшь в поведении человека, а при первой попытке обмана рвал с ним всякие отношения.

Все, кто работал рядом с Андроповым, отмечают, что он с особым уважением относился к тем сотрудникам, которые имели собственное мнение и всегда отстаивали его перед руководством, не подпевали начальству. И не дай

¹ Это структурное подразделение в ЦК КПСС было создано после венгерских событий для усиления работы с руководством социалистических стран; ранее всю внешнеполитическую деятельность партии координировал Международный отдел ЦК КПСС.

² Аналогичное утверждение, но только касающееся уже отношения к Крючкову со стороны Горбачёва, можно встретить у некоторых «историков», когда они, не обладая необходимыми знаниями и подготовкой, стремятся объяснить факт назначения Владимира Александровича председателем КГБ СССР.

бог, если он замечал в ком-то приспособленчество или угодничество — такие люди просто переставали для него существовать. Вспоминая работу в Будапеште, В. Н. Казимиров рассказывал, например, что Юрий Владимирович умел увлечь коллектив, приучая людей к нестандартному мышлению. Одна из самых типичных его резолюций, адресованных подчинённым, — «Ваши предложения?». Знаком вопроса он пробуждал в сотрудниках инициативу, творческий подход к делу.

От ветеранов КГБ приходилось не раз слышать, что между Андроповым, когда тот возглавлял КГБ, и Крючковым, руководившим в ту пору Первым главным управлением Комитета (внешней разведкой), порой возникали серьёзные расхождения по принципиальным вопросам, которые иногда перерастали в бурные споры. Бывало, разногласия достигали такого накала, что «конфликтующие стороны» по две недели не разговаривали друг с другом. При этом больше горячился Андропов, пытаясь переубедить Крючкова, который отстаивал свою точку зрения до последнего. И если Юрий Владимирович оказывался неправ (бывало, конечно, по-разному), то в конечном счёте всегда признавал это.

Однако что в КГБ следует считать принципиальным вопросом, а что второстепенным, текущим? Как-то, тогда Крючков был ещё заместителем начальника Первого главного управления, в беду попал наш разведчик в Тунисе. Молодой парень допустил оплошность: пошёл на встречу с малознакомым человеком, не подготовив её должным образом и не предупредив руководство резидентуры. В результате был схвачен и оказался в тюрьме, где против него использовали меры самого грубого физического воздействия, даже расстрел имитировали. Но он мужественно выдержал все пытки, его удалось с большим трудом освободить, а в Москве с ним изъявил желание встретиться Андропов. Молодой сотрудник всё честно рассказал, не утаив своих ошибок. Но, несмотря на это, Юрий Владимирович в нетипичной для него жёсткой манере заявил, что ему нет оправдания и вряд ли целесообразно в дальнейшем его использовать в разведке.

Разговор на этом и закончился, но, оставшись с Андроповым наедине, Крючков выразил недовольство и тональностью разговора, который вёл председатель КГБ с разведчиком, и его решением. Но Андропов был непреклонен. Однако через несколько дней вернулся к этой теме: «Зна-

ешь, я тут подумал ещё раз над всем этим делом и решил, что ты, наверное, прав: я действительно перегнул тогда в разговоре. Ты как-нибудь доведи до него эту мысль, но только так, чтобы он не воспринял это как полное прощение...»

Эта история может служить иллюстрацией характера повседневных взаимоотношений между Андроповым и Крючковым. Вместе с тем этот пример не означает, что Крючков был более либерален к сотрудникам, нежели Андропов. КГБ — не институт благородных девиц, и тот и другой в повседневной работе часто шли на жёсткие решения и меры, особенно если речь шла о потери бдительности, трусости или разгильдяйстве.

...Как знать, если бы не потрясения, обрушившиеся на нашу страну вскоре после смерти Юрия Владимировича, вероятнее всего, завершил бы Крючков свою карьеру со щитом, украшенным внушающей уважение надписью: «Сподвижник Андропова». Но финал оказался другим. Кабинет председателя КГБ ему пришлось сменить на тюремную камеру, а вместо заслуженных титулов и званий — нести бремя унижительных ярлыков и обвинений, свидетельствующих о мелкой мстительности недругов и разочарованной толпы. При этом фальшивым голосам отщепенцев-предателей вроде Гордиевского или Калугина подпевают не бывшие сослуживцы Крюčkова, не профессионалы, прекрасно осведомлённые о его деятельности на всех этапах работы в КГБ, а люди, движимые исключительно личной неприязнью и даже нескрываемой ненавистью к человеку, попытавшемуся организовать последний заслон на пути разрушителей великой державы.

Конечно, после неудачного выступления ГКЧП в августе 1991 года, последовавших затем распада Советского Союза и ликвидации социалистического государства отвернулись от Крюčkова и некоторые его бывшие коллеги, проявлявшие к нему прежде благожелательность или по крайней мере лояльность. Увы, не всем по душе человек после его падения или низвержения с пьедестала. Для многих подобный финал — это «счастливая» возможность дать волю чувствам и высказать, наконец, тщательно скрывавшиеся обиды, накопившееся недовольство, прятать которое втуне заставляло только одно — собственное малодушие, укоренившаяся привычка к чинопоклонению. Впрочем, всё это «не ново под луной».

Вспоминается Пушкин: «Толпа... в подлости своей ра-

дуются унижению высокого, слабости могущего»¹. У Пушкина, подметившего эту не слишком благовидную особенность человеческой природы, речь, как мы помним, идёт об изломах творческой судьбы художника. В нашем случае, когда объектом огульной критики и всевозможных наветов становится Крючков, преобладают стереотипы и штампы, порождённые неприятием человека прежде всего по политическим мотивам — человека коммунистических убеждений, преданного советскому строю, верного своему долгу. Именно это и вызывает в нём наибольшее раздражение — даже в тех случаях, когда политику пытаются оставить «за кадром». Но чаще всего своей политической предвзятости, которая носит, как правило, яркий либеральный окрас, критики Крючкова и не скрывают.

«Крючкова всегда считали бледной тенью своего начальника и покровителя Юрия Андропова. Серая мышь, исполнительный помощник, гений канцелярии...»² — такой лейтмотив присутствует в оценках деятельности Крючкова, которые бойко раздаёт ему Л. М. Млечин в публикациях, посвящённых истории внешней разведки и руководителям Комитета госбезопасности СССР. На чём основано такое отношение к человеку, а главное — кто так считал? На эти вопросы автор давать ответов не собирается. Для Млечина важно сказать похлеще, а заодно представить период, в течение которого Крючков возглавлял службу разведки, как унылую цепь предательств и провалов, без проблесков и позитивных результатов.

Да и откуда могут взяться результаты, если люди в разведке озабочены, как кажется Млечину, совсем другим. Например, тем, как доказать свою преданность недоверчивому начальству и неукоснительную исполнительность. «Рассказывают, — пишет Млечин о печальной судьбе афганского деятеля, — что Аминуте отрезали голову и в полиэтиленовом пакете доставили в Москву — отчитаться о проделанной работе»³. Вводные слова «говорят», «считают», «рассказывают» в русском языке обычно свидетельствуют о том, что произносящий их руководствуется слухами или сплетнями. Но именно эти слова почему-то полюбились Млечину и с успехом заменяют ему в книгах об органах госбезопасности ссылки на источники и доказательства.

¹ Пушкин А. С. Романы и повести. М., 1971. С. 322.

² Млечин Л. М. История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф, 2011. С. 208.

³ Там же. С. 202.

Не утруждает себя аргументами и И. Е. Синицин, опубликовавший в 2015 году книгу «Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя». В этих воспоминаниях Крючков также не обделён вниманием, автор отводит ему несколько страниц. Воистину, свобода слова в современной России не знает границ! Но автор этой книги забывает, что есть и другие границы — нормы элементарного человеческого приличия. Публично и абсолютно бездоказательно унижая честь и достоинство человека, Синицин и деятельность внешней разведки выставляет в столь примитивном и искажённом виде, что невольно задаёшься вопросом: откуда у него берётся такое чувство безнаказанности за столь грубую и откровенную ложь?

Вершиной «творчества» Синицина в жанре «голословие» является утверждение, что Крючков — ни много ни мало — разрушил внешнюю разведку¹. Именно при нём в советской разведке, «как всегда и везде на злых местах» (?!), процветали интриги и доносы. Ведь подумать только: даже важнейшая информация, как делится с неосведомлённым читателем автор, к председателю КГБ поступала не из ПГУ, а снималась с лент мировых информационных агентств. Синицин делает вид, будто не знает о том (а судя по всему, действительно ведь не знает!), что открытые материалы СМИ являются одним из серьёзных каналов информации для всех ведущих разведок мира. В нашей разведке анализом этих материалов занималось (причём не только круглосуточно, но и весьма эффективно!) Информационно-аналитическое управление ПГУ под руководством генерала Н. С. Леонова² — служба, которая при Крючкове стала одним из самых мощных и авторитетных подразделений КГБ. А более чем прозрачный намёк на то, что Андропов подвергал результаты этой работы сомнению, сродни рассказу о голове Амина, отправленной в Москву в виде вешдока.

Синицин говорит о «пагубном влиянии на Андропова и деятельность советской разведки со стороны упёртого партийного чиновника Крючкова». Но, вменяя в вину Крючкову привычки «партократа» (надо думать, приобретённые

¹ Здесь и далее см.: *Синицин И. Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя.* М.: Центрполиграф, 2015. С. 326–329.

² *Н. С. Леонов* — генерал-лейтенант, доктор исторических наук, в прошлом — начальник Информационно-аналитического управления ПГУ, затем начальник Аналитического управления КГБ СССР.

им в отделе ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран), Сеницин почему-то забывает о том, что сам в 1970-е годы в течение шести лет работал в аппарате ЦК КПСС. Однако в 1979 году был вынужден оставить должность помощника Андропова по работе в ЦК КПСС и вернуться на журналистскую службу в агентство печати «Новости», которое за его специфику пишущая братия окрестила в советское время «могилой неизвестного журналиста». Может быть, в этом и следует искать причины необъяснимой, едва ли не патологической неприязни Сеницина к человеку, работавшему так же, как и он, под началом Андропова, но сумевшему достичь в своей карьере несравнимо большего?

У Сеницина и подобных ему авторов даже исключительная организованность Крючкова и его приверженность твёрдому распорядку рабочего дня, систематическим занятиям физической культурой и спортом (гимнастикой он ежедневно занимался даже в тюремной камере) вызывают раздражение (ведь подумать только: человек, оказывается, чрезмерно заботился о своём здоровье!). И мы не стали бы продолжать с такими людьми бессмысленную полемику, если бы они в погоне за сенсацией или хлесткой фразой не переиначивали на свой манер важнейшие, подчас болезненные моменты нашей истории. Расчёт циничен: «пипл всё схавает».

Особой «новизной» отличается подход Сеницина к афганским событиям, в первую очередь к поиску виновных в развязывании боевых действий. «...Практически Крючков, — пишет он, — втянул страну в афганскую авантюру. Если в марте 1979 года Андропов решительно выступал против ввода советских войск в Афганистан и призывал решать споры между халькистами и парчамистами — двумя крыльями Народно-демократической партии — миром, то уже к концу того же года, под влиянием разведывательной информации, окраску которой придавал Крючков, он склонился в сторону “ястребов” на политбюро».

Вот тебе и «бледная тень» Андропова! Оказывается, Крючков не только своим шефом крутит-вертит как хочет, но через него и на деятельность Политбюро влияет!

¹ Систематические занятия физической культурой помогли Крючкову, не отличавшемуся природным здоровьем, перенесшему два инфаркта (первый — в самом начале его работы начальником разведки) и три микроинсульта, сохранить работоспособность и свежую голову до самых последних месяцев жизни.

Афганистан и разведка — отдельная, серьёзная и сложная тема, вокруг которой, очевидно, будет ещё немало споров. Но вести их должны в первую очередь профессионалы, люди сведущие, а не журналисты-дилетанты, которые из кожи лезут вон, лишь бы лишний раз очернить наше прошлое. Например, признанный аналитик КГБ, о котором мы уже упоминали, генерал-лейтенант Н. С. Леонов, участвовавший в подготовке аналитических документов для ЦК КПСС накануне вторжения в Афганистан, считает, что, принимая решение о вводе войск, Политбюро недооценило информацию разведывательных органов, в том числе материалы, представленные Первым главным управлением. А были они далеко не так однозначны, как нам пытаются представить, содержались в них и серьёзные предупреждения относительно возможных неблагоприятных последствий.

И, конечно же, только люди, имеющие смутное и поверхностное представление о том, что на самом деле происходило в Афганистане, могут считать, что все проблемы можно было урегулировать, уладив отношения между двумя фракциями Народно-демократической партии Афганистана — «Хальком» и «Парчаом». Между ними никогда не было принципиальных идеологических расхождений. Суть противоречий уходила вглубь родо-племенных отношений, которые и определяли непримиримость двух группировок среди руководящего и рядового состава НДПА (ядро одной — таджикское и узбекское население севера, другой — пуштуны юга страны¹).

Однако не противоречия между различными афганскими группировками повлияли на решение Политбюро ЦК КПСС. Почему-то те, кто представляет историю в виде нагромождения склок, интриг и борьбы за власть всевозможных кланов, упорно не хотят замечать главной проблемы: в Афганистане пересеклись стратегические интересы двух ведущих мировых держав — США и СССР. Этот конфликт, приобретающий к концу 1970-х годов зримые очертания, создававший угрозу нашей стране, делавший уязвимым «подбрюшье» СССР в Средней Азии, и лежал в основе принятия решения о военном вторжении в сопредельное государство. Но эту важнейшую тему, которая обросла за 30 лет

¹ Из 15—16 миллионов жителей Афганистана таджики составляют примерно 4 миллиона, узбеки — 3 миллиона, пуштуны — около 8 миллионов человек. Среди других этнических групп наибольшую численность имеют туркмены, белуджи, хазарейцы.

множеством либеральных мифов, мы ещё затронем в специальной главе, поскольку с Афганистаном судьба Крючкова оказалась связана не меньше, чем с Венгрией.

В книге Синицина нетрудно найти ответ на то, откуда берётся в некоторых бывших советских людях такое отвращение к советскому строю, который для многих и ассоциируется с личностью Крючкова. Так, в предисловии автор пишет: «...Я нахожу иногда подтверждение фактам, известным в те времена только крайне ограниченному кругу лиц, в открытой публицистике, научных и мемуарных трудах, особенно начала 1990-х годов...»¹

При упоминании «ограниченного круга лиц» почему-то вспоминаются рассказы бессмертного героя гоголевского «Ревизора». Хлестаков: «Там у нас и вист свой составился: министр иностранных дел, французский посланник, английский, немецкий посланник и я... А любопытно взглянуть ко мне в переднюю, когда я ещё не проснулся: графы и князья толкуются и жужжат там, как шмели, только и слышно: ж... ж...ж... Иной раз и министр...»

Ну а относительно ссылки Синицина на «труды» печальной памяти авторов начала 1990-х годов можно сказать одно: либерально-демократические опусы тех времён, отличавшиеся безудержной травлей людей, не пожелавших подстраиваться под чуждые им реалии «новой» России, пронизанные ненавистью «к тупым красно-коричневым негодьям»² и раболепием перед Западом, видно, многим ещё не дают покоя. Вспомнишь о их гнусном содержании, и сразу многое становится на свои места...

Пытаясь воссоздать объективную картину жизни и деятельности Крючкова, при подготовке настоящей книги автор встречался с самым *широким* кругом лиц — от политических деятелей, бывших руководителей КГБ СССР и советской разведки до «обычных», не занимавших высоких должностей разведчиков и оперативных сотрудников. Среди них были и люди, не разделяющие взгляды Владимира Александровича, находившиеся с ним в бурную политическую эпоху «по разные стороны баррикад», были и сотрудники госбезопасности, чем-то обиженные Крючковым, критически относящиеся к каким-то его решениям (например, связанным с кадровыми и социальными вопро-

¹ Синицин И. Е. Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015. С. 9–10.

² Формулировка из обращения писателей-либералов «Раздавите гадину» // Известия. 1993. 4 октября.

сами). Но никто из них не ставил под сомнение его политическую и профессиональную подготовленность и компетентность.

Конечно, читатель не обязан принимать на веру впечатления, которые произвели на автора личные встречи и беседы, тем более что нередко обмен мнениями, по вполне понятным причинам, носил конфиденциальный характер. Но ведь кроме этого есть масса открытых материалов, прежде всего воспоминаний руководящих сотрудников КГБ, досконально знавших работу органов госбезопасности, трудившихся бок о бок с Крючковым на протяжении ряда лет, в том числе людей, которых нельзя заподозрить в чрезмерной лояльности к Владимиру Александровичу. Каждый, например, имеет возможность ознакомиться с мемуарами Ф. Д. Бобкова — генерала армии, первого заместителя председателя КГБ СССР, В. Ф. Грушко, генерал-полковника, первого заместителя председателя КГБ СССР, Н. С. Леонова — доктора исторических наук, генерал-лейтенанта, начальника Аналитического управления и члена Коллегии КГБ, Л. В. Шебаршина — генерал-лейтенанта, начальника ПГУ КГБ, В. А. Кирпиченко — генерал-лейтенанта, первого заместителя начальника ПГУ КГБ, Ю. И. Дроздова — генерал-майора, начальника Управления «С» (нелегальной разведки) ПГУ. Список авторов книг и статей можно продолжить, но ни в одной из публикаций уважаемых профессионалов нельзя обнаружить и намёка на то, что Крючков — это человек, который в органах госбезопасности был не на своём месте.

Прямой вопрос бывшему первому заместителю председателя КГБ СССР, генералу армии Ф. Д. Бобкову задал главный редактор еженедельника «Мир новостей» Николай Кружилин: «Какие у вас были отношения с Крючковым?»

Ответ: «Вполне нормальные. После ухода Андропова нам нужен был руководитель не из комитета, что называется, со стороны, со свежими взглядами. Крючков, работавший в ЦК, на этот пост вполне подходил. Так что у меня по этому поводу не было никакой аллергии. Более того, если бы мне предложили возглавить КГБ, я бы отказался»¹.

Более развёрнутое суждение находим в книге бывшего первого заместителя начальника ПГУ КГБ, генерал-лейтенанта В. А. Кирпиченко:

«Горбачёв считал Чебрикова консерватором и решил

¹ Мир новостей. 2000. 9 декабря. № 50.

заменить его на третьем году перестройки более динамичным, работоспособным и к тому же разбирающимся в вопросах внешней политики Крючковым, которого, как я думаю, с самой лучшей стороны рекомендовал ему в своё время Андропов...

Трёхлетнее пребывание Крюčkова на посту председателя КГБ пришлось на период ускоренного распада нашего государства... Тревожные сигналы КГБ о положении в стране, естественно, доводились до сведения Горбачёва, однако никакого отклика на них не следовало, и постепенно руководство КГБ вынуждено было отказаться от сколько-нибудь активной реакции на происходящие события...

В условиях тотальной деградации нашей партийно-государственной системы Крючкову уже было некогда заниматься практическими делами разведки. Впрочем, в этом и не было большой необходимости: *наши дела он хорошо знал* (курсив мой. — А. Ж.) и вполне достаточно было от него получать краткие указания и рекомендации»¹.

Думаю, читателя не утомит небольшой отрывок из книги Ю. И. Дроздова² — человека, которого по праву называют легендой советской разведки. Разговор с Крючковым (он был тогда начальником ПГУ), который передаёт Юрий Иванович, состоялся перед его вылетом в США в качестве руководителя резидентуры КГБ в Нью-Йорке. Хотелось бы обратить внимание читателя, насколько внимательно и с каким уважением он выслушивает последние напутствия руководителя разведки — ведь они исходили от человека, который прекрасно владел (и это хорошо видно из текста) существом дела:

«На 9 августа 1975 г. был назначен день моего отлёта. Утром этого дня ко мне домой позвонил В. А. Крючков со словами последнего напутствия. Он понимал сложность ситуации, в которой мне предстояло оказаться. Как всегда, был краток, рекомендовал попытаться внести в работу свой наступательный метод, не похожий на то, к чему уже привыкли американские спецслужбы. Сотрудники резидентуры должны почувствовать, что приехал свежий человек. Нужно снять с коллектива напряжение ожидания нового руководителя, расположить его к себе и добиться откровенности. При этом — никаких любимчиков, на

¹ См.: Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001.

² См.: Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.

сильных, средних и слабых не делить. Беречь и укреплять положительные традиции резидентуры и авторитет моих предшественников, которые сделали много полезного за годы своей деятельности в Америке. Главное — организация активной оперативной работы. Начальник разведки подчеркнул особую важность конспирации, тщательного изучения всех американских объектов, призывал, учитывая активность американских спецслужб, быть недоверчивым, сомневающимся в оценке “чистоты” контактов и связей. В. А. Крючков предложил через 6 месяцев прилететь в Москву и доложить о направлениях работы в Нью-Йорке».

Конечно, нетрудно заметить, что в ряде суждений присутствует определённая сдержанность, которая вполне объяснима: есть для этого и причины чисто личного характера, сказались и неоднозначное отношение ряда ветеранов КГБ к выступлению ГКЧП, который Крючков фактически возглавил. Например, Л. В. Шебаршин, который 19–21 августа 1991 года провёл в кабинете ближайшего сподвижника Ельцина — Г. А. Бурбулиса, поначалу вообще обвинял Крючкова в предательстве. Однако со временем он многое из бывшего переосмыслил и, будучи человеком честным, попросил у Владимира Александровича прощения. Автору настоящей книги приходилось от бывших сотрудников КГБ слышать и такое толкование августовских событий: «Крючков нас подставил». Очевидно, на такую оценку повлияли те крупные неудобства и неприятности, с которыми многим пришлось столкнуться с приходом в Комитет В. В. Бакатина, публично объявившего своей целью уничтожение КГБ; хорошо известен и его любимый вопрос к сотрудникам госбезопасности: «Где вы были и что делали 19 августа?» От ответа на него зависела судьба чекиста.

Надо заметить, что те сотрудники КГБ, которые вместе с Крючковым участвовали в подготовке и проведении акций ГКЧП, стали его соратниками в трагические августовские дни, не опускались и не опускаются до обывательского «он нас подставил». Примеров этому много, но сейчас хочется остановиться на личности лишь одного человека — крупного советского разведчика, бывшего первого заместителя председателя КГБ, генерал-полковника В. Ф. Грушко. Как один из организаторов ГКЧП, Виктор Фёдорович был арестован и помещён в «Матросскую Тишину» в камеру с уголовниками. В тюрьме он перенёс два инфаркта (третий настиг его уже дома), тяжёлое обострение сахарного диабета. Но пережитое не повлияло на его доброе отношение к

Владимиру Александровичу. Обратимся к его воспоминаниям о Крючкове:

«Владимир Александрович много доброго сделал в разведке и для разведки. Он повысил её эффективность и влияние, усилил требовательность к кадрам, уровень творчества и сосредоточил внимание сотрудников на решении главных задач. Он умел слушать подчинённых и делать правильные выводы.

Не секрет, что после прихода Крючкова некоторые руководящие работники разведки, руководствуясь собственными амбициями, ревниво отнеслись к этому. Но работоспособность и такт Крючкова, его умение быстро и глубоко вникать в суть проблем, феноменальная память очень скоро снискали ему уважение профессионалов. Новый начальник расширил практику отчётности руководителей и сам чрезвычайно тщательно готовился к совещаниям. Такие встречи помогали ближе познакомиться с начальниками отделов и резидентами, уточнить круг приоритетных разведывательных задач и пути их решения. Несомненно, они имели большую оперативную ценность и воспитательное значение. Сам факт систематической и конкретной отчётности побуждал подразделения работать с полным напряжением сил. Совещания не были чем-то новым в практике разведки, но Крючков довёл их почти до совершенства.

Высокие требования предъявлялись к дисциплине сотрудников. Одновременно большое внимание уделялось сплочению коллектива, своевременному служебному росту и поощрению оперативных работников... Сам Крючков отличался необычайной пунктуальностью и организованностью, работал как часы.

В течение двадцати с лишним лет нашего знакомства я не устал удивляться огромной силе интеллекта Крючкова, его качествам лидера, способности находить общий язык с подчинёнными, широте кругозора и глубине знаний. Хорошо зная механизм принятия решений в нашей стране, он добился резкого повышения оперативности обработки и доведения до соответствующих инстанций нужной информации...

О феноменальной памяти Крючкова ходили легенды. Всем, кому приходилось работать с ним, довелось убедиться в этом его редком качестве. Он помнил людей и их высказывания. Он мог полностью запомнить продолжительную беседу на венгерском языке наедине с Кадаром и через некоторое время детально воспроизвести её на русском со

всеми малейшими нюансами. Это не могло не вызывать глубокого почтения у “асов” разведки...

Сильной чертой Крючкова было стремление общаться не только с подчинёнными ему руководящими работниками, но и с другими офицерами, независимо от звания, занимавшимися интересными оперативными делами. Многим из них он помог сделать карьеру. Ко всем без исключения он обращался только на “вы”, держался ровно и стремился никого не приближать к себе... Хотя мы многое прошли и пережили вместе, я ни разу не слышал от Крючкова “ты”»¹.

(Одна деталь из жизни Владимира Александровича. Когда в тюрьме он вошёл в камеру и поздоровался с её обитателями, сразу же предупредил: «Со всеми я разговариваю только на “вы”».)

Кстати, Грушко оставил нам воспоминания и об Андропове. Вот, на наш взгляд, наиболее важное: «Юрий Владимирович Андропов, несмотря на циркулировавшие поначалу слухи о том, что он является фигурой переходной, пробыл председателем КГБ СССР 15 лет и с профессиональной и человеческой точки зрения был лучшим из всех руководителей, при которых мне пришлось работать за 34 года службы». И ещё: «Крючков рассказывал мне, что близкими друзьями они с Андроповым никогда не были, но в деловых вопросах понимали друг друга с полуслова».

...Отношения между Крючковым и Андроповым сложились не в одночасье. Взаимное доверие, которое установилось между ними, прошло проверку временем — тандем единомышленников складывался на протяжении многих лет, и было бы заблуждением считать, что в течение всего времени знакомства с Андроповым Крючков чувствовал себя «словно у Христа за пазухой». Андропов никогда не снисходил до мелочной опеки, а Крючков в ней никогда не нуждался. В качестве иллюстрации приведём один пример. В 1971 году с поста начальника ПГУ уходил на пенсию А. М. Сахаровский, многолетний и опытный руководитель внешней разведки КГБ. Как известно, на его место пришёл Ф. К. Мортин, а первым заместителем был назначен В. А. Крючков. Вопреки распространённому мнению, Крючков стал первым замом начальника разведывательного управления не по «протекции» Андропова, а по предложению Сахаровского, который был убеждён, что со време-

¹ Цит. по: *Грушко В. Ф. Судьба разведчика. М.: Международные отношения, 1997. (Глава 17. Профили председателя КГБ.)*

нем тот вырастет в хорошего руководителя ПГУ. При этом Андропов долго противился, поскольку не хотел отпускать Владимира Александровича из секретариата КГБ, который он тогда возглавлял. И противился не только потому, что Крючков был хорошим «канцеляристом» — секретариат КГБ имеет, мягко говоря, мало общего с канцеляриями известных нам учреждений. Он понимал, что на место руководителя важнейшего подразделения, являвшегося сердцем Комитета госбезопасности, центром его кровеносной системы, будет нелегко найти замену.

Во взаимоотношениях Крючкова и Андропова было главное — каждый мог положиться друг на друга, каждый превыше всего ставил интересы дела и не кривил душой в общении между собой и с окружающими. Обоим чужды были карьеризм и чиновничество — то, что чаще всего и вызывает коррозию во взаимоотношениях, порождает недоверие. И оба испытывали полное равнодушие к всевозможным регалиям и почестям.

Впрочем, в советское время в верхних эшелонах власти порядочных и скромных людей было абсолютное большинство, и искренне жаль тех, кто тогда видел в партийных и советских руководителях только нравственных монстров, а себя определял на роли изгнанников в тёмном царстве зла и несправедливости. Правда, «изгой», выразившие своё недовольство в виде «фиги в кармане», как правило, своей жизнью не тяготились и пользовались всеми благами «тоталитарной системы». Исключения были, но инакомыслие, которое сейчас представляется мощной волной противления существовавшему порядку, носило единичный характер, а большинство диссидентов, преклоняясь и заискивая перед Западом, были озабочены в основном тем, как опорочить свою страну и её руководителей. Часто — под видом объективного, беспристрастного анализа.

Вот, например, писатель и историк Р. А. Медведев в биографической книге «Андропов» излагает свою версию событий, происходивших в 1950 году в Карелии. Первый секретарь ЦК КП Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянов в рамках так называемого «Ленинградского дела» был тогда обвинён в том, что ЦК республики проигнорировал постановление ЦК ВКП(б) об исправлении ранее допущенных ошибок в хозяйственной и партийно-политической работе, а его руководитель смирился с ежегодным невыполнением планов в промышленности и сельском хозяйстве, допускал покровительство скомпрометировавшим себя работникам,

зажимал критику. Медведев не считает, что эти обвинения были серьёзными. И полагает, что Ю. В. Андропов, который был в то время вторым секретарём ЦК, проявил малодушие и «выступил с унижительной самокритикой и поддержал все обвинения в адрес Куприянова».

По тем фактам, что изложил в своей книге Рой Медведев, невозможно судить о том, чем руководствовался Андропов в действительности, заняв такую позицию, и правомерно ли подозревать его в неискренности. И тем не менее Медведев считает, что у него достаточно оснований для того, чтобы сделать в книге следующий вывод: «Занимать в тоталитарной системе высокий пост и не предавать время от времени своих друзей, соратников или просто ни в чём не повинных людей было невозможно»¹. Вот так, двумя-тремя строчками, одним махом можно пригвоздить к позорному столбу всех партийных и советских руководителей нескольких поколений, тысячи честных людей.

Кстати, это, пожалуй, единственный случай, когда Андропова обвинили едва ли не в предательстве соратника. Обвинили голословно. Естественно, что ничего подобного нет ни в одном другом свидетельстве о его жизни и деятельности. Крючкову, когда он писал и публиковал воспоминания о Юрии Владимировиче², такое и в голову не могло прийти. Потому что он знал человека не по жизнеописаниям, насквозь пронизанным политической конъюнктурой последних трёх десятилетий. В то же время, воссоздавая портрет настоящего человека и коммуниста, с которым он был близко знаком много лет, Крючков не занимается его лакировкой. Он прекрасно понимает, что Андропов — сын своего времени, и многие отрицательные явления эпохи неизбежно находили отражение в его деятельности.

Например, в его бытность секретарём ЦК и заведующим отделом по международным вопросам в развитии и укреплении социалистического содружества, как считает Крючков, был сделан значительный шаг вперёд. Но в то же время в отношениях между братскими партиями и странами преобладали элементы парадности, внешних эффектов, проводилось бесчисленное множество торжественных по форме, но пустых по существу мероприятий. Андропов хо-

¹ Медведев Р. А. Андропов. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 29.

² См.: Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. (Глава четвёртая. Юрий Владимирович Андропов.)

рошо это понимал, но из порочного круга трудно было вырваться. «Правда, — пишет Крючков, — надо признать, что решительных попыток к этому он не делал. Н. С. Хрущёву, а потом и Л. И. Брежневу вся эта парадность даже нравилась. Им казалось, что они на гребне славы. А всё было как раз наоборот. Люди устали от помпезности, она их просто раздражала».

По наблюдениям Крюčkова, Андропов видел свои проблемы в экономической подготовке и всячески старался их восполнить. Это, однако, не означало, что он был действительно слаб в экономике. Например, его шаги на посту Генерального секретаря ЦК КПСС не сводились, как это часто считают, к политике «закручивания гаек». К примеру, Н. И. Рыжков, который возглавил созданный при Андропове экономический отдел ЦК КПСС, полагает, что важным моментом во внутренней политике страны стало уже первое выступление Андропова в ранге Генерального секретаря на ноябрьском пленуме ЦК КПСС 1982 года. Уже тогда была поднята проблема совершенствования всей сферы руководства экономикой — управления, планирования, хозяйственного механизма, говорилось о необходимости увеличения самостоятельности промышленных предприятий, колхозов и совхозов¹. По свидетельству Рыжкова, Андропов проявлял особое внимание к внешнеэкономическому сотрудничеству, интересовался механизмами работы концессий, совместных предприятий, внимательно наблюдал за взаимоотношениями СССР со странами СЭВ. Он часто говорил о взаимовыгодной интеграции, но постоянно предупреждал: поменьше дипломатических политесов, следует в первую очередь блюсти свои интересы. В узком кругу Юрий Владимирович не раз сетовал на то, что мы неоправданно отвлекаем ресурсы из нашей экономики для государств, заявляющих о своей социалистической ориентации. У него было твёрдое убеждение, что постепенно следует уменьшать масштабы экономически необоснованной помощи другим странам.

Важное свидетельство находим в воспоминаниях другого крупного руководителя КПСС, кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК В. И. Долгих: «В оборонной промышленности у нас было перепроизводство. Когда генеральным секретарём стал Андропов, он поставил вопрос

¹ См.: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 33.

о том, что надо перекачать средства и ресурсы в гражданские отрасли»¹...

Крючков, равняясь на Андропова, особенно ценил в нём то, что высокие слова, которые он произносил, не расходились с его делами. «Юрий Владимирович, — пишет Крючков, — не раз говорил, что государственники должны жить ради народа и служить только его интересам. Он говорил, что советский народ достоин лучшей жизни, чем та, которой он живёт. Советский Союз, отмечал он, стал великой державой, сверхдержавой и тем заложил основы для своей безопасности на длительную перспективу. Теперь нужно налечь на лёгкую индустрию и производить как можно больше и лучше товаров, которые улучшают жизнь народа, повышают её качество»².

Судьба отвела ему слишком мало времени, чтобы развернуть серьёзные преобразования. Крючков был свидетелем, как до последней минуты Юрий Владимирович мужественно боролся с болезнью и продолжал напряжённо думать о делах, постоянно требуя от своих товарищей полной самоотдачи, честности и принципиальности, плана новых действий и решений. Он страстно выступал за оздоровление общества, призывал к беспощадной борьбе с коррупцией, выступал за равную ответственность всех и каждого перед законом. Огромную надежду в этой связи Юрий Владимирович возлагал на партию, в которую верил, понимая, что её огромные потенциальные возможности так и оставались в полной мере не задействованными.

Во внешних делах он придерживался правила — никогда не поступаться интересами отечества. В могуществе, военном и экономическом, в духовности нашего народа видел залог величия Советского государства.

«Не стоит, однако, считать, — пишет Крючков, — что Андропов тем самым исключал возможность компромиссов при решении международных проблем. Но, как он часто подчёркивал, компромисс оправдан лишь тогда, когда соблюдены все жизненно важные интересы государства и когда в основе его лежит не слабость одной из сторон, а реальный баланс сил».

Для Андропова всегда были характерны глубокое понимание происходящих в стране и в мире процессов, способ-

¹ Долгих В. Администрация президента — это тот же ЦК КПСС // Коммерсант-Власть. 2004. № 48.

² Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. С. 142.

ность к анализу. Но вместе с тем он был абсолютно однозначен в своих идеологических и политических взглядах, твёрдо привержен социализму, не воспринимал, как таковой, капиталистический строй, хотя считал возможным и даже нужным перенять его отдельные аспекты. Он видел изъяны в развитии нашего общества, но выход усматривал лишь на путях совершенствования самой системы, полагая, что большого успеха можно добиться даже за счёт простого укрепления стабильности и порядка.

Бережно относился Юрий Владимирович к нашим взаимоотношениям с социалистическими странами, расценивая социалистическое содружество как важнейшее наше завоевание в результате Второй мировой войны. При этом он исходил из того, что ничего из завоёванного нами такой ценой уступать нельзя, и был неизменно твёрд в отстаивании этой своей позиции. Вместе с тем вооружённое вмешательство в дела Чехословакии в 1968 году счёл позже досадной ошибкой. Когда в Польше в 1981 году обстановка резко обострилась, Андропов не допускал и мысли о каком-то силовом участии извне в решении польских проблем.

Андропов для Крючкова — образец принципиальности, твёрдости в убеждениях. Причём твёрдость эта ничего общего не имела с упрямством или упёртостью, свойственным людям своенравным и самолюбивым. Она основывалась на изучении и анализе проблемных вопросов, на их всестороннем обсуждении с представителями самых разных профессий, учёными и специалистами. Предпочитавший живое общение с людьми сухим справкам и запискам, Юрий Владимирович пытался привить подобный стиль работы и своим подчинённым.

Владимир Александрович не раз имел возможность наблюдать, как Андропов отстаивал свою позицию даже в тех случаях, когда она вызывала неудовольствие на самых высоких этажах власти. В разгар венгерских событий он, как мы помним, решительно выступал против выдвигания во власть Имре Надя, хотя Микоян в этом вопросе заручился твёрдой поддержкой Хрущёва. Но чего это стоило Андропову! В течение трёх дней он был фактически отстранён от обязанностей посла. И неизвестно, чем бы это кончилось, если бы Надя не поспешил переметнуться на сторону контрреволюционных сил и не заявил о разрыве с Москвой и Варшавским договором, обнажив тем самым своё подлинное лицо.

Мятеж в Будапеште не удался, но накал, ожесточённый

характер событий, повлекший человеческие жертвы, оставил в душе венгерского народа глубокий след. Казалось, чтобы залечить раны, стране понадобится не один год.

Крючков пережил в Венгрии не только период потрясений, но и болезненный этап восстановления страны, её экономики и политической системы. Несмотря на пессимистические прогнозы, которых поначалу придерживалось и советское руководство, процесс возрождения занял сравнительно немного времени. Анализ социально-политической обстановки в обществе, проведённый в 1957 году, дал довольно неплохой результат: примерно 8—10 процентов жителей Венгрии были непримиримыми противниками действующей власти, около 20 процентов разделяли правительственный курс, остальные оставались пассивной массой, за которую предстояло бороться.

Не случайно главное направление в деятельности Венгерской социалистической рабочей партии, созданной в начале ноября 1956 года после роспуска ВПТ, определял лозунг «борьбы за массы». Была разработана программа демократизации общества, предусматривавшая опору на широкие слои населения, правительство пошло на значительное повышение жизненного уровня народа, рост которого уже в январе 1957 года составил 22 процента. Конечно, этот скачок создавал определённые проблемы в экономике страны и порождал у населения неоправданные запросы и ожидания, но в целом помог выйти из морально-политического кризиса.

Народ поверил в то, что руководство страны о нём заботится, что у Венгрии есть серьёзный потенциал развития. И главная заслуга в этом принадлежала Яношу Кадару, сумевшему вернуть страну к нормальной жизни фактически за несколько месяцев. Уже 1 мая 1957 года в Будапеште состоялся грандиозный митинг с участием 500 тысяч человек, продемонстрировавший полную поддержку новому венгерскому лидеру, которому на первых порах прозападные силы пытались создать имидж «диктатора, пришедшего к власти на советских штыках». Не получилось. История намного сложнее примитивных трафаретов, в которые её пытаются загнать.

В. А. Крючков посвятил Венгрии в общей сложности десять лет — значительную часть своей трудовой жизни. И прекрасно видел, какую роль в создании одного из самых процветающих социалистических государств сыграл Янош Кадар. С этим человеком его связывали не только слу-

жебные обязанности, но и тёплые дружеские отношения, продолжавшиеся практически до самой кончины Кадара в 1989 году. О том, что отношения эти были неформальными, говорит хотя бы то, что во время своих визитов в Москву Кадар часто навещал семью Крючковых, с которой познакомился ещё в Будапеште. Пережившему долгие годы нищеты и лишений венгерскому лидеру особенно импонировали скромность и простота атмосферы, царившая на московской квартире Крючковых, душевность и искренность её обитателей.

Надо сказать, что сам Кадар отличался бескорыстием и уже в 1956 году принял принципиальное и дальновидное решение, по которому высшие руководители получали сравнительно небольшую зарплату и не имели особых привилегий. Питание, жильё, пользование дачами и охотничьими хозяйствами, путёвки в санатории и дома отдыха — всё оплачивалось из собственных зарплат, и Кадар, как руководитель ВСРП, не составлял исключения, показывал пример другим: он строго следил за соблюдением установленного порядка и сам никогда не нарушал его. Не случайно вопросы этики, честности, финансовых расходов в верхах никогда и никем не поднимались — даже оппозицией — ни во время пребывания Кадара у власти, ни после него, когда социалистическая система в стране стала демонтироваться.

Безусловно, близкое знакомство с Кадаром оказало большое влияние на формирование Крючкова как политика. В то же время мы имеем полное право сказать, что Владимир Александрович относился к тем немногим людям, которые знали о Яноше Кадаре как о человеке и политическом деятеле значительно больше, чем те, кто был знаком с его биографией только по публикациям. И некоторые суждения Крючкова заслуживают серьёзного внимания, поскольку они носят в некотором смысле и поучительный характер.

Выходец из самых низких слоёв населения Австро-Венгрии с молодых лет приобщился к коммунистическому и социал-демократическому движению, не раз подвергался арестам при хортистском режиме. Во время Второй мировой войны Янош Кадар — активный участник движения Сопротивления в Чехословакии, Венгрии и Югославии. В Венгрии он выступил одним из инициаторов создания антифашистского Венгерского фронта, входил в Пештский областной комитет Коммунистической партии Венгрии, был членом ЦК, а в 1943 году избран секретарём ЦК КПВ.

В 1944 году он сближается с Матьяшем Ракоши и включается в работу по созданию новой Венгрии.

После войны Кадар был министром внутренних дел, руководил отделом ЦК ВПТ, но в 1951 году по ложному доносу был обвинён в шпионаже. Вскоре все обвинения были сняты, но, как пишет Крючков, он «испил до дна всю горькую чашу унижений и мучений, вплоть до бесчеловечных пыток. Это оставило у него глубокую, так до конца дней и не зажившую рану. Он часто возвращался в разговорах к своему аресту, хотя для него эти воспоминания были тяжёлой мукой».

Крючков подчёркивает, что Кадар, пожалуй, больше, чем кто-либо из руководителей других социалистических стран, понимал настоятельную потребность в глубоких и всесторонних реформах. Будучи приверженцем социалистического пути развития страны, он выступал за радикальные перемены в государственном строительстве, за политический плюрализм, основанный на согласии и сотрудничестве всех социальных сил. Последовательные преобразования в экономике Венгрии, начало нового этапа которых относится к 1968 году, не заглохли, подобно нашим «косыгинским» реформам. Была предоставлена большая свобода предприятиям, вплоть до самостоятельного выхода на внешний рынок, установлена прямая зависимость благополучия субъектов производственной деятельности от эффективности их работы, приняты меры по дальнейшему развитию частного сектора в сельском хозяйстве и сфере обслуживания, устранены препятствия для мелкого предпринимательства, введён ряд других важных экономических рычагов хозяйствования. Существенные сдвиги в экономике не заставили себя ждать, а Янош Кадар приобрёл заслуженную репутацию успешного реформатора.

В 1972 году Кадар поставил вопрос о своём уходе на пенсию. И вот тут-то всё и началось! Случилось то, что нам так хорошо, до боли знакомо по «старой», советской, истории и по новой — российской. Встревожилось, как всегда, близкое окружение, обеспокоенное своим будущим, ему подпевали журналисты: «Что будет с Венгрией? Что скажет народ? Нас не поймут!» Словоблудие заканчивалось «выводом»: «Замены Кадару нет!»

Справедливости ради скажем, что поток восхвалений в адрес венгерского лидера, в отличие от того славословия, которое обычно в подобных случаях бурлит у нас, имел определённое сдерживающее начало, находился, можно

сказать, в рамках внешних приличий. Никому, скажем, и в голову не приходило произнести что-то вроде лозунга «Кадар — это Венгрия!». Понимало, видно, окружение Кадара, что слишком уважительно венгры относятся к своему национальному достоинству, чтобы терпеть подобное холуйство. И всё же под натиском «аргументов» соратников и «просьб трудящихся» Кадар не устоял и в итоге «задержался» у власти ещё на 16 лет. Эти годы его правления, особенно последние пять—восемь лет, уже не были такими яркими, как предшествующие. Однако большинство населения страны до сих пор вспоминает их как самые благодатные в истории Венгрии — ведь рост уровня жизни в стране длительное время был не ниже, чем в развитых западных странах.

Речь идёт не только о простых трудящихся, вкусивших более других слоёв населения все «прелести» капиталистического общества и европейской интеграции, которая для страны обернулась многочисленными проблемами в развитии. Например, в июле 2007 года информационный портал «Академия новостей» опубликовал интервью с известным в научных кругах венгерским учёным профессором Михаем Хоппалом — типичным представителем венгерской интеллигенции, человеком далеко не коммунистических воззрений. Поводом для интервью стали серьёзные разрушительные процессы, которые венгерская академическая наука пережила на несколько лет раньше, чем российская. И вот что он сказал:

«Янош Кадар — неоднозначная в истории Венгрии личность. Поначалу мною он воспринимался как диктатор, пришедший к власти на штыках. Но Кадар сделал много хорошего для страны. Мы тогда жили лучше, чем сейчас. При Кадаре мы, учёные, вели активную деятельность и могли издавать большое количество научных трудов. А сейчас надо за всё платить: за образование, здравоохранение...»¹

И опять всё до боли знакомо...

Крючков в своих воспоминаниях подчёркивает, что отношения Яноша Кадара к Советскому Союзу всегда отличались чувством дружбы и глубокого уважения, что позитивно отразилось и на преодолении недоверия, вызванного трагическими событиями прошлого, и на развитии дружеских связей между венгерским и советским народами. Надо отметить, что и сегодня значительная часть венгерского обще-

¹ В науке существует диктатура глупости // Академия новостей. 2007. 24 июля. <http://academ.info/news/7347>

ства не только испытывает ностальгию по «временам Кадара», «кадаровскому режиму» с их высоким качеством жизни, перечёркнутым преобразованиями начала 1990-х годов, но и сохраняет благожелательное отношение к России.

...Жизнь текла своим чередом. В августе 1959 года завершилась командировка Крючкова в Венгрию, и он вернулся в Москву. За время работы в Будапеште семья Крючковых пополнилась: в 1957 году у Владимира Александровича и Екатерины Петровны родился второй сын — Алексей. Едва ли не на следующий день после возвращения Крючкову позвонили из ЦК КПСС и пригласили на встречу с Андроповым, после которой получила продолжение его работа на венгерском направлении — в отделе ЦК по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран. Должность референта отдела давала возможность получить нормальное жильё — кончились мытарства Крючковых по общежитиям и съёмным комнатам. Своя квартира (по меркам нынешних власть имущих — «скворечник», полезная площадь которого составляла 29 квадратных метров) казалась для семьи настоящим раем. Довольно быстро нашла работу жена, которая устроилась в близлежащую школу учителем русского языка и литературы. В семье воцарился достаток — живи и работай!

Новая работа не потребовала от Владимира Александровича какой-то кардинальной перестройки — обязанности референта по Венгрии включали круг проблем, хорошо знакомых по опыту прошлых лет. Что имело немаловажное значение, за четыре года командировки Крючков приобрёл широкий круг знакомств в различных слоях венгерского общества, в том числе среди дипломатических и партийных работников. Но особенно дорожил он сближением с Яношем Кадаром, с которым судьба свела его на долгие годы. Вполне естественно, что доверие Кадара к Крючкову возросло после назначения последнего в июне 1963 года на влиятельную должность заведующего сектором Венгрии и Румынии.

Очень многое Крючкову давали доверительные беседы с венгерским руководителем во время его посещений Москвы и частых поездок Владимира Александровича в Будапешт. И не только для расширения кругозора и глубины понимания процессов, происходивших в Венгрии. На фоне успешного развития дружественной страны чётче выявлялись, становились понятнее проблемы, не решённые в Советском Союзе. Безусловно, многое удалось попра-

вить после избрания Генеральным секретарём ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Но наша беда в отношениях с Венгрией заключалась в том, что Кадар, ставший к тому времени признанным лидером страны, проявил очень сдержанное отношение к смещению Хрущёва. Несмотря на все усилия Леонида Ильича, на все его попытки установить с венгерским лидером неформальные отношения, холодок во взаимоотношениях между руководителями двух стран долго не удавалось преодолеть. Понадобился не один год, чтобы эти взаимоотношения потеплели и вошли в нормальное русло.

Знакомство Крючкова с Брежневым состоялось в декабре 1974 года, когда Андропов представлял Генеральному секретарю нового руководителя советской разведки. Встреча в Кремле произвела на Владимира Александровича очень тягостное впечатление — было видно, что Леонид Ильич уже тогда был серьёзно болен.

Но первый раз встретился Крючков с Брежневым за десять лет до официального знакомства. Тогда, после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года, Леонид Ильич информировал руководителей социалистических стран о причинах отставки Хрущёва, и Андропов послал к нему Крючкова, чтобы тот помог ему переговорить с Яношем Кадаром. По воспоминаниям Владимира Александровича, на вопрос Брежнева об отношении к этому событию Кадар ответил не сразу. После долгой паузы произнёс: «Первое. Благодарю за информацию. Второе. Информацию принимаю к сведению. Третье. Понимаю, что этот вопрос — внутреннее дело КПСС. Советским товарищам, видимо, лучше знать, как нужно поступить в этой ситуации»¹.

Даже сейчас веет холодом от этого разговора.

Кадар и Хрущёв дружили, и эту дружбу, сложившиеся человеческие отношения между ними очень ценили. Кадар в присутствии Крючкова не раз с теплотой вспоминал, как из рук Никиты Сергеевича получал звезду Героя Советского Союза. Оценивая то, что он сделал для Венгрии и развития венгерско-советской дружбы, думаем, что награда эта была вполне заслуженной...

Несмотря на плохое состояние здоровья, Брежнев продолжал держать руку на пульсе управления государством. Как считает Крючков, в период, когда он не мог нормально выполнять функции руководителя страны, выручала его удачно подобранная команда. Помимо членов высшего

¹ Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. С. 100.

партийного и государственного руководства, в неё входили хорошо подготовленные сотрудники отделов ЦК КПСС, министерств и ведомств, местных управленческих структур. Наиболее близкими к Брежневу людьми до последних дней его жизни были А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов и Ю. В. Андропов.

Слаженная команда в руководстве помогла сохранить тот неплохой задел, который был создан в первое десятилетие правления Брежнева, поддержать динамику развития страны до начала 1980-х годов. Валовое промышленное производство достигало 4—5 процентов, и хотя этот показатель и снизился к концу пребывания Леонида Ильича у власти до 2—3 процентов, заметный рост всё-таки был, и говорить о полном застое в экономике было бы неправомерно. Однако не было преодолено отставание в ряде её жизненно важных отраслей. Не решались проблемы переработки сельскохозяйственной продукции и пищевой промышленности, производства товаров широкого потребления, а в результате вся валютная выручка от экспорта промышленных товаров и сырья попросту проедалась, шла на покрытие первоочередных нужд населения. К концу 1970-х годов стали очевидными просчёты в развитии передовых технологий, чему немало «поспособствовали» санкции и ограничения западных государств, осуществлявших в отношении СССР и других социалистических стран целенаправленную политику «контролируемого технологического отставания». Неоправданное наращивание пресловутого «вала» пагубно сказывалось на качестве продукции, притчей во языцех стали огромные объёмы незавершённого строительства, встречные перевозки и другие пороки экономики.

Обратной стороной феномена «сплочённой команды» стало неуёмное восхваление заслуг Леонида Ильича, процветающее на фоне постепенной деградации общественно-политической жизни и явного застоя в деятельности партийных организаций страны, что в конечном счёте и привело в 1980-е годы к перерождению значительной части нашей партийной и государственной элиты. Последствия застоя именно в этой сфере стали наиболее чувствительными, поскольку негативно сказывались на социальном самочувствии народа. И в итоге оказались для нашей страны роковыми.

Крючков в своей книге «Личность и власть» не преминул упомянуть о такой известной слабости Леонида Ильи-

ча, как его равнодушие к почестям и наградам. Но, думается, это не совсем так. Все, кто был лично знаком с Брежневым, отмечают его сдержанность и скромность в самооценках. Скорее всего, со временем он стал жертвой плотной «опеки» со стороны своих приближённых, от чего и сам к концу жизни не испытывал чрезмерной радости. Одну интересную историю рассказал автору сотрудник секретариата начальника ПГУ. Случилась она в то время, когда разведку возглавлял Крючков. В штаб-квартиру ПГУ в Ясенево приехал Андропов и в сопровождении Владимира Александровича отправился осмотреть разведывательный комплекс. В это время в приёмной раздался звонок — на проводе был Брежнев, которому срочно понадобился Юрий Владимирович. Дежурный по главку доложил, что Андропов находится на территории и его немедленно разыщут. И, несмотря на понятное волнение, молодой офицер не забыл поздравить Леонида Ильича с высокой наградой, которую тот получил накануне. Брежнев поблагодарил и после паузы добавил: «Вы знаете, все эти награды — не мои. Я их только ношу».

Нельзя преуменьшать реальных заслуг Брежнева, в том числе его выдающийся вклад в разрядку международной напряжённости в 1970-е годы, ознаменовавшуюся переломом в отношениях СССР с западными странами. При этом компромиссы, на которые шла советская сторона, никоим образом не затрагивали коренные интересы страны. В отличие от тех сделок, на которые шло руководство Горбачёва, а затем и окружение Ельцина в конце 1980-х — 1990-е годы.

Именно при Брежневе, в мае 1972 года, состоялся первый за всю историю советско-американских отношений официальный визит президента США в Москву, результатом которого стало принятие ряда исторических документов. Леонид Брежнев и Ричард Никсон подписали договор по ограничению стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1), по ограничению систем противоракетной обороны (ПРО), а в 1979 году в Вене Брежнев и Джимми Картер заключили договор ОСВ-2.

Летом 1973 года состоялись переговоры Брежнева с президентом Никсоном, по итогам которых было подписано соглашение о предотвращении ядерной войны и неприменении ядерного оружия. А в ноябре 1974 года во Владивостоке состоялась встреча Леонида Ильича с президентом США Джеральдом Фордом, на которой также рассматри-

вались животрепещущие вопросы международной безопасности.

Огромное значение для укрепления мира имел состоявшийся в мае 1973 года официальный визит Брежнева в ФРГ, где впервые на высшем уровне обсуждалась тема нерушимости границ в Европе. И наконец, 1 августа 1975 года в Хельсинки Брежнев подписал исторические Хельсинкские соглашения, подтвердившие этот важнейший принцип сосуществования европейских стран.

В успехе переговоров с западными партнёрами сыграл большую роль субъективный фактор — Брежнев как переговорщик был намного сильнее Хрущёва. Крючков по этому поводу в своих воспоминаниях приводит высказывания крупнейших американских политиков. Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США: «Брежнев, обладавший физическим магнетизмом, задавливал собеседника. Он не мог держаться спокойно: пока его замечания переводились, он постоянно вставал со своего кресла, ходил по комнате, громко объяснялся с коллегами и даже без объяснений покидал комнату. Поэтому при переговорах с Брежневым присутствовало ощущение эксцентричности». Ричард Никсон, бывший президент США: «Я не мог удержаться от соблазна мысленно сравнивать Л. И. Брежнева и Н. С. Хрущёва. Они оба были похожи в том смысле, что это были жёсткие, упрямые, реалистичные лидеры. Оба перемежали свои рассуждения анекдотами. Н. С. Хрущёв был часто совершенно вульгарен и достаточно простоват. Там, где Н. С. Хрущёв был часто невежествен и хвастлив, Л. И. Брежнев был экспансивен, но более вежлив. У обоих было развито чувство юмора. Л. И. Брежнев мог быть резким, но всегда очень преднамеренным в своих действиях там, где Н. С. Хрущёв был более взрывным и импульсивным. У обоих был темперамент, оба были эмоциональны»¹.

Политика разрядки показала, что при наличии политической воли возможны реальные шаги по преодолению полосы отчуждения между государствами с различным социально-политическим и экономическим устройством, по устранению на пути к взаимопониманию многих на первый взгляд непримиримых противоречий. Оказалось, для того чтобы сохранять своё достоинство и не поступаться национальными интересами, государству совсем не обяза-

¹ См.: Крючков В. А. Личность и власть. М.: Просвещение, 2004. С. 109–110.

тельно формировать в сознании народа образы недремлющих внешних врагов, что нередко используется в наше время как средство отвлечения людей от внутренних проблем. Важнее другое — дать возможность своим гражданам чувствовать себя спокойно и уверенно, дышать полной грудью.

Генерал-лейтенант А. Т. Голубев (в прошлом — известный разведчик, занимал руководящие должности в ПГУ КГБ СССР, возглавлял разведку КГБ РСФСР) рассказал автору книги о том, как группа ветеранов выступила с инициативой восстановить мемориальную доску Брежневу, демонтированную в 1991 году с дома 26 по Кутузовскому проспекту, где проживал Леонид Ильич. Выяснилось, что после демонтажа её приобрёл немецкий предприниматель для одного из берлинских музеев. Однако все попытки уговорить владельцев реликвии вернуть её на историческую родину оказались безуспешными. Ответ был такой: «Немцы ценят историю. А Леонид Ильич Брежнев — один из самых выдающихся исторических деятелей XX века». Обратились за поддержкой к руководству ФРГ, но там ответили в том же духе. Новый памятный знак, воссозданный известными скульпторами Александром и Филиппом Рукавишниковыми, установили на фасаде здания в 2013 году.

Несколько лет назад у автора состоялся разговор с настоятелем сельского православного храма, расположенного в одном из удалённых уголков Подмосковья. Речь шла о настроениях и нуждах людей, живущих в российской глубинке. То, что высказал священнослужитель в ходе беседы, было неожиданным: «Прихожане мне говорят, что они и не заметили, что в годы правления Брежнева жили при коммунизме». Но ведь если подумать, то и в самом деле: именно тогда сложился тот особый тип отношений между людьми, который, при всех больших и малых жизненных проблемах, полнее всего соответствовал их пониманию гуманности и человечности. О высоких материях не рассуждали в повседневной жизни — ведь такие человеческие качества, как открытость, доброта, взаимное доверие и уважение, стремление к справедливости, были настолько привычны, что попросту не замечались. Хотелось жить лучше, но в целом в стране царил атмосфера спокойствия и уверенности...

...Работа в аппарате ЦК КПСС — это прежде всего высокий уровень ответственности. Ответственности, которая отнюдь не является синонимом исполнительности. Международная деятельность ЦК КПСС и Министерства ино-

странных дел в советское время, хотя и была направлена на достижение общих целей, решение общих задач, всё-таки несколько отличалась по своему характеру. ЦК КПСС осуществлял политическое руководство, разрабатывал политическую линию, а работа МИДа носила, если так можно сказать, подчинённый характер, заключалась в реализации политических и стратегических задач, которые ставились перед внешнеполитическим ведомством.

Эту разницу, как и свою личную ответственность, связанную с широкими полномочиями, позволяющими самостоятельно принимать решения по многим важным вопросам, Крючков понял и почувствовал сразу же после прихода в отдел Андропова. Причём ответственность эта со временем только возрастала, что было связано с двумя обстоятельствами. Первое — это избрание Андропова в 1962 году секретарём ЦК КПСС с сохранением за ним должности заведующего отделом; помимо признания личных заслуг и роста авторитета Юрия Владимировича в руководстве партии это означало и усиление внимания ЦК к развитию и укреплению связей со странами социалистического содружества. Второе — назначение Крюčkова заведующим сектором, что значительно расширяло и его полномочия, и круг возложенных на него задач.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые существенные нюансы, специфические особенности деятельности отдела, в котором работал Крючков, отличавшие его от большинства других подразделений аппарата ЦК КПСС. Развитие отношений и связей с братскими странами находилось в постоянной динамике, что уже само по себе побуждало сотрудников, занимавшихся внешнеполитическими вопросами, к творческому стилю деятельности, к поиску новых форм работы. При таком подходе к делу неприемлемы стереотипы, цикличность, монотонность — всё то, что часто входит в привычку человека и со временем превращает его в косного функционера с набором традиционных обязанностей, довольствующегося тем, что есть, сторонящегося всего нового.

В прежние времена автору не раз приходилось сталкиваться с сотрудниками партийных аппаратов, проработавшими в руководящих органах по 10–15 и более лет. И во многих случаях их главная забота сводилась к тому, чтобы, подобно чеховскому «человеку в футляре», жившему по принципу «как бы чего не вышло», уберечь себя от всевозможных потрясений и неприятностей и благополучно до-

сидеть на своей должности до пенсии, сохранив льготы и привилегии. Если такие люди и попадали в отдел по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран, то они там долго не уживались и вынуждены были искать себе места поспокойнее. Не будем забывать, что отдел возглавлял Андропов, а под его руководством все бюрократические манеры, обеспечивавшие партийным чиновникам «непотопляемость», пресекались на корню. Поэтому утверждения недругов Крючкова, пытающихся представить дело так, будто на его последующей работе в органах госбезопасности сказались «привычки партократа», ничего общего с действительностью не имеют. Такими привычками Крючков похвастаться не мог. Вся предшествующая его биография — трудовая деятельность в рабочих коллективах Сталинграда военного времени, прокурорская работа, азы которой он постигал в самых низовых звеньях, дипломатическая служба в Венгрии, совпавшая с периодом тяжелейших потрясений, наконец, первые шаги в политике под руководством Андропова — свидетельствует о том, что этот человек — из другого теста.

Не стоит, наверное, говорить, что полной самоотдачи требовали от Крючкова обязанности помощника Андропова как секретаря ЦК КПСС. Именно эта должность, на которой Владимир Александрович трудился в течение двух лет, способствовала его дальнейшему сближению с Юрием Владимировичем, значительно расширила его политический кругозор, приоткрыла завесу, отделяющую реальный мир большой политики от простых смертных. Как вспоминает Крючков, новая должность позволяла быть в курсе многих дел, связанных с обстановкой и взаимоотношениями в высших эшелонах власти. И ему, как нам представляется, удалось подметить немало интересного.

Прежде всего Крючков отмечает, что в то время очень бурно и подолгу проходили заседания Политбюро и Секретариата ЦК КПСС (напомним, что это были первые годы правления Л. И. Брежнева и до застоя было ещё далеко). Речь на заседаниях руководящих органов партии шла не только о конкретных вопросах экономики, социальной политики, культуры и текущих делах. На них обсуждались и проблемы глобального, стратегического характера, связанные с перспективами развития советского общества.

Обычно сталкивались две основные позиции. Одну из них отражали сторонники постепенных, без крутых поворотов, перемен и преобразований, позволявших избежать

нежелательных потрясений. Таких взглядов придерживался и Л. И. Брежнев. За путь более радикальных реформ выступал А. Н. Косыгин. По наблюдениям Крючкова, Алексей Николаевич, отстаивая свои идеи, проявлял редкостное упорство, не терпел возражений и на все замечания реагировал болезненно. Он вёл себя так, словно экономика — исключительно его вотчина, и этим настроил против себя многих руководителей партии.

Одним из оппонентов Косыгина был Андропов, который опасался, что предлагаемые предсовмина темпы осуществления реформ могут вызвать не только опасные последствия, но и приведут к размыванию основ социально-политического строя в СССР. Кроме того, Юрий Владимирович считал, что при разработке реформ не всегда в должной мере учитывались вопросы национальной безопасности.

Андропов — политик взвешенный, противник резких, необдуманных шагов. Крючков рассказывает о диалоге между Юрием Владимировичем и советским разведчиком Кимом Филби (англичанином по происхождению), состоявшемся в 1977 году. Речь между ними зашла о проблемах экономического развития СССР и об отношении к диссидентам. Андропов высказал тогда мысль о необходимости «кое-что подправить в нашем общественном развитии и прибавить темпов в социальных переменах». На что Филби заметил: «Я хотя и коммунист, но сторонник английского консерватизма в мышлении. Лучше не спешить». Андропов одобрительно рассмеялся: «Очень интересно!»

Разногласия между двумя влиятельными деятелями партии — Косыгиным и Андроповым — носили не только политический характер. В их отношениях присутствовала какая-то личная несовместимость, и стычки с Косыгиным действовали на Андропова просто удручающе¹.

Крючков пришёл к выводу, что назначение Андропова на пост председателя КГБ СССР в мае 1967 года (как и освобождение его от обязанностей секретаря ЦК по важнейшему направлению — связям с социалистическими странами) явилось в определённой мере уступкой Брежнева Косыгину. В то же время Леонид Ильич хорошо понимал, что на должность руководителя госбезопасности нужен сильный и одновременно лояльный к нему, верный руководитель, способный обеспечить и безопасность его деятельности, и

¹ См.: Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 79–80.

должную работоспособность важнейшего рычага государственной власти, каким являлся КГБ. Не случайно Леонид Ильич все последующие годы, вплоть до самой своей смерти, уделял работе Комитета госбезопасности особое внимание, был хорошо информирован о положении дел в КГБ, всегда проявлял заботу о чекистах.

Отношения между Крючковым и Андроповым, основанные на взаимном доверии и уважении, ко времени нового назначения Юрия Владимировича носили такой характер, что судьба Владимира Александровича была фактически predetermined: он был назначен помощником председателя КГБ.

Заметим, что Крючков был одним из нескольких сотрудников ЦК КПСС, которых Андропов пригласил в свою новую команду. Явление в общем-то обыденное и естественное — мало кто из больших руководителей, назначенных на важный участок деятельности, приступает к работе без привлечения в свою команду людей проверенных, на которых можно положиться. Конечно, многое зависит от того, какие цели команда преследует. В целом ряде нынешних государственных структур мы сталкиваемся с тем, что к руководству приходят команды, которые порой занимаются не слишком благовидными делами, в том числе организованным воровством и коррупцией, повсеместным насаждением кумовства. В советское время такое было невозможно. Отдельные исключения были связаны в основном с системой торговли и с зарождением региональных и местных «князьков» в ряде союзных республик. Но это уже касается времени позднего застоя и разложения советской элиты в 1980-е годы.

Андропов умел подбирать профессионалов, что не исключало проявлений некоторой ревности к «его» людям и вызывало недовольство со стороны некоторых старых чекистов, считавших, что сотрудники органов «со стороны» мало к чему пригодны, к тому же нередко мешают их продвижению по служебной лестнице. Такая реакция характерна для людей, уверовавших в свою профессиональную исключительность, которой бывают подвержены люди редких профессий, в том числе и разведчики. А недовольство зачастую порождается чувством снобизма или неудовлетворённости своим положением, что чаще всего не имеет никакого отношения к существу дела.

Кстати, от ветеранов разведки приходилось слышать, что в снобизме иногда упрекал отдельных разведчиков и

Крючков. Впрочем, на этот счёт он оставил и прямые высказывания в воспоминаниях, например: «Разведка всегда отличалась своей кастовостью и определённым снобизмом». Будучи человеком чрезвычайно скромным, он не любил, когда кто-то из числа его подчинённых намекал на свою особенность, профессиональную исключительность. Однако заметим, что Крючков, проявляя мудрость руководителя, к подобным слабостям относился снисходительно и никаких «революций» в сознании подчинённых совершать не собирался.

Высказанные нами суждения прямо или косвенно подтверждаются авторитетными свидетельствами. Например, бывший руководитель Первого главного управления Л. В. Шебаршин (он сменил на этом посту Крючкова, когда Владимир Александрович был назначен председателем КГБ СССР) в своей книге «Рука Москвы» пишет:

«Несколько слов о корпоративности. В Комитете госбезопасности к Первому главному управлению издавна сложилось особое, уважительное, но с оттенком холодности и зависти отношение. Сотрудники службы во многом были лучше подготовлены, чем остальной личный состав Комитета в целом, они работали за рубежом и, следовательно, были лучше обеспечены материально, им не приходилось заниматься “грязной работой”, то есть бороться с внутренними подрывными элементами, круг которых никогда радикально не сужался. Попасть на службу в ПГУ было предметом затаённых или открытых мечтаний большинства молодых сотрудников госбезопасности, но лишь немногие удаивались этой чести. Разведка была организацией, закрытой не только для общества, но и в значительной степени для КГБ. Сама специфика работы сплачивала разведчиков в своеобразное товарищество со своими традициями, дисциплиной, условностями, особым профессиональным языком».

А вот ещё одно его свидетельство:

«Обиженные в службе (имеется в виду ПГУ. — А. Ж.) встречаются нередко. Людям вообще трудно даётся правильная самооценка, и мы в этом отношении не исключение. Сколько раз мне приходилось убеждать своих и старых, и молодых коллег, что мнение окружающих, их оценка твоей деятельности — это единственное зеркало, в котором можно увидеть самого себя; что следует искать причины своих трудностей не в обстоятельствах и не в других людях, а в первую очередь в самом себе. Возможно, кого-то

подобные беседы-проповеди утомляли, но многим людям удалось помочь добрым участием в их судьбе.

Как и в каждой большой организации, встречаются в ПГУ неисправимые завистники и жалобщики. Они пытаются компенсировать свои интеллектуальные и моральные дефекты поисками таких же недостатков в окружающих».

Кстати, и сам Шебаршин при случае был не прочь порассуждать о корпоративной исключительности разведки и был активным сторонником её выделения из структуры КГБ и превращения в самостоятельную организацию. Надо полагать, что это не слишком нравилось сотрудникам других служб Комитета, считавших КГБ коллективом единомышленников с едиными целями и задачами. Тем не менее в 1990 году перспектива выделения разведки в самостоятельную службу обсуждалась на заседании Коллегии КГБ, но не получила поддержки. Был противником этой идеи и Крючков, полагавший, что задачи обеспечения государственной безопасности должны решаться в комплексе, в тесном взаимодействии самых разных подразделений, координируемых и управляемых единым Центром.

Пожалуй, одной из причин скрытой снисходительности отдельных кадровых сотрудников разведки и некоторых других служб к выходцам из партийных органов (к тому же во многих случаях проходившим специальную подготовку в учебных заведениях КГБ) являлось определённое непонимание масштабов и содержания задач, возложенных на Комитет государственной безопасности. За чередой повседневных оперативных вопросов порой забывалось, что КГБ, в том числе и его внешняя разведка, — важный инструмент государственной политики, и формула эта носила отнюдь не абстрактно-теоретический характер. Органы госбезопасности в своей повседневной практической работе выполняли конкретные политические функции, важнейшая из которых — защита конституционного строя. Подготовленные политики, люди со сформировавшимся политическим мышлением были не просто нужны — они были необходимы.

Крючков в команде Андропова был к тому же человеком, обладавшим не только большим опытом внешнеполитической деятельности, но и юристом, прошедшим основательную теоретическую и практическую подготовку. Не стоит объяснять читателю, насколько это важно для руководящего работника КГБ, деятельность которого во многих случаях не имела под собой чётких правовых норм. Эта

проблема постоянно ставила серьёзные психологические и нравственные проблемы в работе и разведчиков, и сотрудников других служб КГБ. Ведь им во многих случаях приходилось действовать в обход общепринятых нравственных принципов, вопреки всему тому, чему учили с детства. Крючков иллюстрирует это таким примером: «Представьте себе “шпиона”, который свято следует завету “не укради” или говорит только правду, как этого требовали с детства! В том-то и дело, что ему приходится — в высших интересах дела, разумеется, — постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. И тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы».

Грань эта, как мы понимаем, весьма зыбкая.

В этой связи особое неприятие Крюčkова вызывали многие методы, которыми действовали разведки западных стран, в первую очередь США. Убийство неугодных политических и общественных деятелей, организация заговоров, переворотов, экономического саботажа и диверсий — всё это в общем-то не особо и скрывалось. Узаконенные Конгрессом США в целом ряде принятых директив тайные акции (о них у нас уже шёл подробный разговор) порождали бесконтрольность и вседозволенность спецслужб, работа которых не отличалась особой интеллигентностью.

Особенно грубыми методами действовало Центральное разведывательное управление США, которое отличалось крайне жёстким подходом к решению оперативных задач. Не многим «уступала» ему разведка ФРГ. На протяжении всей своей работы в ПГУ и на посту председателя КГБ Крючкову приходилось сталкиваться с хитрым, изощрённым, изворотливым и чаще всего грубым противником. Откровенной нахрапистостью отличалась вербовочная работа американской разведки. Крючков не знал ни одного примера кропотливой и тонкой обработки американцами интересующего их иностранца. При этом нередко они и «на грубость нарывались», но полюбившиеся методы, которые соответствовали их собственному представлению о себе как о хозяевах положения в любой точке земного шара, не меняли. Так, Л. В. Шебаршин в воспоминаниях описывает случай, когда в ответ на открытое предложение о сотрудничестве, сделанное во время дружеской беседы в баре, наш разведчик запустил в физиономию американскому коллеге пивную кружку с остатками пива.

Крючков не раз подчёркивал, что в основе вербовочной работы нашей разведки лежат исключительно гуманные методы, постоянно обращал внимание подчинённых на нравственную составляющую, которую нельзя забывать в этом трудном деле. Он часто повторял мысль, высказанную Сталиным в 1952 году при обсуждении вопросов реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР: «Никогда не вербовать иностранца таким образом, чтобы были ущемлены его патриотические чувства. Не надо вербовать иностранца против своего отечества. Если агент будет завербован с ущемлением патриотических чувств, это будет ненадёжный агент».

Увы, наш главный противник одним психологическим прессингом, как правило, не ограничивался. В ход шло и физическое воздействие, и сочетание обоих методов.

Крючков считал, что необходимо подвести легитимную основу под работу разведок не только в национальном, но и в международном масштабе. Ни одно уважающее себя государство не откажется от разведывательной деятельности, а потому надо отказаться от лицемерия и на международном уровне узаконить разведывательную деятельность, официально возложив на разведку специфические функциональные обязанности в допустимо приемлемых для межгосударственных отношений рамках. Эту важную тему Крючков поднимал на переговорах и неофициальных встречах с руководителями американских и других спецслужб и, надо сказать, находил у них определённое понимание.

Возглавив в 1988 году Комитет государственной безопасности, Владимир Александрович сразу же приступил к решению задач, связанных с совершенствованием правовой основы деятельности КГБ. Пожалуй, такой пласт проблем не поднимал ни один его предшественник — последний правовой акт, которым в основном и руководствовался Комитет, был принят ещё в 1959 году. В результате всё законодательство, регламентирующее деятельность органов госбезопасности, было приведено в соответствие со временем, с общегосударственной правовой базой. Венцом проделанной работы явилось принятие Закона «Об органах государственной безопасности в СССР».

...Укреплению авторитета Крюčkова в Комитете госбезопасности способствовала его постоянная работа над собой, стремление постичь профессиональные секреты той работы, которой он занимался.

Обратим внимание: в своих воспоминаниях Крючков

подчёркивает, что разведчиком он стал не в тот день, когда перешёл работать в ПГУ, а «значительно позже, после того как освоил премудрости этой сложной и весьма необычной профессии... Знакомство с подразделениями, заслушивание резидентов, других сотрудников резидентур и центрального аппарата, тщательное изучение проводимых операций быстро расширяли мои познания...

С самого начала поставил перед собой цель «вникнуть в задачи каждого оперативного работника, во все детали разведывательной деятельности»¹.

Ещё одно качество Крючкова — глубокое, неподдельное уважение к людям, с которыми ему доводилось работать. Вот какими впечатлениями о разведчиках делится он в воспоминаниях:

«Высокообразованные, компетентные, ищущие, работают не за страх, а за совесть, переживают за дело, за неудачи, а их, к сожалению, у разведчиков случается немало. В случае провала быстро берут себя в руки и идут к новым целям. Почти у всех неплохие знания о стране, по которой работают, хорошее владение иностранными языками.

Но одно качество меня наполняло особенным чувством удовлетворения: ради дела, решения задач подавляющее большинство разведчиков готово было пожертвовать карьерой, личным благополучием...

Работа разведчика сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения, физических и интеллектуальных сил, воли, мужества и абсолютного самопожертвования. И это не пустые слова. Разведчик вынужден жить двойной жизнью — та, реальная, скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов: даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие подвиги совершает их муж и отец. А вот всю тяжесть провала они всегда испытывают на себе — ведь в лучшем случае за этим следует выдворение из страны, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания. Случается, что платой за поражение является жизнь».

Крючков заботился о людях не на словах — он принимал конкретное участие в их судьбах. В конце 1970-х годов в Бейруте вооружённому нападению террористов подверглась машина с сотрудниками советского посольства. На-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 83–84.

ходившийся в ней разведчик Роберт Мартиросян получил ранение позвоночника, в результате которого оказался на долгие годы прикованным к постели. Он стойко переносил тяжёлый недуг, и Крючков принял решение не отправлять его на пенсию. Мартиросян с огромным увлечением занимался, и успешно, серьёзными аналитическими исследованиями, как и все другие сотрудники, повышался по должности, ему присваивались очередные воинские звания. Любимая работа, дружеское плечо сослуживцев, забота семьи помогали бороться с болезнью. При этом Крючков не раз выслушивал замечания от проверяющих инстанций, что серьёзно нарушает трудовое законодательство, поскольку держит на работе инвалида первой группы. Но никто уволить Мартиросяна не решился. Так он и оставался до самых последних дней в рядах действующих разведчиков.

Трудно подобрать подходящие слова, чтобы рассказать об особом, без преувеличения — трепетном отношении Владимира Александровича к разведчикам-нелегалам. Нельзя без волнения читать страницы воспоминаний Владимира Александровича, посвящённые этим людям, сознательно выбравшим для себя жизненный путь, полный испытаний и нечеловеческих трудностей, вдали от Родины, без родных и близких. Как же нужно любить свою страну, верить в неё, когда знаешь, что малейшая оплошность может стоить тебе не только свободы, но и жизни, а в случае ареста ты не можешь открыть даже своей принадлежности к ней!

Близкие к Крючкову люди знали, что его внешняя сухость — обманчива. Почитайте записки Владимира Александровича, и вы поймёте, что все человеческие драмы, случавшиеся в разведке и нередко заканчивавшиеся трагическими развязками, он глубоко переживал, пропускал через себя...

Люди обычно платят взаимностью, если чувствуют неподдельное внимание и уважение к ним со стороны руководителя...

До разведки Крючков прошёл две серьёзные ступени своего становления как профессионального чекиста — проработав некоторое время помощником председателя КГБ, он в течение четырёх лет руководил секретариатом Комитета госбезопасности. Не будем напоминать о важности этого подразделения, оказывавшего непосредственное воздействие на чёткость работы всего аппарата Комитета. Мы уже знаем, что Андропов целый год не отпускал Крючкова

в ПГУ, несмотря на настоятельные просьбы А. М. Сахаровского, — долго подыскивал Владимиру Александровичу подходящую замену.

В книге «Рука Москвы» Л. В. Шебаршин вспоминает о своей первой встрече с Владимиром Александровичем, которая произошла при следующих обстоятельствах. У Шебаршина куда-то запропастился «документ деликатного содержания», поиски которого привели его в секретариат КГБ. «Секретариат комитета для простых смертных, — пишет Шебаршин, — учреждение таинственное, могущественное, и лучше дела с ним не иметь. Но потерять документ никоим образом невозможно, я иду с девятого этажа старого здания на Лубянке на третий этаж, разъясняя генерал-майору Крючкову, зачем я его беспокою. В этот момент Владимир Александрович удивил меня своей памятью. Услышав название документа, попавшего к нему несколько месяцев назад, он немедленно открыл сейф и из толстой пачки бумаг сразу же достал именно то, что требовалось. Мне показалось, что я имею дело с человеком в каком-то отношении необыкновенным».

Работа в секретариате помогла Крючкову вникнуть в особенности функционирования сложного механизма центрального аппарата, глубже понять специфику и основные принципы деятельности руководящих органов, управлений и других структурных подразделений КГБ, освоить каналы связи с ЦК КПСС и правительством, взаимодействия с заинтересованными министерствами и ведомствами, с органами госбезопасности на местах, с зарубежными представительствами и резидентурами. Впрочем, весь комплекс задач, которые повседневно и круглосуточно решал Комитет и которые так или иначе находили своё отражение в деятельности секретариата, трудно даже перечислить.

О некоторых особенностях работы секретариата и задачах, на него возложенных, рассказал автору генерал-майор А. Н. Бабушкин, который возглавлял эту службу КГБ в 1984—1988 годах (кстати, Александр Николаевич считает себя воспитанником Крюčkова, поскольку долгое время работал под его непосредственным руководством в разведке — был заместителем начальника Информационно-аналитического управления ПГУ). О том, насколько значимую роль играл секретариат в работе КГБ, свидетельствует такой штрих: заместители председателя Комитета, возглавлявшие различные направления деятельности органов госбезопасности, старались всеми силами «протолкнуть»

на ответственные должности в секретариате «своих» людей. О высоком статусе сотрудников секретариата можно судить, например, по такому факту: заместитель Бабушкина генерал-майор Н. М. Голушко был выдвинут на должность председателя КГБ Украинской ССР, затем работал на руководящих должностях в органах безопасности РФ (в частности, был министром безопасности, директором Федеральной службы контрразведки РФ). После Бабушкина секретариат КГБ возглавил В. И. Жижин — талантливый дипломат и известный разведчик, самый молодой генерал за всю послевоенную историю органов госбезопасности.

Так что в секретариате КГБ росли и работали не «канцеляристы», а высокопрофессиональные чекисты. Поэтому мы можем утверждать, что, когда в июле 1971 года Владимир Александрович пришёл в разведку, он уже обладал солидным багажом специальных знаний и навыков практической работы в центральном аппарате, позволившем ему включиться в дело без особой раскочки.

Глава четвёртая

**ГЛАВНЫЙ ПРОТИВНИК
ГЛАВНОГО ПРОТИВНИКА**

Многое в разведке находится под покровом секретности. Но есть две стороны в её работе, которые рано или поздно становятся заметными даже для людей, не слишком посвящённых в её тайны: одна состоит из удач, другая — из поражений. По ним мы обычно и судим, насколько сильна наша разведывательная служба. И часто ошибаемся, поскольку слишком мало знаем о главном — о каждодневной, кропотливой оперативной работе, часто сопряжённой с риском для жизни людей, самоотверженно выполняющих свой долг перед Родиной. Естественно, сокрыто от посторонних глаз и то, что определяет реальную силу разведки, её потенциальные возможности: уровень профессиональной подготовки и оперативный опыт разведчиков, качество агентуры, постановка аналитической работы, техническая оснащённость и целый ряд других факторов.

При этом даже самые тяжёлые провалы, которые нередко вызывают международный резонанс и становятся достоянием общественности, отнюдь не всегда свидетельствуют о слабости спецслужбы или каких-то отдельных её звеньев, тем более не могут служить поводом для сиюминутных поверхностных оценок. На войне от поражений не застрахованы и боеспособные армии во главе даже с самыми опытными и талантливыми полководцами. Недаром говорят, что проиграть сражение не значит проиграть войну. А война на невидимых фронтах разведки никогда не кончается, будет она продолжаться и в обозримом будущем.

Не станем забывать, что даже в период разрядки 1970-х годов и заметного потепления в отношениях СССР со странами Запада (вспомним ещё раз добрым словом Л. И. Брежнев), США и западноевропейские страны, несмотря на все свои миролюбивые заверения, по-прежнему рассматрива-

ли Москву как основной источник зла и корень всех бед. Ну а главным инструментом осуществления «коварных замыслов Кремля» всегда считался Комитет государственной безопасности со своей внешней разведкой — всемогущая «рука Москвы», которой постоянно пугали западного обывателя. Поэтому не случайно острие подрывной деятельности против Советского Союза было постоянно направлено на его органы госбезопасности.

Наиболее серьёзную угрозу для наших разведывательных и контрразведывательных служб представляла деятельность главного противника — Центрального разведывательного управления США в период, когда возглавлял его опытный профессионал и политик Уильям Кейси (директор ЦРУ в 1981—1987 годах). К руководству американской разведкой он пришёл после избрания президентом США Рональда Рейгана, предвыборной кампанией которого Кейси и руководил. Вполне естественно, что глава ЦРУ исповедовал взгляды своего патрона — яркого антикоммуниста, убеждённого в том, что «СССР скорее будет разгромлен, чем с ним удастся договориться».

При Кейси бюджет Центрального управления ежегодно увеличивался почти на 20 процентов. Проведение тайных операций подкреплялось принятием дополнительных законодательных актов. Расходы на эти операции только за четыре года, с 1982 по 1986-й, увеличились почти втрое. Даже когда в середине 1980-х годов произошли массовые провалы американской агентуры в Москве, никто не стал упрекать ЦРУ в том, что его сотрудники даром едят хлеб: руководство США продолжало поддерживать и серьёзно финансировать свою разведку.

Всем хорошо известно, что американцы не любят выбрасывать деньги на ветер. Можно сказать, что их финансовые вливания не пропали даром: на завершающем этапе перестройки КГБ СССР вовсе не случайно подвергся наиболее яростным атакам антисоветских сил, активизировавшихся внутри страны.

Особое внимание ЦРУ уделяло внешней разведке КГБ, которая неизменно пользовалась высоким авторитетом. Об этом, в частности, свидетельствует один эпизод, описанный нашим «главным нелегалом» — Ю. И. Дроздовым. Юрий Иванович в своих воспоминаниях приводит слова американских коллег, произнесённые ими во время одного совместного застолья (и такое случалось!): «Даже ваши поражения демонстрируют мощь вашей разведки».

Это — оценка профессионалов. А те, кто показывает деятельность советской разведки в 1970—1980-е годы исключительно в неприглядном свете, или имеют весьма смутное представление о задачах, которые она решала в этот период, или делают это преднамеренно, спеша внести свой «вклад» в дискредитацию истории отечественных разведывательных органов.

В. А. Крючков отдал разведке 17 лет, из них три года был первым заместителем начальника ПГУ и 14 лет — начальником Первого главного управления КГБ СССР. Больше его на этом посту — более пятнадцати лет — работал только Александр Михайлович Сахаровский, внёсший неоценимый вклад в развитие советской разведки и укрепление её престижа. Именно генерал-полковник Сахаровский сумел разглядеть в Крючкове своего достойного преемника ещё в то время, когда тот возглавлял секретариат КГБ, и рекомендовал Андропову перевести Крючкова в разведку.

«...Считаю, — пишет Крючков, — что годы, проведённые в разведке, являются самыми яркими в моей жизни. Для меня это был период творческого подъёма, становления не только как профессионала, но и как политика. Огромный объём информации, который стекался ко мне, позволял не только быть в курсе международных событий, но и взглянуть как бы со стороны, с разных точек зрения на процессы, происходившие в нашей стране... В этом плане именно разведка предоставляет поистине уникальные возможности»¹.

Крючков активно развивал традиции Сахаровского — он не только сумел сохранить репутацию советской внешней разведки как одной из самых сильных спецслужб в мире, но и многое сделал для повышения её эффективности. Ветераны разведки в многочисленных беседах с автором отмечали, что именно в разведке в наибольшей степени раскрылся талант Владимира Александровича как большого политика и организатора, человека с недюжинным интеллектом, исключительной эрудицией и феноменальной памятью.

Под руководством Крючкова *разведка в структуре КГБ развивалась вплоть до последних дней существования Первого главного управления Комитета госбезопасности*, даже в смутную эпоху Горбачёва.

Большую сложность для ПГУ представляла вошедшая в

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 82.

практику ведущих западных государств и некоторых других стран, следовавших в их фарватере, привычка периодически выдворять наших сотрудников из-за рубежа по надуманным поводам. Такие акции преследовали, как правило, двойную цель: вызвать негативный для СССР международный резонанс и избавиться от опытных разведчиков и наиболее влиятельных дипломатов, сотрудников торгпредств, журналистов. Но основной удар был всегда направлен против сотрудников КГБ, часто — просто в отместку за крупные провалы своих спецслужб. Процесс замены наших выдворенных разведчиков на новых был исключительно сложным и трудоёмким: надолго снижалась наша оперативная активность за рубежом, возникали большие проблемы в работе с агентурой и другие серьёзные последствия.

К подобному неблагоприятному приёму не раз прибегала Англия, не брезговала использовать его Франция, а порой дело доходило и до курьёзов. Так, Боливия объявила однажды о высылке 116 советских граждан, хотя такой численности наших соотечественников в этой стране никогда и не было («высылали», например, туристов, которые посещали эту страну в прежние времена, «выслали» поэта Евгения Евтушенко, который как-то был там проездом).

Однако далеко не всегда ответные меры советского руководства были адекватными в политическом плане и в количественном отношении.

Надо отдать должное Горбачёву — он в этот период сумел проявить политическую волю. В сентябре 1985 года англичане пошли на очередную провокацию, обвинив более тридцати советских сотрудников в незаконной деятельности. Поводом для этого стало разоблачение нашими спецслужбами Гордиевского¹, которого английская резидентура в Москве успела вывезти из Советского Союза. Горбачёв дал добро МИДу и КГБ ответить адекватно. После этого Лондон выслал ещё шесть человек, мы опять ответили соответствующим образом. Столкнувшись с такой твёрдой позицией, Тэтчер, которая в это время находилась с визитом в Египте, сделала официальное заявление о том, что Англия прекращает акции по выдворению советских сотрудников и считает инцидент исчерпанным.

Вскоре после этого в крайне неприглядное положение было поставлено посольство США, которое прибегло

¹ *О. А. Гордиевский* — бывший полковник ПГУ КГБ, предатель, с 1974 года тайно работавший на британскую разведку.

к подобным действиям. Советская сторона отреагировала моментально и отозвала... свой обслуживающий персонал американского посольства в Москве, и оно оказалось парализовано. В придачу ко всему эта история была высмеяна известным в ту пору фельетонистом Артом Бухвальдом. Понятно, что после адекватных ответных шагов со стороны СССР наши зарубежные резидентуры стали чувствовать себя значительно увереннее.

Приведённые примеры показывают, на каком неблагоприятном фоне протекала деятельность нашей разведки в 1970—1980-е годы, что в полной мере ощутил Крючков буквально через несколько недель после его назначения первым заместителем начальника ПГУ.

В 1971 году изменил Родине и перешёл на службу к британской разведке майор КГБ О. А. Лялин, которого англичане заставили на весь мир сделать нелепое заявление: якобы Москва вынашивает зловещие планы затопить лондонское метро и попутно вывести из строя водопроводную и канализационную сеть. В связи с этим правительство Великобритании объявило персонами нон грата 105 советских сотрудников, работавших в этой стране. По своим масштабам предпринятая Лондоном акция не знала аналогов. К тому же советское руководство было предупреждено (а по сути дела, подверглось шантажу) о намерении англичан выслать ещё одну большую группу советских граждан. После некоторого раздумья из СССР были высланы в ответ 18 британских дипломатов. Английские спецслужбы позволили остаться в Лондоне лишь небольшой группе офицеров КГБ численностью семь человек — сотрудникам, которые до прибытия в Лондон работали главным образом в периферийных органах советских спецслужб и не имели опыта работы ни в центральном аппарате разведки, ни за границей. После этой истории КГБ был вынужден законсервировать почти все агентурные отношения...¹

Нелёгкой работой по преодолению последствий предательства Лялина, послужившего поводом для высылки советских граждан из Лондона, и вынужден был заниматься Крючков, который после нового назначения стал курировать европейские оперативные отделы. Можно без преувеличения сказать, что это было его первым боевым крещением в разведке.

Однако сразу предупредим читателя: мы не намерены

¹ См.: *Лекарев С., Судоплатов А.* Лондонский провал советской разведки // Независимое военное обозрение. 2002. 18 октября.

чрезмерно увлекаться отдельными «детективными» историями, связанными с оперативной деятельностью ПГУ в «эпоху Крючкова», который, как мы убедились в предыдущей главе, снискал уважение у целого ряда крупных советских разведчиков как специалист, прекрасно разбирающийся во всех тонкостях их профессии. Тем более не будем забывать, что разведка — инструмент большой политики, а её начальник — не столько оперативный сотрудник, сколько политический руководитель и организатор.

Сразу после прихода в разведку Крючков сосредоточил внимание на аналитической деятельности ПГУ. Это направление ему было поручено курировать уже в 1971 году, поскольку именно это направление находилось в то время далеко не в лучшем состоянии. Незавидное положение информационно-аналитического отдела (впоследствии — управления) явилось следствием определённых «традиций», сложившихся в разведке. Недооценка разведывательной аналитики имела свои конкретные исторические корни. Информация, поступающая по линии разведки перед Великой Отечественной войной, в военные и первые послевоенные годы, докладывалась руководству органов госбезопасности и лично Сталину необработанной. П. М. Фитин, возглавлявший внешнюю разведку с 1939 по 1946 год, был поставлен в жёсткие рамки: Сталин требовал от него представлять добытые сведения только в «первозданном» виде с обязательным указанием источника и сам решал, насколько они достоверны и важны. Возможно, в то время подобное, «ручное», управление разведкой было в какой-то мере и оправданным. Однако в результате оно привело к большому трагическому просчёту: при огромном количестве противоречивых сведений и мощной дезинформационной работе противника точную дату нападения фашистской Германии на Советский Союз установить так и не удалось.

Вместе с тем мы должны отметить большую личную роль Сталина в становлении и развитии советской разведки. Долгое время сохраняли актуальность его указания по разведке от 21 мая 1937 года, в которых были не только определены важнейшие задачи НКВД на этом участке, но и высказан ряд резких критических замечаний. В частности, он отмечал:

«Мы имеем крупные победы, мы сильнее всех политически, мы сильнее экономически, но в разведке нас разбили. Поймите, разбили нас в разведке.

Мы должны создавать свою разведку. Хорошая развед-

ка может отсрочить войны. Сильная разведка врага и наша немощь — провокация войны.

Нельзя быть слепым, надо иметь глаза. Значит, надо иметь сильную разведку и контрразведку».

Разведке принадлежит поистине выдающаяся роль в успешной реализации советского атомного проекта. Наши разведчики уже осенью 1941 года, в тяжелейшее для страны время, когда фашисты рвались к Москве, сумели добыть в Англии сведения о начале работ по созданию атомного оружия. В марте 1942 года такие же сведения были получены от советской разведки в США.

Известны цифры, позволяющие судить о масштабах нашей разведывательной деятельности в военные годы. С 1941 по 1944 год только по линии Первого управления НКВД — НКГБ на нелегальную работу за рубежом было направлено 566 сотрудников, которые завербовали 1240 агентов, добыли агентурным путём свыше 40 тысяч различных разведматериалов.

Наша разведка через своих агентов сумела проникнуть в недра Манхэттенского проекта — программы США по разработке атомной бомбы. В апреле 1945 года И. В. Курчатов получил ряд ценных разведанных по конструкции атомной бомбы и методам разделения изотопов урана. Пожалуй, благодаря разведке Игорь Васильевич был самым информированным физиком-атомщиком в мире.

Известный исследователь истории создания советской атомной бомбы, профессор права А. И. Иойрыш отмечает, что Сталин лично заострял внимание разведки на принципах подхода к вербовке агентов, связанных с разработками по атомной бомбе. «Есть два моральных фактора, — указывал он, — которые надо использовать. Учёные не могут не понимать, что если одна держава будет монопольно владеть сверхмощным оружием, то последствия будут непредсказуемы, опасны, катастрофичны. И второе: Советский Союз несёт на себе основную тяжесть войны с фашизмом, с тем злом, которое хочет установить господство над всем миром, уничтожить многие народы. И чем дольше продлится война, тем больше людей погибнет на оккупированных территориях, в лагерях. Высший долг учёных — помочь Советскому Союзу выстоять и победить как можно скорее».

Поступавшая по линии разведки информация способствовала принятию руководством страны своевременного решения о начале работ по атомному оружию, помогла физикам сократить сроки их проведения и сэкономить

колоссальные средства. Выдающийся советский физик, один из руководителей советского проекта атомной бомбы Ю. Б. Харитон приводил слова Сталина при вручении государственных наград создателям грозного оружия: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе».

Довольно убедительны и свидетельства противника. Уолтер Беделл Смит, глава ЦРУ США (1950–1953), выступая в сенате США, произнёс следующие слова: «Я вижу только двоих, кто мог бы соответствовать общепринятому представлению о шефе разведки. Первый — Бог, другой — Сталин. К тому же я не уверен, что Бог справился бы с этой задачей. Так как я не уверен, настолько ли он близок к Дяде Джо, чтобы знать о его намерениях»¹.

Через несколько лет после окончания войны были пересмотрены многие принципы и направления деятельности разведки с учётом прежних ошибок и недостатков. Так, по инициативе Сталина 9 ноября 1952 года при бюро Президиума ЦК КПСС была создана комиссия по реорганизации разведывательной и контрразведывательной служб МГБ СССР. В декабре 1952 года был подготовлен проект постановления ЦК КПСС «О Главном разведывательном управлении МГБ СССР», при обсуждении которого Сталин высказал ряд существенных замечаний. Однако его смерть помешала реализации намеченных мероприятий по качественному улучшению деятельности разведывательных служб. В частности, долгие годы практически за бортом оставалась аналитическая работа в разведке.

Кстати, этот серьёзный недостаток не обошли вниманием и наши противники. Так, известный американский разведчик Дэвид Мёрфи, бывший руководитель «советского отдела» ЦРУ, отмечал, что «внешняя разведка НКВД никогда не создавала аналитическую составляющую, или “информационную” часть. Она всегда полагалась на рассылку рапортов конкретным “клиентам”, оставляя им решение по толкованию. На этой процедуре настоял Сталин, пояснив, что только он один будет судить конкретные сообщения и их “скрытый” смысл»².

Понимая, что поступающая масса материалов по линии

¹ Данинос Ф. Повседневная жизнь ЦРУ. Политическая история. 1947–2007 / Пер. с фр. Л. Ф. Матяш, В. А. Смирнягина; предисл. О. М. Нечипоренко. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 98.

² Цит. по: Бондаренко А. Ю. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015. С. 183.

разведки требует серьёзного анализа, Фитин ещё в 1943 году инициировал создание информационного отделения, которое позднее было преобразовано в 8-й отдел, а в 1946 году — в отдел «1-В». Однако эти шаги дали лишь первичный толчок информационно-аналитической работе, которая продолжала серьёзно отставать от требований времени. Ещё долгое время основной упор делался на работу разведки «в поле» без должного обобщения и анализа её результатов, огромный массив полученных материалов оставался необработанным.

В беседах с автором книги Н. С. Леонов, возглавивший информационно-аналитический отдел в 1971 году (в это же время этот отдел начал курировать Крючков), приводил такие цифры: если в 1970-е годы соотношение между добывающими информацию оперативными работниками и информационно-аналитическими сотрудниками в ЦРУ составляло 1:1, то в советской внешней разведке этот показатель выглядел как 10:1 (на десять оперативников приходился лишь один аналитик). Любопытно, что примерно в это же время сенатская комиссия, изучавшая работу ЦРУ, пришла к выводу, что слишком много сил и средств это разведывательное ведомство тратило на то, чтобы добыть информацию, и слишком мало — на аналитическую работу.

Кстати, в соответствии с новыми задачами, которые решались американской разведкой в послевоенные годы, аналитическая работа ЦРУ существенным образом была реформирована ещё в начале 1950-х годов. В 1952 году в разведывательном управлении был создан Информационно-аналитический директорат, объединивший все бюро и отделы, занятые обработкой информации и выпуском докладов. В директорате работало более трёх тысяч аналитиков, которые являлись выпускниками самых именитых американских учебных заведений и поддерживали тесные связи с американскими университетами. Они по праву считались интеллектуалами и ценились не только в ЦРУ, но и в органах государственного управления США. Деятельность Информационно-аналитического директората явилась для известного историка американской разведки Ф. Даниноса основанием для того, чтобы назвать Центральное разведывательное управление США «Министерством холодной войны»¹.

¹ См.: Данинос Ф. Повседневная жизнь ЦРУ. Политическая история. 1947–2007 / Пер. с фр. Л. Ф. Матяш, В. А. Смирнягина; предисл. О. М. Нечипоренко. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 94, 101.

У нас же долгое время существовал явный переко́с в сторону «кустарно-ремесленного», экстенсивного подхода к разведывательной деятельности. А ведь следует ещё принять во внимание более высокую техническую оснащённость американских аналитических служб, что также повышало уровень эффективности их работы. (В середине 1980-х годов автору в составе группы советских журналистов довелось побывать в штаб-квартире одного из самых популярных американских журналов — *Time*. Уже в то время при этом издании действовала обширная электронная библиотека, в которой при помощи двух-трёх ключевых поисковых слов, введённых в компьютер, можно было быстро найти любой нужный материал. Сейчас это для нас выглядит привычным и обыденным, но тогда мы с коллегами — представителями ряда ведущих советских изданий — были просто поражены. Ведь более совершенного способа хранения и поиска информации, чем традиционная бумажная картотека, мы в ту пору ещё не знали.)

Касаясь проблемы неэффективного использования добытой с огромным трудом, порой — с риском для жизни информации, Ю. И. Дроздов вспоминает одну из своих бесед с Крючковым: «Как-то... председатель КГБ СССР В. А. Крючков, возвращаясь в разговоре к результатам работы одного из нелегалов, спросил: “А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?” — “Не так уж много, — ответил я, назвав несколько имён, — пять-шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна обеспечивать их, отвлекать от них внимание”»...

Надо заметить, что необходимость совершенствования информационно-аналитической работы разведки в послевоенный период диктовалась и целым рядом серьёзных, крайне неблагоприятных для СССР изменений, происходивших на международной арене.

Нарастала обороты холодная война, главной целью которой была дискредитация Советского Союза в глазах мировой общественности. Ведущие капиталистические страны не могли мириться с тем высоким престижем, который снискала себе Страна Советов, внося решающий вклад в разгром фашистской Германии. Образование новых социалистических государств на восточноевропейском пространстве, провозглашение в 1949 году Китайской Народной Республики (что означало для США крупнейшее поражение в этом регионе) вызвали очередную волну антикоммунистической истерии. Её мощным катализато-

ром послужила развернувшаяся в 1950 году в США «охота на ведьм», составной частью которой стала «коммунистическая фильтрация» деятелей литературы, искусства, сотрудников средств массовой информации. Маккартизм (по имени идейного вдохновителя этой кампании Джозефа Маккарти) проник не только во все сферы жизни американского общества, но выплеснулся и далеко за пределы США, стал определять политику и идеологию ведущих западных держав.

Массированные атаки, направленные на подрыв влияния и авторитета Советского Союза, разумеется, не оставались безрезультатными. Мы сами умудрились подлить масла в огонь, вынеся в 1956 году на XX съезд КПСС не проработанный должным образом вопрос о культе личности Сталина, который был поставлен крайне неуклюже и по форме, и по содержанию. И, конечно же, «по полной программе» было раскручено Западом (в нужном для него ключе) наше участие в событиях 1953 года в Берлине и 1956 года в Будапеште. Позднее к ним добавилась и Пражская весна.

Все мы помним крылатую фразу философа Александра Зиновьева: «Целились в коммунизм, попали в Россию». Но думается, что Россия, как страна неисчерпаемых ресурсов, всегда находилась под прицелом западных держав, и не только после 1917 года — значительно раньше. А антикоммунизм служил для внешнего противника и внутренней «пятой колонны» больше «прикрытием» истинных целей — это с одной стороны. С другой — способом подавления любого инакомыслия в собственных странах, любых проявлений тяги трудящихся к идее социальной справедливости.

Как бы то ни было, негативные процессы, происходившие в нашей стране в послевоенный период, отрицательно сказались на притягательности Советского Союза и социализма в целом, что отразилось и на деятельности советской внешней разведки. Она сохраняла свой высокий статус, однако поток агентуры, особенно завербованной на идеологической основе, постепенно таял. Всё большее значение стала приобретать материальная заинтересованность агентов. А это не могло не сказаться на сужении круга и качества агентуры.

Постановка эффективной информационно-аналитической службы разведки могла бы в значительной мере сократить потребности в информации, поступающей из тра-

диционных источников, дать возможность более рационально использовать драгоценные людские ресурсы разведывательного ведомства.

Прежде всего следовало поднять престиж информационно-аналитического отдела ПГУ, изменить отношение к нему сотрудников других подразделений — ведь кадровые разведчики рассматривали этот отдел не иначе как место своеобразной «ссылки». Служба здесь считалась непрестижной, по негласной традиции сюда направлялись сотрудники, «выработавшие» по тем или иным причинам свой ресурс на серьёзной оперативной работе.

К примеру, в своё время не избежал подобного отношения к коллегам-аналитикам и будущий начальник ПГУ Л. В. Шебаршин. Вот что он пишет в воспоминаниях:

«...Оперативным работникам в своё время было свойственно несколько снисходительное отношение к сотрудникам информационной службы, на неофициальном языке — “информаторам”. Не избежал этого греха и я... В последующие годы мне не раз приходилось предупреждать оперативных работников против недооценки информаторов. Это удивительные люди, своеобразная корпорация мыслителей, безотказные, знающие всё и могущие всё. В нашем деле важно не только добыть секретную информацию — необходимо осмыслить её, сопоставить с тем, что уже известно, привести сведения в удобопонятный компактный вид.

Информация должна быть практически полезной для адресатов, для тех, кто вырабатывает политику страны»¹.

Хотелось бы обратить внимание на последнее замечание Шебаршина. Подготовка информации для высших органов государственной власти всегда была важнейшей функцией ПГУ. В отдельных публикациях можно встретить бездоказательное утверждение, что у Крючкова якобы была склонность «сглаживать» острые по содержанию документы, отправляемые «наверх». Бóльшую нелепость трудно выдумать. Как утверждает Н. С. Леонов, Владимир Александрович всегда руководствовался в работе известным принципом Андропова: «Никогда и ничего не приукрашивай!» Разумеется, и сам Андропов, возглавлявший КГБ до мая 1982 года, требовал абсолютной честности — и в большом, и в малом — от всех управлений и служб Комитета. Отчеты и аналитические записки, исходившие из

¹ Шебаршин Л. В. Рука Москвы. М.: Алгоритм, 2014. С. 189–190.

разведки, были всегда правдивы, независимо от того, какое впечатление они производили на адресата, нравились ему или нет.

Вот что по этому поводу пишет генерал-полковник В. Ф. Грушко в книге «Судьба разведчика»: «После всех отставок в августе 1991 года в прессе пытались бросить тень на Крючкова, утверждая, что якобы по его инициативе информация наверх шла “приукрашенной”. Такая критика не имеет под собой никаких оснований. То, что он лично уделял много внимания отработке документов, это верно. Он умел сам и требовал от других чётко и недвусмысленно излагать факты, давать их глубокий анализ, делать прогнозы и вносить предложения. Ни разу мне не приходилось сталкиваться со случаями направления тенденциозной или приглаженной информации. Напротив, когда в стране стала нарастать критика политики Горбачёва, а ряд лиц из его окружения продолжали заниматься славословием, мы общались Президенту неприкрытую правду».

То, что Крючков в информационно-аналитических материалах, предназначенных для высшего руководства страны, никогда не кривил душой, подтверждает и Н. С. Леонов, которому часто приходилось лично заниматься подготовкой подобных документов.

Заметим, кстати, что Леонов, внесший большой вклад в качественное изменение деятельности информационно-аналитической службы разведки, приступил к её реформированию, имея за плечами не только огромный опыт оперативной работы на латиноамериканском направлении. К этому времени он был уже сформировавшимся учёным-обществоведом¹, опубликовал целый ряд исследований по истории стран региона, в котором ему довелось работать. В беседах с автором Николай Сергеевич дал исключительно высокую оценку роли Крючкова в развитии разведывательной аналитики. Но чтобы автора ненароком не заподозрили в предвзятости, сошлёмся на книгу Леонова, выпущенную ещё в 1997 году. В ней Николай Сергеевич рассказывает, в частности, как в 1970-е годы менялась работа информационно-аналитической службы:

«Огромную помощь нам оказал В. А. Крючков, став-

¹ В 1970-е годы Н. С. Леонов защитил докторскую диссертацию, в 1990-е — стал профессором кафедры дипломатии МГИМО. Автор многих книг, последняя из них — «Рауль Кастро» вышла в издательстве «Молодая гвардия» в 2015 году.

ший к тому времени начальником разведки. Во-первых, ему принадлежит формула: *“Информационная работа в разведке — это профессия”* (курсив мой. — А. Ж.). При его поддержке была радикально изменена кадровая политика по формированию штатов управления. На работу сюда больше не принимались “отходы” оперативной деятельности. Мы делали исключение только для двух категорий: либо высланные как персона нон грата активные разведчики, либо те, кто по семейным обстоятельствам не мог длительное время находиться за границей. Главными критериями всё больше становились интеллектуальный потенциал, знание страны, региона, международной проблематики¹.

Крючков, как начальник разведки, предпринял целый ряд конкретных мер, направленных на то, чтобы в корне изменить взгляд на информационно-аналитическую работу со стороны руководителей и сотрудников всех управлений и служб ПГУ. Были соответствующим образом упорядочены потоки поступающей в центральный аппарат разведки информации, порядок её обработки. Каждый рабочий день начальника разведки начинался с заслушивания доклада дежурного офицера информационно-аналитической службы, которая работала круглосуточно. Руководитель Информационно-аналитического управления Леонов был повышен в статусе — назначен заместителем начальника ПГУ и стал играть «первую скрипку» на важнейших совещаниях в Первом главном управлении, в том числе на тех, которые обсуждали отчёты резидентов и руководителей разведывательных служб, проблемы и перспективные задачи разведки. Он и задавал тон этим обсуждениям, поскольку, как правило, получал на них право первого слова.

В процесс реформирования был вовлечён и Краснознамённый институт КГБ СССР (впоследствии — имени Ю. В. Андропова), при котором была создана специальная кафедра информационно-аналитической работы, а её сотрудники вскоре подготовили соответствующий учебник.

Интересно посмотреть, как трансформировалось отношение сотрудников аппарата разведки к аналитической работе на примере того же Шебаршина, который волею судеб после оперативной работы² был назначен заместителем

¹ Леонов Н. С. Лихолетье. М.: Терра, 1997. С. 104.

² Л. В. Шебаршин был до этого резидентом в Иране, где наша разведка потерпела провал в результате предательства одного из её сотрудников — В. Кузичкина.

начальника Информационно-аналитического управления. Леонид Владимирович довольно точно передаёт и характер работы информационно-аналитической службы, атмосферу, царившую в ней:

«Я начал осваивать очередную область — информационно-аналитическую... Поток информации не останавливается ни на минуту, надо прочитывать огромное число информационных сообщений, поступающих из-за рубежа по каналам разведки, улавливать в них самое важное. Для этого надо следить за ещё более широким потоком открытой информации — сообщениями телеграфных агентств, печати, телевидения, читать сводки радиоперехвата. Нельзя, чтобы поток текущей информации увлёк за собой человека. Необходимо видеть логику в хаотичном нагромождении событий, а это возможно только при условии знания их истории, видения их в более широком региональном и мировом контексте. Нужно следить за иностранной и отечественной фундаментальной литературой, читать научно-исследовательские материалы, специализированные журналы».

Приверженность к аналитической работе Крючков сохранил и после своего назначения председателем КГБ СССР. Одним из его первых шагов по совершенствованию работы центрального аппарата Комитета было создание в 1989 году Службы оперативного анализа и информации КГБ, которая через год была преобразована в Аналитическое управление Комитета госбезопасности. Н. С. Леонов, возглавивший это управление в начале 1991 года, сравнивал его со скорой помощью, пытающейся реанимировать смертельно больного. Однако, на наш взгляд, этот шаг и ряд других крупных организационных мер, предпринятых Крючковым, свидетельствует о том, что Владимир Александрович до последнего дня своей работы в Комитете госбезопасности верил в его будущее и связывал завтрашний день с качественным улучшением всей деятельности КГБ.

(Между прочим, Леонов считает своей заслугой то, что, несмотря на короткое время, в течение которого он возглавлял Аналитическое управление, сумел всё же сделать несколько важных дел — подготовить записки об антигосударственной деятельности А. Н. Яковлева и Э. А. Шеварднадзе и принять участие в подготовке Обращения ГКЧП к советскому народу.)

Аналитическую работу Крючкову и его единомышленникам пришлось налаживать не на пустом месте. Более осмысленный, интеллектуальный характер деятельность Ко-

митета госбезопасности стала приобретать с конца 1960-х годов, когда КГБ возглавил Андропов, с которым Крючков в одной связке работал до 1982 года.

Ещё в 1968 году 101-я разведшкола была преобразована в Краснознамённый институт КГБ. Благодаря усилиям Юрия Владимировича налаживались творческие связи КГБ с научными институтами Академии наук, занимавшимися проблемами международных отношений, мировой экономики и политики. Частыми гостями Андропова были академики и члены-корреспонденты АН Н. Н. Иноземцев, Г. А. Арбатов, О. Т. Богомолов и другие видные учёные.

Так, по инициативе Андропова возглавляемый Богомоловым Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР¹ приступил к исследованию причин и характера кризисов в социалистических странах (изучением и анализом этих проблем в КГБ занимался информационно-аналитический отдел ПГУ).

Однако стремление к всестороннему осмыслению вызовов времени и путей реализации усложнявшихся задач Комитета государственной безопасности, в том числе разведки, отнюдь не означало принципиальной смены основополагающих векторов деятельности КГБ. Как человек мыслящий, Андропов прекрасно видел, что разработка академическими институтами тех или иных узловых проблем страдает явным хвостизмом, подчинена идеологическому обеспечению прагматических задач, исходящих из руководящих органов КПСС. А задачи эти, как известно, в большинстве случаев формулировались без должного теоретического анализа, часто — ради красного словца, при подготовке очередных докладов, выступлений и статей Генерального секретаря и других лидеров партии.

Когда в марте 1987 года Советский Союз посетила Маргарет Тэтчер, М. С. Горбачёв решил произвести на неё впечатление, организовав встречи с рядом крупных учёных-обществоведов. Позднее своё впечатление от общения с советскими академиками британский премьер выразила следующим образом: «сборище выдающихся лакеев»². Даже с учётом ярого антикоммунизма Тэтчер и её репутации «слона в посудной лавке», эти слова не выглядят уж

¹ С сентября 1990 года — Институт международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ).

² См.: *Тьеро Ж. Л.* Маргарет Тэтчер: От бакалейной лавки до палаты лордов. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 430.

чересчур несправедливыми. По крайней мере, многим известным обществоведам, почивавшим в советское время на лаврах и менявшим свои взгляды при малейшем изменении политической конъюнктуры, обижаться не на что.

Мы хорошо знаем, что ни Хрущёв, ни Брежнев, ни Горбачёв не испытывали к теории марксизма особого пристрастия, что, безусловно, приводило к ряду серьёзных и даже — непоправимых ошибок в их деятельности. Интересную мысль высказал на одном из заседаний Коллегии КГБ Крючков: «Наш противник считает, что марксизм — слишком мощное оружие, чтобы отдавать его в руки коммунистам. А сами тем временем активно используют многое из учения Маркса — Ленина. Это — и положение о диалектической связи экономики и политики, и принципы системного анализа общественных явлений, и выявление главного, узловых вопросов, и законы идеологической работы»¹. Очевидно, Владимир Александрович был знаком со словами Ф. Рузвельта, который, прочитав «Капитал», произнёс: «Мы эту умную книгу одним коммунистам не отдадим». (Кстати, интерес к «Капиталу» резко вырос в странах Западной Европы в начальный период последнего финансово-экономического кризиса — там его продажи в 2009—2010 годах увеличились многократно².)

...Андропов понимал, что телега (практика) шла впереди лошади (теории), а невостребованность свежих идей и мыслей учёных-обществоведов в руководстве партии и страны порождала неудовлетворённость и оппозиционные настроения. Показательной была ситуация, возникшая в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР, который с 1966 года до августа 1982-го возглавлял Н. Н. Иноземцев. В институте свила себе гнездо антисоветская подпольная организация «Молодые социалисты», инициаторами создания которой выступили Павел Кудюкин и Андрей Фадин. Кроме них в ядро кружка входили Борис Кагарлицкий, Михаил Ривкин, Юрий Хавкин, Владимир Чернецкий. Впрочем, ещё с конца 1970-х годов (Кудюкин и Фадин были тогда ещё студентами истфака МГУ) кружок находился под наблюдением органов госбезопасности. В апреле 1982 года руководители антисо-

¹ Из воспоминаний генерал-лейтенанта В. М. Прилукова.

² См., в частности: «Капитал» Маркса вновь стал популярен во время финансового кризиса // http://ria.ru/crisis_news/20090414/168083463.html

ветского подполья были арестованы, затем осуждены, но вскоре амнистированы.

Увы, потрясений, выпавших на долю ИМЭМО, не выдержало сердце фронтовика — в августе 1982 года Н. Н. Иноземцева не стало. Либеральные круги до сих пор пытаются взвалить вину за кончину учёного на чрезмерно жёсткие действия партийных органов. Здесь — как всегда: с больной головы на здоровую, как будто и не было тех, кто в своих авантюрных целях использовал доверие авторитетного руководителя, подло «подставил» его. Судя по всему, несостоявшиеся «социалисты» учитывали и прекрасное отношение к Иноземцеву со стороны Л. И. Брежнева, что также создавало некое подобие гарантии их безопасности. Кстати, не изменил своего благорасположения к Николаю Николаевичу и Андропов. Но вот кто у него не вызывал ни малейших позитивных чувств — так это новый директор ИМЭМО А. Н. Яковлев, возглавивший институт в сентябре 1983 года. Как считают многие исследователи, — вопреки позиции Андропова, здоровье которого к концу лета 1983 года резко ухудшилось (последнее заседание Политбюро ЦК КПСС он смог провести 1 сентября), и при прямой поддержке Горбачёва, который встречался с Яковлевым в Канаде весной того же года и настоял на его возвращении из командировки.

Знал Андропов и истинную цену Арбатову, к которому сложилось негативное отношение и у Крючкова. В связи с этим хотелось бы обратиться к воспоминаниям Владимира Александровича, который описывает первую свою встречу с Яковлевым, состоявшуюся в начале 1983 года:

«Когда мне доложили, что со мной хотел бы встретиться Яковлев, бывший тогда послом СССР в Канаде, я не удивился. Ничего необычного в этом не было — послы регулярно посещали нашу службу...

Прежде чем принять Яковлева, я поинтересовался у сотрудников, курировавших канадское направление, какие конкретные вопросы намерен затронуть гость, к чему нужно быть готовым. Оказалось, что, напрашиваясь на беседу, посол каких-либо специальных тем для обсуждения не обозначал, сказал, что разговор будет носить общий характер...

Наши товарищи с уверенностью предположили, что посол наверняка будет жаловаться на нашу службу, резко критиковать сотрудников резидентуры (в Канаде) и центрального аппарата, а может быть, даже намекнёт на желательность полного сворачивания оперативной работы в

Канаде. Если разговор примет откровенный характер, подчеркнули в заключение товарищи, то Яковлев “ударит по КГБ в целом”. Это, мол, его “любимый конёк”.

Помню, что именно в этот момент мне по какому-то другому вопросу позвонил Андропов, бывший тогда уже Генеральным секретарём ЦК КПСС. Воспользовавшись этим звонком, я вскользь заметил, что мне предстоит встретиться с Яковлевым. Тотчас же стало ясно, что Юрий Владимирович также придерживается о Яковлеве довольно нелестного мнения. Он не только подчеркнул неоткровенность этого человека (“что он думает на самом деле, ни черта не поймёшь!”), но и, более того, выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом.

Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. “Кстати, — заметил Юрий Владимирович, — есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются”.

В числе хлопочущих людей был назван и Арбатов, который, по словам Андропова, ещё при Брежневем сам приложил руку к тому, чтобы отправить Яковлева подальше из Москвы на посольскую работу¹, “а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца”.

Да, именно так, назвав Яковлева “проходимцем”, и закончил наш телефонный разговор Юрий Владимирович...

Встреча с Яковлевым прошла в строгом соответствии с предсказанным мне сценарием. Нарекания на сотрудников разведслужбы лились сплошным потоком, а всему КГБ доставалось при этом ещё больше. Поначалу оценки облекались, правда, в мягкие, даже осторожные выражения, но подтекст прослеживался чётко: зачем, мол, и кому нужна наша разведка в Канаде?

“Пустая трата усилий и денег”, — с жаром утверждал посол. Александр Николаевич был убеждён, что резидентура только и занимается тем, что всюю следит за ним — подслушивает, ведёт наружное наблюдение, досматривает

¹ В 1972 году руководство КПСС осудило русофобскую статью Яковлева «Против антиисторизма», опубликованную в «Литературной газете». В ней были подвергнуты нападкам патриотические чувства русских писателей, позволивших себе рассуждать о «национальном духе», «национальном чувстве», «народном характере», «зове природной цельности»... Многие полагают, что эта статья и стала причиной «ссылки» Яковлева в Канаду.

почту и вообще, как он выразился, “копается в грязном белье”...

Если бы наши сотрудники и впрямь занимались тем, что им приписывал Яковлев, думаю, мы гораздо раньше узнали бы некоторые “детали”, которые до сих пор пытаются тщательно скрыть этот “архитектор” перестройки...»¹ (Крючков писал эти строки в середине 1990-х годов).

Арбатова Крючков считал человеком шатких убеждений, который «сначала работал на Сталина, затем — на Хрущёва, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачёва, а теперь рвётся на следующий рубеж». По мнению Крюčkова, у Арбатова невероятно много «заслуг» по разгрому Советского Союза: он крушил вооружённые силы нашей державы, издевался над армией, её историей, традициями, низводил её роль в обеспечении безопасности нашего государства. По его «подсчётам», в Советском Союзе расходы на армию в два-три раза превышали расходы на армию США. А на самом деле в Соединённых Штатах военный бюджет составлял в то время 300 миллиардов долларов, а у нас — менее 70 миллиардов рублей. Возглавляя Институт США и Канады АН СССР, Арбатов, как был уверен Крючков, «одновременно был душой проамериканского лобби. Это прекрасно понимал Громыко, и потому, в свою бытность министром иностранных дел, отказался иметь какие-либо дела с Арбатовым».

А вот ещё один взгляд, подтверждающий точку зрения Крюčkова, — академика В. Г. Афанасьева (в советское время — главного редактора «Правды», которого, как принято было считать, вынудили уйти в отставку в 1989 году за перепечатку из итальянской газеты «Република» статьи об алкоголизме Ельцина; но это был только повод — об истинных причинах поговорим позже):

«Георгий Арбатов — академик, директор Института США и Канады, друг Киссинджера, советник и Брежнева, и Горбачёва, и Ельцина. Большой недруг Советской Армии и военно-промышленного комплекса. Да, он друг Америки. А России? До сих пор не могу однозначно ответить на этот вопрос. Многое в нём настораживает»².

К чему мы так подробно остановились на этой теме? К тому, что ряд ведущих учёных-международников (в от-

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 317–319.

² Афанасьев В. Г. Четвёртая власть и четыре генсека. М.: Кедр, 1994. С. 39.

личие от Н. Н. Иноземцева или О. Т. Богомолова) не испытывали большой любви к своему Отечеству. В КГБ СССР и его разведывательном управлении это хорошо понимали и поэтому в оценках внешнеполитических проблем вынуждены были в основном полагаться на себя, на свои аналитические службы.

Крючков, с его интеллектом и эрудицией, уникальной памятью, располагая доступом к огромной информации, поступавшей из-за рубежа из закрытых и открытых источников, свободно ориентировался в этих вопросах.

В том информационном массиве, который ему приходилось «перерабатывать», он чувствовал себя как рыба в воде. В аппарате КГБ ходили легенды о картотеке Крючкова, с помощью которой он систематизировал, приводил в строгий порядок и приумножал свои поистине энциклопедические познания. Картотека представляла собой тысячи записей на бланках библиотечных формуляров и классифицировалась. Рабочая картотека (та, которая хранилась в секретариате ПГУ) насчитывала тысячи формуляров и делилась на два основных раздела: 1) персоналии; 2) страны и регионы мира. В первый раздел заносятся сведения о значимых деятелях мировой политики и культуры, биографические данные и характеристики исторических личностей, почерпнутые из книг, текущей периодической печати и других источников. Второй раздел включал данные об истории различных государств и актуальную информацию, связанную с их современной деятельностью. Помимо базовой информации о политике, экономике, культуре, в картотеке имелись подразделы, посвящённые национальным традициям и особенностям тех или иных народов, литературе и искусству, религиозным верованиям, причинам и характеру межнациональных конфликтов, войн, обороноспособности, состоянию государственной безопасности.

Формирование картотеки осуществлялось следующим образом. Выдержки из материалов, которые следовало в неё поместить, Владимир Александрович помечал при чтении зелёным фломастером. Затем нужный ему текст машинистки секретариата заносяли в формуляры и помещали их в соответствующие разделы.

Мы рассказываем о картотеке лишь в общих чертах, не останавливаясь на многочисленных нюансах её содержания, которыми прекрасно владел Крючков, удивляя коллег и зарубежных партнёров из социалистических стран своей

осведомлённостью и образованностью. Со временем картотека стала основой большинства материалов, которые готовились к многочисленным поездкам и командировкам Владимира Александровича¹.

Текущую прессу Крючков не просто читал и просматривал — он её изучал. Каждое утро ему доставлялись газеты «Правда», «Известия», «Труд», «Красная звезда», из еженедельников и журналов выписывались «Новое время», «За рубежом», «Коммунист», «Партийная жизнь», «Огонёк». По давней привычке регулярно читал «Непсабадшаг» — газету Венгерской социалистической рабочей партии. Если какие-то важные события или явления и ускользали из поля зрения Крюčkова, то уж сквозь «сито» Информационно-аналитического управления они проскочить никак не могли: слишком серьёзно там изучались и анализировались открытые источники, а результаты этой работы ежедневно докладывались начальнику разведки.

Специальные подборки готовились в ТАСС, куда перед началом рабочего дня заезжал дежурный офицер. Информационные материалы, предназначенные для ПГУ, имели своё «кодовое» обозначение: «Крючков — Леонов²». «Надо же, — удивилась однажды новая сотрудница экспедиции ТАСС, — артисты, а так много читают!»

То, что Владимир Александрович действительно много читал, подтверждает и его сын — Сергей Владимирович. Чтение — основное занятие В. А. Крюčkова в те редкие часы, когда его видела семья. Он никогда не читал в кресле или на диване — только за письменным столом. В руках при этом у него всегда были ручка или карандаш. Собственно, эта многолетняя повседневная умственная работа и вылилась в создание уникальной картотеки. «Каких-то особых литературных предпочтений у отца не было, — вспоминает С. В. Крючков, — а вот начитанность была налицо. Он читал много классических произведений, старался быть в курсе всех современных новинок».

...Важное место в числе изданий, которые читал Крючков, занимал БИНТИ — Бюллетень иностранной научно-технической информации, что было связано с особым вниманием начальника ПГУ к развитию научно-технической и

¹ После смерти В. А. Крюčkова его старший сын Сергей в официальном порядке передал картотеку руководству ФСБ РФ.

² Имелся в виду начальник Информационно-аналитического управления ПГУ.

экономической разведки, к деятельности Управления «Т», которое занималось этими проблемами.

Большая заслуга Владимира Александровича состояла в том, что он вывел научно-техническую разведку за границы военной сферы и распространил её на гражданские отрасли науки и экономики. К этому его подтолкнули два главных обстоятельства.

Во-первых, серьёзную обеспокоенность вызывал характер экономического состояния СССР. Дело не только в том, что стали заметно снижаться темпы развития промышленности и сельского хозяйства, а с конца 1970-х годов — и прирост валового внутреннего продукта. Налицо был разрыв в передовых технологиях Запада и СССР, что существенно влияло на производительность труда, существовало большое отставание от западных стран в объёме производства и качестве товаров народного потребления, продуктов питания.

А во-вторых, выход на международный рынок серьёзно ограничивала, а во многих случаях — и перекрывала действующая система санкций и эмбарго, дискриминационных законов в области внешней торговли, направленная против СССР, стран социалистического содружества.

Например, доступ Советскому Союзу к новейшим технологиям производства электронно-вычислительной техники закрывал КОКОМ — Координационный комитет по экспортному контролю. Эта международная организация, объединяющая все страны НАТО (за исключением Исландии) и Японию, осуществляла экспортный контроль над товарами и технологиями, запрещаемыми к ввозу в СССР и другие социалистические страны. В КОКОМ была разработана стратегия так называемого *«контролируемого технологического отставания»*, согласно которой техника и технология могли продаваться в социалистические страны не раньше чем через четыре года после их серийного выпуска.

Отметим также, что система эмбарго практически полностью перекрывала легальные возможности приобретения материалов по геологической тематике для нефтяной промышленности.

Разведка обладала уникальными возможностями, позволяющими преодолевать подобные барьеры, которых существовало великое множество. К примеру, ещё за несколько лет до чернобыльской аварии наша разведка получила доступ к иностранным материалам по проектированию, строительству и эксплуатации атомных станций. Особую

ценность представляла информация по их безопасности, из которой, в частности, следовало, что гарантия надёжности атомной станции обходится примерно в 15 процентов от её стоимости. Принципиальное решение выглядело довольно просто: все опасные блоки и конструкции станции сооружаются под землёй, предусматриваются и другие меры её защиты.

Подобные материалы добывались с большим трудом и огромным риском. Чтобы читатель полнее представлял, как это происходило и чего это стоило, сошлёмся на поддержку из воспоминаний Ю. И. Дроздова:

«Я не могу назвать его имени, псевдонима, страны, где он работал. Пусть для читателя он будет просто “БС”.

Уже с начала 70-х годов Комитет госбезопасности беспокоило положение наших ядерных энергетических объектов — всё ли там в порядке, правильно ли мы идём в развитии ядерных установок, как обеспечивается их безопасность, не отстаём ли от других стран, совершенствующих ядерную энергетику. Решение ряда таких задач выпало и на долю нелегальной разведки.

Справиться с ними предстояло в короткие сроки. “БС” должен был проникнуть на соответствующие объекты в ряде зарубежных стран, добыть необходимую информацию по обширному комплексу вопросов.

Мы думали, что самым трудным будет непосредственно период выполнения задания. Мы ошиблись. Самым трудным оказался период подготовки, документирования и легализации. Как бы то ни было, но в совершенстве было изучено два иностранных языка... обеспечена “железная” документация, выдерживающая любую проверку, найдены настоящие родственники и... требуемое место работы.

Попробуйте представить, какого это стоило труда, тем более в стране со сложной обстановкой и на объекте повышенной секретности с усиленным контролем за работающим персоналом.

В Центре каждый раз с напряжением ожидали выхода “БС” на связь. Каждая операция обеспечивалась с особой тщательностью. Провалиться мы не имели права... Но беда всё же пришла со стороны предателя, который имел косвенное отношение к делу “БС”. Нам пришлось свернуть работу.

“БС” не понимал, что заставляет Центр отзывать его, выражал своё недовольство, сопротивлялся, ведь непосредственно вокруг него пока ещё всё было спокойно, хотя

его уже искали по косвенным признакам, названным предателем.

Он прибыл в Центр и впервые за все годы нашей совместной службы (на операцию ушло пять лет. — А. Ж.) с возмущением говорил о трусости работников Центра, перестраховщиках и многое другое. Он требовал, чтобы его вернули в страну, где он оставил полезную для Родины работу и ставшего близким ему человека, прикрывавшего его и не знавшего, что он разведчик.

Мы рассказали, что его выдал предатель и что его ожидал скорый арест. “БС” долго не мог успокоиться, допустить саму возможность предательства со стороны другого разведчика. В конце концов он согласился с Центром...

По улицам Москвы и сегодня ходит скромный, иногда застенчивый, в меру обидчивый, требовательный к себе и другим человек среднего роста, совершенно не привлекающий внимания посторонних. Он никому не скажет, кроме “своих”, кем он был и за что на его груди несколько боевых орденов и знак “Почётного сотрудника органов государственной безопасности”.

Всё, что добывал “БС” за рубежом, сразу же направлялось в соответствующее ведомство. Если бы результаты его труда были правильно там использованы, учтены, то, может быть, Чернобыльской катастрофы и не было...»

К сожалению, добытую разведчиком-нелегалом информацию использовать не спешили. Лишь спустя год после чернобыльской аварии Крючкову позвонил министр энергетики и электрификации А. И. Майорец, который извинился за явные просчёты прежнего руководства и сообщил, что его министерство информацию КГБ признало исключительно ценной, особенно в той её части, которая касается безопасности. А ведь задолго до этого была организована встреча сотрудника, добывшего информацию, с группой советских специалистов, на которой были даны соответствующие квалифицированные разъяснения.

О причинах такого отношения к данным разведки КГБ в конкретном случае гадать не будем. Отметим только, что нередко использованию разведывательных материалов мешали обычные бюрократические проволочки в соответствующих правительственных ведомствах, для которых эти материалы предназначались, иногда не хватало средств для финансирования внедрения тех или иных новшеств и западных разработок, серьёзным препятствием нередко становилось и наше технологическое отставание во мно-

гих сферах. Бывший сотрудник ПГУ рассказывал автору, что однажды разведчики завладели ракетным снарядом, аналогов которому в нашей стране не было, и даже сумели доставить его в Москву. Однако учёные, в течение долгих месяцев «колдовавшие» над этим изделием, так и не смогли до конца разгадать важнейшие принципы его устройства и производства.

Тем не менее в большинстве случаев усилия разведки не пропадали втуне и в конечном счёте давали ощутимые результаты. Например, только одна крупная операция в космической сфере, проведённая советскими разведчиками вместе с коллегами из социалистических стран, принесла нашей экономике эффект, составляющий не менее 500 миллионов долларов.

С помощью разведки удалось в значительной мере разрешить проблему борьбы с таким распространённым заболеванием, как диабет. Так, покупка лицензии на производство инсулина выливалась по тем временам в астрономическую сумму — примерно в 1 миллиард долларов. Помимо того что крупные затраты государство несло при импорте лекарств, возникала большая зависимость от поставщиков. Сотрудники научно-технической разведки сумели добыть документацию, необходимую для производства инсулина, затратив всего 30 тысяч долларов.

По воспоминаниям Крючкова, разведке удавалось приобретать не только документацию по производству изделий электроники, но даже целые технологические линии. Иногда объёмы доставляемой в Советский Союз компьютерной техники и оборудования для производственных линий были настолько значительны, что приходилось фрахтовать морские суда. Это были сложнейшие и крайне рискованные операции.

Благодаря добытым разведкой материалам в стране вернулись производство и внедрение в сельское хозяйство биостимуляторов. Были накоплены важные данные о их производстве и использовании для повышения плодородия почв, силосования зелёной массы и сохранения свежести силоса, предупреждения гнилостных процессов.

Эти несколько примеров позволяют составить представление о том спектре проблем, которыми занималось Управление «Т». Исключительно высоко оценивал Крючков роль начальника этого управления Л. С. Зайцева — разносторонне образованного человека, высококвалифицированного оперативника, который имел три высших об-

разования и знал три иностранных языка. Помимо большого опыта работы в Центре и за рубежом, Леонид Сергеевич прекрасно освоил механизм взаимодействия разведки с министерствами и ведомствами страны, среди которых центральное место занимал Государственный комитет по науке и технике.

В 1980-е годы начал создаваться государственный механизм формирования заданий научно-технической разведке КГБ, их финансирования, экспертных оценок и реализации. Однако после 1991 года он был разрушен.

Крючков полагал, что разведка может и должна стать рентабельной структурой. Конечно, под рентабельностью он имел в виду не те конкретные показатели, по которым мы обычно оцениваем эффективность работы того или иного предприятия. Разведывательные акции чаще всего такому измерению не поддаются. Подразумевалось, что Первое главное управление вкупе с другими разведывательными и контрразведывательными подразделениями способно покрывать те немалые расходы, которые несёт государство, обеспечивая полноценную деятельность своих спецслужб.

Отметим, что при Крючкове получил развитие Институт научно-технической разведки (образован в 1970 году), который в 1979 году под непосредственным руководством начальника ПГУ был преобразован в Научно-исследовательский институт разведывательных проблем. Это научное учреждение КГБ занималось анализом наиболее крупных проблем и подготовкой по ним информационно-аналитических материалов, направляемых в ЦК КПСС, правительство, АН СССР, министерства и ведомства. Исследовались состояние и перспективы по политическим и научно-техническим проблемам международного значения. В частности, анализировались такие вопросы, как процесс интеграции в Европе, роль и основные направления развития трёх мировых центров — США, Западной Европы и Японии, влияние научно-технической революции на расстановку политических сил в мире, ислам и его воздействие на мировую политику, основные пути и методы развития сельскохозяйственного производства.

Все проблемы, которыми занимался институт, по сути дела, отражали характер деятельности внешней разведки КГБ, её научно-технических и экономических служб, которая выходила далеко за рамки решения утилитарных, прикладных задач. В ПГУ ясно представляли, что недостатки в нашей экономике, политические просчёты, обозначивши-

еся во второй половине 1970-х годов и резко обострившиеся после 1985 года, носят прежде всего системный характер и требуют серьёзного «лечения».

Об этом свидетельствуют и конспекты бесед генерал-лейтенанта В. М. Прилукова с В. А. Крючковым, которые он вёл в ходе многочисленных встреч с председателем КГБ. Первые записи были сделаны Прилуковым весной 1987 года, когда Крючков, будучи не только начальником ПГУ, но и заместителем председателя Комитета госбезопасности, напутствовал его на работу в Ленинграде, после назначения на должность начальника Ленинградского управления КГБ. Последняя их рабочая встреча состоялась 21 августа 1991 года, когда Виталий Михайлович был начальником Управления КГБ по городу Москве и Московской области и одновременно — заместителем председателя КГБ СССР. Мы отобрали для публикации только наиболее принципиальные высказывания Крюčkова, позволяющие составить целостное представление о его подходе к проблемам, которые решались в органах госбезопасности.

Крючков:

«Усиление роли в системе госбезопасности экономической, научно-технической разведки и контрразведки¹ — процесс неизбежный и необходимый. Нужно умело анализировать социально-экономическую обстановку, квалифицированно делать политические выводы. Все мы, сотрудники спецслужб, хотим этого или нет, являемся политическими работниками...

Существуют два основных рычага управления государством — экономический и административный. Нам нужно научиться как следует пользоваться первым...

Нам необходимо поднимать уровень аналитической работы. Ведь информационно-аналитический директорат ЦРУ США работает весьма успешно, особенно в области экономики, тесно сотрудничает с наукой. Западные учёные стали на контрактной основе сотрудничать и с бизнесом, и со спецслужбами. Ведь ещё в 1963 году президент США Кеннеди говорил, что хватит Америке бряцать оружием — это только укрепляет красных; нужно изучать и расширять экономическую щель. Нужно систему социалистических стран превратить в сумму, то есть расчленить

¹ Имеется в виду внутренняя контрразведка (Второе главное управление КГБ), так как внешняя контрразведка (Управление «С» ПГУ) и другие разведывательные службы ПГУ всегда действовали в одной связке.

эту систему и вернуть каждую страну в отдельности на капиталистический путь».

Обратим внимание, что именно эта реальная угроза подтолкнула в своё время Андропова дать задание Институту экономики мировой социалистической системы провести анализ всех крупных кризисов в соцстранах. Один из главных выводов специалистов института заключался в том, что причины всех переворотов в обществе кроются не в головах людей, а в реальных экономических процессах.

Но — продолжим. Крючков:

«У Запада своя экономическая, финансовая, торговая политика, свои интересы. Западные страны непременно воспользуются нашими недостатками, брешинами в наших “перестройках” и “реформах”. Поэтому взаимовыгодное партнёрство, о котором говорят, — это фикция. В экономических отношениях между нами и капиталистическими странами должны быть взаимовыгодные компромиссы.

Экономические реформы, проводимые либералами, не имеющими для этого необходимой профессиональной подготовки, негативно влияют на отечественную экономику, политическую, социальную и, конечно же, оперативную обстановку в стране. Комитету госбезопасности, его территориальным управлениям нужно поднять уровень анализа и оценок экономической и политической ситуации на местах, в стране, в мире.

Мы, к сожалению, не смогли реально оценить причины и выявить корни стагнации экономики и других негативных процессов, происходящих в стране. Недооценили, насколько щедро эти процессы финансируются Западом.

Нельзя согласиться с точкой зрения Горбачёва, который утверждает, что Запад нас ждёт, поможет, примет к себе. Откуда он это взял? Очевидно, кто-то даёт ему некачественную информацию, без должного анализа экономической и военно-политической обстановки в мире, или сознательно искажает её.

Чекисту-руководителю нужно хорошо понимать, научиться видеть связь экономики и политики, их диалектическое единство. Перестройка, реформы развиваются крайне непоследовательно, в ущерб большинству населения. При той приватизации, которую хотят провести у нас, теневики, доморощенные либералы всё народное добро разворуют и захватят. Они сделают всё, чтобы собственность перешла в их руки. А, по Марксу и Ленину, в чьих руках собственность,

в тех руках и власть. Государственная, народная собственность должна быть в руках государства. Частная собственность имеет право на существование, но она не должна господствовать над государственной. Тем более, мы обязаны понимать: с помощью иностранных собственников мы свои проблемы не решим.

Рыночные отношения мы пока просто декларируем, забалтываем, а конкретной организаторской работой по подъёму экономики страны не занимаемся. Рынок, конечно, нужен, у него много позитивных сторон. Но обязательно возникнут и негативные явления: теневые, коррупционные, олигархические структуры будут легализоваться, проникать во властные, государственные органы, срашиваться с ними. Этому может противостоять только очень сильная государственная власть, действующая в интересах народа.

Есть и всегда будут жулики, спекулянты, мошенники. Борьба с ними — задача МВД. А есть весьма квалифицированные "акулы" теневого бизнеса, наносящие серьёзный экономический ущерб государству. Они всегда находятся в тени. Но именно они являются предметом нашей разведывательной и контрразведывательной деятельности. Если мы не доберёмся до этих людей, то они могут занять ключевые посты в управленческих структурах государства, действовать в интересах западной экономики».

Думается, эти высказывания Крючкова не нуждаются в особых комментариях. Отметим только два момента. Во-первых, то, что большинство из них не потеряло своей актуальности и сегодня. А во-вторых, за ними видна глубина взглядов на место и роль в государстве органов госбезопасности зрелого политика и организатора.

Однако компетентный руководитель органов госбезопасности должен обладать и целым рядом других, специфических и довольно сложных навыков работы, без чего немислим его авторитет среди чекистов. Многие ветераны КГБ, особенно профессиональные разведчики, с которыми встречался автор, вполне обоснованно считают, что возглавлять разведку может только человек, который сам ведёт оперативную деятельность. Нельзя вникнуть во все тонкости и сложности разведывательной работы, не побывав в «шкуре» оперативника, не поработав с агентурой.

Крючков это прекрасно понимал. В практику его работы (сначала в качестве начальника разведки, а позднее — и председателя КГБ) вошли встречи с агентами не только на

территории Москвы, на спецобъектах ПГУ, но и за рубежом, в том числе и в западноевропейских странах.

И здесь следует отметить, что Владимир Александрович не гнушался учиться у своих коллег, в частности, внимательно изучал и перенимал лучший опыт у руководителей органов госбезопасности социалистических стран. С особым уважением он относился к Маркусу Вольфу, который возглавлял разведку Министерства госбезопасности ГДР (одну из самых сильных разведок стран Варшавского договора) почти 30 лет, с 1958 по 1986 год. Дело в том, что Вольф, которого западные спецслужбы называли «человеком без лица», так как долгие годы не имели ни малейшего представления о его внешности, лично участвовал в разведывательной работе на территории других стран. О том, что Крючков использовал его опыт, подтверждает интервью Вольфа газете «Красная звезда». Вот что он ответил на вопрос о том, как развивались его контакты с советской разведкой:

«На первых порах наше сотрудничество в основном происходило в Берлине — на уровне представителей КГБ СССР при Министерстве государственной госбезопасности ГДР, которых тогда ещё называли “советниками”. Затем, когда Первое главное управление КГБ возглавил Александр Михайлович Сахаровский, к которому я относился с большим уважением младшего к старшему — и по возрасту, и по опыту разведки, проводились коллегиальные встречи по обмену опытом уже и в Берлине, и в Москве... Если же говорить про Владимира Александровича Крючкова, то тут мы уже на равных действовали, и он, по-моему, по крайней мере на первых порах, был заинтересован воспользоваться моим большим опытом»¹.

О характере разведывательной деятельности Владимира Александровича можно судить по ряду эпизодов, описанных им в своих воспоминаниях. В качестве примера приведём один из них:

«Как-то мне было поручено посетить одну страну специально для проведения встречи с человеком, являющимся весьма ценным источником информации. Оперативно та встреча была обеспечена на должном профессиональном уровне, с соблюдением всех мер предосторожности,

¹ *М. Вольф*: «Большинство немцев понимают значение России для Германии и её будущего» (беседа с А. Бондаренко) // Красная звезда. 2006. 16 августа.

чтобы ни в коем случае не поставить под удар агента. Встреча длилась целых 26 часов! Когда усталость совсем валила нас с ног, тут же и дремали, отводя на это не более двух часов. Не хотели тратить время на сон ни наш зарубежный друг, ни я, ни два наших товарища, которые обеспечивали встречу.

Источник информации сотрудничал с нами на идейной основе, искренне уважал наше государство, был благодарен советским людям за победу в Великой Отечественной войне, которая спасла его и его близких от верной смерти. Он сам никогда не бывал в Советском Союзе и о жизни у нас знал лишь понаслышке. В последние годы агент далеко не по всем вопросам обладал конкретной информацией, но его связи, знания, опыт, характеристики отдельных лиц, глубокие оценки политической и экономической ситуации в стране представляли для нас поистине уникальный интерес.

По ходу разговора им была обронена одна случайная фраза, которая в сочетании с другой информацией, полученной нами ранее совсем из другого источника, явилась ключом к важной разгадке. Последовали целенаправленный поиск, всесторонний анализ, проверка возникших версий, оперативные игры, в результате чего был разоблачён опасный агент, длительное время работавший на зарубежную разведку»¹.

Один из бывших сотрудников внешней разведки рассказал автору о том, как он участвовал (по дипломатическим каналам) в переговорах с высокопоставленным чиновником одной из восточных стран. Так вот, в ходе беседы с этим довольно влиятельным в регионе деятелем выяснилось, что тот имел раньше негласные встречи с Крючковым, который произвёл на него исключительно благоприятное впечатление.

Большую оперативную работу Владимир Александрович проводил в Афганистане, где вёл переговоры не только в Кабуле, но и в отдалённых провинциях, притом не только с представителями государственной власти, НДПА, сотрудниками ХАДа (Службы государственной информации), но и с главарями и боевиками действовавших там бандформирований. Кстати, на таких переговорах постоянно решались проблемы, связанные с освобождением советских солдат, попавших в плен к моджахедам. Далеко

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 100.

не все из наших оказавшихся в неволе воинов знают, что именно Крючкову они обязаны своим благополучным возвращением на Родину. Но кое-кто из них располагал такой информацией, например А. В. Рудкой, военный лётчик и будущий политик, дважды оказывавшийся в плену после того, как его сбивали моджахеды, и оба раза освобождённый при непосредственном участии Крюčkова. Александр Владимирович «отблагодарил» Владимира Александровича тем, что, будучи вице-президентом при Ельцине, в августе 1991 года стал его непримиримым врагом, одним из инициаторов и организаторов ареста Крюčkова и других членов ГКЧП.

В актив оперативной работы Крюčkова следует занести его встречи с влиятельными деятелями ЦРУ и других западных спецслужб. На них поднимались такие важные проблемы, как необходимость гуманизации методов работы разведок, регулирования отдельных аспектов её деятельности путём разработки и принятия соответствующих международных правовых норм. В частности, Крючков ставил вопрос о неприемлемости некоторых приёмов обращения с противником: применения к разведчикам физического насилия, использования при допросах и склонении их к сотрудничеству психотропных препаратов, осуждения сотрудников разведок на длительные сроки тюремного заключения.

К решению этой проблемы его подталкивали прежде всего методы американских спецслужб, которые никогда не отличались корректностью. Так, в вербовочной работе ЦРУ всегда преобладают натиск, жёсткий, прямой разговор, откровенное предложение «в лоб» о сотрудничестве. Наиболее ярким примером Крючков считал стиль работы Тёрнера¹, который предпочитал по-военному недвусмысленные способы решения оперативных задач. Видимо, сказывалась его военная закваска: служба на флоте, адмиральское звание.

Крючков неплохо знал Стэнсфилда Тернера, поскольку встречался с ним в Москве в 1990 году. Посещал Советский Союз и бывший директор Центрального разведывательного управления (вспомним, на всякий случай, поговорку: «Бывших разведчиков не бывает») Уильям Колби (возглавлял ЦРУ в 1973–1976 годах). По наблюдениям Крюčkова,

¹ Директор ЦРУ в 1977–1981 годах.

обоим в нашей стране понравилось, а культурная, особенно театральная жизнь Москвы и Ленинграда приводила их в настоящий восторг. Здесь, видимо, не обошлось без участия Владимира Александровича, который был завзятым театралом.

Ещё раньше, в 1987 году, в Вашингтоне состоялась встреча Крючкова с высокопоставленным представителем разведки США, будущим директором ЦРУ (в 1991—1993 годах) Робертом Гейтсом. Кстати, Владимир Александрович проявил на ней неплохое чувство юмора. На вопрос, что из спиртного подать к столу, он попросил виски. На что Гейтс заметил, что знает даже сорт виски, который тот предпочитает. «Это не такая уж большая тайна, — обронил Крючков, — однако вряд ли её раскрыли те, кто перешёл к вам из нашей разведки: я ни с кем из них никогда не выпивал».

Следующая, неофициальная, встреча с Гейтсом состоялась через три года в Москве, но проходила она уже не в такой непринуждённой обстановке. Ситуация в СССР накалялась, и для КГБ было ясно — события в нашей стране развиваются не без участия (если не сказать — по сценарию) ЦРУ. Гейтс прямо высказал предположение, что Советскому Союзу не удастся избежать распада. Правда, он предполагал, что произойдёт это лет через десять. То ли это была своеобразная попытка ввести в заблуждение руководителя КГБ, то ли американцы действительно не ожидали, что разрушительные процессы приведут нашу страну к трагедии значительно раньше.

Что характерно, на всех встречах Крючкова с именитыми американскими разведчиками его собеседников больше всего интересовало состояние национального вопроса в СССР и отношений между республиками Советского Союза. Пожалуй, не случайно. Идея расчленения Советского Союза по национально-территориальному признаку возникла задолго до распада СССР. На это, в частности, была направлена концепция создания Балтийско-Черноморского союза, ставящая своей целью выход из СССР и объединение прибалтийских республик, Украины и Белоруссии. Её автор, а «по совместительству» — создатель концепции «советского тоталитаризма» и глобальной стратегии антикоммунизма Збигнев Бжезинский считал, что такая конфедерация должна играть роль буферной зоны между Россией и Европой.

Гибель Советского Союза, последние события на Украине, кардинально поменявшей свои внешнеполитические

приоритеты, откровенно недружественная позиция, которую занимают в отношении России Польша и страны Балтии, служат иллюстрацией того, как, казалось бы, утопии превращаются в реальность.

Распад СССР — лишь первый этап осуществления антироссийских замыслов, которые всё время «обогащаются» новыми идеями. Например, свою лепту в «развитие» планов по удушению России внесли бывший президент Украины Виктор Ющенко и бывший президент Грузии Михаил Саакашвили, заявив в своё время о начале формирования Балтийско-Черноморско-Каспийского союза.

А в последние годы в политических кругах ряда стран Восточной Европы, прежде всего в Польше, Литве, Украине, пользуется популярностью проект создания так называемого «Междуморья» — конфедеративного государства, простирающегося от Адриатического и Чёрного морей до Балтийского. Подобный проект (и под таким же названием) ещё на рубеже 1920-х годов вынашивал Юзеф Пилсудский, мечтавший возродить Речь Посполитую в границах 1772 года, существовавших до первого раздела Польши. Пилсудский планировал объединить Польшу, Литву, Белоруссию и Украину. Современные конструкторы Междуморья расширили этот список, включив в него Латвию, Эстонию, Молдавию, Венгрию, Румынию, Югославию, Чехию и Словакию.

Дирижёры обновлённых проектов и доктрин — всё те же. А нынешние попытки с помощью санкций изолировать Россию от западного мира навевают невесёлые мысли: а так уж несбыточны планы крупных политических игроков США и доморощенных «геополитиков» из современной Восточной Европы по разделу и переделу европейского пространства? Тем более что у них и сегодня немало единомышленников и внутри России, которые лишь слегка поменяли внешность, прикрывшись квазипатриотической фразеологией, не имеющей ничего общего с подлинным патриотизмом.

«Пятая колонна», расшатывавшая СССР изнутри во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов и объявившая патриотизм «последним прибежищем негодяев»¹,

¹ Этот афоризм, который часто приписывают Л. Н. Толстому, в действительности принадлежит английскому литератору XVIII века Сэмюэлю Джонсону. Это высказывание содержится в фрагменте из жизнеописания Джонсона, автором которого является писатель Джеймс Босуэлл: «Джонсон неожиданно произнёс, сильным и реши-

своих намерений не скрывала. Представляя механизм использования национальных проблем в «цветных революциях», нетрудно заметить, что для резкого обострения межэтнических конфликтов в Советском Союзе, усиления центробежных тенденций на фоне роста антирусских, антироссийских настроений в целом ряде республик, развернувшегося «парада суверенитетов» не было серьёзных объективных предпосылок. Большинство этих явлений было спровоцировано местными «элитами» при активной поддержке из-за рубежа и потакании со стороны Горбачёва и его ближайшего окружения. Советский Союз разваливали вполне осознанно и целенаправленно. И напрасно те, кто превратил великую трагедию в свой праздник, упорно, до сегодняшнего дня, твердят нам о том, что в основе распада СССР лежали исключительно внутренние, неразрешимые системные проблемы и противоречия. Но эту тему мы более детально затронем в следующих главах, а сейчас вернёмся к проблемам, которые решала внешняя разведка под руководством Крючкова в 1970—1980-е годы.

...Успех внешней разведки зависит от многих составляющих, в организации её деятельности нет мелких, второстепенных деталей. Особенно большую роль здесь играет человеческий фактор. Именно поэтому Крючков уделял особое внимание проблемам психологического характера. Став начальником разведки, Владимир Александрович сосредоточил усилия на создании в коллективе здорового морального климата, атмосферы дружелюбия и взаимопонимания между разведчиками и их коллегами из других управлений и служб. Дело в том, что сотрудники аппарата КГБ иногда высказывали в адрес ПГУ нарекания (чаще — беспочвен-

тельным тоном, афоризм, на который многие накинутся: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяев». Но, полагаю, что он не подразумевал реальной и щедрой любви к нашей стране, но имел в виду тот патриотизм, который так многие, во все времена и во всех странах, делали прикрытием личных интересов».

В таком же ключе интерпретировал высказывание Джонсона Толстой: «Патриотизм в самом простом, ясном и несомненном значении своём есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей».

Эта же идея сформулирована Марксом и Энгельсом в Манифесте Коммунистической партии: «...Коммунистов упрекают, будто они хотят отменить отечество, национальность».

Рабочие не имеют отечества. У них нельзя отнять то, чего у них нет... Пролетариат должен прежде всего завоевать политическое господство, подняться до положения национального класса».

ные), упрекали офицеров Первого главного управления в том, что те считают себя «белой костью», проявляют высокомерие, стремятся выделиться и оторваться от общего чекистского коллектива.

Существовал такой психологический барьер и между двумя наиболее близкими по характеру деятельности службами Комитета — ПГУ и Вторым главным управлением (внутренняя контрразведка), что было особенно недопустимо — ведь сотрудникам этих управлений часто приходилось совместными усилиями решать слишком серьёзные задачи.

Практика показывает, что живучесть подобных проблем, мешающих нормальной работе, связана, как правило, с тем, что они имеют отнюдь не надуманные причины, а более глубокие корни. В 1970-е годы и в Первом, и во Втором главных управлениях КГБ наблюдалась довольно тягостная картина, вызванная необъяснимыми провалами в разведке и контрразведке, частыми накладками, возникшими в ходе операций.

«Косвенных данных о наличии предателей накопилось множество, — отмечал Крючков, — но ниточки, ведущие к источникам, размотать до конца никак не удавалось. Безуспешные попытки разоблачить агентуру, разумеется, доставляли нам немало беспокойства. Появилась нервозность, от сознания собственного бессилия у некоторых буквально опускались руки. В таких условиях важно было прежде всего сохранить моральный климат в коллективе, не дать разгуляться волне шпиономании, избежать необоснованных подозрений в отношении честных сотрудников, а главное, не ослаблять усилия и продолжать целенаправленную работу по выявлению агентуры в наших рядах.

Я, как руководитель разведки, пытался успокоить товарищей, призывал проявлять выдержку, стремился вселить в них веру в успех, хотя и сам находился под гнётом тяжёлых раздумий».

Во внутренней контрразведке, которая, как и ПГУ, переживала не лучшие времена, возникла даже сомнительная «теория», согласно которой контрразведывательным подразделениям якобы удаётся пресекать попытки агентурного проникновения в нашу страну в самом начале и тем, дескать, не допускать более глубокого внедрения агентуры в государственные структуры. На самом деле подобная точка зрения была всего лишь попыткой хоть чем-то объяснить

отсутствие ощутимых результатов в борьбе с действующей агентурой.

В целях налаживания более тесной координации действий двух служб, укрепления взаимного доверия и уважения Крючков при поддержке Андропова добился осуществления ряда конкретных мер.

Во-первых, стали регулярно проводиться рабочие встречи между руководителями разведки и контрразведки. Во-вторых, в практику работы вошли систематические совместные операции и акции за рубежом. В-третьих, в разведку был направлен целый ряд сотрудников контрразведывательных подразделений, а в контрразведку — откомандирована группа сотрудников ПГУ.

Такой «обмен» проводился и в дальнейшем, причём и на уровне руководителей высшего звена. Так, в 1979 году первым заместителем начальника ПГУ стал заместитель начальника Второго главного управления И. А. Маркелов. А в 1983 году он вернулся в Главное управление контрразведки в качестве руководителя, был назначен заместителем председателя КГБ, получил звание генерал-полковника. Подобная практика оказалась исключительно плодотворной и давала хорошие результаты.

Стремление связать воедино два «родственных» направления оперативной деятельности отличало Крючкова и после того, когда он стал председателем КГБ. В. М. Прилуков вспоминает, как Крючков в одной из бесед с ним подчёркивал:

«Наша разведка и контрразведка должны быть едины, в органической связке, они должны дополнять друг друга. Более того, я уверен, что со временем грани между разведкой и контрразведкой будут постепенно стираться».

Как мы уже знаем, подобные мысли Владимир Александрович не только «озвучивал» в беседах с коллегами и на совещаниях, но и проводил их в жизнь.

Во многом благодаря совместным усилиям разведки и контрразведки стали возможны успехи, достигнутые органами госбезопасности в 1980-е годы, отмеченные крупными провалами западных спецслужб. Вскоре после отстранения в 1979 году от руководства Управлением «К» ПГУ (внешняя контрразведка) генерала Калугина, заподозренного в предательстве, удалось выйти на обширную агентурную сеть, действовавшую в Советском Союзе. Были разоблачены десятки агентов, вербовка которых, как выяснилось, состоялась в разное время — некоторые из них

были завербованы иностранными спецслужбами ещё в 1950—1960-е годы. Весьма любопытно, что за годы руководства Калугина Управление «К» не смогло выявить ни одного случая предательства (!).

Эту печальную «традицию» переломил сменивший Калугина генерал-майор А. Т. Киреев, который возглавлял внешнюю контрразведку с 1979 по 1987 год и создал группу высококлассных оперативных работников, специализировавшихся на выявлении иностранной агентуры.

Информационно-аналитическое управление ПГУ заново подвергло основательному анализу поступившие в разведку и контрразведку сигналы об агентурной деятельности противника. Были изучены огромный массив материалов, опубликованных в разное время средствами массовой информации, изданные за рубежом книги, а также доклады, представленные спецслужбами парламентам и руководству зарубежных стран.

К середине 1980-х годов появились первые ощутимые результаты. Именно в это время были разоблачены десятки иностранных разведчиков и их агентов в СССР, а также множество предателей из числа сотрудников КГБ и ГРУ, других советских граждан — так называемых «кротов», окопавшихся в различных советских учреждениях внутри страны и за рубежом. На длительный период была фактически парализована деятельность американской резидентуры в Москве.

Конечно, эти результаты имеют и сильный привкус горечи: слишком большое число предателей было выявлено. В то же время проведённое расследование всех выявленных случаев предательства дало богатый материал для аналитической работы: имевшиеся косвенные сведения, отдельные сигналы, которым ранее просто не придавали значения, сопоставлялись с поступившими доказательствами. На основании этого удалось составить обобщённый портрет предателя как такового, глубже понять генезис самого явления предательства.

Стали очевиднее изъяны в повседневной работе ПГУ, в подборе и подготовке сотрудников разведки. Как отмечал Крючков, почти во всех случаях обнажалась одна печальная истина: ущерб мог бы быть значительно меньшим, если бы строго соблюдались установленные нормы оперативно-служебной деятельности, секретного делопроизводства, если бы в учёте и обработке информации, а также при её реализации неукоснительно соблюдались все правила кон-

спирации. «Причины лежали не в самой системе, а в той расхлябанности, небрежности, потере бдительности, которые, к сожалению, проявлялись у многих наших сотрудников. Что и говорить, оценки были нелицеприятными, но должные выводы из них мы сделали».

Как-то известный советский разведчик В. И. Черкашин, завербовавший в Вашингтоне несколько ценных агентов¹, в разговоре с автором книги обратил внимание на один феномен. Дело в том, что в 1980-е годы наблюдался рост числа провалов и предательств во многих крупных спецслужбах, в частности, не только в советской, но и в американской разведке. По его мнению, этот феномен ещё ждёт своих исследователей.

Безусловно, Виктор Иванович — большой профессионал своего дела (за успехи в разведывательной работе в США он был удостоен ордена Ленина) и знает, о чём говорит. О всех причинах провалов резидентуры ЦРУ в Москве мы судить не берёмся (отметим только результативную работу наших разведчиков и контрразведчиков), а вот по поводу роста числа предателей среди сотрудников зарубежных резидентур КГБ можем поделиться с читателем некоторыми соображениями. На наш взгляд, многочисленные измены Родине в 1980-е годы отражали негативные политические и социальные процессы, которые к тому времени происходили в СССР. Пока эту тему подробно затрагивать не будем, выделим лишь главное: морально-политическое единство советского общества, о котором так любили говорить руководители КПСС, дало серьёзную трещину. Впоследствии это стало и одной из основных причин распада Советского Союза — люди довольно легко поддались на лживые обещания «демократов» изменить жизнь к лучшему.

Предательство — наиболее тяжёлое явление для органов госбезопасности и особенно для их разведывательных служб. Только материальный ущерб, который наносит своей стране предатель, может исчисляться миллиардами рублей. Но даже с самыми астрономическими суммами материальных потерь несоизмеримы последствия для

¹ В частности, В. И. Черкашин («непревзойдённый ас шпионажа», как отозвался о нём «The Wall Street Journal») завербовал крупного сотрудника американского Федерального бюро расследований Р. Ф. Хансена, высокопоставленного офицера ЦРУ О. Эймса, участвовал в вербовке специалиста по электронной разведке Агентства национальной безопасности Р. У. Пелтона.

спецслужб и их агентуры, масштабы человеческих драм и трагедий, которые влечёт за собой предательство. Для разведчиков и их агентов предательство нередко оборачивается арестами, пытками, длительными сроками тюремного заключения. «Преданный разведчик» (так на сленге сотрудников ПГУ звали разведчика, пострадавшего от предательства), на подготовку которого затрачивались большие силы и средства, в большинстве случаев уже не может заниматься оперативной работой за рубежом.

Особое отвращение у сотрудников разведки вызывали так называемые «инициативники» — те, кто предлагал свои услуги западным спецслужбам по собственному почину. Но и разведчики, завербованные даже самыми жёсткими и изощрёнными способами, тоже не заслуживали особого снисхождения. Ведь к любой вербовке противник тщательно готовится, пытается выявить у объекта своего внимания наиболее уязвимые стороны. А набор слабостей, как правило, не слишком широк: любовь к деньгам и сладкой жизни, чрезмерное увлечение алкоголем, повышенный интерес к слабому полу. Кстати, разведчики не любят, когда в их круг попадают мужики-подкаблучники. И не только потому, что уж слишком наигранно и демонстративно выказывают они своё преклонение перед жёнами. Считается, что слепое и безропотное следование за женщинами «на поводке», потакание их прихотям, связанным порой с непомерными расходами, — путь, который может привести разведчика к предательству.

Интересна одна особенность, подмеченная Черкашиным и описанная в его книге «В поисках агента», созданной в сотрудничестве с Г. Файфером: «Сотрудники разведки часто могут думать, что только благодаря их усилиям люди становятся агентами, но правда заключается в том, чтобы найти лиц, *которые хотят, чтобы их завербовали*» (курсив мой. — А. Ж.). Это касается как агентов, завербованных в стане противника, так и советских граждан, перешедших на сторону западных спецслужб.

В подавляющем большинстве случаев предатели мотивировали свои действия политическими убеждениями, нежеланием работать на «коммунистический режим». Но «идейных» изменников Родины на самом деле можно пересчитать по пальцам. За попытками придать измене политический окрас стояли в основном шкурные интересы, очевидные для западных спецслужб.

Как тут не вспомнить Сталина, который подчёркивал

ещё в довоенное время: «Наши провалы в большинстве своём происходят из-за отсутствия идейности. Мы, подбирая своих людей, должны основательно прощупать идейность и преданность их».

Проблема предательства в советское время имела и ещё одну сторону: в большинстве случаев наступал час расплаты за измену Родине. А кара, как правило, была суровой — расстрел (не будем говорить о тех, кто, избежав наказания, жил в постоянном ожидании возмездия и чаще всего топил свой страх в вине). По воспоминаниям Черкашина можно судить, насколько тяжёлые чувства одолевали разведчиков, когда им приходилось под благовидными предложениями сопровождать выявленных «кротов» в Москву — где тех ждала почти верная смерть. Виктор Иванович описывает случай, когда ему довелось отправлять из Вашингтона подполковника Валерия Мартынова, возглавлявшего линию «Х» (научно-техническая разведка) вашингтонской резидентуры КГБ. Поводом для внеочередной «командировки» Мартынова на Родину послужила якобы возникшая необходимость сопровождения до Москвы другого разведчика — Виталия Юрченко, попавшего при неясных обстоятельствах в руки ЦРУ и сбежавшего из-под наблюдения американцев. Но на самом деле это был только предлог: подлинная причина откомандирования заключалась в получении достоверных данных о том, что Мартынов пошёл на предательство и стал агентом американских спецслужб.

«Прибыв в аэропорт, автобус без каких-либо препятствий подъехал прямо к самолёту. Уезжавшие стали прощаться. Ко мне подошёл Мартынов, чтобы пожать мне руку. В это время я стоял к нему спиной, его не замечая. Елена (жена Черкашина. — А. Ж.) среагировала быстро. Её что-то подтолкнуло, она подошла ко мне и потянула меня за руку.

— Валерий Фёдорович хочет тебе сказать до свидания, — сказала она.

Я повернулся, чтобы пожать ему руку, и — как делают воспитанные люди — посмотрел ему прямо в глаза. Елена и я отдавали себе отчёт в том, что Мартынов — уравновешенный и милый человек, которого мы любили, — летит навстречу своей смерти. Этот случай был самым тяжёлым за всё время моей работы в разведке. Должен ли я был так поступать, исполняя свой воинский долг? Я считаю, что да — должен был. Мартынов был предателем, американ-

ским шпионом. Кто-то обязан был его остановить, чтобы он не нанёс дальнейшего ущерба Советскому Союзу.

...Спустя десять часов самолёт благополучно приземлился в аэропорту «Шереметьево-2». Мартынов был арестован, как только он вышел из самолёта, и сразу был доставлен в Лефортовскую тюрьму¹.

Валерий Мартынов за измену родине был осуждён и расстрелян. А как сложилась дальнейшая судьба человека, которого он «сопровождал»? Мы задаёмся этим вопросом не ради праздного любопытства — «дело Юрченко» (назовём эту историю так) в своё время получило широкий международный резонанс.

Полковник Юрченко за три месяца до того, как ступил на московскую землю вместе с Мартыновым, внезапно исчез в Риме и вскоре объявился в США, где с ним соответствующую работу проводили сотрудники ЦРУ и ФБР. Спустя некоторое время он неожиданно пришёл в жилой комплекс советского посольства в Вашингтоне. По версии Юрченко, он был захвачен американцами после сердечного приступа, который случился с ним в Риме, и был в бессознательном состоянии вывезен в США. Находясь в неволе, он якобы делал вид, что готов к сотрудничеству с ЦРУ, а параллельно собирал ценную информацию.

Что было на самом деле, до конца установить так и не удалось. Но в любом случае им был допущен ряд серьёзных прегрешений, что отмечал и Крючков, который лично разбирался в этом запутанном деле. Однако Юрченко не был наказан, более того, ему был вручён знак «Почётный сотрудник госбезопасности», которым он был награждён ещё до поездки в Италию. Позицию Крючкова — «вместо того чтобы добивать споткнувшегося, нужно протянуть ему руку» — можно считать продолжением перехода (начало ему положил Андропов) к более гуманному отношению к сотрудникам, совершившим недопустимые проступки в служебной деятельности или личном поведении, к смягчению мер наказания для них. Подобная практика распространялась также на всех советских граждан, в том числе и диссидентов, нанёсших ущерб государству, и «подпольщиков», вроде тех, кто окопался в институте Богомолова.

Однако с таким подходом были согласны далеко не все сотрудники госбезопасности, особенно те, кто был уверен,

¹ Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента. Записки офицера КГБ. М.: Международные отношения, 2014. С. 224.

что Юрченко всё же совершил предательство, но затем одумался и решил развернуть ситуацию в свою пользу, что нельзя рассматривать как смягчающее обстоятельство. Такого мнения придерживаются и ветераны КГБ, расследовавшие дело Юрченко по долгу службы. Как бы то ни было, позиция Крючкова привела тогда американцев в сильное замешательство. ЦРУ согласилось на беспрепятственный выезд Юрченко из Вашингтона в Москву, но только при условии, если тот проведёт открытую пресс-конференцию. Советская сторона согласилась, и Юрченко на весь мир поведал, что ЦРУ вывезло его в США против его воли, применив психотропные препараты. Выказался он нелицеприятно и по методам его «обработки». А кроме того, финал «дела Юрченко» показал всем, что КГБ отнюдь не такая жестокая и «кровожадная» организация, как с подачи ЦРУ и других западных спецслужб было принято считать за рубежом.

Можно сказать, что в этой истории Крючков переиграл ЦРУ, и переиграл с крупным счётом. Ведь был нанесён сильный удар не только по престижу ЦРУ. Были выбиты многие козыри и из колоды администрации Рейгана, упорно гнувшей свою антисоветскую линию.

В начале главы мы обещали читателю не увлекаться «детективными» сюжетами из жизни советской разведки. Но история с Юрченко требует небольшого послесловия, поскольку, во-первых, она вызвала сильный политический резонанс, а во-вторых, к ней до сих пор не утихает интерес российских СМИ. В многочисленных публикациях, посвящённых «делу Юрченко», высказываются различные точки зрения: одни журналисты считают Юрченко предателем, другие — героем спецоперации КГБ, внедрившимся в «логово зверя», третьи — теряются в догадках. Не будем что-либо опровергать или подтверждать. Заметим только, что во многих случаях головокружительные вымыслы с претензиями на строгую документальность напоминают один старый анекдот, появившийся после выхода на экраны известного телесериала: «Звонят Штирлицу из Москвы и спрашивают, нельзя ли пристроить в управление СД несколько советских разведчиков. “Я бы с удовольствием, — отвечает Штирлиц, — только на сегодняшний день все вакансии у меня заполнены”».

К чему это? К тому, что повседневная работа настоящих разведчиков, как правило, намного сложнее и в то же время — гораздо прозаичнее, если, конечно, допустимо так

говорить об их героической службе. Ну а случай с Юрченко и вовсе лишён романтического ореола...

Мы упомянули о том, насколько большое значение Крючков придавал созданию в коллективе разведки здоровой психологической атмосферы, и о шагах, которые он предпринимал, чтобы добиться этого. Но не сказали, может быть, о главном — о том, что обстановку в любом коллективе определяет руководитель. Тем более в разведке, где слишком многое зависит от его личных качеств. Зависит работа и центрального аппарата, и зарубежных резидентур, сотрудники которых должны быть уверены, что у них есть надёжный тыл и прикрытие, что в сложных обстоятельствах их всегда поддержат и выручат, правильно оценят их действия, разберутся в самых запутанных ситуациях.

Крючков твёрдо придерживался своей линии поведения и никогда её не менял, в том числе и тогда, когда после многолетней работы в разведке был выдвинут на должность председателя КГБ. Прежде всего это касалось взаимоотношений с сотрудниками, которые были целиком и полностью подчинены интересам дела, решению задач, возложенных на органы государственной безопасности, и — не более. Это, конечно, не значит, что из поля зрения Крюčkова выпадали личные проблемы людей, но он никогда не переходил за грань, разделявшую службу и частную жизнь. Владимир Александрович строго соблюдал дистанцию между собой и подчинёнными, независимо от их чинов и званий, ко всем относился уважительно, ко всем обращался только на «вы». С рядом сослуживцев, что вполне естественно, у него складывались более доверительные отношения, чем с другими, но особой расположенности к кому-то он не выказывал и близкой дружбы ни с кем не заводил. Скажем проще: друзей среди сотрудников аппарата КГБ у него не было.

Впрочем, о характерных чертах Крюčkова лучше расскажут те, кто работал с Владимиром Александровичем, кому приходилось постоянно общаться с ним. Из воспоминаний генерал-полковника В. Ф. Грушко:

«Он ни с кем в разведке не поддерживал близких личных отношений. Хотя наши дачи находились рядом, мы никогда не бывали друг у друга. Может быть, это было связано с постоянным перенапряжением на работе и желанием просто-напросто отдохнуть и побыть без посторонних в кругу семьи. Крючков не ходил на юбилеи и частные празднования служебных назначений и награждений, но не забывал

поздравить виновника торжества. Он придавал большое значение тому, чтобы быть равным во взаимоотношениях и не допускать слухов о наличии “любимчиков” и связанных с этим обид. “Когда выйдем на пенсию, будем встречаться с вами в неформальной обстановке”, — сказал он одному из приглашавших его на банкет».

Как полагают многие ветераны КГБ, подобная линия поведения не давала почвы для возникновения серьёзных интриг, хотя, как и везде в больших коллективах, действия руководителя в кулуарах, конечно же, обсуждались и во время перекуров косточки ему периодически промывались.

Как известно, везде и всюду наиболее распространёнными причинами возникновения пересудов (чаще — поводами для них) являются кадровые назначения и перестановки. Кто-то считал себя ущемлённым, кто-то видел в действиях начальства ошибки. Как мы уже отмечали, кадровые разведчики не сразу принимали в свой коллектив людей «со стороны», например, выходцев из партийных органов.

Идеальных руководителей не бывает, и можно с большой долей вероятности предположить, что не все недовольства, проявившиеся время от времени в аппарате ПГУ, были безосновательными. Не будем забывать, что Крючков — дитя своего времени, и ему, как крупному руководителю больших и очень сложных коллективов, волею неволей приходилось придерживаться негласных правил игры, существовавших в высших эшелонах власти, а иногда идти и на определённые компромиссы при очередных назначениях и повышениях. Но при этом отметим, что Крючков, во-первых, не был сторонником подобных компромиссов, и власть предержащие об этом хорошо знали, как знали они и о его неуступчивости в вопросах, носивших принципиальный характер. А во-вторых, серьёзных кадровых просчётов за ним не наблюдалось, поскольку он неплохо разбирался в людях.

Один из наиболее ярких примеров, подтверждающих это качество Крюčkова, — изрядно измусоленная со всех сторон история с бывшим начальником Управления внешней контрразведки ПГУ генерал-майором Олегом Калугиным. А ведь тот долгое время разыгрывал из себя жертву предвзятого отношения к нему Крюčkова, и многие не слишком осведомлённые об истинном положении вещей люди верили этому. Мало того, на рубеже 1980—1990-х го-

дов, защищая «доброе имя» Калугина, «демократы» обрушили на Крючкова целый шквал атак. Калугин был избран даже народным депутатом СССР.

Надо сказать, что к этому времени Владимир Александрович уже не сомневался, что Калугин — обычный предатель, и его наверняка бы арестовали в начале 1990-х годов, если бы он не нашёл себе защиту в стане разрушителей СССР, у которых КГБ был под постоянным прицелом. Ну а когда страсти вокруг «опального генерала» стали утихать, тот поспешил уехать в США и обосноваться там.

Сомнения по поводу истинного лица Калугина зародились у Крючкова ещё к середине 1970-х годов. Сначала — на основании догадок, которые даже косвенными уликами нельзя назвать. Первые подозрения возникли в связи с делом бывшего морского офицера Н. Артамонова, который после побега на Запад стал предателем и, проживая в США и сотрудничая с ЦРУ, повёл с КГБ двойную игру. После разоблачения двурушничества Артамонова было принято решение захватить его в Вене и затем вывезти в СССР для проведения следствия и суда над предателем, но во время операции по переправке Артамонова через австрийско-чехословацкую границу, которой руководил Калугин, тот неожиданно скончался от передозировки снотворного. Несмотря на это, все члены этой опасной операции были награждены государственными наградами, решили *не делать исключения* и для Калугина, который, проигнорировав предупреждение врача, и ввёл Артамонову чрезмерно высокую дозу хлороформа, якобы забыв затем применить нейтрализующие препараты. По оплошности? Многие ветераны разведки и сейчас предполагают, что Калугин специально устранил Артамонова по заданию спецслужб США, так как если бы Артамонов остался в живых, он мог бы дать КГБ полезную информацию об операциях американской разведки против СССР и пролить свет на неизвестную сторону деятельности Калугина.

В последующие годы Калугин упорно, по личной инициативе, имитируя активную деятельность, занимался делами, которые руководство ПГУ закрывало ввиду их явной бесперспективности. Усилия на ведение таких дел затрачивались большие — успехов, как и следовало ожидать, не было. Весь сложный механизм Управления «К», нацеленный на выявление агентуры противника и пресечение вербовок наших сотрудников, работал вхолостую, а число

предателей, как выяснилось в первой половине 1980-х годов, тем временем увеличивалось. При этом Калугина раздражали непомерные амбиции — он, не скрывая, претендовал на пост заместителя начальника ПГУ и рассчитывал в дальнейшем подняться ещё выше.

Но не только это вызывало у Крючкова неприятие. Калугин при любом удобном случае любил подчеркнуть свою политическую «непорочность» и идейную убеждённость, не прочь был «kozyрнуть» на рабочих совещаниях знанием решений высоких партийных инстанций. И в этом просматривалось двуличие, которое полностью проявилось в 1987 году, когда Калугин передал через А. Н. Яковлева письмо Горбачёву, в котором огульно критиковал КГБ и излагал своё видение реформирования всей системы государственной безопасности.

Путём анализа и сопоставления многочисленных фактов постепенно вырисовывались и улики. Хотя неопровержимых доказательств всё ещё не было, Андропов и Крючков в 1980 году приняли решение перевести Калугина из центрального аппарата в территориальное, Ленинградское, управление, чтобы свести риски и возможный ущерб к минимуму.

Перейдём к финалу: в 2002 году Московский городской суд заочно признал Калугина виновным в государственной измене и приговорил его к пятнадцати годам лишения свободы в колонии строгого режима. Так была поставлена закономерная точка в оценке личности одного из столпов «демократической оппозиции» в СССР в годы перестройки.

Но и после этого Калугин продолжал публиковать в США душещипательные «разоблачения» деятельности КГБ СССР и утверждать, что Крючков сводил и продолжает сводить с ним «личные счёты».

Подобные высказывания Калугина всерьёз давно никто не воспринимает, хотя лишний раз не мешает напомнить читателю, что Крючков, давая оценку тому или иному сотруднику КГБ, ориентировался всегда и прежде всего на результаты его служебной деятельности, а не на свои личные симпатии или антипатии. Служба — прежде всего. Таким принципом он руководствовался и в оценках сотрудников ставил во главу угла их профессиональные качества. Примеров тому немало, приведём один, пожалуй, наиболее показательный.

Когда Крючков был выдвинут на должность председа-

теля КГБ, встал вопрос о том, кто возглавит ПГУ. Остановились на кандидатуре Л. В. Шебаршина — профессионального разведчика, имевшего большой опыт работы в зарубежных резидентурах и центральном аппарате. Однако по целому ряду принципиальных вопросов взгляды Леонида Владимировича резко расходились с позицией Крючкова, что тем не менее не стало препятствием для его высокого назначения. Например, Шебаршин поддерживал идею Калугина (тогда инициативы предателя многие принимали за чистую монету) о департизации и деполитизации КГБ.

Выступал Шебаршин и за выделение разведки в самостоятельную структуру, независимую от Комитета госбезопасности. Мотивировал он эту идею спецификой разведывательно-оперативной деятельности, удалённостью объектов разведки от Центра, а главное — её непричастностью (по мнению Шебаршина) к «репрессивной деятельности органов госбезопасности» в 1930-е годы. Выведя разведку из системы правоохранительных органов, к которой относился КГБ, считал он, можно было оградить её от оголтелой критики правых сил в настоящем и будущем.

Это предложение Шебаршина обсуждалось летом 1989 года на заседании Коллегии КГБ СССР, но оно было отвергнуто подавляющим большинством членов руководящего органа Комитета госбезопасности. Успехи в борьбе с противником будут гораздо эффективнее, — подчёркивалось на Коллегии, — если все оперативные, чекистские силы собраны в один кулак, если работа идёт в едином сплочённом коллективе профессионалов-единомышленников. При этом значительно экономятся и финансовые ресурсы.

Добавим также, что дискуссии в КГБ по этому вопросу для «правых сил» не были большим секретом. Более того, они их подогревали со стороны, так как вполне обоснованно считали, что выделение разведки в самостоятельную организацию может стать крупным шагом на пути к развалу всего КГБ, что было их «голубой мечтой». Естественно, Крючков это прекрасно сознавал. Понимал он и то, к чему может привести деполитизация важнейшего политического инструмента государства. Кстати, основная линия внешней разведки КГБ так и называлась: «ПР» — политическая разведка.

Напрашивается вопрос: правильно ли поступил Крючков, назначив начальником ПГУ человека, чьи взгляды противоречили его убеждениям? Одни говорят, такое кадровое решение делает ему честь, другие полагают, что он

совершил серьёзную ошибку. Впрочем, читатель вправе сам делать выводы...

В кадровой политике Крючков руководствовался одним важным принципом: главный источник кадрового пополнения ПГУ — территориальные органы госбезопасности, в первую очередь управления КГБ союзных республик, в составе которых, наряду с Московским и Ленинградским управлениями, действовали собственные подразделения внешней разведки. Территориальные органы стали и школой, и своеобразным фильтром для многих сотрудников Центра и зарубежных резидентур. Такому принципу подбора кадров он не изменил и на посту председателя КГБ, справедливо полагая, что работа «на земле» является важным фактором проверки профессиональной годности человека и правильного формирования его мировоззрения.

Как убеждённый коммунист, Крючков в своей работе опирался на партийную организацию. И это была не просто дань времени — за этим стояла его вера в широкие возможности партийного коллектива, способного не только поддержать достойного человека, но и спросить, если потребуется, с коммуниста любого ранга за отношение к порученному ему делу. А то, что партийная организация представляет реальную силу, он понял ещё в военные и первые послевоенные годы в Сталинграде, сначала — восстанавливая родной город, затем — очищая его от преступных элементов.

Партийная организация центрального аппарата наряду с Коллегией Комитета госбезопасности являлась важным рычагом развития коллегиальных начал в работе Комитета, осуществления контроля за деятельностью председателя и других его руководителей, предупреждения с их стороны нарушений социалистической законности, субъективизма, принятия неправомερных решений.

Следует обратить внимание, что мы ведём речь о роли в партийной жизни важнейшего звена КПСС — первичной партийной организации. Даже в 1980-е годы, когда деятельность верхушки партии и партийной номенклатуры на местах выхолащивалась, а порой и приобретала характер, чуждый самому смыслу существования КПСС, вступала в конфликт с настроениями основной массы членов партии, противоречила интересам советского народа, большинство первичных парторганизаций не сложило оружия, проявляло верность своему предназначению.

Вот почему Крючков был убеждённым противником идеи департизации органов госбезопасности, разговоры о которой стали подниматься в Комитете в конце 1980-х годов. Как и везде в стране, нашлись в КГБ и искренние поклонники этой идеи, и те, кто пытался подстроиться под веяния времени, руководствуясь карьерными соображениями. События августа 1991 года прояснили позиции большинства из них. При этом отметим, что Крючков задолго до этих событий уже чётко представлял, кому из руководящего состава Комитета можно доверять, кого можно привлечь к подготовке ГКЧП и кого не следует посвящать в замыслы по спасению Советского Союза.

Огромное уважение у сотрудников вызывала колоссальная работоспособность Крюčkова. Секрет прост — жёсткий распорядок дня и систематические, без каких-либо послаблений, занятия физкультурой. В семье, например, шутили, что по отцу можно сверять часы — настолько верен был Владимир Александрович раз и навсегда установленному режиму. Об этом свидетельствуют и воспоминания В. Ф. Грушко:

«Каждое утро он просыпался ровно в 6.20 и в течение часа делал зарядку по программе, которую разработал сам. Ровно в 9.00 он был на рабочем месте. Напряжённый рабочий день обыкновенно заканчивался в 9—10 часов вечера. Он работал и по субботам, а воскресный выходной можно было назвать таковым лишь условно, потому что Крючков постоянно находился на связи и был доступен в любое время дня и ночи. Для личного состава разведки вообще характерен высокий уровень готовности, собранности, мобильности и подтянутости, поскольку тот или иной руководящий или обычный работник может потребоваться в любую минуту...

Насколько это было возможно, начальник разведки обедал в общей столовой вместе со своими первыми заместителями ровно в половине второго. Это позволяло попутно поговорить о текущих делах. Если он выезжал в Центр или принимал кого-то, то неизменно звонил и предупреждал нас, чтобы не ждали. Раз в неделю, как правило, в субботу вечером, он любил ходить в баню там же, в Ясенева. Иногда мы составляли ему компанию».

Добавим, что держать себя в форме с раннего утра и до позднего вечера Владимиру Александровичу помогал дневной тридцатиминутный сон — с 12.30 до 13.00. В распорядок дня входили обязательные утренние пробежки и гим-

настика, в свободное время он совершал длительные, до 10—15 километров, прогулки, зимой очень любил беговые лыжи, старался как можно чаще посещать бассейн.

По сути дела, это были не просто распорядок работы и отдых, а целая система обеспечения жизнедеятельности, позволявшая не только выдерживать тяжёлые физические, интеллектуальные и психические нагрузки, но и сохранять ясный и проницательный ум. Владимир Александрович ко всему подходил продуманно и основательно. С. В. Крючков утверждает, что не видел у отца ни одного спонтанного поступка, вся его жизнь подчинялась заранее поставленным и тщательно спланированным целям.

Рационализм Крючкова создавал у большинства окружающих впечатление, что они имеют дело с совершенно бесстрастным, а порой и жёстким человеком. Но, как считают близко знавшие его люди, такое представление о нём довольно обманчиво. За внешним обликом, манерой поведения Владимира Александровича проглядывала натура добрая и даже в чём-то наивная. Иногда это выражалось даже в жестах. Извиняясь перед человеком (свои ошибки он всегда признавал), он слегка прикасался к его плечу. Такой же жест означал и высшую степень поощрения.

Крючков не прочь был и подшутить над кем-либо из своих коллег. Н. С. Леонов рассказал автору о таком случае. Как всегда, в начале рабочего дня дежурный офицер Информационно-аналитического управления пошёл к начальнику разведки на доклад. Выслушав доклад и задав несколько вопросов, Крючков предложил офицеру... составить ему компанию и выпить вместе с ним. Тот, хорошо зная о требованиях Владимира Александровича к служебной дисциплине и его крайне воздержанное отношение к спиртным напиткам, поначалу растерялся. Но, поразмыслив (мало ли что бывает в жизни, может быть, человеку надо поправить здоровье «после вчерашнего»), согласился. Да и как откажешь руководителю ПГУ! Крючков достал бутылку виски, два стакана, произнёс традиционное: «Будем здоровы!» А через несколько секунд офицер понял, что его разыграли: в бутылке из-под виски оказался берёзовый сок...

Очевидно, привычку сдерживать свои эмоции (в ранней молодости она за ним не водилась) Крючков приобрёл в период своей прокурорской деятельности в Сталинграде (служитель закона всегда строг и холоден). Эта привычка, укоренившаяся в дальнейшем на дипломатической работе,

помогала ему создавать в чекистском коллективе должную рабочую атмосферу, соответствовавшую сложным и ответственным задачам, которые решались в КГБ. Вместе с тем она служила своеобразной защитой от чрезмерных психических нагрузок, выпадавших на долю Владимира Александровича.

Раскрывался Крючков, даже можно сказать — преображался, в семье. Он очень чутко относился к жене, был внимателен, но в то же время взыскателен к детям, любил повозиться с внуками, отдавая им всё своё душевное тепло. Любовью и тактом Владимир Александрович умел устранять трения, которые проявлялись иногда в семье вследствие непростого характера Екатерины Петровны. Младшему сыну позволялось многое, со старшим отец общался «на равных», но и требовательность к нему была особой. Неоспоримый авторитет и главенство в семье Владимиру Александровичу обеспечивали его исключительная порядочность и способность все возникающие дома конфликты улаживать по справедливости, без обид.

Сплачивала семью склонность к совместному досугу, при этом предпочтения, которые отдавались занятиям в свободное время, формировались под влиянием главы семейства. Зимой вместе совершали длительные лыжные прогулки. Крючков настолько любил лыжи, что брал отпуск в основном в феврале. В марте на смену лыжным вылазкам приходили длительные пешие прогулки. Владимир Александрович очень любил ходить по грибы и покопаться в огороде на даче в Ясенево. Правда, поскольку особыми агрономическими способностями он не обладал, то чаще всего с упоением занимался вечерним поливом грядок. А вот, к разочарованию «настоящих мужчин», охоту он не любил и рыбалкой не увлекался, считая эти занятия напрасным времяпрепровождением (будем снисходительны к такой точке зрения). Претили ему и всевозможные застоля и посиделки — по той же причине.

С. В. Крючков особо отмечает, что отцу было присуще неустанное стремление к расширению своего кругозора, причём он старался не просто узнать что-то новое для себя, но и увидеть всё своими глазами. Как только появлялась малейшая возможность, семья отправлялась в короткие поездки по стране. Владимир Александрович разработал целый план посещения наиболее интересных подмосковных усадеб-музеев, городов Золотого кольца и других историко-культурных мест России. Всей семьёй побывали в Поле-

нове и Абрамцеве, Мелехове и Ясной Поляне, Владимире, Суздале, Переславль-Залесском, Боголюбове, Ростове Великом, Калуге — всего и не перечесть! Крючков испытывал подлинное удовлетворение, что тяга к истории, к русской культуре и искусству прочно укоренилась среди самых близких ему людей.

Настоящей страстью Владимира Александровича, которую также разделяли все члены его семьи, был, несомненно, театр. Был период (в годы работы Крюčkова в разведке), когда семья в полном составе посещала едва ли не все премьеры московских театров. Тщательно подобранная коллекция театральных программ (с неизменными пометками и комментариями Владимира Александровича), статей и отзывов о театральных постановках занимала в доме большой книжный шкаф. Сам он говорил, что в период напряжённой службы в КГБ театр был для него «единственной отдушиной».

Из драматических театров он отдавал предпочтение Тетру на Таганке, «Современнику», театрам им. Вахтангова, Ленинского комсомола, МХАТу (имеется в виду тот МХАТ, который существовал до его раздела в 1987 году), часто бывал в Малом, театрах Советской Армии, Сатиры, им. Маяковского, Станиславского, Гоголя, Ермоловой. Кроме того, он увлекался оперой и, кому-то это, наверное, покажется странным, опереттой, неплохо разбирался в классической музыке.

Если в графике работы появлялось свободное время, Владимир Александрович не упускал случая сходить в театр и во время заграничной командировки. Ему было с чем сравнивать зарубежное сценическое искусство, и он пришёл к выводу, что театральная жизнь на Западе несравненно беднее, чем у нас, — и по характеру поднимаемых проблем, и по качеству режиссуры и исполнения.

Любовь Крюčkова к театру была поистине безграничной. Видно, столь сильное чувство помешало ему объективно оценить те процессы, которые происходили в нашем театре во второй половине, особенно в конце, 1980-х годов. «По моему глубокому убеждению, — пишет Крючков в воспоминаниях, — советский театр вплоть до последнего времени был фактором положительным, не разобщал общество, а, напротив, очищал, оздоравливал, обогащал его»¹.

¹ Это замечание и другие заметки Крюčkова о театре см.: *Крючков В. А. На краю пропасти*. М.: Эксмо, 2003. С. 274–281.

С этим утверждением Крючкова трудно согласиться безоговорочно. Ведь усиливавшаяся с началом перестройки поляризация общественно-политических сил в стране нашла отражение и в театральном искусстве, что зримо обозначилось уже в 1986 году на съезде ВТО — СТД (Все-российское театральное общество было тогда преобразовано в Союз театральных деятелей РСФСР). Идеино-художественное размежевание советского театра отразилось и при расколе МХАТа на две самостоятельные труппы, и в усилении на театральных подмостках линии, направленной на размывание основ советского строя.

Некритическая позиция Крючкова как завязаного театрала, возможно, имеет более простое объяснение, чем мы думаем. Его старший сын рассказывал, что во второй половине 1980-х годов физические и психологические нагрузки на отца, особенно после назначения его председателем КГБ, резко возросли. В результате времени на совместный семейный досуг и любимые занятия у него практически не оставалось — даже дома Владимир Александрович был вынужден постоянно находиться вблизи аппаратов спецсвязи, которые не смолкали ни днём ни ночью.

Ситуация в стране усложнялась, и перед лицом новых вызовов и проблем Крючкову было, конечно, не до театра.

Глава пятая

АФГАНИСТАН: К ПОКАЯНИЮ ФАРИСЕЕВ

Афганистан оставил в судьбе В. А. Крючкова, пожалуй, не меньший след, чем Венгрия. Владимир Александрович оказался не просто причастным к афганской эпопее, а в течение десяти с лишним лет был с головой погружён в водоворот событий, происходивших в сопредельном государстве, — сначала как руководитель советской внешней разведки, а затем как председатель КГБ СССР. Думаем, читатель хорошо понимает, что Комитет госбезопасности играл в этих событиях не последнюю скрипку. Однако увертюра к драме разыгрывалась фактически без его участия. Первоначально в роли стороннего наблюдателя оказалось и руководство Советского Союза.

В апреле 1978 года в Афганистане произошла революция, в результате которой пал режим Мухаммеда Дауда, а сам глава государства был расстрелян. По сути дела, это был обычный дворцовый переворот в стране, находившейся на стадии феодального развития. Тем не менее руководство страны (её президентом был провозглашён Нур Мухаммед Тараки, а премьер-министром стал Хафизулла Амин), принадлежащее к Народно-демократической партии (НДПА), объявило о своём социалистическом выборе и очень гордилось тем, что на этот путь оно встало совершенно самостоятельно, без какой-либо поддержки со стороны Советского Союза.

На самом деле действия новых афганских лидеров носили характер авантюры, не имевшей никаких шансов на реализацию заявленных политических целей, поскольку объективные условия, сложившиеся в стране, полностью игнорировались. Ни о каком построении социализма в крайне отсталой стране, где господствовали родо-племенные отношения, а большинство племён признавало только

собственные законы и порядки, веками формировавшиеся свои жизненные уклады и никогда не подчинялось центральной власти в Кабуле, не могло быть и речи. Доктор исторических наук генерал армии М. А. Гареев, который был главным военным советником в Афганистане уже после вывода из страны советских войск, в одной из своих книг ссылается на интересное высказывание об афганцах Ф. Энгельса: «Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией».

Вот почему содержащееся во многих публикациях утверждение, что в результате Апрельской (Саурской) революции в Афганистане пришло к власти марксистское, просоветское правительство, мягко говоря, слишком далеко от действительности. Как далеки от действительности и нелепые вымыслы о том, что в последующее десятилетие, осуществив «вооружённую агрессию», Советский Союз якобы прилагал большие усилия к тому, чтобы помочь афганцам осуществить мечту о построении в феодальной стране социалистического общества¹.

Апрельский переворот обострил этническую и племенную разобщённость Афганистана, что привело к возникновению вооружённых междоусобных конфликтов, стремительно перераставших в полномасштабную гражданскую войну. СССР не мог безучастно наблюдать, что происходит у его южных рубежей (протяжённость советско-афганской границы составляла 2346 километров), тем более что поведение афганского руководства в сложившейся ситуации, шаги, которые им предпринимались, были совершенно непредсказуемы.

Первая командировка Крючкова в Афганистан состоялась через три месяца после Апрельской революции (в последующем он выезжал в Афганистан около тридцати раз). В июле 1978 года он вылетел в Кабул в качестве руководителя делегации КГБ СССР, чтобы на месте разобраться в том, что же действительно происходит в соседней стране. В ходе этой поездки Владимир Александрович встречался и с Тараки, и с Амином, причём с премьер-министром

¹ Действительно, в течение практически всего периода военных действий против вооружённых бандформирований в Афганистане работали группы политических и экономических советников. Но решали они совершенно иные, *реальные* и неотложные, задачи развития страны, ничего общего не имеющие с фантазиями людей, смутно представляющих, что же на самом деле происходило в Афганистане.

у него состоялись три встречи (особое внимание к Амину было вызвано тем, что все силовые структуры государства были фактически под его полным контролем). Оба афганских руководителя произвели на Крючкова удручающее впечатление. Тараки (человек широкообразованный и умный, к тому же занимавшийся литературной деятельностью) — своей политической наивностью. Крючкову хорошо запомнились два его высказывания. Первое: «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, в Афганистане будет осуществлено за пять лет». И второе: «Приезжайте к нам через год, и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми». Попытки Крючкова обратить внимание на необходимость полнее учитывать объективные закономерности общественных процессов, исторические и религиозные традиции остались без внимания.

Амин, который поначалу, как и положено восточному человеку, рассыпался в признаниях любви к Советскому Союзу, довольно быстро раскрылся как жёсткий и не терпящий возражений политик, пытающийся показать, что он обладает реальной силой в стране, а потому является её хозяином. Его позиция: противников необходимо уничтожать, власть должна быть сильной и беспощадной.

Уже в ходе первой командировки на основании целого ряда сведений Крючкову стало ясно, что слова Амина не расходятся с делом. О том, что в стране разворачиваются массовые репрессии против неугодных, свидетельствовала не только информация, полученная по линии нашей разведки. Об этом практически открыто говорило и руководство афганских спецслужб. Такая откровенность была проявлена афганцами не потому, что они не умели хранить секреты. Просто они искренне считали, что все, кто противостоит власти, заслуживают суровой кары.

О развитии последующих событий в Афганистане написано так много, что нет смысла задерживать внимание читателя на их изложении. Напомним только, что за два месяца до принятия решения ЦК КПСС о вводе войск в Афганистан Амин организовал убийство Тараки и захватил всю власть в свои руки.

К короткой характеристике, данной Амину Крючковым по итогам их встреч, добавим один существенный штрих: Амин был неплохо образован, и образование он получил не где-нибудь, а в одном из самых престижных учебных заведений США. В 1957 году он поступил в Колумбийский университет (Нью-Йорк) и получил по его окончании

учёную степень магистра. (Любопытное совпадение: в это же время, в 1959 году, в этом же университете проходили стажировку известный предатель, будущий генерал КГБ О. Д. Калугин и идейный вдохновитель «пятой колонны» в СССР А. Н. Яковлев, не без оснований подозреваемый в сотрудничестве с американскими спецслужбами.)

Многие исследователи считают, что ещё во время учёбы в США Амина завербовало ЦРУ, другие эту точку зрения ставят под сомнение. Гадать не будем, отметим только, что в ноябре — декабре 1979 года по линии разведки стала поступать информация о заигрывании Амина с США, о его контактах с ЦРУ. И это вполне объяснимо. Захватив власть, Амин, будучи человеком неглупым, прекрасно понимал, что в Советском Союзе, за сближение с которым ратовал погибший от его рук Тараки, большой поддержки он уже не найдёт. Однако критическая ситуация, сложившаяся в Кабуле, шаткость вероломно захваченного «трона» и вынудили его обратиться в Москву за вооружённой помощью.

А в это же время массовые убийства в стране неугодных достигли чудовищных масштабов. Один лишь пример: по приказу Амина в Кабуле были безжалостно уничтожены около пятисот руководителей и представителей племён, которые были вызваны якобы для переговоров с властями.

Сложилась довольно парадоксальная ситуация: не только Амин взывал о помощи. К советскому руководству с просьбой прямо противоположного характера — защитить их от Амина — обращались афганские политические и общественные деятели, перешедшие в оппозицию, в том числе представители крыла «Парчам» НДПА (Амин принадлежал к крылу «Хальк»). Наше руководство установило постоянную связь с лидером оппозиции Бабраком Кармалем, который вынужден был остаться в Чехословакии после того, как был смещён Амином с поста посла Афганистана в этой стране и обвинён в организации антиправительственного заговора, — было ясно, что в своей стране его ждала неминуемая расправа.

Для руководства Советского Союза оказание помощи прогрессивной афганской оппозиции было делом чести. Однако, рассматривая вопрос целесообразности ввода войск в Афганистан, Политбюро ЦК КПСС руководствовалось не только своим интернациональным долгом. Существовал целый ряд других обстоятельств и причин для серьёзной обеспокоенности.

По данным разведки, к концу 1979 года резко возросло поступление в Афганистан оружия из-за рубежа, в Кабуле заметно активизировалась деятельность западных резидентур, усилили работу спецслужбы соседних государств. Не являлись большим секретом планы американцев по включению в зону своего влияния советских республик Средней Азии. Возникла вероятность отделения от Афганистана его северных провинций, граничащих с СССР, и присоединения их к Пакистану, что в случае реализации такого сценария резко дестабилизировало бы военно-политическое равновесие, сложившееся в регионе.

Особую обеспокоенность вызывал исламский фактор. Появились серьёзные предпосылки к тому, что в Афганистане, охваченном гражданской войной, возобладает исламский фундаментализм и возникнет реальная угроза его проникновения в среднеазиатские республики Советского Союза и другие районы СССР с мусульманским населением, в том числе и на Кавказ. Кстати, по свидетельству Крючкова, уже к концу 1970-х годов чётко просматривалась тенденция (она подтверждалась данными разведки и контрразведки) к оттоку из этих регионов СССР некоренного, прежде всего русского, населения в центральные и другие области страны.

Но главную озабоченность руководства Советского Союза вызывало то, что события, всколыхнувшие Афганистан, разворачивались на территории, примыкавшей к нашей южной границе, которая имела для Советского Союза огромное военно-стратегическое значение. Во время обсуждения афганских проблем в Политбюро ЦК КПСС в декабре 1979 года во главе угла стоял вопрос о том, каким образом предотвратить вероятное размещение в Афганистане американских баллистических ракет средней дальности. В связи с тем, что наши южные рубежи не были в должной мере защищены средствами ПВО, реальная угроза нависла над многими жизненно важными для страны объектами, включая космодром Байконур.

Положение резко осложнилось после принятия 12 декабря 1979 года в Брюсселе на совещании министров иностранных дел и министров обороны стран НАТО плана размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности «Круз» и «Першинг-2», способных поразить практически всю европейскую часть территории СССР. Важно было не угодить в «клещи», уготованные для нас Западом.

Генерал-лейтенант А. Т. Голубев, возглавлявший 27 декабря 1979 года спецгруппу, участвовавшую в штурме резиденции Амина — дворца Тадж-Бек (за участие в этой операции он был награждён орденом Красного Знамени), рассказал автору, какими словами напутствовал участников штурма перед вылетом в Кабул Ю. В. Андропов. «Мне не нужен ни Амин, ни его дворец. Наша задача — не допустить, чтобы у нашей южной границы стояли “першинги”». От своих людей, которым предстояло выполнить смертельно опасное задание, руководитель КГБ не счёл нужным скрывать главную причину вторжения.

Автору довелось беседовать и с одним из организаторов и *непосредственных* руководителей (начальства было много) штурма аминовского дворца — уже знакомым нам генерал-майором Ю. И. Дроздовым. К тому времени, когда спецгруппы КГБ ещё только готовились к вылету в Кабул, Дроздов уже находился в Афганистане. А случилось всё для Юрия Ивановича довольно неожиданно.

В декабре 1979 года, за несколько месяцев до истечения предусмотренного срока, он был вызван из Нью-Йорка, где возглавлял резидентуру КГБ (работал под прикрытием заместителя постоянного представителя СССР в ООН), в Москву. Как оказалось, вызов был связан с тем, что его кандидатура рассматривалась на должность начальника управления «С» — нелегальной разведки ПГУ. Однако перед назначением Андропов и Крючков предложили ему выехать в Афганистан, чтобы на месте ознакомиться с работой нашей разведки в стране, где назревали серьёзные события.

В транспортном самолёте по дороге в Кабул Дроздов познакомился с полковником ГРУ В. В. Колесником, вместе с которым и довелось через несколько дней руководить штурмом последнего пристанища Амина. Однако первоначально в планы его командировки это не входило. Как пошутил в разговоре с автором Юрий Иванович, сработал принцип «инициатива наказуема». Дело в том, что при обсуждении на совещании у главного военного советника плана штурма дворца Тадж-Бек (операция «Шторм-333») возникли большие сложности — нужно было преодолеть массивную оборону дворца, который охраняли преданные Амину подразделения. К тому же не было даже схемы дворца. Дроздов предложил проникнуть на территорию дворца (такая задача оказалась непростой, но разрешимой) и начать атаковать его изнутри. План утвердили,

а буквально через несколько часов пришло решение Центра назначить ответственным от КГБ за его выполнение Дроздова и возложить на него руководство спецгруппами Комитета. Полковник Колесник во время штурма руководил действиями подразделений спецназа ГРУ (Дроздов: «Ночной бой не допускает различия ведомств»). С помощью разведки удалось составить схему дворца, были проработаны все мельчайшие детали операции, которая в конечном счёте была успешно осуществлена при минимальных потерях. Можно представить, какими потерями мог обернуться лобовой штурм считавшейся неприступной цитадели.

На вопрос: «Правильным ли было решение о вводе войск в Афганистан?» — Юрий Иванович ответил не задумываясь: «Правильным!» Но в то же время обратил внимание на одно важное обстоятельство: с самого начала военных действий внешней разведкой КГБ всесторонне прорабатывались вопросы возможного вывода наших вооружённых сил из Афганистана — безболезненно, с минимальными политическими издержками, с сохранением своего влияния в стране и регионе. Например, уже в январе 1980 года Дроздов вместе с Крючковым принял участие в совещании по этому вопросу, которое состоялось в Министерстве обороны. То, что война растянулась почти на десять лет, как считает Юрий Иванович, — не вина советских руководителей того периода. В этом повинны будущие западные «партнёры» Горбачёва и Ельцина, которые сделали всё, чтобы обеспечить афганских моджахедов вооружением, и которые практически навязали нам настоящую войну.

Надо отметить, что проблема, связанная с выводом войск, постоянно находилась в центре внимания и ПГУ, и руководства КГБ. Например, как мы уже упоминали, в 1983 году во время специальной командировки вопрос о возможном нашем уходе из Афганистана прорабатывался начальником Информационно-аналитического управления ПГУ Н. С. Леоновым.

Вопрос этот рассматривался не только в ПГУ КГБ, занимались им и другие разведывательные и силовые структуры, а вся аналитическая информация предоставлялась высшему руководству страны. Только не зная истинного положения вещей, можно говорить о том, что мы «увязли» в Афганистане и не знали, как из него выбраться. Другое дело, что далеко не все последствия были изначально пре-

дусмотрены и события на территории южного соседа быстро стали развиваться по крайне сложному, порой непредсказуемому сценарию. А ведь, казалось бы, и принципиальное решение о вводе войск, и все соответствующие действия были всесторонне продуманы.

Наш давний идеологический противник — Збигнев Бжезинский одну из самых известных своих книг назвал так: «Великая шахматная доска». Очевидно, что если за такой доской во время сложной политической партии напротив тебя сидит искушённый игрок, то следует знать, что кроме первого хода *e2-e4*, который, как известно, ничем не грозит, все последующие могут обернуться крупными неприятностями. В большой политике, как и в шахматах, надо уметь предусматривать возможные угрозы.

Советское руководство допустило серьёзный просчёт уже в дебюте. Как хорошо известно, вводя воинский контингент в Афганистан, мы не собирались там воевать. Однако можно было с высокой долей вероятности предположить, что нас вынудят это сделать. Кто? США в первую очередь, которым предоставлялась прекрасная возможность устроить для русских «второй Вьетнам». По сути дела, они и развязали войну с Советским Союзом, причём повели её руками афганцев и своих сателлитов среди мусульманских стран, объявивших против наших войск джихад — священную войну. При этом США заявили, что мир после 1945 года ещё не стоял так близко к новой мировой войне, как после вторжения русских в Афганистан. Что-то, а развязывать и нагнетать истерию среди мировой общности американцы умеют.

Известный американский политолог и автор многочисленных книг и публикаций в ведущих изданиях США Петер Швейцер пишет, что «двумя выдающимися фигурами, реализовавшими стратегию Рейгана», были директор ЦРУ Уильям Кейси и глава Пентагона Каспар Уайнбергер. Они являлись членами первого кабинета Рейгана, остались с президентом США на второй срок его полномочий и сыграли главную роль в разработке стратегии, направленной «против ядра советской системы». По свидетельству Швейцера, основная заслуга в формулировании этого документа принадлежит Совету национальной безопасности США. Один из первоочередных пунктов развёрнутой программы действий предусматривал «значительную военную и финансовую помощь движению сопротивления в Афганистане, а также поставки для моджахедов, *дающие им возмож-*

ность распространения войны на территорию Советского Союза»¹ (курсив мой. — А. Ж.).

Не без прямого участия ЦРУ и при поддержке сторонников свергнутого Амина через два месяца после ввода советских войск, 22–23 февраля 1980 года, в Кабуле произошли массовые антиправительственные беспорядки, в которых участвовали первые вооружённые формирования противников режима. Наши «пацифисты» (возьмём это слово в кавычки, так как их пацифизм носит сугубо избирательный характер: например, действия США, разворошивших и дестабилизировавших весь мусульманский мир на Ближнем Востоке и не собирающихся уходить из Афганистана, — вне критики) любят называть эти события восстанием, однако спланированный провокационный характер беспорядков не вызывает сомнения. Хотя главной мишенью бунтовщиков и их подстрекателей было правительство страны и лично Бабрак Кармаль (потери понесли главным образом регулярные афганские части и служащие царндоя — МВД Афганистана), без провокационных антисоветских выпадов, естественно, не обошлось. Интересно, что одной из основных «ударных сил» организаторов февральских волнений в Кабуле стали хазарейцы — шииты монгольского и иранского происхождения, составлявшие наиболее бесправную и нищую часть населения центрального региона страны и издавна находившиеся в состоянии вражды с другими племенами и национальностями. Расчёт был прост — забитых и неграмотных людей всегда проще направить в ту сторону, куда нужно мастерам закулисных дел.

После февральских событий, когда стало ясно, что кровопролитие в стране остановить не удастся, в Москве было принято решение: начать совместные действия с армией ДРА по разгрому отрядов вооружённой оппозиции. Относительно мирный период нахождения советских войск в Афганистане завершился.

Развернув боевые действия моджахедов, американцы обеспечили львиную долю их финансирования, всестороннюю поддержку афганской вооружённой оппозиции. Уже весной 1980 года спецслужбы США совместно с британской разведкой начали проводить секретную операцию

¹ Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995. С. 12–13.

«Фарадей». Основная её цель заключалась в поиске мест и создании тренировочных баз для моджахедов, где их готовили для войны с советскими войсками в Афганистане. Такие лагеря создавались в основном на территории Пакистана, но действовали они даже на территории Ирландии и самих Соединённых Штатов.

Вооружение боевиков в течение практически всего периода военных действий осуществлялось по программе «Циклон», разработанной Центральным разведывательным управлением при участии других спецслужб США. «Стартовая» сумма средств в размере 20—30 миллионов долларов, выделявшихся джихадистам, была доведена к 1987 году до 630 миллионов долларов в год.

У истоков операции «Циклон» стояли конгрессмен от штата Техас Чарли Уилсон и офицер ЦРУ Майкл Дж. Вилкерс. Впоследствии ключевую роль в этих неблагоприятных делах стал играть сотрудник ближневосточного отдела ЦРУ Гаст Авракотос. Именно этому отделу было поручено осуществление операции «Циклон», в которой, помимо США и Англии, были задействованы и другие страны. Особенно охотно давала деньги «на борьбу с коммунистами» Саудовская Аравия, которая спонсировала почти 50 процентов бюджета операции (вторую половину выделяли США).

Здесь следует заметить, что к началу военных действий каналы поступления финансовых вливаний в бандформирования были уже обкатаны: ещё в начале июля 1979 года президент США Джимми Картер, встревоженный Апрельской революцией, подписал указ о финансировании антикоммунистических сил в Афганистане.

Внушительные средства (в виде двух огромных целевых траншей в течение нескольких лет) для вооружения и подготовки афганских боевиков в тренировочных лагерях получал от США Пакистан. Среди международных исламских организаций, через которые финансировались моджахеды, особое место занимала образованная в 1984 году джихадистская организация «Мактаб-аль-ХидаMAT», базировавшаяся в пакистанском Пешаваре. Возглавляли её известные террористы — Абдулла Азам и Усама бен Ладен. Впоследствии «Мактаб-аль-ХидаMAT» и послужила основой создания известной террористической организации — «Аль-Каиды».

В необъявленной войне против Советского Союза США активно (и не безуспешно) использовали дипломатические рычаги давления на СССР. К ним следует отнести и попытку саботировать Олимпийские игры в Москве 1980 года,

которая, к счастью, не увенчалась успехом только благодаря огромному влиянию нашей страны на международной арене, большому числу друзей и союзников СССР.

Естественно, война, которую пришлось вести Советскому Союзу, легла нелёгким бременем на нашу экономику, переживавшую с начала 1980-х годов и без того не лучшие времена. Сыграло свою роль и резкое падение мировых цен на нефть в 1980-е годы. Достигнув своего пика в 1980 году (35 долларов за баррель по курсу тех лет), к 1986 году она упала до 10 долларов за баррель. При этом, что следует особо отметить, у Советского Союза, к счастью, не было такой сырьевой зависимости, которая сложилась в современной России: доля доходов бюджета от продажи всех видов топлива и электроэнергии в 1980-е годы составляла лишь 8—10 процентов¹. Это совершенно несопоставимо со структурой бюджетов последних лет, наполовину пополняющихся за счёт продажи нефти и газа².

Так что утверждение, что экономика СССР уже тогда подседа на нефтяную иглу, — чистой воды выдумка, как и многие другие антисоветские мифы. Тем не менее нужно было каким-то образом облегчить тяжесть затрат, в общем-то неизбежных при сохранении в зоне своего активного влияния Афганистана, и, казалось бы, выход был найден. В 1986 году мы взяли курс на последовательное сокращение нашего военного контингента в Афганистане и политику национального примирения в этой стране.

Но в конечном счёте произошло то же, что и при всех других благих начинаниях при Горбачёве: начали за здравие, закончили за упокой.

В апреле 1986 года состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором обсуждалась наша новая политическая линия в Афганистане. Встал вопрос о том, что новые подходы не по плечу Кармалю, у которого к тому времени накопились серьёзные разногласия с большинством членов высшего афганского руководства — и в Революционном

¹ Подробнее см.: А была ли зависимость СССР от экспорта нефти? // Военное обозрение. 2013. 20 ноября. — <http://topwar.ru/36212-a-byla-li-zavisimost-sssr-ot-eksporta-nefti.html>

² При этом в ноябре 2015 года при обсуждении бюджета на 2016 год в Государственной думе РФ отмечалось, что Россия продаёт сырья (нефть, газ, древесину, металл) примерно на 20 триллионов рублей в год. Однако в бюджет попадает лишь около 8 триллионов. 12 триллионов рублей — это та дань, которую страна платит российской олигархии и её зарубежным покровителям.

совете, и в ЦК НДПА, — склонявшихся к его отставке. Высказывали они конкретные предложения и по его замене, причём большинство проявляло явную благосклонность к кандидатуре Мухаммеда Наджибуллы, возглавлявшего с декабря 1979 года Службу государственной информации страны. Кстати, доктора Наджиба (так звали Наджибуллу в Афганистане) — настоящего патриота своей родины, повосточному мудрого, а главное — честного и твёрдого политика, высоко ценил и Крючков, который по роду службы часто встречался с ним и во время афганских командировок, и в Москве.

Однако убедить Кармалю добровольно сложить с себя полномочия руководителя страны оказалось не так-то просто. Первую беседу с ним провёл лично Горбачёв — неудачно: Кармаль наотрез отказался уходить в отставку. На несколько недель воцарилась неопределённость, которая затормозила переход к новой политике в Афганистане. Дело сдвинулось с мёртвой точки только тогда, когда Кармаль высказал (едва ли не в ультимативной форме) своё согласие обсудить тему отставки, но только с одним человеком — Крючковым.

Трудно сказать, чем снискал такое расположение Бабрака Кармалю Владимир Александрович. Сам Крючков в воспоминаниях отмечает, что между ними действительно сложились доверительные отношения. Возможно, сыграли в этом свою роль чисто человеческие качества Крюčkова, возможно — его интеллект и образованность. Не будем сбрасывать со счетов его способности незаурядного политика, приобретённые в разведке навыки оперативника (заметим, однако, что с Яношем Кадаром Крючков сдружился, когда о работе в разведке он ещё и не помышлял). Уважение Кармалю вызывали конкретная работа Крюčkова в Афганистане, его частые поездки по стране с посещением самых беспокойных районов, регулярные встречи с местными руководителями, влиятельными представителями племён и духовенства, прямые переговоры с полевыми командирами моджахедов — афганцы ценят людей смелых.

Как бы то ни было, ведение дальнейших переговоров с Кармалем Горбачёв поручил Крючкову, для чего тот летал в Кабул дважды, поскольку первая командировка окончательных результатов не дала. Шесть раундов многочасовых личных бесед лишь вселили надежду на их благополучный исход. И только в ходе повторного визита Крюčkова в Кабул Кармаль дал согласие передать власть в руки Наджибуллы.

Этот эпизод лишний раз показывает, как всё непросто было в Афганистане. И не стоит представлять правительство этой страны в виде послушных марионеток Москвы — афганцы никогда не теряли собственного достоинства.

Генеральным секретарём ЦК НДПА, а затем и президентом ДРА стал Мухаммед Наджибулла, сумевший внести свежую струю в политику Афганистана и осуществить реальный переход к политике национального примирения. Он существенно расширил социальную базу власти, выбрал в качестве опоры мусульманскую религию и привлёк на свою сторону значительную часть духовенства. В качестве одного из важнейших направлений Наджибулла избрал путь более тесного сотрудничества с племенами и установления контактов с полевыми командирами отрядов моджахедов, которые внутри страны (исключая Пакистан и Иран) формировались в большинстве случаев как раз на базе племён и этнических групп. В практику политической жизни страны вошло понятие «многопартийность», устранялись допущенные перегибы в отношении частного сектора.

Большое внимание уделялось работе с афганскими беженцами, обратный поток которых (на родину) стал возрастать. Только в 1988 году домой вернулось 120 тысяч человек. Заметим, что этому в значительной мере препятствовали власти Пакистана и Ирана, превратившие большинство лагерей беженцев на территории своих стран в центры подготовки боевиков.

Известно, что Наджибулла обладал большим, к сожалению, так до конца и не реализованным, политическим потенциалом, был, безусловно, одним из самых ярких и перспективных государственных деятелей Ближнего и Среднего Востока — в 1986 году, когда он пришёл к власти, ему исполнилось всего лишь 40 лет.

Плоды осуществлённого им перелома во внутренней политике (не будем при этом забывать роль аппарата наших политических советников) были очевидны. Возникшая позитивная тенденция позволила перейти к значительному сокращению контингента советских войск и осуществлению их поэтапного вывода. К лету 1988 года численность личного состава наших частей и подразделений уменьшилась вдвое. Большинство из них вернулось в места постоянной дислокации и участвовало только в поддержке силовых действий, проводившихся регулярными частями армии ДРА.

Резко сократились потери сторон. Хорошо известно, что советская сторона за девять лет войны потеряла около

15 тысяч человек. Потери же афганцев никто никогда не считал, тем не менее западная пропаганда, которой вторит наша «либерально-прогрессивная» печать, склонна оперировать астрономическими, ничем не подтверждёнными цифрами. Чаще всего при этом ссылаются на оценки известного полевого командира моджахедов Ахмад Шаха Масуда: тот совершенно безосновательно утверждал, что погибло 1,5 миллиона афганцев. Что ж, из Пандшерского ущелья (северо-восток Афганистана), где действовали его бандформирования, ему было, наверное, виднее.

Летом 1988 года, выступая на заседании Генеральной Ассамблеи ООН, президент Афганистана Мухаммед Наджибулла сообщил, что с начала боевых действий в 1978 году (с момента Апрельской революции, вызвавшей гражданскую войну) и по июнь 1988 года в стране погибли 243,9 тысячи военнослужащих правительственных войск, органов безопасности и мирных жителей, в том числе 35,7 тысячи женщин и 20,7 тысячи детей в возрасте до десяти лет; ранены были ещё 77 тысяч человек, в том числе 17,1 тысячи женщин и 900 детей. Поскольку Наджибулле не было никакого резона занижать данные, эти цифры, на наш взгляд, близки к реальности.

...Мы уже говорили о том, что основой авторитета Крючкова среди афганских лидеров являлась та большая и эффективная работа в Афганистане, которую он проводил, невзирая на все сложности военного времени. Его многочисленные командировки «за речку»¹, как правило, не ограничивались Кабулом, где было относительно безопасно и за пределы которого не слишком торопились выезжать многие высокопоставленные гости из Москвы. География поездок Крючкова по стране внушает уважение: Джелалабад, Кандагар, Герат, Мазари-Шариф, Кундуз, Гильменд, ряд других городов и населённых пунктов. И к каждой такой поездке он основательно готовился, что позволяло ему верно оценивать обстановку на местах, быстро вникать в мельчайшие детали, незаметные для неподготовленного человека.

Перед вылетами Крючкова в Афганистан (как, впрочем, и в другие страны) необходимая справочная информация для него готовилась в виде конспекта и печаталась на небольших листках карманного формата. Основой для таких «шпаргалок» обычно служила картотека Владимира Алек-

¹ Имеется в виду пограничная Амударья.

сандровича, о которой мы рассказывали. Один из таких документов, подготовленный перед поездкой Крючкова в провинцию Нангархар, сохранил сотрудник секретариата ПГУ Е. Г. Никоноров. Тридцать пожелтевших страничек справочных материалов содержат очень ёмкую информацию, которая позволяет составить представление не только об этой провинции, но и о стране в целом, поскольку Нангархару присущи многие типичные черты Афганистана. Воспроизведём несколько выдержек, позволяющих судить о характере работы и многочисленных встреч Крючкова, о круге вопросов, которые приходилось ему решать во время командировок:

«Провинция Нангархар расположена в восточной части страны, граничит с Пакистаном, протяжённость границы 245 километров.

Провинциальный центр — город Джелалабад, население 120 тысяч человек. Провинция делится на 12 уездов и 7 волостей.

Население провинции — 800 тысяч человек, из них пуштуны — 600 тысяч человек, остальные таджики, пашаи, сикхи.

Основная масса населения занята в сельском хозяйстве. Площадь возделанной и пригодной к использованию земли составляет 74 тысячи гектаров, имеют землю 54 тысячи крестьян.

Действуют 54 сельскохозяйственных и 19 потребительских кооперативов, пайщиками которых состоит 15 тысяч человек.

Действует ряд промышленных объектов, главный из которых — Джелалабадский ирригационный комплекс (5 тысяч работающих). На четырёх входящих в него государственных механизированных фермах ("Хадда", "Лачанур", "Газиабад" и "Батикот") возделываются: цитрусовые — 1999 га, маслины — 2879 га, зерновые и овощные культуры — 1881 га.

В Джелалабаде и пригородах функционируют консервный завод по переработке маслин (400 чел.), завод железобетонных изделий (140 чел.), деревообрабатывающий завод (170 чел.), ремонтно-механический завод (360 чел.), гидроэлектростанция (40 чел.), аэропорт, способный принимать самолёты среднего класса.

В городе три учебных заведения: университет, филиал Кабульского мединститута, пединститут.

В 69 начальных и средних школах провинции занимается около 35 тысяч учащихся. Имеются училища: техническое, сельскохозяйственное, медсестёр. Два религиозных мусуль-

манских учебных заведения, в том числе высшее — "Наджмоль медресе", три религиозных сикских учебных заведения.

В провинции 1211 мечетей (действующих — 154), 400 свя-
тых мест.

Под контролем госвласти находится свыше 85 процентов территории и населения — 10 уездов, 3 волости, 609 кишлаков, в которых проживает 563 тысячи чел.

На территории провинции находится 6 основных перевалочных баз и 35 складов вооружённой оппозиции. Общая численность вооружённой группировки составляет 8400 чел. (370—400 бандгрупп). Непримируемая часть составляет до 120 бандгрупп общей численностью около 3500 чел., из которых на боевые действия оппозиция единовременно может выставить от 900 до 1500 чел.

По агентурным данным, на вооружении противника имеется 130 ДШК, 135 миномётов, 90 безоткатных орудий, 460 РПГ, 61 ПУРС, 18 ЗГУ, 10 ПЗРК. Близость баз на пакистанской территории позволяет оппозиции быстро снабжать формирования оружием, боеприпасами, людскими резервами».

Далее даётся развёрнутая характеристика вооружённых сил государственной власти на территории провинции, отмечается, что в целом правительственные войска в 2,5 раза превосходят оппозицию по численности и вооружению.

В материале содержатся характеристики основных руководителей провинции Нангархар.

«Губернатор провинции Вакиль Азам Шинвари, 1932 года рождения, пуштун, авторитет племени шинвари, пользуется большим влиянием среди своих соплеменников и населения провинции.

По своим взглядам — националист, сторонник бывшего короля Захир Шаха. В период монархии неоднократно избирался депутатом парламента, входил в состав близкого окружения короля.

С первых дней Апрельской революции находился в эмиграции в Пакистане, непосредственного участия в вооружённой борьбе против госвласти не принимал.

Назначен губернатором в мае 1988 года, зарекомендовал себя как хороший организатор, сумел сплотить вокруг себя членов провинциальной "пятёрки", организовал эффективный отпор вооружённой оппозиции, пытавшейся захватить власть в провинции.

Секретарь провинциального комитета НДПА Сарфараз Мухаммед Момад, 1945 года рождения, выходец из зажиточ-

ной семьи племени моманд, образование высшее гуманитарное, член НДПА с 1964 года.

В период правления Х. Амина находился в тюрьме, с 1981 по 1985 год занимал должность генерального консула ДРА в Пешаваре. Во время работы в Пакистане на доверительной основе выполнял задания т. Наджибуллы, затем был зачислен в кадры СГИ (разведки) и на него были возложены обязанности резидента. По рекомендации т. Наджибуллы с ним контактировали наши представители в Исламабаде. В 1985 году был объявлен пакистанскими властями персоной нон грата. До января 1988 года работал в аппарате МИДа, затем был направлен секретарём ПК НДПА провинции Нангархар. Для него характерен кабинетный стиль работы».

В справке содержатся необходимые сведения о других руководителях, в том числе командире 1-го армейского корпуса генерал-лейтенанте Мухаммеде Асефе сыне Делавар Хана, начальнике провинциального управления СГИ Мухаммеде Омаре сыне Мухаммеда Хошина. Последний, как отмечается, питает большие симпатии к Советскому Союзу и борется за единство НДПА...

В обязанности секретариата (и, в частности, Е. Г. Никонорова) входила подготовка багажа, который брал с собой Крючков, отправляясь в Афганистан. Перечень необходимых вещей он составлял собственноручно, и в него непременно входили подарки детям. Были среди них детские швейные машинки, конструкторские наборы, краски, карандаши и альбомы для рисования, всевозможные игрушки. «И не забудьте про мороженое!» — обязательно напоминал Владимир Александрович. Мороженое упаковывалось таким образом, что могло перенести любую жару.

Мало кто знает, что Крючков был одним из инициаторов возрождения традиции, корни которой уходят к временам деятельности ВЧК при Ф. Э. Дзержинском. Он стал главным зачинателем совместной работы Комитета госбезопасности СССР и Службы государственной информации ДРА по созданию в Советском Союзе школ-интернатов для афганских детей, потерявших в годы войны своих родителей. На учёбу в них только в 1983—1984 годах было направлено около двух тысяч таких ребят. Воспитанникам интернатов предоставлялась возможность продолжить образование в наших высших учебных заведениях, по окончании которых они могли вернуться на родину квалифицированными специалистами.

Кроме того, большое количество детей из Афганиста-

на принимали «Артек» и другие лучшие пионерские лагеря страны.

...В центре внимания Крючкова находилась и работа разведывательных служб и оперативных подразделений КГБ, действовавших на территории Афганистана. Тепло отзываются о Владимире Александровиче, например, ветераны отряда особого назначения «Каскад», созданного специальным постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР в июле 1980 года. На «Каскад» изначально возлагались три основные задачи: оказание помощи афганцам в создании органов безопасности на местах; организация агентурно-оперативной работы против бандформирований; проведение специальных мероприятий против наиболее агрессивных противников афганского народного режима и СССР.

Как вспоминают ветераны этого подразделения, «начальник ПГУ КГБ Крючков не только ставил задачи “Каскаду”, но и делал всё возможное для того, чтобы облегчить их решение, если это зависело от Центра. Постоянное внимание к отряду, забота о его нуждах, поддержка начинаний, моральное и материальное стимулирование, награды отличившимся, контрольные приезды в команды “Каскада” — всё это и многое другое было в числе повседневных дел начальника внешней разведки. На имя Крючкова В. А. направлялись развединформация “Каскада”, отчёты о боевых действиях, оценки и прогнозы обстановки»¹.

Афганистан требует от человека выдержки и смелости. По воспоминаниям многих ветеранов госбезопасности, Крючков отсутствием этих качеств не страдал. Об этом, в частности, рассказывал автору и генерал-лейтенант А. Т. Голубев, которому довелось дважды сопровождать Крючкова в поездках по Афганистану, работать вместе с ним в сложной обстановке, в зонах высокой активности моджахедов. Ветераны Афганистана хорошо знают, что Герат и Джелалабад, где Крючков вёл тогда переговоры и с представителями власти, и со сторонниками непримиримой оппозиции, для прогулок не предназначены.

Л. В. Шебаршин, который несколько раз вылетал с Крючковым в Афганистан, в книге «Рука Москвы» описывает эпизод совместной поездки с Владимиром Александровичем в Джелалабад (административный центр провин-

¹ Группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел». М.: МГО фонда «Вымпел-Гарант», 2008. С. 65–66.

ции Нангархар, которую Крючков посещал несколько раз) в период, когда оттуда уже ушли советские воинские части:

«С мая по август (1988 года. — А. Ж.) на землю Джелалабада не ступала нога советского человека, ведь нельзя доверять свою безопасность афганцам! Не надо рисковать!

Надо рисковать! *В. А. Крючков проявляет твёрдость* (курсив мой. — А. Ж.), и вечером 9 августа наша группа и министр госбезопасности О. Якуби входят в Ан-26. Аэродром не освещён. В самолёте закрыты занавесками иллюминаторы. На каждого пассажира надевается парашют. Не очень удобно — парашют давит на живот. И не становится спокойнее. Ну, скажем, придётся воспользоваться этим парашютом. Во-первых, неизвестно, сможешь ли дёрнуть за кольцо. Положим, дёрнул и плавно полетел вниз, в ночную темноту, на безлюдные горы. А что там? Разумеется, сломаешь ногу или обе да, не приведи бог, попадёшь в лапы противника, поскольку руки друга в этих местах не найдёшь. И пистолет тебе не поможет, потому что он, скорее всего, вылетит из кобуры или в момент прыжка, или при посадке. Мысли дурацкие и недостойные мужчины, но они — увы! — приходили в голову и ради объективности должны быть запечатлены в записях.

Погас свет в чреве самолёта, пробежал с синим фонариком лётчик, посмотрел, всё ли в порядке, и полетели курсом на восток. Главное — набрать высоту. Окрестности Кабула чищены-перечищены, бесчисленные операции проведены, каждый квадратный метр пристрелян, а ракеты откуда-то бьют и по городу, и по аэродрому...

Высоту приходится набирать круто, лётчики закладывают плотные витки, чтобы не попасть в опасную зону. Многие, но не все самолёты оборудованы защитными устройствами — выстреливаются специальные термические ракеты, которые, по мысли конструкторов, должны отвлечь на себя снаряд, самонаводящийся на источник тепла. Трудно сказать, насколько эффективно это устройство на практике — ни одного живого свидетеля встретить не удалось, хотя этим делом я интересовался.

Натужно гудя, самолёт выходит на заданную безопасную высоту... Далеко-далеко внизу вспыхивают и исчезают полоски огня, будто чиркают спичкой. Это стреляет артиллерия — наша или дружественная афганская — по неведомым целям. Полёт недолог, идём на снижение.

Джелалабадский аэродром тоже не освещён. В конце взлётно-посадочной полосы стоит автомашина, и когда са-

молёт уже заходит на посадку, включаются фары. Выгружаемся быстро, Ан-26 разворачивается на месте и, ни минуты не мешкая, уходит в ночное небо. По курсу его полёта с земли устремляются несколько красных точек — стреляют трассирующими пулями. Издалека их полёт кажется неспешным и нестрашным. Звук выстрелов до нас не доносится».

Может быть, ветераны Афганистана, для которых подобные перелёты — дело обыденное¹, сочтут эти строчки излишне драматизированными. Но напомним, что свои переживания описывает человек, который только что перенёсся из мирной московской жизни в атмосферу войны. И опасения Шебаршина, в общем-то, ничуть не преувеличены. Кстати, во время одной из афганских командировок Крючкову пришлось пережить вынужденную жёсткую посадку вертолёта Ми-8, в котором он находился. К счастью, обошлось без жертв, но Владимир Александрович пострадал больше других: возникла сильная боль в позвоночнике, и до ночлега он смог добраться только с посторонней помощью. Однако к утру боль утихла, и ехать в госпиталь он категорически отказался. Полученная травма дала о себе знать только спустя несколько лет, когда стал серьёзно беспокоить позвоночник. Пришлось обращаться к врачам, которые обнаружили сильное повреждение межпозвоночного диска...

К глубокому сожалению, позитивные изменения в Афганистане, ставшие результатом политики национального примирения, не успели набрать необходимых оборотов. На ход дальнейших событий в Афганистане и вокруг него оказали негативное влияние политические процессы, происходившие в нашей стране. Как справедливо замечает Крючков, «поражение кабульского режима произошло отнюдь не потому, что он был объективно обречён изнутри, а в силу внешних причин, в первую очередь связанных с развитием ситуации в Советском Союзе. Достаточно сказать, что *мы фактически признали другую воюющую сторону* (курсив мой. — А. Ж.), и одно это, конечно же, в корне изменило всю ситуацию, связанную с афганской проблемой»².

То, что произошло, имеет только одно определение — вероломство. Но что ещё можно было ожидать от той

¹ Поэт-«афганец» Виктор Верстаков: «Война становится привычкой».

² Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 261.

части высшего руководства СССР во главе с Горбачёвым, которая встала на путь предательства и своих союзников, и собственного народа? А ведь не только для политика — для любого человека, причастного к афганским событиям, было ясно: как только прекратится наша поддержка правительству Наджибуллы, Афганистан превратится в кровавую баню не только для тех, кто поддерживает кабульский режим, но и для многих тысяч ни в чём не повинных афганцев.

Началом открытого и позорного отступничества от всех обязательств, которые советская сторона несла не только перед афганским руководством, но и перед сотнями тысяч советских людей, самоотверженно выполнявших в годы войны свой интернациональный долг, явились женевские соглашения по урегулированию положения вокруг Афганистана, подписанные в апреле 1988 года. Их гарантом стали СССР и ...США. Не хочется ещё раз говорить о той неблагоприятной роли, которую сыграли американцы в эскалации войны в Афганистане. Отметим только, что в угоду американцам наша дипломатия в Женеве (переговоры длились несколько лет) в полном соответствии с «новым мышлением» пресловутых «архитекторов перестройки», которое во внешней политике рьяно демонстрировал министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе¹, делала одну необоснованную уступку за другой. Крючков прямо говорит, что в Женеве «с нашей стороны шла прямая сдача союзника по всем направлениям».

Находившийся на переговорах в Женеве министр иностранных дел Афганистана Вакиль, поражённый резкой сменой курса советской стороны, в знак протеста даже объявлял голодовку.

Крючков во всех вопросах, связанных с женевскими переговорами, был отнюдь не сторонним наблюдателем. Безусловно, он поддерживал идею переговоров и политического разрешения острых вопросов, в частности, в январе 1988 года вылетал в Кабул вместе с Шеварднадзе и уговорил Наджибуллу возобновить участие в переговорном процессе, от которого афганская сторона отказалась, поняв, что Советский Союз готов её бросить на произвол судьбы.

В то же время Владимир Александрович считал, что

¹ За пять лет своего пребывания в команде Горбачёва Шеварднадзе сумеет внести один из самых крупных «вкладов» в подрыв международных позиций СССР и оборонного могущества нашей родины.

жертвы, принесённые Советским Союзом в ходе военного конфликта в Афганистане, давали нам право полноценного, весомого голоса в урегулировании афганской проблемы, в достижении такого мира, который соответствовал бы и нашим внешнеполитическим интересам, и интересам нашего южного соседа.

Крючков оставался верен этой точке зрения и отстаивал её позднее, когда стал председателем КГБ и был избран членом Политбюро ЦК КПСС. Не будем голословны. Генерал-лейтенант ФСБ, доктор юридических наук В. С. Христофоров (в 1985–1989 годах он работал в представительстве КГБ СССР при Службе государственной информации Афганистана) в статье «Долгий путь из Афганистана» пишет:

«Политбюро ЦК КПСС, оценивая успешное завершение женевского дипломатического процесса, отмечало, что по своим международным последствиям оно не уступало Договору о ликвидации советских и американских ракет средней и меньшей дальности. Председатель КГБ Владимир Крючков этого оптимизма не разделял, считая, что женевские соглашения, обязывавшие вывести советские войска к 15 февраля 1989 года и прекратить военные поставки из Советского Союза, Пакистана и других стран (имеются в виду и страны, поддерживавшие моджахедов. — А. Ж.), представляли собой лишь видимость решения проблемы. Советская сторона выполняла условия женевских соглашений, а американская лишь ждала скорейшего вывода советских войск. После этого, считал глава КГБ, США оставалось лишь свергнуть режим Наджибуллы и привести в Кабул правителей, соответствовавших американским интересам.

Вскоре стало ясно, что в Пакистане¹ не стремились к соблюдению женевских соглашений. Вмешательство в афганские дела к 15 мая 1988 года — к началу вывода советских войск — не только не прекратилось, но и даже возросло. Пакистанские правительственные организации позволяли беспрепятственно перебрасывать через границу с Афганистаном отряды вооружённой афганской оппозиции и переправлять караваны с оружием через многочисленные горные перевалы и проходы»².

¹ Пакистан являлся одной из главных сторон женевских переговоров.

² Христофоров В. Долгий путь из Афганистана // Время новостей. 2008. 14 апреля. № 63.

Тем временем в СССР стремительно происходила трансформация процесса перестройки. Всё зримее становились антинародные цели её «архитекторов» и многочисленных «прорабов», которых уже не устраивал горбачёвский «социализм с человеческим лицом». Шаг за шагом осуществлялся демонтаж социалистической системы, откровенно поддерживались и поощрялись сепаратистские настроения местных «элит» и удельных князьков, которым кружила голову мечта о превращении республик и регионов в собственные вотчины, с неограниченной властью и возможностями личного обогащения.

Проблемы, связанные с Афганистаном, поднявшая голову «пятая колонна» использовала только с одной целью — дискредитировать наиболее честную, здоровую и патриотически настроенную часть руководства страны и КПСС, нанести удар по силовым структурам государства, прежде всего по армии и КГБ¹, по Госплану² и другим ведущим государственным ведомствам. Ложь — главное оружие либерал-демократов эпохи перестройки, другого — не было. Они договаривались порой до абсурда, и ведь находилось немало людей, веривших в грязные мифы и сладкие обещания. Так, академик А. Д. Сахаров под одобрительно-возмущённый гул зала заявил на Съезде народных депутатов СССР, что наши вертолётчики якобы расстреливали наших же десантников, чтобы те не могли сдаться в плен моджахедам. Подобная чушь, свидетельствовавшая о беззастенчивости и цинизме «обличителей» «пороков» советской системы, массовыми тиражами распространялась через либеральные СМИ, отравляла сознание населения.

Сейчас мало кто вспоминает об этом, но травля вооружённых сил достигла таких чудовищных масштабов, что в начале 1990-х годов офицеры ездили на службу в свои части в гражданских костюмах с чемоданчиками, в которых прятали воинскую форму, — не дай бог, нарвёшься на самосуд.

Не избежали унижений и вернувшиеся домой «афганцы». Многих из них, нуждавшихся после ранений в лече-

¹ МВД не подвергалось таким нападкам, поскольку там орудовал один из видных «перестройщиков» В. В. Бакатин, назначенный осенью 1988 года министром внутренних дел.

² Напомним, что в 1998 году экономический блок правительства Примакова, который возглавлял бывший председатель Госплана СССР Ю. Д. Маслюков, сумел вытащить Россию из пропасти, где она оказалась после дефолта, спровоцированного Ельциным и его сподвижниками.

нии и реабилитации, встречали в военкоматах одной и той же, модной среди «перестройщиков», фразой: «Мы вас туда не посылали!» Более того, от тех, кто защищал интересы родины с оружием в руках, наиболее активные либералы стали требовать покаяния.

Кто-то из участников боевых действий действительно уверовал в то, что их миссия в Афганистане носила несправедный характер, и не смог понять, что обманывали их как раз те, кто призывал к раскаянию, кто, пытаясь сохранить свои удобные кресла в военкоматах, променял честь советского офицера на сытую чиновничью жизнь.

Автору приходилось в годы Афганской войны не раз бывать в действующих частях 40-й армии, много общаться с бойцами и офицерами и в период вывода наших войск посещать госпитали (и в Афганистане, и на советской территории), где находились на излечении наши «афганцы», прошедшие сквозь самые суровые испытания. Конечно, были среди них люди разных взглядов и убеждений, иногда встречались и упавшие духом — война есть война, не каждый человек способен выдержать то, с чем сталкивается на войне. Но чаще всего приходилось слышать слова, отражавшие атмосферу, в которой жили и воевали бойцы: «Мы ни о чём не жалеем! Мы честно выполняем (выполнили) свой долг!»

Так называемый «афганский синдром» нам навязали те, кто, предав и продав союзников и друзей СССР в конце 1980-х годов, бросился в объятия Запада. Кто в 1990-е годы отдал страну под внешнее управление США и на пару с американцами беззастенчиво грабил российский народ. Кто посадил великую страну на нефтяную иглу и превратил её в сырьевой придаток западной экономики...

Сотни, тысячи примеров подтверждают высокий моральный дух и настрой, характерный для частей и подразделений 40-й армии. Автору запал в память случай, свидетелем которого он стал в афганской провинции Бадахшан летом 1982 года. Ему довелось тогда присутствовать на комсомольском собрании 860-го омсп — отдельного мотострелкового Псковского краснознамённого полка. Как и на других подобных собраниях воюющих частей и подразделений, не было на нём ни призывов, ни лозунгов. В основном бойцы высказывали конкретные предложения и просьбы к командованию полка. С одной такой просьбой выступил секретарь комсомольской организации роты разведчиков старший сержант Сулейман

Хачукаев¹. Её суть заключалась в следующем: длительное время командование оберегает роту разведчиков от участия в боевых операциях, а её бойцам стыдно глядеть в глаза ребятам из других подразделений. Просьба к командованию полка — не делать для разведчиков поблажек и исключений.

В наших «афганских» частях среди бойцов считалось позором отсиживаться в нарядах или отлёживаться в медсанбатах в то время, когда воюют твои друзья. Так, в канун боевых рейдов и операций даже больные и легко раненные старались всеми правдами и неправдами вернуться в строй. Наверное, это кому-то сегодня может показаться странным — иные жизненные ценности сейчас в почёте, а немалая часть молодёжи продолжает косяками «косить» от службы в армии.

А ведь тогда, в Афганистане, их сверстники, те же разведчики 860-го полка, хорошо понимали, что любой бой может оказаться для них последним. Через две недели после собрания, о котором мы рассказали, рота разведчиков, обеспечивая боевое охранение колонны на марше Файзабад — Талукан, попала в засаду и понесла тяжёлые потери.

Не угадаешь, где рванёт,
Под кем сработает запал.
За поворотом — поворот,
За перевалом — перевал...

Эти строчки из авторской песни командира подразделения отряда «Каскад» ПГУ КГБ Игоря Морозова посвящены как раз той трассе, на которой приняли тяжёлый бой разведчики. Кстати, отметим, что из трёх авторов наиболее популярных песен и стихов, с которыми жил и воевал советский контингент в Афганистане, — Ю. Кирсанова, И. Морозова, В. Верстакова, — двое (Кирсанов и Морозов) были офицерами госбезопасности, а поэт — полковник Виктор Верстаков прошёл дорогами Афганистана как военный корреспондент газеты «Правда» (ныне — член прав-

¹ 25 января 1983 года С. Хачукаев героически погиб, прикрывая отход товарищей, попавших в окружение. Удостоен высшей награды родины — ордена Ленина (посмертно).

В Афганистане прикрыть своих товарищей ценой собственной жизни, вынести раненого с поля боя считалось делом воинской чести и у солдат, и у офицеров. Так, 10 октября 1984 года командир этого же полка подполковник В. А. Сидоров, спасая подчинённых, за мгновение до взрыва накрыл своим телом гранату Ф-1. За этот поступок он был посмертно награждён орденом Красного Знамени.

ления Союза писателей России, лауреат целого ряда литературных премий). Но тогда, в годы войны, мало кто знал настоящих авторов любимых «афганских» песен, тем более не имел представления о том, какую миссию они выполняли в Афганистане.

В подавляющем большинстве песен и стихов, посвящённых афганским событиям, слились воедино две главные темы — тема родины, преданности своей стране, верности воинскому долгу и тема преемственности воинских традиций советских вооружённых сил: воевавшие в Афганистане ощущали себя наследниками ратных подвигов своих отцов и дедов, участников Великой Отечественной войны.

Деструктивные силы, действовавшие в стране, после вывода из Афганистана воинского контингента продолжали наращивать свои усилия по разрушению Советской армии, ликвидация которой завершилась вместе с прекращением существования Советского Союза. Вооружённые силы поделили между бывшими союзными республиками, а в мае 1992 года Ельцин объявил себя Верховным главнокомандующим той их части, которая досталась при дележе России. Была уничтожена и символика великой и непобедимой армии. На смену Красной Звезде и Красному Знамени, под которым в 1945-м наши вооружённые силы добились фашистского зверя в его логове, пришли иные символы. Но преданность советскому оружию до конца жизни осталась в крови у настоящих офицеров, присягавших Советскому Союзу. Их настроения отразились в стихах Виктора Верстакова:

Как служится вам, господа
в кокардах с орлами двуглавыми?
Не снится ли ночью Звезда,
сверкавшая отчею славою?

.....
И вас награждают не зря
крестами на грудь и на кладбище
кремлёвские ваши друзья,
нерусские ваши товарищи.
Но вам не дадут за труды,
какого б вы ни были звания,
ни ордена Красной Звезды,
ни ордена Красного Знамени.

Среди тех, кто до конца своих дней защищал честь и достоинство участников афганских событий, был и Крючков. Владимир Александрович решительно выступал против

утверждения, что мы якобы «проиграли войну в Афганистане». Говорить так, считал он, — это не просто грешить против истины. «Такая позиция оскорбляет память павших, всех тех, кто честно прошёл через ратный труд в этой войне. Поражение потерпели другие — авторы преступной и предательской политики, в результате которой Афганистан был брошен на произвол судьбы».

Благодаря подвигу советского солдата в Афганистане оказались призрачными надежды американцев, мечтавших перекинуть военные действия на территорию СССР. Нам памятли события в Таджикистане, где в 1992 году развернулась кровопролитная гражданская война. Но не все знают или помнят о том, что обострению возникшего внутреннего конфликта после приобретения Таджикистаном самостоятельности в результате распада Советского Союза, в немалой степени способствовали моджахеды-таджики, воевавшие в Афганистане в составе бандформирований Ахмад Шаха Масуда. Именно они при поддержке узбекских формирований Абдул-Рашида Дустума свергли весной 1992 года режим Наджибуллы, которого агентство «Рейтер» (*Reuters*) метко окрестило «последней жертвой перестройки в СССР».

Афганские таджики из бандформирований Ахмад Шаха, одержавшие победу в Кабуле, действовали под лозунгом объединения всех таджиков по обе стороны старой советско-афганской границы. Они установили тесные контакты со своими единомышленниками в бывшем советском Таджикистане и стали оказывать им действенную помощь в вооружённой борьбе против сторонников законного руководства республики. Благодаря такой поддержке братоубийственная война в Таджикистане растянулась на несколько лет. Её результат: почти 60 тысяч погибших, примерно такое же число перебравшихся в Афганистан, около 200 тысяч бежавших в страны СНГ, главным образом в Узбекистан и Россию, около 1 миллиона внутренних переселенцев, которых война согнала с родных мест.

Многие специалисты, в том числе большинство ветеранов КГБ, с которыми встречался автор, убеждены: если бы мы не вошли в Афганистан в 1979 году, то получили бы «свой Таджикистан» на 15 лет раньше. И не только Таджикистан. Приверженцы исламского фундаментализма в Афганистане считали (и поныне считают), что так же, как и таджики, афганские узбеки и туркмены имеют историческое право на воссоединение с этническими родствен-

ными группами населения, проживающими в Средней Азии, причём на основе присоединения последних к Афганистану.

«В случае если подобным планам было бы суждено сбыться, — писал Крючков, — нетрудно представить себе, какие лишения и горе, неисчислимы жертвы выпали бы на долю бывших советских людей — туркменов, таджиков, узбеков, не говоря уже о представителях других национальностей. Речь пошла бы о их жизни и смерти, поскольку семь десятков лет советской власти сделали их, или, по крайней мере, значительную часть их, совершенно “непригодными” для образа жизни исламских фундаменталистов».

А ведь такие планы фундаменталисты строили отнюдь не на пустом месте, они опирались на настроения, бытовавшие к северу от афганской границы. И опасения Политбюро ЦК КПСС в декабре 1979 года, что события в Афганистане и вокруг него без решительного вмешательства Советского Союза могут пойти по непредсказуемому сценарию, были небезосновательными. Ещё в 1984 году, работая в Афганистане, автор стал свидетелем одного любопытного случая. Один наш учёный-обществовед (узбек по национальности), приехавший в Афганистан в командировку, подготовил советскому послу в этой стране записку с обоснованием необходимости... предоставления афганским узбекам широкой автономии. Не будем говорить, насколько нелепы были такие кабинетные изыски в обстановке войны, в то время, когда осуществлялись меры по укреплению централизованной власти в стране. Представим лишь, куда бы привели подобные шаги, вполне соответствующие сепаратистским «чаяниям» фундаменталистов. И ведь этот учёный нашёл в Афганистане сторонников среди работавших там советских узбеков...

Благодаря советскому солдату американцам не удалось устроить для Советского Союза ни «своего Таджикистана», ни «второго Вьетнама». Вывод наших частей из Афганистана начал осуществляться только тогда, когда стала очевидной готовность и способность руководства этой страны осуществлять самостоятельно тот политический курс, который был выработан при нашей поддержке, при участии наших советников и специалистов, многие из которых погибли при выполнении своего интернационального долга.

Благодаря мужеству советских людей нашей стране удалось разрушить планы реакционных сил Запада по размещению в Афганистане ракетного оружия, нацеленного

Отечество в опасности! Выступление В. А. Крючкова
на сессии Верховного Совета СССР. 17 июня 1991 г.

Председатель Комитета госбезопасности проводит совещание Коллегии КГБ

В. А. Крючков вручает орден Красного Знамени родителям погибшего в Вильнюсе сотрудника группы «Альфа» Виктора Шатских. 1991 г.

Пресс-конференция членов Государственного комитета по чрезвычайному положению. 19 августа 1991 г.

Последнее слово, обращённое к разуму

Пролетарии всех стран, соединитесь!

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 199 [26647] • Вторник, 20 августа 1991 года • Цена 10 коп.

ЗАЯВЛЕНИЕ СОВЕТСКОГО РУКОВОДСТВА

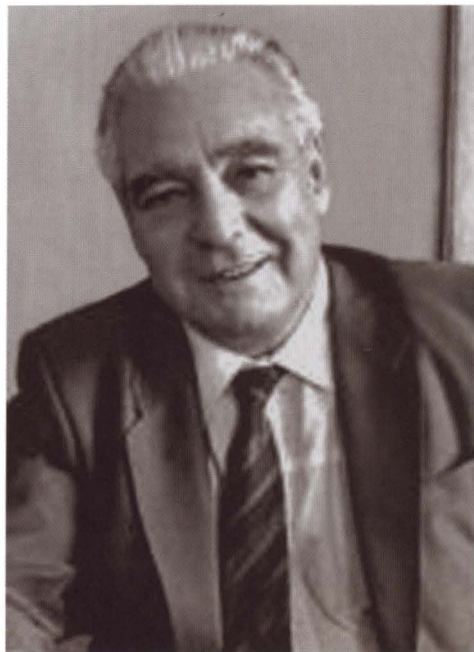
В целях обеспечения единства и целостности Советского Союза, сохранения государственности, суверенитета, территориальной целостности, безопасности нашего Отечества, в результате всенародного референдума о сохранении Союза Советских Социалистических Республик; руководствуясь максимально возможными интересами народов нашей Родины, всех советских людей,

ЗАЯВЛЯЕМ:

1. В соответствии со статьей 127^а Конституции СССР и статьей 2 Закона СССР «О личном режиме чрезвычайного положения» и для вынужденного расширения сферы своего полномочия и необходимости принятия срочных решительных мер по предотвращению сплочения общества и общенациональной катастрофы, обеспечения законности и порядка, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года.
2. Установить, что на всей территории СССР Актуальное верховенство имеет Конституция СССР и законы СССР.
3. Для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Валентин С. Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В. А. — председатель КГБ СССР, Галазов В. С. — премьер-министр СССР, Пурто В. К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В. А. — пред-седатель Крестянского союза СССР, Ткачев А. И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Яков Д. Т. — министр обороны СССР, Янаев Г. И. — к. о. Президента СССР.
4. Установить, что решения ГКЧП СССР обязательны для государственного аппарата, всех органов власти и управления, должностных лиц и граждан на всей территории Союза ССР.

**Г. ЯНАЕВ,
В. НАВЛОВ,
О. БАКЛАНОВ.**

18 августа 1991 года.

Генерал-полковник
В. Ф. Грушко,
первый заместитель
председателя КГБ СССР

Генерал-лейтенант
В. М. Прилуков,
заместитель
председателя КГБ
СССР, начальник
УКГБ по г. Москве
и Московской области

Генерал-лейтенант
Ю. С. Плеханов,
начальник
Службы охраны
КГБ СССР

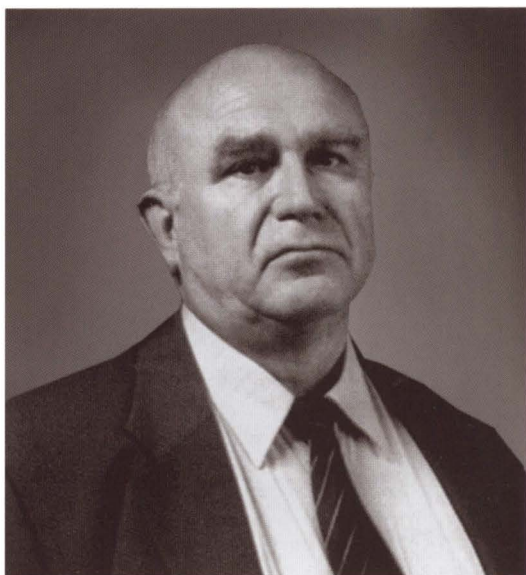

Генерал-майор
В. В. Генералов,
заместитель
начальника
Службы охраны
КГБ СССР

Командир
группы «Альфа»
генерал-майор,
Герой Советского
Союза
В. Ф. Карпухин

Командир группы
«Вымпел»
полковник
Б. П. Бесков

**В. А. Крючков и начальник Аналитического управления КГБ СССР
генерал-лейтенант Н. С. Леонов**

В следственном изоляторе «Матросская Тишина»

Коллегия КГБ СССР и начальники территориальных управлений
госбезопасности. *Июль 1990 г.*

Во время судебного заседания по делу ГКЧП. М. С. Горбачёв присутствует в качестве свидетеля

Члены ГКЧП в перерыве между заседаниями суда

Известие
об освобождении
из-под ареста
застало Крючкова
на больничной
койке

Первый день
на свободе.
Слева направо:
адвокат Ю. П. Иванов,
сын Сергей, супруга
Екатерина Петровна;
справа: сын Алексей.
Январь 1993 г.

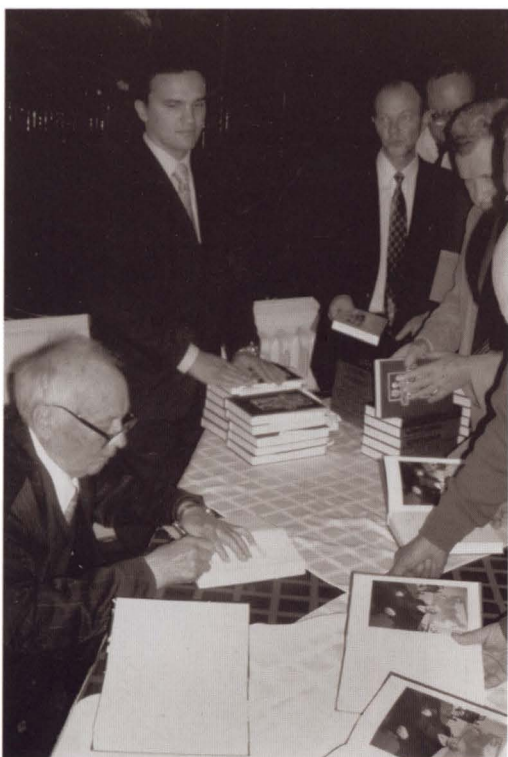
Первомайская демонстрация 1993 года

Последний оплот Советов расстрелян из танков.
Верховный Совет РФ 4 октября 1993 г.

Среди друзей –
ветеранов органов
госбезопасности

На презентации
книги «Личность
и власть»

Новоселье на даче в подмосковном Беспятове

Близкие – рядом...

Таким он остался в их памяти

Сила разведки и органов госбезопасности – в премьественности.
В. А. Крючков и руководитель Службы внешней разведки РФ
в 2000–2007 годах С. Н. Лебедев

на СССР, в течение многих лет контролировать крупнейший стратегический плацдарм и осуществлять мощное влияние в этом действительно жизненно важном для нас регионе мира.

По своим целям и задачам миссия всех советских людей, воевавших и работавших в Афганистане, носила благородный характер. Великий интернациональный смысл помощи Советского Союза заключался в том, что интересы двух народов — советского и афганского — совпадали и не имели каких-либо коренных или неразрешимых противоречий.

Любая война неизбежно оборачивается многочисленными жертвами. Светлую память о погибших советских воинах чтят и хранят в народе. Нужно только ясно представлять, что сложили они голову не напрасно. Благодаря их подвигу Советскому Союзу удалось предотвратить трагическое развитие событий, назревавших в конце 1970-х годов у южных рубежей нашей родины.

Воины-«афганцы» заслуженно занимают ратный пьедестал рядом с теми, кто одержал историческую победу в Великой Отечественной войне. Ведь один из главных итогов Афганской войны заключается в том, что Советская армия в Афганистане подтвердила свою высокую боеспособность, а её офицеры и солдаты — умение воевать, стойкость и преданность родине. О военной подготовке и высоком моральном духе советского солдата среди простых афганцев ходили легенды. Автору приходилось много раз слышать, с каким уважением говорили они об этих качествах советских воинов, вселявших страх в моджахедов. И то, что бандформирования уже после первых месяцев военных действий, с самого начала 1980-х годов, поменяли тактику, резко поубавили свою агрессивность и стали избегать открытых боестолкновений, стало следствием именно этого страха. Но разве могли моджахеды рассчитывать на успех, используя выстрелы из-за угла, засады, полагаясь на «минную войну», в которой чаще всего гибли мирные жители?

Не случайно последние советские части и подразделения выходили из Афганистана с развёрнутыми боевыми знамёнами — с достоинством и сознанием выполненного долга.

Отметим, что в организованный вывод советских войск из Афганистана внесла свою весомую лепту и разведка КГБ, благодаря эффективной работе которой было сохранено немало человеческих жизней. Накануне вывода наших

войск из Афганистана Комитет госбезопасности, который к этому времени возглавил Крючков, сумел организовать при посредничестве Ясира Арафата¹ негласную встречу наших представителей с Ахмад Шахом Масудом, которая состоялась на территории нейтрального государства — в Тунисе. От КГБ в этой встрече участвовал уже знакомый нам А. Т. Голубев, от МИДа — чрезвычайный и полномочный посол А. С. Чернышёв. Им предстояло договориться с главарями душманских группировок, которых представлял Ахмад Шах Масуд, о том, чтобы завершающий этап вывода войск прошёл в спокойной обстановке, без боестолкновений, ненужных потерь с обеих сторон и жертв среди мирного населения. Ахмад Шах, контролировавший в то время значительные территории, прилегающие к трассе Кабул — Хайратон, по которой выходили из Афганистана наши основные силы, заявил, что ни одного выстрела со стороны его группировок не будет.

Сразу скажем, что Ахмад Шах своё слово сдержал. Но сразу же и оговоримся: этот факт, как и его последующие действия на протяжении целого ряда лет, вплоть до гибели в 2001 году, — отнюдь не основание для идеализации и героизации Ахмад Шаха как «общенационального» лидера, что мы часто видим во многих российских публикациях последних лет. На его совести — тысячи жизней советских военнослужащих, погибших на главной транспортной артерии Афганистана, соединявшей Кабул с советским Термезом, в Пандшерском ущелье и других северных и северо-восточных районах страны. Ахмад Шах всегда был непримиримым противником политики национального примирения, а женеvские соглашения по Афганистану воспринимал как выпавший ему дополнительный шанс для создания самостоятельного «исламского государства таджиков», включавшего контролируемые его бандформированиями территории. И не случайно, что правительство Наджибуллы было свергнуто именно отрядами моджахедов Ахмад Шаха Масуда.

Провозгласив себя сторонником «централизованного афганского государства», Ахмад Шах полагал, что власть в стране будут осуществлять руководители так называемого Северного альянса — временного и зыбкого союза наиболее влиятельных полевых командиров вооружённой оппо-

¹ *Ясир Арафат* — видный политический деятель, председатель Организации освобождения Палестины (1969–2004), председатель Палестинской национальной администрации (1994–2004).

зиции северной части Афганистана, состоявшей в основном из таджиков, узбеков, а также хазарейцев и некоторых других национальных меньшинств. Есть все основания считать, что, постоянно ставя во главу угла национальные интересы таджиков, он не имел какого-либо представления о всей сложности разрешения национального вопроса в Афганистане, если, конечно, это вообще его беспокоило.

В 1980-е годы советская сторона считала Ахмад Шаха Масуда одним из наиболее гибких полевых командиров, с которым *иногда* можно было договариваться. Но эта гибкость отнюдь не свидетельствовала о его дальновидности. Она была следствием реальной оценки Ахмад Шахом неодолимой силы советского воинского контингента и понимания того, что население подконтрольных ему районов устало от войны и, в общем-то, довольно благосклонно относилось к *шурави* — советским людям.

В январе — феврале 1989 года Ахмад Шах своё слово сдержал. Сдержал, несмотря на то, что 23 января против его бандформирований началась крупномасштабная операция «Тайфун» с применением мощных бомбово-штурмовых и артиллерийских ударов. Инициатором этой нелепой затеи, повлёкшей гибель множества мирных жителей, стал министр иностранных дел Шеварднадзе, который встречался накануне с Наджибуллой, якобы просившим его «нанести по Ахмад Шаху решающий удар». Несмотря на резкие возражения командования 40-й армии и военных специалистов, находившихся в Афганистане и владевших обстановкой, такой приказ войскам был отдан.

Просьбу Наджибуллы, которого мы оставляли один на один со свирепым врагом, ещё как-то можно понять. Но чем можно объяснить и оправдать действия наших партийных лидеров, принявших такое решение?

«Конечно, министру иностранных дел СССР, — пишет известный и авторитетный историк Афганской войны А. А. Ляховский, — трудно было понять настроения генералов, офицеров и солдат, которые не хотели воевать, уходя из Афганистана. Никому не хотелось убивать и погибать напоследок. Но советские партийные функционеры придерживались иного мнения... Никакие возражения, доводы и аргументы командования 40-й армии о нецелесообразности подобных действий в расчёт не принимались»¹.

¹ Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004. С. 671.

Какими бы мотивами ни руководствовались в Москве, операция «Тайфун» вылилась в крупнейшую военную и политическую провокацию. Под занавес боевых действий она дала афганской вооружённой оппозиции и значительной части населения Афганистана веские основания говорить о том, что русские, оставившие на прощание «чёрную метку», способны на вероломство.

Операция «Тайфун» нанесла необратимый урон политике национального примирения в Афганистане, которая за два с лишним года кропотливой, тяжелейшей работы наших дипломатов, советников и специалистов обрела реальные черты и стала приносить первые осязаемые результаты. Во всяком случае, альтернативы этой политике не было, что подтвердил и ход дальнейших событий в Афганистане, который вот уже почти 40 лет находится в состоянии непрерывной и кровопролитной войны.

Ничем не оправданные боевые действия накануне завершения вывода советских войск вполне вписываются в контекст той политики горбачёвского руководства СССР, которая проводилась после заключения женевских соглашений по Афганистану. Как писал Крючков, «советская сторона послушно выполняла и даже старательно перевыполняла условия женевских соглашений... Надо вещи называть своими именами: Москва предала своих афганских друзей...».

После завершения вывода войск, в феврале 1989 года, для обсуждения с руководством страны дальнейших перспектив развития в новых условиях в Афганистан выезжала группа во главе с Шеварднадзе. Её прогнозы были крайне пессимистичны: месяц, от силы два — и режим Наджибуллы падёт.

«Я был в полном одиночестве, — пишет Крючков, — когда говорил, что новый Афганистан может выстоять.

Прошёл месяц, второй, а Кабул стоял и, более того, положение вокруг столицы даже укрепилось. Спустя полгода стали свободными для транспорта дороги на Кандагар (юг страны) и на Герат (запад). Практически без перерывов функционировала автострада на Джелалабад — город на востоке страны, недалеко от границы с Пакистаном. Попытки отдельных оппозиционных сил организовать наступление на некоторых участках довольно быстро и эффективно пресекались. Для многих такое положение явилось полной неожиданностью.

У Наджибуллы, всего руководства поднялось настроение, возросла уверенность в победе»¹.

Автор готов подтвердить оптимизм Крючкова личными наблюдениями и впечатлениями. Дело в том, что ему довелось находиться в Афганистане и в период вывода из страны 40-й армии, и спустя несколько месяцев после того, как последние наши части уже вернулись домой. Поначалу, в январе—феврале 1989 года, в настроении и поведении афганцев, за их решимостью и готовностью следовать избранному курсом угадывались тревога и подавленность. Да это и понятно: ведь мы покидали людей, которые поверили в нас, пошли за нами, до последнего верили, что мы их не оставим посреди пути.

Далеко не все из тех, кто помогал афганцам налаживать новую жизнь, в те дни испытывали, казалось бы, вполне естественную радость в преддверии скорого возвращения домой. На многих давило чувство вины. Когда вспоминаешь годы совместной работы с афганцами, на память приходят стихи поэта и художника, одного из наших военных советников в Афганистане, генерала В. П. Куценко:

Ну что тебе сказать, мой друг Омар?
Вот и пришла пора нам расставаться.
Я ухожу, не затушив пожар,
Ты остаёшься до конца сражаться...
Я не забуду твой прощальный взгляд,
Нежданных слёз, блеснувших на ресницах.
Прости меня, афганский друг и брат,
За то, что не могу я раздвоиться.

Читая воспоминания Крючкова, посвящённые афганской эпопее, видно, что и он испытывал подобные переживания...

Прошло буквально два-три месяца после вывода советских войск, и настроение афганцев резко изменилось — они воспрянули духом, поверили в собственные силы. Пришли первые крупные победы, одержанные над моджахедами в стратегически важных районах страны. Автор, который в те дни принимал участие в торжествах по случаю 11-й годовщины Апрельской революции, всё это видел своими глазами. Позволю себе процитировать выдержку из моего кабульского репортажа, который в те дни был опубликован в «Комсомольской правде»:

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 262.

«Не сбылись надежды тех, кто предсказывал неминуемый крах законного афганского правительства после вывода ограниченного контингента советских войск, и развеяли их в первую очередь защитники Джелалабада. Среди участников состоявшегося военного парада — только что вернувшийся из провинции Нангархар майор Расул Абдулрасул. Расулу едва минуло тридцать, но за плечами у него уже боевой путь в целых десять лет, отмеченный орденом Красного Знамени, Звёздами второй и третьей степеней, медалями “За отвагу”. Со знанием дела разбирает он причины успехов народной армии в последние месяцы. Сыграли свою роль воспринятый от советских товарищей по оружию военный опыт, современная техника. *Но главное — резко изменился моральный климат в афганских подразделениях. Исчезли иждивенческие настроения, когда они оказались лицом к лицу с коварным врагом, попирающим голос разума и совести, национальные интересы Афганистана.*

Эти же мысли высказал 23-летний офицер национальной гвардии Ханиф Атмар. Три недели назад в бою он лишился ноги, получил тяжёлые осколочные ранения. На прощание, волнуясь, с трудом приподняв голову, он попросил меня через газету передать искренний привет бывшим воинам-интернационалистам.

Может быть, и рано ещё предсказывать окончательные итоги боевых действий в Нангархаре, Кандагаре, Хосте. Но уже вполне очевидно: народ поверил в силу своих защитников...»¹

В этой статье автор попытался передать атмосферу, царившую тогда в афганской столице. Она в полной мере отражала и оптимистические настроения, твёрдую решимость руководства страны отстоять демократические завоевания, достигнутые с помощью Советского Союза. В памяти осталась обстоятельная беседа с одним из ближайших сподвижников Наджибуллы, секретарём и членом Политбюро ЦК НДПА Фаридом Маздаком, с которым автор в течение нескольких лет находился в дружеских отношениях. Отмечу, что наш с ним разговор проходил в неформальной обстановке, у него дома, и вёлся начистоту. Итог той памятной встречи передают слова Фариды, высказанные тогда на прощание:

— Трудно, но выстоим!
И всё же...

¹ Житнухин А. Кабул: тревоги и надежды // Комсомольская правда. 1989. 29 апреля. № 98 (19498).

Находившемуся фактически в полной изоляции правительству Наджибуллы удалось продержаться у власти ещё около трёх лет. Но оно было обречено. Сразу после августовских событий 1991 года в СССР наша помощь Афганистану стала резко сворачиваться. Ни для кого не секрет, что государство не может обеспечить своё действительное влияние в тех или иных регионах мира, сохранить или упрочить свои внешнеполитические позиции без существенных материальных затрат. А ведь те затраты, которые по обязательствам перед Афганистаном несла наша страна после прекращения военной поддержки законного правительства этой страны в феврале 1989 года, были нам по плечу — даже в условиях политического и экономического кризиса. Во всяком случае, они выглядели просто ничтожными в сравнении с тем невиданным грабежом национальных богатств, который развернулся в нашей стране с середины 1988 года, с принятием Закона «О кооперации в СССР», после чего жульнические кооперативы словно клопы присосались к кровеносным артериям советской экономики, и принял астрономический размах в эпоху ельцинского правления.

Но о какой поддержке могла идти речь, если министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев считал, что урегулированию ситуации в Афганистане «мешает только советская поддержка экстремистов (!) во главе с Наджибуллой»? С 1 января 1992 года Россия прекратила поставки всех вооружений, боеприпасов и других видов помощи правительству Афганистана, и ситуация в стране стала резко ухудшаться. Особенно тяжело на положении армии и населения сказалась нехватка топлива и продовольствия. На этом фоне оппозиционные силы развернули против правительства Наджибуллы агитационную и подрывную деятельность, которая, что неудивительно в таких условиях, давала свои результаты. В деморализованной партийно-государственной верхушке вновь вспыхнули распри, обострились былые противоречия. Контроль над ситуацией в стране был полностью утрачен. В апреле 1992 года голодный и промёрзший за зиму Кабул пал — его практически без боя заняли моджахеды. А в 1996 году войска Ахмад Шаха Масуда (к тому времени — министра обороны Афганистана) оказались бессильны перед талибами, установившими в столице и на большей части территории страны режим средневекового мракобесия — так называемый Исламский Эмират Афганистан.

Напомним, что наиболее честные и ответственные

представители советского руководства ко времени принятия позорного и предательского решения о прекращении помощи Афганистану были уже не у дел, а некоторые, и в их числе Крючков, даже находились в тюрьме.

Осмысливая итоги афганской эпопеи, анализируя допущенные просчёты, Крючков не раз подчёркивал, что «формы оказания советской помощи Афганистану могли быть иными». Но нельзя не учитывать суть афганской проблемы, заключавшейся в необходимости учёта интересов Советского государства, что в эпоху тогдашнего противостояния в мире делало этот фактор исключительно весомым аргументом при принятии решений. «Если некоторые полагают, что с противостоянием покончено раз и навсегда, то они глубоко ошибаются. Свидетельство этому — многочисленные военные конфликты... Прежде чем человечество избавится от войн, больших или малых военных конфликтов, от междоусобиц, от жёсткой борьбы на мировых рынках, от политического противоборства, от силового давления, пройдёт ещё немало времени, и будет ли это время исчисляться десятками или сотнями лет, никто сейчас с точностью ответить не сможет».

Дальнейшая судьба Афганистана, ставшего крупнейшим в мире производителем и поставщиком героина и других наркотиков, превратившегося в крупнейшую базу мирового терроризма, читателю хорошо известна. Подтвердилась и мудрость народной пословицы: «Свято место пусто не бывает». В 2001 году Соединённые Штаты Америки при участии партнёров по НАТО начали проводить в Афганистане крупномасштабную операцию под пафосным названием «Несокрушимая свобода». Официально военное вторжение было объявлено ответом на террористические акты, совершённые в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Однако обещанное виновникам страшной трагедии возмездие обернулось фарсом, поскольку основными объектами военных действий стали террористические организации и их главари, вскормленные и выпестованные во время войны с Советским Союзом самими американцами.

Но главное, трагедия афганского народа продолжается, и ей не видно конца. А в последнее время военно-политическая обстановка в Афганистане резко ухудшилась, о чём, в частности, рассказал автору ответственный секретарь группы Совета Федерации РФ по сотрудничеству с Национальной ассамблеей Афганистана, ветеран афганских событий В. М. Некрасов. Вячеслав Михайлович — человек

компетентный, знает Афганистан не понаслышке. Достаточно сказать, что только в послевоенный период он был в этой стране около шестидесяти раз, причём посещал не только крупные города, но и афганскую глубинку, а в мае 2015 года с группой ветеранов Афганистана в Пандшере, на перевале Саланг, развернул легендарное Знамя Победы.

По свидетельству Некрасова, за 14 лет пребывания в Афганистане так называемые Международные силы содействия безопасности во главе с США обеспечили в стране такую «стабильность», что в некогда достаточно безопасные северные провинции теперь и самолётом не долетишь. Боевики-исламисты контролируют большую часть Бадахшана, захватили почти всю провинцию Кундуз — обширные территории, прилегающие к границе с Таджикистаном, откуда рукой подать до Узбекистана и Туркменистана.

Кстати, как сообщали западные СМИ в декабре 2015 года (в частности, британская *The Times*), до 1,6 тысячи боевиков расколовшегося движения талибан, присягнувших на верность ИГИЛ, подчинили себе значительную часть четырёх провинций, расположенных к югу от Джелалабада. Они действуют там с той же жестокостью, которая свойственна террористам группировок в Сирии и Ираке, применяя пытки и казни. Десятки тысяч афганских семей вынуждены были покинуть свои дома, а попытки афганской армии противостоять действиям джихадистов не привели к успехам. Ежемесячно потери афганской армии составляют до пятисот человек.

После многих лет «подготовки» зарубежными инструкторами афганских военных вдруг оказалось, что национальной армии не хватает самого элементарного — стрелкового оружия и боеприпасов. О танках, артиллерии, вертолётах и речь не идёт — американцы попросту боятся передавать их афганской армии, опасаясь, что они могут быть повернуты против них.

Главная причина нынешней запутанной и противоречивой военно-политической обстановки в Афганистане — политика, проводимая Соединёнными Штатами. На словах они якобы стремятся стабилизировать обстановку, развивать демократические институты, а на деле только усиливают напряжение в странах Центральной Азии и из кожи вон лезут, чтобы ослабить влияние России в регионе. С этой целью в труднодоступные районы северной и северо-восточной части Афганистана были передислоцированы боевики талибана, Исламского движения Узбекистана,

появились крупные отряды «Исламского государства»¹. Там же организовано несколько лагерей по подготовке стрелков, подрывников, связистов, операторов противотанковых средств. В них проходят обучение выходцы из Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана, России, Китая (в основном уйгуры). Часть из них после обучения воюет против правительственных войск в Афганистане, часть отправляется в Сирию, часть возвращается по домам и переходит до поры до времени в «спящий режим».

После ухода из страны большинства подразделений международной коалиции значительная часть населения потеряла работу и, соответственно, средства к существованию. Среди молодёжи в возрасте от двадцати до тридцати лет, то есть основной части жителей Афганистана, безработица составляет 70 процентов. Стоит ли удивляться размаху наркопроизводства, объёмы которого за 14 лет выросли в 40 раз, и тому, что основным «орудием труда» афганца стал автомат? Какой выбор стоит перед человеком, лишённым средств к существованию, если оплата боевиков ИГИЛ практически вдвое превышает денежное довольствие военнослужащего регулярной армии, нетрудно догадаться.

На фоне резкого неприятия деятельности западной коалиции в стране растёт исламизация. Но одновременно всё острее даёт себя знать и другой процесс: простые афганцы снова обращают свой взор на Россию!

Всё познаётся в сравнении. По наблюдениям Некрасова, сейчас большинство жителей Афганистана по-иному оценивают события 1980-х годов и сожалеют о том, что многие из них, не разобравшись в происходившем, поддавшись на всевозможные пропагандистские уловки и денежные подачки, были втянуты в бессмысленные боевые действия против советских войск. Один лишь пример из нынешней жизни страны: улицы многих городов и кишлаков Афганистана (особенно его центральной и северной частей), не оккупированных формированиями талибов и ИГИЛ, сегодня украшены портретами... Мухаммеда Наджибуллы.

В этом видится серьёзный урок, который особенно важен для современных политиков. На каком-то историческом этапе народ можно ввести в заблуждение, но его

¹ «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) — организация, запрещённая в России. Афганцы называют боевиков этой террористической организации словом *даеш*, созвучным арабской аббревиатуре ДАИШ.

нельзя обмануть — рано или поздно, но правда всё равно пробьёт себе дорогу к жизни.

Сегодня в связи с военной операцией против ИГИЛ в Сирии часто можно услышать «нравоучительные» наиздания в адрес России со стороны западных политиков и российских либералов, суть которых сводится к тому, что, дескать, не нужно забывать уроков Афганской войны, которая якобы стала одной из главных причин крушения Советского Союза. За этими снисходительными поучениями видится самодовольство людей, уверенных в том, что им удалось за 25 лет вбить в сознание россиян пропагандистский миф о том, что Афганистан был для нашей страны роковой ошибкой, такой же, например, как Вьетнам для Соединённых Штатов Америки.

Понятно, что главные виновники развала СССР стремятся свалить всё с больной головы на здоровую. Не было бы грубого вмешательства Запада во внутренние дела Советского Союза и предательства окопавшейся в стране «пятой колонны» национальных интересов СССР, кризис 1980-х годов мы смогли бы преодолеть. Сейчас, на фоне куда более глубокого системного кризиса капитализма, в результате которого в России уже свыше 20 миллионов человек живут за чертой бедности, а большая часть населения едва сводит концы с концами и потеряла уверенность в завтрашнем дне, всё больше людей осознают суть и масштабы трагедии, постигшей нашу страну на исходе второго тысячелетия.

Одно из следствий этой трагедии — утрата наших позиций на Ближнем и Среднем Востоке. Время покажет, сможет ли Россия достойно ответить на вызовы, перед которыми поставила её политика западных держав в этом взрывоопасном регионе мира. Ведь приходится начинать всё сначала, поскольку, как считал и Крючков, мы здесь потеряли всё, чего добились за долгие годы не проигранной нами Афганской войны¹.

Отдельная тема — наши нынешние отношения с Афганистаном, который мы бросили в начале 1990-х на произвол судьбы. У вероломства и предательства есть одна особенность — они ничем не искупаются и навечно остаются тёмным пятном в истории страны...

¹ См.: Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 209.

Глава шестая
ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

Председателем КГБ СССР В. А. Крючков был назначен в недоброе время. Над страной сгустились тучи, хотя осенью 1988 года ещё мало кто предполагал, что пройдёт немного времени — и «свежий ветер перемен» обернётся трагическим бедствием, последствия и масштабы которого мы и по нынешний день осознали далеко не в полной мере.

Тем не менее признаки грядущей катастрофы, пагубный характер горбачёвских реформ были видны ещё до того, как страна перешагнула роковую черту. Например, в июле 1988 года на XIX партконференции известный советский писатель Юрий Бондарев сравнил перестройку с самолётом, «который подняли в воздух, не зная, есть ли в пунктах назначения посадочная площадка». Её, как известно, не оказалось.

К Бондареву не прислушались — Горбачёву ещё верили. Верил ему и Крючков, когда в сентябре 1988 года тот предложил ему возглавить Комитет государственной безопасности.

«В то время у меня, — пишет Крючков, — не было каких-либо особых сомнений в линии Горбачёва, в добронамеренности его устремлений. Я с доверием относился к его многочисленным заявлениям укрепить государство, Союз, придать развитию более динамичный характер и выйти на новые рубежи. Поэтому было огромное желание ему помочь».

Идеи обновления общества мне импонировали, обострённое изложение проблем я принимал за искренность, простота в общении подкупала. Как и многие лидеры его уровня, он поддавался влиянию, внимательно прислушивался к тому, что говорили о нём в стране и особенно за рубежом.

Мне кажется, в ту пору Горбачёв и мысли не допускал, что в 1991 году произойдут такие кардинальные изменения, что страна окажется в таком плачевном, трагическом положении, сам он в личном плане будет так беспомощен, а его популярность упадёт до нулевой отметки. Ведь на словах он клялся, что не допустит развала Союза, что ни одна из республик, включая прибалтийские, не уйдёт, постоянно подчёркивал, что этого нельзя допустить. «Да мы просто не сможем разойтись!» — не раз восклицал он. Сколько раз он заверял, что не мыслит будущее страны вне социалистического выбора, боготворил партию, называл себя её воспитанником».

Нет никаких оснований упрекать Крючкова в политической близорукости, в том, что он не смог вовремя распознать подлинное лицо генсека. Ведь даже год спустя, на сентябрьском пленуме 1989 года, Горбачёв заявлял: «Стержнем предлагаемой политической платформы КПСС является подход к решению ближайших и стратегических задач советского общества на путях обновления социализма. Мы остаёмся приверженными выбору, сделанному в Октябре 1917 года, социалистической идее, но уходим от догматического её понимания, отказываемся приносить в жертву схематическим построениям реальные интересы людей. Ставим задачу шаг за шагом воплощать в жизнь принцип социальной справедливости...»

Однако не было у Крючкова и особых иллюзий, о чём говорит хотя бы такой случай. В январе 1988 года (ещё за несколько месяцев до нового назначения) Владимиру Александровичу было присвоено воинское звание генерала армии. С этим событием его поздравил по телефону А. А. Громыко, который в ходе разговора обронил такие слова: «Боюсь за судьбу государства... Яковлев и Шеварднадзе — не те люди, куда зайдут они вместе с Горбачёвым?»¹

Слишком уважал Крючков умудрённого жизнью политика, чтобы не прислушаться к его мнению. Слова Громыко Крючков воспринял как серьёзное предупреждение и впоследствии часто вспоминал этот разговор...

О причинах краха перестройки, которая в конечном счёте привела к крушению Советского Союза и полному уничтожению завоеваний социализма в нашей стране, на-

¹ В 1985 году после смерти К. У. Черненко члены Политбюро предлагали Громыко сосредоточиться на работе в партии и дать согласие на избрание Генеральным секретарём, но он отказался. О чём потом, наблюдая за Горбачёвым и его командой, сожалел.

писано такое множество трактатов, исследований и статей, что даже беглое и поверхностное обращение к этой теме в биографической книге может вызвать у читателя естественную реакцию отторжения. Тем не менее некоторые принципиальные моменты мы не сможем обойти стороной, поскольку они, на наш взгляд, помогут лучше понять позицию Владимира Александровича на посту председателя КГБ, мотивы тех или иных его действий, причины, заставившие его кардинальным образом изменить отношение к политическому курсу команды Горбачёва.

Либеральная пропаганда до сих пор пытается внушить россиянам, что в основе распада СССР лежали исключительно внутренние объективные предпосылки и всё, что происходило, было для страны исторически неизбежно. А поскольку всё было предрешено и не зависело от субъективных факторов, то борьба за спасение Советского Союза и сохранение социалистического строя якобы вообще не имела смысла.

Но настолько ли были неразрешимы кризисные и застойные проблемы, которые привели к замедлению роста экономики СССР в 1980-е годы? Обратимся к мнению западных специалистов, которое так ценится нашими либералами.

Пытаясь понять, существовали ли объективные предпосылки столь быстрого, удивившего мир распада СССР, американский профессор из Уэслианского университета (*Wesleyan University*) Питер Рутланд пришёл к выводу, что положение в советской экономике было действительно довольно неприятным, однако подчёркивал, что «хронические болезни, в конце концов, не обязательно смертельны». А известный шведский экономист, специалист в области российской политики и экономики Андерс Ослунд (Институт международной экономики им. Петерсона) считал, что с 1985 по 1987 год ситуация «вовсе не была драматической».

Крупный экономист и социолог, глава Центра российских исследований при Американском институте предпринимательства (*American Enterprise Institute*) Леон Арон убеждён, что веских причин для скорой гибели Советского Союза не было. В 1985 году, отмечает он, СССР располагал достаточными природными и человеческими ресурсами, чтобы выйти из кризиса. И ни один из ключевых экономических показателей до 1985 года не указывал на приближение катастрофы. С 1981 по 1985 год рост ВВП страны хотя

и несколько замедлился по сравнению с 1960-ми и 1970-ми годами, но всё же составлял в среднем 1,9 процента в год. Вряд ли можно назвать такое положение, сохранявшееся вплоть до 1989 года, катастрофическим. Доходы страны в 1985 году возросли более чем на 2 процента, а зарплаты продолжали расти в следующие пять лет, вплоть до 1990 года, в среднем на 7 процентов.

Никакого коллапса в экономике СССР не было.

Подобные оценки вполне соответствуют результатам всестороннего анализа состояния советской экономики и перспектив её развития, проведённого в 1982 году Центральным разведывательным управлением по запросу Конгресса США в связи с избранием Ю. В. Андропова Генеральным секретарём ЦК КПСС. В представленном Конгрессу докладе сенатор Уильям Проксмайер подчеркнул следующее:

«В СССР наблюдается неуклонное снижение темпов экономического роста, однако в обозримом будущем этот рост будет оставаться положительным.

Экономика функционирует плохо, *однако это не означает, что советская экономика утрачивает жизнеспособность или динамизм* (курсив мой. — А. Ж.)...

Обычно западные специалисты, занимающиеся советской экономикой, уделяют главное внимание её проблемам. Однако опасность такого одностороннего подхода заключается в том, что, игнорируя положительные факторы, мы получаем неполную картину и на основе её делаем неверные заключения...

Необходимо давать себе отчёт в том, что Советский Союз, хотя он ослаблен в результате неэффективного функционирования сельскохозяйственного сектора и обременён большими расходами на оборону, в экономическом отношении занимает второе место в мире по уровню валового национального продукта, имеет многочисленные и хорошо подготовленные производительные силы, высоко развит в промышленном отношении...

Следует серьёзно смотреть на вещи и подумать о том, что может произойти, если тенденции развития советской экономики из отрицательных станут положительными»¹.

В развёрнутом тексте доклада, подготовкой которого руководил председатель Национального совета разведслужб ЦРУ Генри Роуэн, также отмечалось:

¹ Цит. по: *Хлобустов О. М.* Август 1991 года. Где был КГБ? М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. С. 69–71.

«Мы не считаем, что экономический крах — резкое и длительное падение ВВП — возможен даже в отдалённом будущем.

Наши прогнозы указывают на то, что:

рост ВВП будет идти медленно, но останется положительным... Мы полагаем, что в обозримом будущем ежегодный рост составит в среднем от одного до двух процентов...;

с середины 60-х годов СССР увеличил свой арсенал межконтинентальных средств доставки ядерного оружия почти в 6 раз, уничтожив, таким образом, количественное превосходство США в этой области и обеспечив себе возможность нанесения ответного удара...;

за период с 1950 по 1981 год ВВП СССР, по данным ЦРУ, выросал в среднем на 4,6 процента в год, тогда как рост ВВП США за тот же период составил в среднем 3,4 процента в год... Сами масштабы экономической деятельности, отражающие её значительный рост со времён Второй мировой войны, являются одной из самых сильных сторон экономики СССР;

валовый национальный продукт Советского Союза за 1982 год составит около 1,6 триллиона долларов, т. е. примерно 55 процентов ВВП США...;

рост экономики может оказаться медленным... если значительно усугубятся цинизм и безразличие населения (! — А. Ж.) или возникнут серьёзные массовые беспорядки»¹.

Обратим внимание на такую деталь: в докладе нигде не упоминается о том, что сдерживающим началом для советской экономики или причиной её кризиса может явиться социалистическая система хозяйствования, о чём начали трубить наши либералы с конца 1980-х годов. Даже у американцев, руководствовавшихся сугубо прагматическим подходом к оценке состояния СССР, не было оснований сомневаться в прочности экономического потенциала социализма. Вполне очевидно, что сложившаяся система социально-экономических отношений в стране не могла рассыпаться сама по себе — для этого надо было сильно постараться.

Такого же мнения был и Крючков. В частности, ссылаясь на данные ООН, он, например, отмечает в своих воспоминаниях, что в 1985—1990 годах наш, по мнению ЦРУ, *неэффективный сельскохозяйственный сектор* давал столько продукции, что мог бы по научно обоснованным нормам

¹ См.: Указ. соч. С. 72—76.

обеспечить продовольствием значительно больше населения, чем тогда проживало в СССР. Показательной была и ситуация, сложившаяся в 1990 году: собранный тогда урожай зерна составил 245 миллионов тонн. А дополнительно к этому было закуплено ещё и 44 миллиона тонн за рубежом. Это позволило СССР сравняться с Соединёнными Штатами по количеству зерна на душу населения — 850 килограммов.

Как раз в это же время Советский Союз посетил министр сельского хозяйства США с большой группой специалистов и советников. Они, в частности, ознакомились с состоянием сельскохозяйственного производства в Краснодарском крае. При критической оценке технического обеспечения села, гости остались в восторге от людей, которые трудились на земле. Американцы пришли к выводу: именно люди, коллективный характер организации труда — наше главное преимущество. А как заметил видный американский бизнесмен Джон Кристал, разгоня колхозы, Россия пошла вспять.

Увы, в конце 1980-х годов у нас в моду вошли «асфальтовые агрономы» вроде Ю. Д. Черниченко, утверждавшие на всех перекрёстках, что нас спасут только фермеры, и игнорируя тот факт, что в любимых ими западных странах крупное товарное производство сельхозпродукции являлось (и остаётся) основой сельскохозяйственного сектора экономики.

Развернулся настоящий погром села. Если в 1990 году число убыточных хозяйств не превышало трёх процентов, то в 1997-м оно достигло 82 процентов.

Выступая 26 ноября 2015 года на телеканале «Россия-24» по проблемам импортозамещения в сельскохозяйственном производстве, министр сельского хозяйства РФ А. Н. Ткачёв много говорил о достижениях в производстве зерна и отмечал, что сейчас значительная его часть, не в пример тому, что было в Советском Союзе, идёт на экспорт.

Мы не будем вдаваться в структуру зернового рынка и в факторы, от которых она зависит¹, а остановимся лишь на ключевом показателе — производстве зерна на душу населения, который в 1990 году, как нам уже известно, составлял 0,85 тонны и практически вдвое (как и на протяжении

¹ Давно известно, например, что царская Россия экспортировала зерно в то время, когда основная масса населения жила впроголодь, и даже в периоды неурожая и массового голода.

двух предшествующих десятилетий) превышал среднемировой показатель. Сравним: в России спустя почти четверть века (в 2013 году) производство зерна на душу населения составило около 0,65 тонны, и по этому показателю она пропустила вперёд не только высокоразвитые страны, но и Казахстан, Румынию, Белоруссию. Отставание этой отрасли сельского хозяйства в наши дни становится особенно ощутимым, если объёмы её продукции сопоставить с производством зерна в СССР в 1970-е годы — в период наивысшего расцвета советской экономики¹. Да и не может быть иначе, поскольку в современной России около 40 миллионов гектаров некогда пахотных земель не обрабатывается и поросло бурьяном, а большая их часть находится в руках собственников, не озабоченных проблемами развития сельскохозяйственного производства.

Что поделаешь, если не только у значительной части историков и политологов, но и у многих руководителей современной России вошло в привычку даже несомненные успехи Советского Союза показывать в кривом зеркале антисоветизма. Это касается едва ли не всех сфер нашей прошлой жизни, большинства отраслей советской экономики. А ведь именно достигнутый в СССР научный и промышленный потенциал и поныне служит для России твёрдой опорой и надёжным щитом от всевозможных посягательств извне. Лишь один пример: грозные фронтовые бомбардировщики Су-24 и штурмовики Су-25, бомбардировщики-ракетоносцы Ту-160, Ту-95 и Ту-22, боевые вертолёты Ми-24 и многоцелевые Ми-8, задействованные в операции против террористических группировок в Сирии, были разработаны в советских конструкторских бюро, прошли испытания и приняты на вооружение ещё в советское время. Тогда же началась разработка одного из лучших в мире истребителей-бомбардировщиков Су-34...

Мы далеки от мысли идеализировать достижения советской эпохи и закрывать глаза на имевшиеся серьёзные просчёты. К началу 1980-х годов огромное число проблем накопилось в экономике, к развитию которой возобладал догматический подход. Упор на опережающие темпы роста производства средств производства (так называемой группы «А») привёл к значительному отставанию производства

¹ Источник: *Калабеков И. Г. Российские реформы в цифрах и фактах*. М.: Русаки, 2010. Электронная версия книги (<http://refru.ru>) обновлена в 2015 году.

предметов потребления (группы «Б»), что стало сказываться на ухудшении социального самочувствия населения. То, что было необходимо в период создания материально-технической базы социализма, перестало себя оправдывать — нельзя вынуждать людей десятилетиями строить только будущее, довольствуясь ограниченными жизненными благами. Большое отставание наметилось в развитии передовых технологий, электроники, притчей во языцех стали огромные объёмы незавершённого строительства, встречных перевозок, подмена реальных результатов производства «воздушным валом». На обе ноги хромали хранение и переработка сельскохозяйственной продукции, не отвечала элементарным интересам трудящихся система торговли и сферы обслуживания. На промышленных предприятиях с большим трудом пробивали себе дорогу к жизни передовые формы и методы организации труда, отметились как противоречащие самой сущности социализма элементы рыночной экономики.

И всё же даже во всей своей совокупности имевшиеся недостатки не носили рокового характера, ни у кого (в том числе, как мы убедились, и у западных специалистов) не создавали ощущения тупика. В тупик вела деятельность руководящих государственных и партийных органов, в которых с конца 1970-х годов стала преобладать инертность, утрачивалось стремление к новому, передовому. Становилось очевидным, что высшему эшелону власти уже не под силу реализация несомненных преимуществ социалистического строя и возможностей огромного хозяйственного потенциала страны.

Ни для кого не секрет, что основной цементирующей силой политической системы Советского государства являлась КПСС, чья руководящая роль в обществе была закреплена Конституцией СССР. Но роль эта партийным кадрам не давалась вместе с партбилетом — её нужно было доказывать делами. Однако экстенсивный рост численности КПСС, который ошибочно рассматривался как свидетельство авторитета партии и укрепления её связей с народом, привёл к тому, что в неё затесалось много случайных людей, для которых партийный билет был всего лишь пропуском к руководящим должностям, средством достижения личных целей. Постепенно размывались присущие КПСС нравственные императивы, позволявшие говорить о ней как о действительно передовой части общества, способной вести за собой широкие массы. По тем, кто засорил

партию, дискредитировал звание коммуниста, судили об остальных — честных и преданных своей стране партийцах, составлявших основную часть КПСС.

Партия стремительно теряла опору во всех слоях населения, которое в большинстве своём уже давно перестало верить парадным лозунгам и призывам. Её поразила самая страшная болезнь компартий, чреватая летальным исходом, — утрата реальных связей с народом. У значительной части партийных руководителей притупилось восприятие нового, ощущение переднего края, на котором привыкли находиться партийцы предшествующих поколений, терялось умение принимать решения и действовать в неординарных и экстремальных ситуациях.

Формирование новой партийной плеяды (или «элиты», как сейчас модно говорить) проходило в тягучее время, когда основные процессы в обществе развивались без резких колебаний, скорее в силу инерции, все противоречия сглаживались, а острые проблемы, которые ставила жизнь, обходились стороной. Когда же пришла пора ответить на вызовы времени, партия пребывала в растерянности.

Думается, что именно здесь следует искать ответ на вопрос, почему КПСС оказалась неспособной противостоять разрушительным действиям команды Горбачёва. Нет ничего удивительного и в том, что партия проявила полную беспомощность в период дискуссий в обществе, поставивших под сомнение правомерность её идеологической и политической монополии, и, особенно, после марта 1990 года, когда 6-я статья Конституции, закреплявшая руководящую роль КПСС в советском обществе, была отменена.

Но самое трагическое заключалось в том, что в переломные для истории страны годы значительная часть народа, потерявшая веру в партию, от неё отвернулась, пошла на поводу у различных мастей политических авантюристов и дельцов, всплывших на мутной волне перестройки. Знаменитый разведчик Джордж Блейк, который в своё время стал сотрудничать с советской разведкой исключительно по идейным мотивам, в книге воспоминаний «Прозрачные стены», касаясь причин крушения социализма в СССР, пришёл к выводу: советский народ к коммунизму оказался не готов¹.

В том, что такой «готовности» у нашего народа не было,

¹ См.: *Блейк Дж. Прозрачные стены*. М.: Молодая гвардия, 2006. С. 341.

винить надо не простых людей, а партийную «элиту», постепенно растерявшую в послевоенный период всё лучшее, что было создано за годы социалистического строительства. Ю. П. Белов, секретарь Ленинградского обкома, выступая на апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года, отмечал: «Семена профессионального антикоммунизма упали на возделанную почву и в свой час. Авторитет партии был принижен до критической отметки буржуазным образом жизни партийной олигархии... Контрреволюция была вскормлена партийной элитой, а затем и буржуазным перерождением последней. Элитарность партийной жизни — одна из причин антикоммунизма. Его лидеры, его теоретики — Афанасьевы, Поповы — в недалёком прошлом находились в услужении у власть имущих. Происхождение контрреволюции — отечественное, но характер её проявления — импортный... Давно пора признать, что силы международной реакции увидели в перестройке свой шанс для реванша за поражение в Октябре 1917 года. Они не могли его упустить»¹.

Не случайно анализ драматического периода в истории нашей страны Крючков в своих воспоминаниях начинает с последних лет и месяцев жизни Андропова. «Единственное, что удалось сделать Ю. В. Андропову, — как он считал, — это обеспечить улучшение ситуации в стране. К концу 1983 года чётко наметились тенденции к улучшению во многих областях жизни государства. И никакого ухудшения ни по одному из направлений. Это было уже немало. Потому что получила подпитку надежда».

Но, думается, Владимир Александрович не упоминает о главном, хотя, безусловно, и имеет это в виду: Андропов за короткое время нахождения у власти успел встряхнуть страну, пробудить её от летаргического сна. Жёсткая работа по усилению ответственности кадров, наведению порядка и дисциплины на предприятиях и в государственных организациях, соблюдению законности пробудила у людей веру в справедливость, в то, что изрядно разболтанный государственный механизм подтянут должным образом.

Увы, надеждам, связанным с Андроповым, не суждено было сбыться. Причём мало сказать, что всё пошло вскоре по старой, накатанной колее. Смерть Юрия Владимировича вызвала ответную реакцию нездоровых сил общества, которые в период его правления расплзлись по щелям и затаились в ожидании реванша. Ждать долго не пришлось.

¹ Правда. 1991. 4 февраля.

После смерти Андропова «старая гвардия», а она составляла в руководстве КПСС большинство, решила хотя бы на немного отсрочить свой исторический да и физический конец. На что же она рассчитывала? Видимо, на срочный подбор нового руководителя, который обеспечил бы преемственность. Но какую? Ответ читателю известен: к руководству партией и страной пришёл Горбачёв, печальные итоги правления которого хорошо известны.

И здесь напрашивается вопрос, который в печати практически не поднимается, поскольку ответ на него считается известным: а правомерно ли Горбачёву достались лавры первопроходца, взявшего на себя труд вывести партию и страну из застоя?

Мы глубоко убеждены, что и без Горбачёва, ещё к началу 1980-х годов, подавляющее большинство членов КПСС, ядро наиболее честных и ответственных партийных кадров, осознали необходимость решительных перемен в государственной и общественной жизни страны. При этом особенно остро ощущалась потребность в демократизации КПСС, превратившейся, по существу, в жёсткую централизованную структуру, управлявшуюся узким кругом лиц, не подотчётных партийным массам. Все значимые вопросы государственной и партийной работы решались «небожителями», в Политбюро, создавалась лишь видимость их широкого обсуждения на съездах, пленумах, в парторганизациях. Забвению были преданы такие важнейшие нормы демократии, как критика в адрес крупных партийных деятелей, сменяемость высших руководящих органов, а публичные критические замечания в их адрес носили дозированного характера и, как правило, согласовывались «в инстанциях».

Поэтому и выдвижение на пост Генерального секретаря Андропова, много лет возглавлявшего КГБ СССР — организацию, наиболее уважаемую трудящимися, было во многом predetermined характером ситуации, сложившейся в стране. А его деятельность стала действенным ответом на настроения и запросы партийных масс и населения.

Именно осенью 1982 года, после избрания Андропова генсеком, и появились перспективы реальных перемен, ощутимые признаки серьёзных изменений в политическом курсе, зримо поворота КПСС лицом к назревшим, уже неотложным, нуждам народа. В статье «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР» Андропов поднял перед КПСС важную

историческую задачу: «Нам надо трезво представлять, где мы находимся... Видеть наше общество со всеми его возможностями и нуждами...» Для него было ясно: чтобы определить дальнейшие шаги, необходимо всесторонне оценить пройденный путь. Андропов не призывал вернуться назад, к минувшей эпохе революционных преобразований, толчком для которых послужил марксизм. Как истинный первопроходец, он понимал, что верный путь в будущее можно проложить, только опираясь на учение Маркса и Ленина, помогающее «разобраться во всех сложностях современного мира»¹.

Беда Андропова в том, что над ним висел тяжёлый пресс времени — многие назревшие в стране проблемы требовали неотложных преобразований. Демократия начинается с порядка. Любые демократические преобразования в обстановке хаоса и неразберихи порождают уродливое детище — охлократию, власть толпы (что и произошло в начале 1990-х годов). Первые же шаги Андропова по обновлению и укреплению партийно-государственного аппарата, усилению борьбы с коррупцией и злоупотреблениями высокопоставленных чиновников, наведению необходимого порядка и дисциплины во всех звеньях управления и производства были восприняты народом с нескрываемым одобрением. Кадровая революция, которую Андропов начал осуществлять решительно и последовательно, предполагала омоложение его узловых звеньев, укрепление их образованными и высококвалифицированными специалистами, думающими и инициативными, морально чистоплотными людьми. На этих принципах началось и коренное обновление ЦК КПСС.

Юрий Владимирович прекрасно сознавал, что обновление нужно начинать с партии, с руководящей верхушки. За 15 месяцев его правления было смещено 18 министров СССР, переизбрано 37 первых секретарей обкомов КПСС, чья деятельность отдавала рутинной и была далека от возросших требований времени. Вместе с тем в кадровой политике его отличали скрупулёзность и компетентность. Будучи по жизни сторонником взвешенных решений и подходов, он избегал радикальных ломок и не рубил сплеча. И уж совсем недопустимо сравнивать кадровую революцию Андропова с тем безобразным погромом ка-

¹ *Андропов Ю. В.* Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР // Коммунист. 1983. № 3.

дров, который после избрания в конце 1985 года первым секретарём МГК КПСС учинил в Московской городской парторганизации Ельцин.

Начиная с повышения уровня ответственности руководителей и дисциплины, Андропов хорошо понимал, что процесс коренной реорганизации должен быть хорошо продуман и всесторонне обоснован — нельзя враз открывать все шлюзы в то время, когда механизм управления государством серьёзно расшатан и требует капитального ремонта.

Объявив перестройку — без чёткой концепции, без ясных целей, задач и путей их осуществления, — Горбачёв эти шлюзы открыл. И вместе с людьми, искренне надеявшимися на перемены к лучшему и желавшими внести свой вклад в созидательную работу — и в партии, и в государстве, в них хлынули, почуяв хорошую и лёгкую добычу, все, кто ещё не успел «отыграться» после Андропова и жаждал реванша.

Как и у Булгакова на бале Сатаны, были среди них и предатели. Ю. И. Дроздов в «Записках нелегального разведчика» упоминает слова подвыпившего американского разведчика на одной неофициальной вечеринке, адресованные своим советским коллегам: «Вы хорошие парни, ребята. Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеете право гордиться... Но пройдёт время, и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и Госдепартамент у вас наверху».

...Горбачёв предложил Крючкову возглавить КГБ в сентябре 1988 года. После обычных в таких случаях сомнений, высказанных Владимиром Александровичем, и доводов со стороны Михаила Сергеевича, вопрос был решён.

Судя по всему, это назначение не было спонтанным. Мы уже упоминали, что в начале года Крючкову было присвоено звание генерала армии — очевидно, неспроста. И к тому же слухи о больших перестановках, как правило, всегда идут впереди событий; доходили они и до Крюčkова.

Но если Владимир Александрович, не потерявший к тому времени веры в Горбачёва и его реформы, своё согласие на новое назначение дал довольно быстро, то дома это известие было воспринято не так-то просто: Екатерина Петровна не скрывала тревоги. Конечно, в первую очередь её беспокоило то, какая колоссальная дополнительная нагрузка ложится на её мужа, которому в то время было 64 года. Но, думается, опасения у неё вызывали не только возраст и здоровье супруга, и не одна только интуиция вы-

звала предчувствие беды. Как мы знаем, Екатерина Петровна была убеждённым коммунистом, а политическая обстановка в стране свидетельствовала о том, что антисоветские силы пробудились и поднимали голову. Было ясно, что Комитет государственной безопасности не останется в стороне от событий, если их развитие создаст угрозу советскому строю. О том, что такой сценарий возможен, в 1988 году уже говорили открыто. Как показали итоги XIX партконференции, в КПСС обозначился серьёзный раскол на основе идейных противоречий, а в первых крупных национальных конфликтах, особенно Нагорно-Карабахском, показали зубы сепаратисты...

Есть ещё одно важное обстоятельство, связанное с назначением Крючкова. Имеется ряд свидетельств активного участия в его выдвижении А. Н. Яковлева — члена Политбюро, главного идеолога антисоветских сил на завершающем этапе перестройки и по совместительству — серого кардинала в команде Горбачёва.

На этот счёт существует немало мифов, и в одном из наиболее распространённых утверждается, что Яковлева и Крючкова связывали тесные отношения, которые якобы установились ещё в 1960-х годах, когда оба работали в аппарате ЦК КПСС. Конечно, в самом факте возможного знакомства в то время нет ничего предосудительного. Вот только близкие к Крючкову люди, неплохо знающие его круг общения, утверждают, что ничего подобного никогда не было. Да и вряд ли могли быть какие-то общие интересы у совершенно разных людей, работавших в разных отделах и занимавшихся практическими вопросами, никак между собой не пересекавшимися.

Высказывается также версия, что Горбачёв с Яковлевым, решив перевести В. М. Чебрикова на работу в Секретариат ЦК КПСС, посчитали Крючкова «удобным» преемником, через которого нетрудно будет влиять на работу КГБ нужным им образом. Очевидно, дисциплину и исполнительность Владимира Александровича они приняли за покладистость, и, как мы увидим, оба крупно прощитались.

Мы же убеждены, что имеет право на жизнь совершенно иная версия, которая не раз подтверждалась ветеранами госбезопасности и другими людьми, хорошо знавшими Крючкова. Действительно, Яковлев искал с ним дружбу, даже одно время зачастил к нему в гости — в баню разведкомплекса в Ясенево, но было это уже на завершающем

этапе работы Владимира Александровича на посту начальника ПГУ, перед его назначением председателем КГБ. Яковлев напрашивался в друзья к Крючкову не случайно. Знал Александр Николаевич, что у него «рыльце в пушку», и понимал, что информация о его скрытой от общественности стороне жизни в любой момент может оказаться в КГБ. Ведь первые сигналы о «несанкционированных» связях Яковлева с американцами поступили в Комитет государственной безопасности ещё в 1960 году, после его стажировки в Колумбийском университете. Тогда с ним ограничились «воспитательной беседой»¹.

Не зря беспокоился Александр Николаевич!

Очевидно, по каким-то каналам он получал информацию, что в нашу разведку стали поступать касающиеся его тревожные сигналы. Неужели он полагал, что Крючков может его прикрыть? «Теоретически» это можно было допустить. Ведь передавая Крючкову дела в октябре 1988 года, Чебриков посоветовал ему проявлять осторожность во всём, что касается Яковлева, иначе «можно сломать шею».

К этому совету Крючков не прислушался. В 1990 году КГБ по линии разведки получил из разных надёжных источников очередную информацию в отношении Яковлева, из которой вытекало, что, по оценкам иностранных спецслужб, он занимает выгодные для Запада позиции и на него можно положиться. Соответствующему американскому представителю было поручено провести с Яковлевым беседу и заявить ему, что от него ждут большего.

Профессионалам хорошо известно, что подобного рода указания даются тем, кто уже согласился работать на спецслужбы, но не проявляет должной активности. Поэтому Крючков, предварительно посоветовавшись с заведующим Общим отделом ЦК КПСС В. И. Болдиным, поставил в известность о полученных сведениях Горбачёва.

Из воспоминаний Крюčkова:

«Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со своими чувствами...

¹ Не будем упрекать КГБ в чрезмерной подозрительности — для неё были основания. Ещё в 1946 году при Колумбийском университете был создан Русский институт, известный позднее как Институт Гарримана (*The Harriman Institute*), который занимался подготовкой кадров для Госдепартамента США и американских разведывательных служб.

Горбачёв долго молча ходил по кабинету. “Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!” — вдруг вырвалось у него (как видим, немало знал Михаил Сергеевич о своей «правой руке». — А. Ж.).

Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от неё. “Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, — заглядывая мне в глаза, лепетал он, — сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он её активизировал!”

Видя всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чём-то напряжённо размышляя. “Слушай, — выпалил он вдруг с облегчением, — поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе на это скажет”».

Крючков вынужден был подчиниться — партийная и армейская дисциплина соблюдалась неукоснительно...

Яковлев, выслушав информацию Крюčkова, потупил взор и погрузился в гробовое молчание...

Горбачёв своего согласия на дополнительное расследование не дал...

Нетрудно представить, какую истерику в «демократической» среде вызвала опубликованная Крючковым 13 февраля 1993 года в «Советской России» статья «Посол беды», в которой он подробно изложил историю с Яковлевым. Естественно, обвиняли его в наветах и клевете на своего духовного вождя. Тогда группа депутатов Государственной думы РФ обратилась в Генеральную прокуратуру с требованием начать расследование по этому вопросу. Но что можно было ожидать от этого ведомства, когда возглавлял его В. Г. Степанков, руководивший следствием по делу ГКЧП, одним из фигурантов которого был Крючков, и давно, несмотря на относительную молодость, научился в угоду вышестоящему руководству поворачивать закон «как дышло» (о чём разговор ещё будет)?

Дело было прекращено «из-за отсутствия состава преступления», однако утечка материалов в печать произошла. Из них стало ясно, что в ходе расследования начальник ПГУ Л. В. Шебаршин и заместитель начальника ПГУ Ю. И. Дроздов подтвердили, что в конце 1980-х годов в разведку действительно поступали сведения о недозволенных контактах Яковлева с представителями западных стран. Горбачёв, которого также допросили в прокуратуре, не от-

рицал, что Крючков ему докладывал остораживающих сигналах в отношении Яковлева, однако, по его словам, «замысел Крюčkова» состоял в том, чтобы «посеять недоверие к Яковлеву».

Добавим, что информацией по Яковлеву располагал и начальник Аналитического управления КГБ Н. С. Леонов, которому довелось готовить руководству Комитета подробную записку об антисоветской деятельности «архитектора» перестройки.

В ходе работы над настоящей книгой выяснился ещё один факт. Бывший сотрудник госбезопасности И. Н. Прелин, который к тому времени работал в Центре общественных связей, рассказал автору, что в феврале 1991 года во время служебной командировки в США также получил от своего агентурного источника информацию о предательстве Яковлева. Сведения были весьма убедительными и подтверждались соответствующей аудиокассетой. Прелин, как положено, о состоявшейся встрече с агентом доложил по команде. Однако опытный контрразведчик нашей американской резидентуры посоветовал ему не лезть в эту историю: слишком велико было опасение, что все члены руководящей верхушки, включая Крюčkова, повязаны круговой порукой. Позднее выяснилось, что Владимир Александрович получил информацию, добытую Прелиным, своевременно.

Надо сказать, что в опасениях старшего товарища Прелина из контрразведки не было ничего необычного. Немного позднее, уже в тревожные дни августа 1991 года, автор встречался с одним из своих близких знакомых — сотрудником ПГУ КГБ. На вопрос, как реагируют на выступление ГКЧП разведчики, ответ был такой: «Мы не будем вмешиваться — пусть сами разбираются!»

Стремление дистанцироваться от того, что происходило в верхних эшелонах власти в начале 1990-х годов, было свойственно не только сотрудникам влиятельных и компетентных учреждений, но и широким массам населения. Люди не без оснований беспокоились, что в условиях противостояния непримиримых политических сил они могут оказаться «крайними» — лишь средством для достижения тех или иных целей, далёких от интересов народа.

И такие настроения после поражения ГКЧП в августе 1991 года и последующего распада СССР только усиливались. Показательны в этом отношении события осени 1993 года, когда был нанесён окончательный удар по советской

власти. Руководитель общественно-политического движения «Трудовая Россия» В. И. Анпилов — в то время один из наиболее честных и авторитетных среди трудящихся Москвы лидеров — в своих воспоминаниях описывает, как он пытался убедить рабочих крупнейших заводов столицы — ЗИЛа, АЗЛК, «Серп и Молот» — поддержать тех, кто вышел на улицы, чтобы воспрепятствовать ельцинскому антиконституционному перевороту. «На наши призывы объявить забастовку, прийти поддержать Верховный Совет, — вспоминает Анпилов, — рабочие ЗИЛа отвечали руганью: “Ельцин, Гайдар, Руцкой, Хасбулатов — какая разница?! Они дерутся за власть, а нам кровь за них проливать? Пошли они все...”»¹.

То, что придётся столкнуться с подобной, вполне прогнозируемой реакцией, здоровой части руководства государства, компартии, провозглашавшей превыше всех своих целей интересы народа, нужно было понять значительно раньше, а не в 1991–1993 годах, когда трагедия страны уже перешла в свою завершающую фазу. И действовать адекватно обстановке, а не плестись на поводу у псевдодемократов...

В декабре 1995 года органы прокуратуры вновь вернулись к «делу Яковлева», но только под странным углом зрения. 21 декабря газета «Правда России» опубликовала открытое письмо большой группы ветеранов КГБ А. Н. Яковлеву, поставив его в известность, что они располагают конкретными данными, свидетельствующими о его тесном сотрудничестве с американскими и канадскими спецслужбами. В то время они не назвали своих имён (сейчас мы можем сказать, что среди них был и упомянутый нами И. Н. Прелин), поскольку западные спецслужбы могли «вычислить» агентурные источники. В своём письме ветераны КГБ, в частности, предупреждали Яковлева:

«После публикации статьи В. А. Крючкова “Посол беды” некоторых из нас допрашивали в Генпрокуратуре России... Мы подтвердили, что в КГБ действительно поступала информация о ваших связях с американскими спецслужбами, но не стали вдаваться в детали. Во-первых, политическая ситуация в стране не располагала к подобной откровенности, да и поезд, как говорится, уже ушёл. К тому же у нас не было никаких сомнений, что под руководством Степанкова, многократно нарушавшего закон во время расследования

¹ См.: Анпилов В. Наша борьба. М.: Трудовая Россия, 2002.

“дела ГКЧП”, Генпрокуратура будет делать только то, что ей прикажут ваши друзья и единомышленники в российском руководстве. Во-вторых, мы опасались за судьбу тех агентов, которые сообщили нам информацию, и обязаны были позаботиться об их безопасности.

Но теперь ситуация существенно изменилась. Некоторых наших агентов сдали, кое-кто умер, кое-кого удалось надёжно спрятать до лучших времён, и потому наша откровенность не может им навредить. Что касается разоблачительной информации, можете не обольщаться: ваши коллеги по стажировке в США не сумели её уничтожить. Давно известно: не горят не только рукописи, компроматы тоже не горят! Можете поверить нам на слово: в КГБ никогда и ничто не пропало бесследно!..

Сейчас у нас появилась надежда, что справедливость всё же восторжествует, что наконец-то власти проявят живой интерес к деятельности “архитекторов” и “прорабов” перестройки, а следственные органы выслушают нас по существу вашего дела...»¹

Но не тут-то было. Следственные органы в лице Главной военной прокуратуры 29 декабря того же года направили грозное предостережение главному редактору «Правды России» Г. Н. Селезнёву: сокрытие авторов письма «может образовывать признаки укрывательства особо опасного государственного преступления», предусмотренного соответствующими статьями Уголовного кодекса. А потому необходимо представить в Генпрокуратуру сведения об авторах опубликованного письма. О Яковлеве — ни слова.

Селезнёв ответил, что авторы готовы явиться по первому требованию прокуратуры для дачи свидетельских показаний, но только по уголовному делу, возбуждённому не против авторов, а против Яковлева. Они в этом кровно заинтересованы.

Опять всё было спущено «на тормозах». Но история свидетельствует, что за преступления, подобные тем, в которых Яковлева подозревали органы госбезопасности, рано или поздно приходится отвечать — у них нет срока давности...

Но вернёмся к октябрю 1988 года. Тогда, возглавив КГБ, Крючков столкнулся с широким кругом проблем, решение которых не представлялось возможным без отказа от

¹ Советская разведка не даром хлеб ела // Правда России. 1995. 21 декабря.

устаревших форм и методов работы, без обновления и совершенствования деятельности по обеспечению безопасности Советского государства. Это вполне соответствовало основным задачам демократизации страны, выдвинутым в начале перестройки, — до тех пор, пока эти задачи не подверглись грубым извращениям и не превратились, по сути дела, в свою противоположность.

На первый план выдвигался вопрос об укреплении связей КГБ с общественностью, о преодолении негативного отношения к Комитету госбезопасности отдельных групп населения, прежде всего значительной части интеллигенции. Вполне понятно, что звучавшие требования полной гласности в работе органов госбезопасности были довольно нелепы: с одной стороны, они шли от наивного представления о тех задачах, которые решал КГБ, с другой — за ними стояли цели, прямо связанные с подрывом авторитета Комитета и его исключительно важной роли в государстве. Известно, что к перестройке примкнуло немало лиц отнюдь не с прозрачными биографиями, людей, не отличавшихся особой безупречностью и не брезговавших сомнительными связями, которые прекрасно понимали: Комитет государственной безопасности слишком много знал. Была среди них любопытная категория: прозревшие вдруг агенты контрразведки КГБ, которые как огня боялись разоблачения своего негласного сотрудничества с органами госбезопасности в кругах своих новых единомышленников, поскольку годами верой и правдой служили органам госбезопасности. И, конечно же, стремление создать в КГБ атмосферу безудержной гласности было на руку западным спецслужбам, опутывавшим своими сетями государственные и политические организации страны.

Отнюдь не случайно о КГБ создавалось представление как о монстре, запусившем свои щупальца во все сферы деятельности государства. О необычных возможностях органов безопасности ходило немало слухов и легенд. А насколько они соответствовали действительности, дают представление реальный бюджет Комитета и численность его кадров, включая все его структуры и территориальные организации.

Лидеры «демократов» часто называли мифические цифры, перед которыми тускнели даже размеры расходов спецслужб западных стран и США. Посмотрим, что в своих воспоминаниях обнаружил Крючков. Оказывается, в 1990 году все расходы органов госбезопасности в Центре

и на местах, включая погранслужбу, все виды связи, содержание медицинских учреждений, учебных заведений, строительство объектов и жилья, составляли 4,9 миллиарда рублей. А ещё за несколько лет до этого, при стабильной экономике и отсутствии инфляции, весь бюджет КГБ не превышал трёх миллиардов рублей.

Приводит Владимир Александрович цифры и для сравнения: ассигнования на разведывательные цели в США в то время приближались к 30 миллиардам долларов.

Численность сотрудников органов госбезопасности в 1989 году составляла около 490 тысяч человек, включая 220 тысяч пограничников и 60 тысяч служащих войск правительственной связи. Именно вокруг численности чаще всего разворачивали свои спекуляции либеральные СМИ, любившие ошарашить людей всякого рода сенсациями и цифрами, взятыми с потолка. Так, число сотрудников КГБ в стране, по их данным, достигало одного миллиона человек, причём подавляющее большинство сотрудников занималось агентурной работой.

Излюбленная тема перестроечных СМИ — «тотальный контроль» за жизнью советских граждан, в том числе пресловутая «прослушка», которая находилась в ведении 12-го отдела. Наверное, люди бы сильно удивились, если бы узнали тогда, что все мощности этого отдела позволяли прослушивать две тысячи абонентов. Много это или мало? Скажем, служба безопасности небольшой (7,5 миллиона жителей) и очень демократичной Швейцарии имела возможность контролировать до десяти тысяч абонентов.

Заметим, что слуховой контроль использовали (разумеется, и сейчас используют) все спецслужбы мира, прежде всего в сферах, касающихся важнейших сторон жизни государства и затрагивающих интересы его безопасности. (Что происходит сейчас, при наличии мобильной связи и Интернета, под каким глобальным и тотальным контролем находятся граждане большинства стран, включая руководителей государств, говорить не будем.) В СССР эта форма работы КГБ способствовала выявлению особо опасных преступных действий, помогала выйти на интересующие органы госбезопасности связи и контакты, позволяла получать разведывательную информацию, которую иным путём добыть было невозможно.

При том, что гласность в органах госбезопасности имела свою специфику, свои пределы, обусловленные характером разведывательной и контрразведывательной работы

КГБ, требованиями конспирации, её развитие было, конечно же, необходимо и диктовалось значительным ростом интереса населения к деятельности КГБ, изменением информационной ситуации в стране. В то же время гласность была и действенным средством разоблачения среди людей инспирированных из-за рубежа попыток дискредитации органов госбезопасности, постоянных идеологических диверсий западных спецслужб.

В декабре 1987 года вопрос о расширении гласности в деятельности КГБ был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК КПСС. В записке по этому вопросу отмечалось, что процесс демократизации КГБ прежде всего должен способствовать пониманию широкими кругами советской общественности целей и задач Комитета, подчёркивалось, что «гласность — одна из основных форм активной связи органов госбезопасности с трудящимися, соблюдения социалистической законности, конституционных обязанностей».

По инициативе Крючкова 21 апреля 1989 года было принято решение Коллегии КГБ СССР «О развитии гласности в деятельности органов и войск КГБ». Одним из важных шагов по его реализации стало создание на базе существовавшей с 1978 года пресс-службы Центра общественных связей Комитета госбезопасности, в деятельности которого отразились новые подходы к взаимодействию со СМИ и широкой общественностью. В практику работы ЦОС вошли проведение пресс-конференций и регулярных встреч с советскими и иностранными журналистами, обсуждение злободневных проблем за «круглыми столами», организация специальных программ на радио и телевидении. Аналогичную работу проводили и территориальные управления госбезопасности.

Но самое главное заключалось в другом: чекисты пошли в народ. Впервые в истории органов сотрудники КГБ стали выступать в открытых аудиториях, встречаться с трудовыми коллективами, общественностью, публиковаться в печати.

Оказалось, что можно разрешить, казалось бы, неразрешимое противоречие, существующее между двумя категориями — секретностью и гласностью. И сразу же выяснилось, как мало люди знают о работе чекистов, а верные суждения об органах госбезопасности относятся скорее к исключениям.

Сам председатель КГБ за период с октября 1988 года по август 1991 года насчитал более трёхсот выступлений в пе-

чати и по телевидению, встреч с различными делегациями и рабочими предприятий. «Лёд отчуждения между органами госбезопасности и обществом начал таять», — отмечал Крючков, оценивая результаты работы, в которую были широко вовлечены руководящие сотрудники всех звеньев Комитета. Но думается, такое утверждение, хотя оно и соответствовало действительности, всё же требует некоторых весьма существенных уточнений.

Действительно, большинство людей, в первую очередь рабочие промышленных предприятий, в целом с пониманием и уважением относились к нелёгкой службе сотрудников госбезопасности, высказывали на встречах слова поддержки в их адрес. И дело не в том, как полагают в некоторых кругах, что простых людей легче ввести в заблуждение — простоту и открытость не следует путать с наивностью. Рабочего человека трудно обвести вокруг пальца, он воспринимает только тех, кто способен вести разговоры начистоту, и всегда отделит суть проблемы от пустой болтовни вокруг неё. Как правило, с такими людьми чекисты находили общий язык без особого труда.

Встречи усложнялись тем, что к началу 1990-х годов надежда на объективные публикации в распоясавшихся перестроечных изданиях иссякла. И всё же, хотя сотрудники КГБ иллюзий по этому поводу уже не испытывали, предпринятая по инициативе Крюčkова попытка перейти в пропагандистское контрнаступление приносила определённые плоды. Основной упор во время встреч в трудовых коллективах делался на самый злободневный вопрос, вокруг которого развернулось наибольшее количество спекуляций, — репрессии 1930-х годов. Люди убеждались, что большинство чекистов не только не имели никакого отношения к перегибам прошлого, но и сами становились жертвами произвола.

Иногда встречи получали самые неожиданные повороты. Начальник разведки Шебаршин в воспоминаниях описывает своё посещение московского авиационного завода «Знамя труда». Как всегда, после выступления последовал град вопросов. Был среди них и такой, весьма распространённый тогда: «Сколько вы зарабатываете в месяц?» Шебаршин ответил: «Тысячу триста рублей».

Аудитория загудела. Леонид Владимирович не мог понять, в чём дело, пока из зала не раздался громкий голос: «У нас столько слесарь может заработать!» Вот, оказывается, в чём дело! А он-то подумал, что величина названной

суммы поразила людей и вызвала у них неодобрение. Ведь сказки СМИ о невиданных зарплатах и льготах «партократов» и чиновников к тому времени уже сделали своё дело.

(Кстати, у нас с читателем есть возможность заглянуть в партбилет Крючкова, позволяющий по отметкам об уплате членских взносов составить точное представление о его ежемесячных доходах. Так вот, в 1990—1991 годах, когда он был руководителем государственного масштаба — председателем Комитета государственной безопасности СССР, его заработная плата, вместе с доплатой за звание «генерал армии» и без вычета подоходных налогов, составляла 1920—2100 рублей в месяц. Естественно, тогда члену КПСС утаивать какие-то суммы, например гонорары за публикации, и в голову не приходило — это было равнозначно политическому самоубийству. О зарплате высококвалифицированных рабочих в советское время только что упоминалось, а сравнить доходы Крючкова с доходами нынешних государственных мужей, особенно руководителей ведущих государственных корпораций, читатель сможет и без нашей помощи.)

Конечно, далеко не всегда удавалось чекистам достигнуть взаимопонимания с аудиториями, собиравшимися на встречи с ними, — нередко приходилось сталкиваться с людьми, которые своё негативное или даже враждебное отношение к КГБ определили раз и навсегда. Так, на одной из встреч Крючкова с группой депутатов, состоявшейся в марте 1990 года, возникла острая полемика по поводу выступления на Первом съезде народных депутатов Юрия Власова, охарактеризовавшего КГБ как «подпольную империю», уничтожившую цвет нации и установившую «неохватный контроль над обществом, над каждым в отдельности». Понятно, что единомышленникам Власова ничего доказать или объяснить не удалось. Как правило, бесполезно было обращаться к разуму тех, кто возлагал вину за репрессии 1930-х годов на поколение чекистов 1980-х, требовал от них «очищения» и «покаяния».

Естественно, им и дела не было до того, что органы госбезопасности сами оказались под тяжёлым гнѐтом репрессий. Например, в 1937 году за отказ участвовать в репрессиях был расстрелян практически весь личный состав Омского управления НКВД. За 1937—1938 годы из 450 сотрудников иностранного отдела (ИНО) Главного управления госбезопасности НКВД было репрессировано 275 человек. По информации Крючкова, всего в 1934—1939 годах

за «контрреволюционные преступления» было расстреляно 21 тысяча 800 чекистов. Многие — за попытки помочь арестованным, облегчить их участь и судьбу членов их семей.

Реакция сотрудников органов госбезопасности на творившиеся под видом законности беззакония, принципиальная позиция многих местных партийных организаций, возмущившихся жестоким произволом, стали одними из основных причин, заставивших сталинское руководство в 1939 году фактически свернуть массовые «чистки».

Либерал-демократы словно не замечали, что сотрудники КГБ вели в конце 1980-х — начале 1990-х годов огромную, трудоёмкую и кропотливую работу по реабилитации жертв репрессий.

Из доклада начальника Управления КГБ по Москве и Московской области В. М. Прилукова на заседании Коллегии КГБ СССР в начале 1990 года:

«Следует поставить ряд серьёзных вопросов по восстановлению исторической правды и справедливости в отношении всех жертв необоснованных репрессий.

За последнее время поток обращений общественности и отдельных граждан по вопросам, связанным с реабилитацией, непрерывно растёт. Достаточно сказать, что в прошлом году он вырос более чем в пять раз. И получается, что сегодняшнее поколение чекистов, выполняя практически 90 процентов реабилитационной работы, оказалось в фокусе внимания общественности и вынуждено брать на себя тонкую работу по объяснению причин допущенных в прошлом ошибок и нерешённых проблем.

Мы в начальном периоде определили массив в 31 тысячу дел основного фонда, подлежащему общему пересмотру. И практически работу в этой части завершаем.

Однако обстановка заставляет нас пересматривать и весь массив прекращённого фонда. А это ещё 62 тысячи архивных дел...

И ещё один весьма серьёзный нравственный вопрос, связанный с участием чекистов в поиске мест захоронения. Здесь и мы в большом долгу перед москвичами. Конечно, эта проблема требует особой взвешенности, осторожности, несомненно должна иметь под собой абсолютно документальную и свидетельскую основу. Но и затягивать с её решением нельзя...»

Осуществляя руководство работой КГБ по реабилитации жертв репрессий, Крючков не раз возвращался к осмыслению причин и обстоятельств, обусловивших волну беззаконий. Как могло случиться, что жестокие методы

борьбы с политическими противниками и просто неудобными, в которой пострадало огромное число невинных людей, были восприняты значительной частью общественности страны и населения как приемлемые и даже необходимые? Одна из главных причин, как полагал Владимир Александрович, заключалась в том, что огромное воздействие на сознание людей и характер отношений между ними оказала Гражданская война — «самая что ни на есть жестокая братоубийственная война без правил». А революционные методы в экономике и политике, господствовавшие в период военного коммунизма, вновь возобладали после свёртывания новой экономической политики и «вытеснили эволюционный подход к решению основополагающих проблем».

В то же время Крючков был убеждён, что ничто не может оправдать допущенных Сталиным репрессий. «Оценка роли в этом культа личности была дана принципиальная, извлечены уроки, сделаны выводы, предусмотрены преграды на пути возможных рецидивов... *Но списывать все невзгоды, жестокости на общественный строй, на социализм не только несправедливо, но было бы не менее трагической ошибкой*» (курсив мой. — А. Ж.). В социализме «нет ни одного положения негуманного, противоречащего интересам человека, народа. Дело — в понимании, толковании и реализации социалистических идей».

Однако неоднозначные и противоречивые оценки личности Сталина не означают, что его можно вычеркнуть из советского периода истории нашего государства, ибо ему принадлежала исключительно важная роль в индустриализации страны, культурной революции, развитии науки и образования, формировании многонационального государства нового типа. Без грандиозных достижений на этих направлениях под его руководством мы не выиграли бы войну с германским фашизмом, исход которой был предreshён в нашу пользу в битве один на один ещё до открытия союзниками второго фронта.

Будучи бесспорно выдающейся личностью, Сталин создал во многом свою теорию построения социалистического общества в Советском Союзе. В основе решения экономических задач лежали жёсткие планы министерств и предприятий, неизменно перенапряжённые по срокам и объёмам. Их выполнение обеспечивалось строгим контролем в сочетании с ответственностью и дисциплиной: энтузиазм людей был нацелен на решение производственных

задач любым путём, любыми средствами, без всяких оправдательных причин. Сбои, отставание в производстве были недопустимы. Если они случались, принимались меры и положение выправлялось.

«Что-то двигало людьми, — пишет Крючков, — в постоянном, неиссякаемом стремлении добиваться новых высот, направляло их усилия, держало их в постоянном поиске и движении вперёд. Значительно позже я пришёл к пониманию, что такой движущей силой являлся созданный Сталиным управленческий механизм, в котором свою огромную роль играла личность самого Сталина. С приходом в 1953 году к власти Хрущёва начался демонтаж этого механизма. Он продолжался не один десяток лет, идёт ещё и сейчас, но даже его остатков нам хватает, чтобы не погибнуть окончательно»¹.

Хотелось бы привести одно высказывание по этому поводу Маркуса Вольфа — выдающегося разведчика и руководителя Главного управления разведки Министерства госбезопасности ГДР, которое он возглавлял почти 30 лет. Отмечая в воспоминаниях о своём друге Яне Фогелере² «мрачный период сталинских репрессий», которые «слишком сильно противоречили социалистическим идеалам», он в то же время пишет: «Ян переживал конец Советского Союза в водовороте всё новых разоблачений сталинизма. Мы были едины во мнении, что отказ от сталинизма и его системы стал причиной этого краха. В этом не было никаких сомнений»³. Это мнение, на наш взгляд, даёт пищу для серьёзных размышлений.

...Обвинения, сыпавшиеся на КГБ на завершающем этапе перестройки, преследовали только одну цель — замутить общественное сознание и дискредитировать деятельность Комитета государственной безопасности с последующим его *уничтожением* как важнейшего инструмента государственной власти. Евгения Альбац, принадлежавшая к числу наиболее активных борцов с «произволом» КГБ, в одной из своих книг говорит о бессмысленности диалога с представителями органов госбезопасности и поясняет свою позицию такими словами: «Мы люди разной группы

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 431.

² Я. Г. Фогелер — немецкий и советский философ.

³ Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим — в письмах и записках семье, друзьям, соратникам. М.: Международные отношения, 2014. С. 270.

крови». Но, к сожалению, Крючков и его коллеги не сразу поняли, что ненависть таких людей к Комитету госбезопасности, как и ко всему советскому, имеет биологическую природу.

Положение лишь осложнялось по мере того, как либеральные средства пропаганды под водительством А. Н. Яковлева, который на первых порах, как и Горбачёв, клялся в верности коммунистическим идеалам, усиливали пропагандистский натиск против коренных устоев социалистического общества и Советского государства. Специалисты по нагнетанию антикоммунистической истерии, лидеры соревнования «кто больше выльет грязи на страну» — журнал «Огонёк» Виталия Коротича и «Московские новости» Егора Яковлева — «заряжали» одну «кассету» за другой. Им тут же вторили другие «перестроечные» издания, размножая сочинения на заданные темы миллионными тиражами. Под прикрытием гласности восторжествовала вседозволенность и разнузданность.

Провозглашая свободу слова едва ли не главной ценностью демократического общества, либеральные СМИ своим информационным террором, по сути дела, подавляли важнейшее право миллионов людей на интеллектуальную свободу, заставляли их мыслить так, как было нужно незначительному меньшинству.

Попытки представить задним числом спланированную и организованную пропагандистскую кампанию как естественную реакцию СМИ на накопившееся у населения недовольство, которое достигло критической массы, напоминают дырявую ширму, прикрывавшую профессиональную руку, дирижировавшую этим процессом. Недовольство, социальные взрывы в стране провоцировались со знанием дела, причём провоцировались не только словом.

Давно уже не является секретом, что стратегия и тактика информационной войны периода перестройки была разработана на Западе. Поступавшая по линии разведки КГБ информация свидетельствовала, что уже в 1986 году, в самом начале перестройки, ЦРУ пришло к заключению: ситуация в СССР позволяет развернуть открытую пропагандистскую кампанию. Население страны подверглось поэтапной информационно-психологической обработке, причём все этапы идеологических диверсий были хорошо продуманы, скоординированы между собой и сменяли друг друга в логической последовательности. Начали с «очищения» ленинизма, затем перешли к Сталину, опять вернулись

к Ленину, чтобы оклеветать и его, обрушились на КПСС и КГБ, ввели в оборот термины «партократы», «коммуняки», «красно-коричневые», учинили невиданный разгул русофобии, добрались до основ СССР и социализма...

«Демократы» не скупилась на обещания. Шахтёрам сулили немислимые доходы в долларах, рабочим промышленных предприятий — изобилие в магазинах, крестьянам — зажиточную фермерскую жизнь. Избирателей привлекали на свою сторону лозунгом «Вся власть Советам!», обещая скорое пришествие эры «настоящей» демократии, высвобожденной из-под «партийного гнёта» и построенной на «общечеловеческих ценностях». Далеко не все люди тогда понимали, что на самом деле «архитекторам» и «прорабам» перестройки были одинаково ненавистны и партия, и Советы, что им при их группе крови в «новой жизни» уготована совсем иная участь.

Мутный поток лжи и клеветы на КПСС, КГБ и социализм, на советский образ жизни и советскую историю мешал людям разглядеть то, что происходило на самом деле. При этом одни «демократические» рупоры не стеснялись использовать самые грубые и грязные вымыслы, другие отличались изощрённостью.

Так, А. И. Солженицын, по мнению кандидата филологических наук В. Чебыкина, «нередко проявлял граничащую с коварством изобретательность при цитировании». Вот он в главах «Архипелага ГУЛАГ» ссылается на якобы дословные выписки из ленинских работ и, как заведено, в сносках указывает тома и страницы. Желаящие, мол, могут проверить точность. И, надо же, такие нашлись! Проверку цитат произвёл не только Чебыкин. Как оказалось, параллельно, но врозь с ним работала исследовательница трудов В. И. Ленина Н. П. Морозова. И оба не нашли у Солженицына ни одной неискажённой цитаты. Преднамеренные неточности сознательно извращали суть ленинских мыслей — так в творческом запале действовал один из претендентов на звание праведника. К тому же «правдолюбец» все факты и цифры для «Архипелага ГУЛАГ» взял отнюдь не из документальных источников. Их поставщиками стали некие люди, приведённые данные о которых проверить невозможно — полное раздолье для лжи и фальсификаций¹.

Впрочем, подобных примеров можно было бы привести

¹ Чебыкин В. Раздувают дутую величину // Правда. 2015. 11–14 сентября. № 100 (30306).

сотни и тысячи, ибо склонность ко лжи и фальсификациям была свойственна не только отдельным личностям в стане «демократов» — мы знаем, что порочные и нечистоплотные люди могут затесаться в любое общественно-политическое движение. Грубое извращение истории и советской действительности лежало в основе всей системы диверсионной идеологической и пропагандистской работы, в которой «демократы» действовали рука об руку с западными спецслужбами. По сути дела, это признаёт и главный идеолог «пятой колонны» А. Н. Яковлев, который как-то высказался, хотя и скромно, но вполне определённо: «На первых порах перестройки нам пришлось частично лгать, лицемерить, лукавить — другого пути не было...»¹

В чём же заключается «скромность» Александра Николаевича? Здесь он упоминает только о «первых порах перестройки». А ведь хорошо известно, что лавина лжи, лицемерия и лукавства только нарастала по мере приближения процессов перестройки к развязке и не иссякла в 1990-е годы, после крушения СССР. Как мы уже говорили, беззастенчиво продолжает искажать советскую историю и современная пропаганда.

Говоря о неблагоприятной роли спецслужб США и их помощников в дискредитации советского строя и развале СССР, следует отметить, что многие американские политики и общественные деятели не испытывали к Советскому Союзу неприязни, с искренним беспокойством и с пониманием относились к проблемам, которые он переживал. Более того, из их уст звучали в наш адрес серьёзные предостережения по поводу того, куда нас может завести дальнейшее развитие событий.

Такая позиция отличала одного из самых влиятельных сенаторов США Эдварда Кеннеди. Как вспоминает Крючков, Кеннеди всегда с подчёркнутым уважением отзывался о достижениях Советского Союза в социальной области, отмечал, насколько глубоко и обстоятельно в СССР решены проблемы, связанные с образованием и медицинским обслуживанием. Их бесплатный характер, по мнению Кеннеди, — это огромное достижение советского строя. О себе сенатор говорил, что он десятки лет борется за то, чтобы обеспечить бесплатное медицинское обслуживание для всех групп населения США, но из это-

¹ Библиографические листки. Периодика / Сост. А. Василевский // Новый мир. 2001. № 12.

го у него ничего не получается: около 40 миллионов американцев лишены возможности пользоваться бесплатной медицинской помощью. Кроме того, страшным бичом для Соединённых Штатов являются безработица, наркомания и преступность. И здесь Советский Союз выгодно отличается от США.

Подобная информация доводилась Крючковым до сведения Горбачёва. Но... очень часто случается, что политик видит только те вещи, которые он хочет видеть.

...Как ни пытались подпортить Крючкову кровь «демократы», на каждом шагу олицетворяя с его именем «империю зла», он продолжал проводить линию на демократизацию Комитета государственной безопасности, на всестороннее обновление его деятельности.

Характер изменившейся морально-политической обстановки в стране только упрочил его устоявшееся за годы работы в разведке убеждение, что основная угроза Советскому государству по-прежнему исходит и будет исходить в дальнейшем от главного противника. Разведанные о деятельности американских спецслужб, которые получал тогда КГБ, позднее нашли полное подтверждение в книге снискавшего в СССР недобрую известность бывшего директора ЦРУ Алена Даллеса «Искусство разведки». Обратим внимание, что изложенные им факты совпадают по времени с периодом работы Крючкова на посту председателя КГБ:

«В качестве программного документа, отражающего процесс усиления роли разведки в государственном механизме и определяющего приоритеты разведывательной деятельности США на 90-е годы, можно рассматривать заявление директора ЦРУ У. Уэбстера накануне президентских выборов 30 октября 1988 года. Он, в частности, подчеркнул, что “работа, проводимая против СССР, будет оставаться основным направлением деятельности ЦРУ по сбору и анализу разведывательной информации в 90-е годы. Военный потенциал Советского Союза, его попытки расширить своё влияние в мире и активная деятельность в области разведки по-прежнему создают угрозу для безопасности Соединённых Штатов”. По мнению Уэбстера, ЦРУ обеспокоено происходящими в СССР преобразованиями во всех сферах общественной жизни и хозяйственной деятельности. Он прямо заявляет, что “советская перестройка ставит перед американской разведкой ряд весьма серьёзных проблем”, в связи с этим США “должны уделять более пристальное

внимание процессам и политической борьбе, происходящим в Советском Союзе”».

Даллеса ничуть не смущает, что перестройка находилась под пристальным вниманием и неусыпным контролем ЦРУ, Госдепартамента и президента США:

«С целью постоянного слежения за развитием событий в Советском Союзе в 1989 году в США создан так называемый Центр изучения хода перестройки. В состав Центра вошли представители ЦРУ, Разведывательного управления Министерства обороны, Управления разведки и исследований Государственного департамента. Его деятельность курирует лично заместитель министра обороны США по военно-политическим вопросам П. Вулфовиц. В соответствии со специальным указанием Буша в распоряжение Центра представляется разведывательная информация, получаемая как из агентурных, так и официальных источников по линии всех ведомств. На основе этой информации Центр ежедневно готовит разведывательные сводки по СССР, докладываемые лично президенту США и другим членам Совета национальной безопасности».

Изложенное Даллесом как бы итожит посол США в СССР в 1987—1991 годах Дж. Мэтлок, прямо заявивший в своей книге «Смерть империи. Взгляд американского посла на развал Советского Союза»: «Сценарий перестройки был написан в Вашингтоне».

Как видим, Крючкову приходилось работать, находясь под перекрёстным огнём двух противников — внешнего и внутреннего, оформившегося в организованную «пятую колонну». Тем не менее за сравнительно короткий срок ему удалось сделать немало таких шагов по реформированию Комитета, которые, казалось бы, должны были выбить почву из-под ног наиболее ярых критиков органов госбезопасности, якобы тормозящих перестройку. Забегая вперёд скажем, что этого не произошло, да и не могло произойти, поскольку такие «мелочи» людей, сознательно участвовавших в процессе уничтожения КГБ, конечно же, не волновали...

В продолжение курса на открытость в КГБ было упразднено 5-е управление, занимавшееся борьбой с идеологическими диверсиями. Наряду с пресловутой «прослушкой» это управление представлялось либералам неким исчадием зла, и называли они его, в свойственной им театральной манере, не иначе как «политическим сыском» или «охранкой». В ходу были мифы о раскинутых по всей стране

агентурных сетях, насчитывавших не то сотни тысяч, не то миллионы преданных своим хозяевам осведомителей (в терминологии либералов — «стукачей»), которые получали солидную мзду за каждого выловленного диссидента.

Здесь требуются некоторые пояснения. Без надёжной агентуры, преданной интересам государства, не может работать ни одна спецслужба мира. Все рассуждения о безнравственности этого метода работы не имеют под собой серьёзного основания, а иная точка зрения представляется либо личным заблуждением, либо попыткой ввести в заблуждение общественность. В своём фундаментальном исследовании о деятельности органов госбезопасности в 1920-е годы доктор исторических наук, профессор А. М. Плеханов упоминает о том, как на следующий день после подавления ГКЧП Ельцин издал указ о передаче архивов КГБ на «государственное хранение»¹ (на каком они, кстати, и находились в течение многих десятилетий). «Но в эти слова, — пишет Плеханов, — был вложен совершенно иной смысл: сделать достоянием всех “жаждущих” фонды Центрального архива КГБ — одной из самых могущественных спецслужб мира. Вся отечественная и мировая практика хранения документов органов безопасности такого не знала. Ведь секреты спецслужб во многих странах принято хранить засекреченными по 25, 75 и даже — 120 лет...

Новоявленные “открыватели” истории использовали доступ к документам для издевательств над бывшими сотрудниками органов безопасности и их помощниками. Речь шла прежде всего о святой святых спецслужбы — об агентуре. Хорошо известно, что в императорской России агентура всегда была защищена. Уместно напомнить следующий исторический факт: когда начальник Департамента полиции А. А. Лопухин разгласил имя агента Е. Ф. Азефа, он был осуждён и отправлен на каторжные работы»².

¹ В результате такого «государственного хранения» были также разграблены архивы ЦК КПСС и другие хранилища документов государственной важности, многие документы оказались за границей, в руках недобросовестных «историков» и были фальсифицированы, как, например, материалы, касающиеся расстрела польских офицеров в Катыни.

² Плеханов А. М. ВЧК — ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М.: Кучково поле, 2006. С. 11.

Практика так называемого «государственного хранения» архивов КГБ глубоко возмущала Крючкова. «После августовских событий, — пишет он, — в средствах массовой информации были опубликованы многочисленные документы Комитета госбезопасности, его органов на местах, которым в период их подготовки были присвоены грифы “Совершенно секретно”, а то и высший гриф секретности — “Особой важности”. В печати появились доклады органов госбезопасности руководству страны и отдельных республик по самым различным вопросам. Были преданы гласности сведения, полученные в результате разведывательных и контрразведывательных операций. Под удар поставлены ценные источники, люди, помогавшие нашей стране. Практика беспрецедентная!»¹

А. Ф. Яровой в книге «Прощай, КГБ» показывает, к чему привела вакханалия, спровоцированная демократами с помощью средств массовой информации: «Снизился уровень эффективности действующей агентуры. Трудно-разрешимой стала задача приобретения новых источников... После прямой трансляции “разоблачений” Крючкова и КГБ многие из агентов, призванные верой и правдой защищать безопасность государства и государственных деятелей... отказались сотрудничать с органами безопасности».

Однако вернёмся к деятельности 5-го управления КГБ, которое приводило «демократов» в столь трепетный ужас. Как известно, с его работой была тесно связана судьба бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР, генерала армии Ф. Д. Бобкова. Так вот, по его вполне достоверным сведениям, первоначально общая численность сотрудников этого подразделения составляла 200 человек, а к середине 1970-х годов увеличилась до 320 человек, причём это была общая штатная численность, включавшая и технический персонал, а не только оперативный состав. На связи у каждого оперативного работника было 8—10 агентов, и занимались они далеко не только диссидентами. В ведении 5-го управления находилась деятельность по выявлению и пресечению террористических акций, подрывной работы иностранных спецслужб с использованием всевозможных зарубежных организаций и центров, цели которых противоречили советскому законодательству. Так, характеризуя результаты этой работы, Крючков в интервью

¹ Крючков В. А. Личное дело. М.: Эксмо, 2003. С. 410.

газете «Известия» 26 октября 1989 года впервые раскрыл следующие данные: в 1970—1980-е годы было выявлено и профилактровано 1500 лиц, вынашивавших террористические намерения.

«Борьба с диссидентами» тоже требует некоторых пояснений. Прежде всего заметим, что само значение понятий «диссидент» и «диссидентское движение», принадлежностью к которому так гордились некоторые «перестройщики», нуждается в уточнении. Слово «диссидент» было вброшено в оборот западными спецслужбами в качестве подмены слову «инакомыслящий», поскольку инакомыслящие не вели противоправных действий и преследованию в СССР за свои убеждения не подвергались. В поле зрения КГБ находились лишь люди, намерения которых вряд ли можно назвать благовидными. Как правило, они верно служили целям холодной войны и занимались антиконституционной деятельностью, нередко — в рядах организаций, созданных на Западе и имевших филиалы внутри нашей страны.

В 1970—1980-х годах западными идеологами и спецслужбами была сделана ставка на так называемое «правозащитное движение», возникшее после хельсинкского Совещания по вопросам разоружения и безопасности в Европе в 1975 году. Мы уже отмечали важность достигнутых на нём договорённостей о сокращении ядерных и обычных вооружений. Однако Запад частично компенсировал свои уступки условиями, заложенными в так называемую «третью корзину» — раздел соглашений по правам человека. Под эгидой посольства США в Советском Союзе и, в частности, его сотрудника Ричарда Колмса, создавались «хельсинкские группы» борцов за права человека в СССР, в которых смогли легализоваться те, кто вёл незаконную деятельность против советской власти. В результате спецслужбы США получили возможность фактически открыто поддерживать движение, направленное на перемену советского строя и руководить диссидентами под вывеской борьбы за права человека.

При этом в период перестройки действия американцев в нашей стране при прямом попустительстве руководства СССР стали отличаться крайней беспардонностью. В. М. Прилуков рассказал автору о случае, который произошёл в 1988 году, когда он возглавлял Ленинградское управление КГБ. Генеральному консулу США в Ленин-

граде Ричарду М. Майлзу¹ тогда не понравилось, что начальник УКГБ слишком активно ведёт работу по отслеживанию «демократических процессов» в городе, и он... пожаловался на Прилукова Крючкову. По этому поводу между Крючковым и Прилуковым состоялся обстоятельный разговор, по завершении которого Владимир Александрович настоятельно рекомендовал Виталию Михайловичу эту работу усилить.

В любой цивилизованной стране подобный случай рассматривался бы как грубое вмешательство во внутренние дела государства. У нас же многие государственные руководители горбачёвско-ельцинского толка безропотно сносили такие унижения, а некоторым это даже нравилось.

Заметим, что, упраздняя 5-е управление, Крючков действовал довольно взвешенно, не создавая брешь для противников советского строя, под давлением которых в стране были проведены серьёзные законодательные изменения. Например, в 1989 году была упразднена правовая норма Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая уголовную ответственность за антисоветскую агитацию и пропаганду. Вместо неё статья 70 УК устанавливала уголовную ответственность только за призывы к насильственному изменению конституционного строя.

В соответствии с требованиями, вытекающими из сложившейся новой ситуации, в КГБ СССР приказом его председателя от 29 августа 1989 года было создано Управление «З» (от слова «защита»), на которое и возлагались задачи по защите конституционного строя. Свои соображения в связи с этим Крючков изложил в записке, представленной в ЦК КПСС. Несмотря на то что в терминологии документа отдаётся необходимая дань времени, он содержит довольно точный анализ политической и оперативной обстановки:

«В условиях революционного обновления советского общества, расширения демократизации и гласности, специальные службы капиталистических стран и связанные с ними зарубежные антисоветские центры и другие организации переводят свою подрывную деятельность против

¹ За годы последующей дипломатической деятельности Ричард М. Майлз снискал себе славу специалиста по «цветным революциям», в частности, он считается основным автором и режиссёром «революции роз» в Грузии, где в 2002–2005 годах возглавлял посольство США. В феврале 2015 года назначен временным поверенным в делах США в Кыргызстане.

СССР на новую стратегическую и тактическую платформу. По своим целям и формам она приобретает характер борьбы против конституционных основ Союза ССР.

Путём оживления национализма, шовинизма, клерикализма западные спецслужбы и антисоветские организации активно пытаются инспирировать очаги общественной напряжённости, антисоветские проявления и массовые беспорядки, подстрекать враждебные элементы к действиям, направленным на насильственное свержение советской власти.

С особой настойчивостью они стремятся сформировать группировки антиконституционной направленности, осуществлять непосредственное руководство ими, оказывать материальную и идейную поддержку, подстрекать к экстремистским акциям».

В записке указывалось, что антисоциальные элементы, «используя некоторые из самодетельных образований, вызванных к жизни политической активностью граждан, прикрываясь лозунгами демократизации, обновления советского общества, в антиконституционных целях ведут работу по созданию оппозиционных КПСС структур, других организационных формирований. Особенно резко активизировалась их подрывная деятельность с использованием национализма и шовинизма. В ряде мест возникшие на этой основе группировки и движения открыто проповедуют насильственные методы изменения общественного и государственного строя СССР, организуют массовые беспорядки, совершают опасные экстремистские действия, террористические проявления, другие акты насилия против должностных лиц и граждан, в том числе с применением оружия...»

Все изложенные обстоятельства требовали усиления работы по защите государства от подрывной деятельности спецслужб и их единомышленников внутри страны.

Особая роль на Управление «3» возлагалась в работе по пресечению террористических акций. Была создана целая система борьбы с террористическими проявлениями, которая давала результаты и, что особенно важно, позволяла в подавляющем большинстве случаев устанавливать носителей угроз и исполнителей акций.

Обратим внимание, что Крючков едва ли не первым в стране открыто заговорил о нависшей над страной террористической угрозе, которая в обозримом будущем будет только возрастать и потребует серьёзных усилий силовых

ведомств, целенаправленной деятельности государства по предупреждению актов массового террора и насилия.

«И всё же, — как отмечает исследователь истории органов госбезопасности О. М. Хлобустов, — ретроспективно оценивая деятельность Управления “3” КГБ СССР... следует объективно признать, что многие из поставленных перед ним задач оно не выполнило, в чём, однако, заключается вина не только его сотрудников и руководителей, но и прежде всего политического руководства страны, проявлявшего непоследовательность и нерешительность как в защите Конституции страны, так и отстаивании официально провозглашённого политического курса»¹.

В то время как разрушительные тенденции набирали силу, наши вожди наслаждались властью, игнорируя всю информацию об угрозах извне и об опасных процессах внутри страны, ведущих к гибели государства.

Но, несмотря ни на что, Крючков не опускал рук, последовательно и упорно продолжал работу по демократизации КГБ, сосредоточив усилия на создании надлежащей правовой основы его деятельности, на приведении её в соответствие с требованиями времени и общегосударственной правовой базой. Пожалуй, не было ни одного чекиста в стране, которого такая на первый взгляд чисто «теоретическая» задача оставила бы равнодушным. И у каждого были для этого свои личные причины.

Вот как, например, относился к этой проблеме А. Ф. Яровой, почётный сотрудник госбезопасности, отец которого был репрессирован: «Самое странное, но при всей огромной любви к отцу, несправедливо и жестоко наказанному при Сталине, я не испытываю не только ненависти к вождю, наоборот, хочу, чтобы он появился вновь и навёл порядок в нашей поруганной, распроданной, разграбленной, униженной России, объединил бы весь бывший советский народ снова в одну семью и сделал бы, как прежде, нашу державу многонационально-интернациональной, могучей и процветающей.

С одним условием — чтобы при “новом Сталине” органы госбезопасности были законопослушными, как КГБ при Андропове»².

И рядом, в этой же книге, Яровой добавляет: «Для всех,

¹ Хлобустов О. М. Август 1991 года. Где был КГБ? М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. С. 118.

² Яровой А. Ф. Прощай, КГБ. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 286–287.

кто работал с Андроповым пятнадцать лет и далее под началом Крючкова, вопрос о беззаконии в КГБ не стоял. Наоборот, много говорилось и напоминалось на каждом шагу, что чекист — законопослушник!»

Но до Крючкова решение задачи воспитания сотрудников госбезопасности в духе неукоснительного соблюдения законности неизменно обнажало одну серьёзную проблему: правовой акт, по которому существовал и действовал КГБ, был принят Центральным комитетом КПСС и Советом министров СССР ещё в 1959 году и носил гриф «секретно», что не давало возможности знакомить с ним широкую общественность. Конечно, за три десятилетия он не раз дополнялся и корректировался, было принято свыше трёх тысяч подзаконных ведомственных актов, которые создавали широкую правовую базу и регулировали деятельность Комитета. Однако, как считал Крючков, не было органической увязки деятельности органов и войск КГБ с общесоюзным законодательством, полного соответствия и строгой подчинённости союзным законам.

Пожалуй, такой пласт правовых проблем не поднимал ни один предшественник Крючкова на посту председателя КГБ. Что же побудило его взяться за эту сложнейшую работу? Думается, прежде всего два обстоятельства. Во-первых, юридический институт и прокурорская работа в Сталинграде сформировали из него законника до мозга костей. А во-вторых, он был последователем Андропова, который уделял вопросам неукоснительного соблюдения в деятельности КГБ правовых норм исключительно важное внимание.

Как мы уже говорили, важной вехой в деятельности Крючкова по совершенствованию правовой базы органов КГБ стало принятие Верховным Советом СССР в мае 1991 года Закона «Об органах государственной безопасности в СССР». Можно без преувеличения сказать, что его основное содержание было пронизано идеей, которую Владимир Александрович изложил, выступая в Верховном Совете СССР в июле 1989 года во время своего утверждения в должности председателя КГБ: «Мы считаем, что должны быть сформулированы и претворяться в жизнь качественно новые принципы отношения государства и органов безопасности. Не интересы общества и государства должны приспособляться к деятельности органов госбезопасности и их специальных служб, а наоборот, органы КГБ и

их службы должны неукоснительно подчиняться интересам общества и государства, исходить из них».

Этот принцип получил отражение и в статье 1 общих положений Закона, которая определяла назначение и основные задачи органов КГБ:

«Органы государственной безопасности обеспечивают в пределах компетенции государственную безопасность Союза ССР и республик и в этих целях ведут борьбу с разведывательно-подрывной деятельностью специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и территориальной целостности государства, его экономического, научно-технического и оборонного потенциала».

Мы не случайно воспроизвели эту статью полностью. Хотя обсуждение Закона проходило в течение двух дней, члены Верховного Совета, по наблюдениям Крючкова, явно не собирались затягивать его принятие. Они прекрасно понимали, что развитие событий, достигшие опасной черты сепаратистские настроения в ряде республик, прежде всего в Прибалтике, Грузии, Украине, Молдавии, Армении, могут привести к трагической развязке. В новых условиях, особенно после того как была отменена 6-я статья Конституции и КПСС перестала играть роль главного политического стержня и важнейшего связующего звена в стране, именно Комитет государственной безопасности, основные полномочия которого приобрели прочную легитимную основу, в критической ситуации мог (да и просто обязан был!) взять на себя миссию сохранения территориальной целостности Советского государства. Иных действенных рычагов в союзном Центре попросту не оставалось.

Этот важный правовой аспект почему-то постоянно упускается из виду теми, кто до сих пор твердит о нелегитимном характере ГКЧП, постоянно напоминая нам о том, что «заговор» («путч») зародился в недрах КГБ. И «забывая» при этом, что создание ГКЧП и его выступление были вызваны прежде всего стремлением во что бы то ни стало предотвратить подписание договора о Союзе суверенных республик, несущего прямую угрозу конституционному строю и целостности СССР.

Проект договора, который собирались принять 20 августа 1991 года, был подготовлен негласно, узкой группой лиц, скрытно от широкой общественности и, главное, во-

преки воле подавляющего большинства советского народа, выраженной на всенародном референдуме 17 марта 1991 года о сохранении СССР.

...Если в первые годы перестройки, по воспоминаниям Крючкова, «голоса о переходе от социализма к капитализму звучали довольно редко и робко, были единичными», то «в 1989—1990 годах с антисоветскими, антисоциалистическими лозунгами оппозиция выступала уже в открытую. Вскоре вся система Советского государства, система народовластия оказалась под огнём острых огульных нападок»¹.

Выступая на партконференции коммунистов 26 мая 1990 года, начальник Управления КГБ по Москве и Московской области Прилуков сформулировал суть сложившейся ситуации в стране предельно чётко и ясно: «Надо прямо признать, что политическая обстановка всё более явственно отражает состояние острой, бескомпромиссной политической борьбы, борьбы за политическую власть».

Заслуживает внимания и фрагмент его более раннего выступления, в марте того же года, на заседании Коллегии КГБ, обсуждавшей вопрос о собственной безопасности сотрудников органов госбезопасности. Всё свидетельствует о том, что напряжённость в стране достигла опасного накала:

«Вопрос о собственной безопасности органов и войск КГБ мы рассматриваем с точки зрения действий личного состава в чрезвычайных ситуациях: взрывы, пожары, стихийные бедствия, физическое проникновение преступных элементов. Именно по этим четырём линиям разработан комплекс мер совместно с органами МВД, особыми отделами, рядом воинских частей, дислоцированных в Москве и Московской области. В настоящее время отрабатываются элементы взаимодействия, координации со всеми участниками по конкретным ситуациям.

Кроме того, мы позаботились о зашифровке оперработников, находящихся на острых направлениях, например, участвующих в борьбе с организованной преступностью, о физической защите членов их семей.

Разработан и внедряется в практику план неотложных мер по предупреждению и пресечению возможных акций пикетирования, блокирования административных зданий УКГБ, а также нападения на них отдельных экстремистски настроенных лиц и группирований. Этим планом предусмотрены следующие блоки мероприятий.

¹ Крючков В. А. На краю пропасти. М.: Эксмо, 2003. С. 6.

Во-первых, получение упреждающей информации о готовящихся акциях. Вы знаете, что опасность предыдущих массовых выступлений, особенно 4 февраля¹, состояла в том, что группы экстремистски настроенной молодёжи буквально хватались за малейшую возможность развязать конфликт и “пойти на штурм Лубянки”.

Во-вторых, оперативная работа непосредственно в толпах в целях документального закрепления провокационных и иных действий участников, могущих вылиться в экстремистские, противоправные действия.

Далее — работа на подступах к административным зданиям. Определены группы патрулирования, оцепления. Внесены архитектурные изменения для блокирования узлов жизнеобеспечения зданий (хранилища, склады, архивы и т. д.). Разработана система срочной эвакуации необходимой документации, носителей информации на ЭВМ.

В соответствии с шифротелеграммой председателя КГБ СССР о выдаче личному составу оружия произведён расчёт необходимых сил и средств. Принято решение оружия не выдавать, но обеспечить беспрепятственный доступ сотрудников к нему в местах хранения. Запрошены холостые патроны, бронежилеты, щиты, светошумовые гранаты...

Райгортделам придаются соответствующие средства, исходя из реальных потребностей. С органами внутренних дел, особыми отделами МВО и ПВО отрабатываются навыки по отражению возможного нападения с учётом специфики расположения и оперативной обстановки в районах».

(Как показал дальнейший ход развития событий, дополнительные меры обеспечения безопасности сотрудников органов КГБ и административных зданий были отнюдь не напрасны.)

Естественно, что всю серьёзность обстановки понимали и в центральном аппарате КГБ. Шебаршин в книге «Рука Москвы» приводит высказывания офицеров ПГУ на одном из совещаний, которое он проводил со своими сотрудниками в октябре 1990 года:

«Профессиональные разведчики говорят обычно коротко и ясно. Но в тот день редкий из них удерживался от сжатой оценки обстановки:

“Враждебная кампания против КГБ — это производное от общего положения в стране. К власти рвутся антидемократические силы...”

¹ 4 февраля 1990 года в Москве состоялось массовое шествие, организованное «демократическими» организациями.

Идёт наступление на основные структуры государства...

Руководство страны занимает двусмысленную позицию...

В нашем распоряжении есть документальные данные о роли ЦРУ в кампании против КГБ...».

Итак, ширмы откинута, приближается развязка.

Действия антисоветчиков требовали адекватного ответа. Казалось бы, наиболее реальная в недавнем прошлом сила в стране — КПСС получила свой исторический шанс, чтобы заявить о своей готовности отстаивать социалистическое Отечество и перейти, наконец, к решительным действиям: в июле 1990 года собрался XXVIII съезд компартии. Увы, он опять превратился в говорильню и не стал толчком к реальным действиям. В кулуарах многие участники съезда говорили о необходимости освобождения Горбачёва, ведущего страну к пропасти, от обязанностей Генерального секретаря — по результатам прямого голосования три четверти делегатов съезда дружно проголосовали за его переизбрание. По сути, это был акт о капитуляции. Кстати, избранный XXVIII съездом КПСС состав Политбюро отличался поразительной беззубостью, в частности, в него уже не вошли ни министр обороны Д. Т. Язов, ни председатель КГБ А. В. Крючков, который, таким образом, пробыл на вершине партийной власти менее года.

На апрельском пленуме ЦК КПСС 1991 года поначалу наблюдался тоже боевой настрой. Но, во-первых, Горбачёв опять сумел погасить эмоции в пустопорожней болтовне, а во-вторых, даже если бы члены ЦК и проголосовали за отставку генсека, их решение было бы недействительным — на XXVIII съезде он был избран прямым голосованием, и, следовательно, его судьбу мог решить только очередной съезд. Так была упущена последняя возможность попытаться восстановить управляемость и эффективность КПСС, с тем чтобы мобилизовать партию на решительные действия, выправить ситуацию в стране и избежать трагического конца. Следующий, непосредственно предшествующий выступлению ГКЧП июльский пленум и вовсе не обнаружил стремления членов ЦК переломить ситуацию.

Большинство коммунистов сложили оружие перед моральным террором «демократов» и либеральных СМИ. Об этом говорит такой красноречивый факт: на Первом съезде народных депутатов РСФСР в мае 1990 года о

своей принадлежности к фракции «Коммунисты России» из восьмисот с лишним членов КПСС заявили лишь 380 человек. Колеблющиеся и откровенно запуганные коммунисты отсеивались и в дальнейшем — через полтора года в этой фракции осталось всего 53 депутата.

На критическом переломе истории КПСС утратила единство. Ещё в конце 1980-х годов в партии произошёл раскол, возникли фракции и платформы. При этом образованную на базе региональных партклубов «Демократическую платформу в КПСС» возглавили либерально настроенные деятели, которые занимались в основном её разрушением изнутри.

Разброд и шатания поразили здоровое большинство партии. Если позиция «Марксистской платформы в КПСС» отличалась взвешенностью (её члены признавали смешанную экономику с доминированием общественного сектора и выступали за демократизацию общественной жизни), то объединения левого фланга (движения «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», «Коммунистическая инициатива», «Большевицкая платформа»), решительно выступая против ревизионизма Горбачёва, не предлагали конструктивных путей выхода из кризиса. Их взоры были обращены в прошлое, а попытки привнести в настоящее опыт революционной борьбы давно ушедшей эпохи, в том числе возродить в партии и воплотить в жизнь лозунг диктатуры пролетариата, имели сомнительную перспективу. Наиболее активная часть рабочего класса, как известно, в критический для партии и страны период коммунистов не поддержала и отдала предпочтение Ельцину.

В 1992 году известный писатель Владимир Личутин, оценивая состояние патриотического движения в стране, так и не сумевшего перед лицом национальной угрозы преодолеть в своих рядах разлад, с горечью заметил: «Любимое русское, славянское занятие — раскол. Оно и позволило произойти со страной тому, что произошло». Назвал Личутин и причины, помешавшие единению: борьба амбиций, самолюбий, характеров. И сделал невесёлый вывод: «Мы умираем поодиночке, но за общее дело».

Тем временем обстановка ухудшалась с каждым днём.

Крючков в своих воспоминаниях отмечает несколько факторов, усугублявших ситуацию.

Комитет госбезопасности буквально захлестнули сообщения, поступающие из территориальных управлений, о резком росте националистических и сепаратистских на-

строений, перераставших в тяжёлые межнациональные конфликты. Национализм как раковая опухоль расползлся по стране, поражая всё новые регионы, усиливая центробежные тенденции и провоцируя вооружённые конфликты. КГБ, по выражению Крючкова, «бомбил» информацией и записками президента и Совет министров СССР, предупреждая о нарастающей угрозе национальному единству страны, однако, как мы увидим, горбачёвская верхушка и не собиралась лечить болезнь, а скорее наоборот — подливала масла в огонь.

В 1990 году впервые за весь послевоенный период после двухгодичной стагнации стало сокращаться производство. В промышленности выпуск продукции сократился на 1,2 процента, а продукция сельского хозяйства уменьшилась на 2,9 процента. Конечно, эти цифры невелики в сравнении с тем обвалом, который произошёл в 1991—1995 годах, и тем падением, которое вызвал нынешний российский кризис. Однако в сочетании с целым рядом других негативных факторов обострение проблем в экономике вело к усилению социальной напряжённости.

Недовольство ухудшением социального положения, которое постоянно подогревалось, проявлялось среди рабочих, интеллигенции, молодёжи, крестьянства. Напряжённость обострилась в армии — её совершенно необоснованно (как и служащих органов госбезопасности) унижали, оскорбляли, пинали. Под воздействием антисоветской пропаганды недовольство части населения перерастало в открытые выступления — митинги, пикетирования, забастовки. Это и нужно было подстрекателям, которые рвались к власти. «Демократические» СМИ с удовольствием и широко освещали эти процессы, умалчивая о демонстрациях и шествиях сторонников советской власти и сохранения СССР.

На этих выделенных Крючковым моментах хотелось бы остановиться немного подробнее.

Национальная напряжённость в союзных республиках, сопровождавшаяся вооружёнными конфликтами на этнической почве и массовыми потоками беженцев в безопасные регионы Советского Союза, провоцировалась и нагнеталась искусственно. В начале 2011 года автору довелось несколько раз беседовать с известным политическим деятелем, депутатом Государственной думы РФ пяти созывов В. И. Илюхиным (будучи начальником управления Генеральной прокуратуры СССР, он в начале ноября 1991 года возбудил уголовное дело против дей-

ствующего президента СССР М. С. Горбачёва по статье 64 УК РСФСР — измена родине). Виктор Иванович — один из немногих людей, который природу межнациональных конфликтов хорошо знал «изнутри», поскольку в качестве представителя Генпрокуратуры расследовал ряд из них на местах — в Армении, Азербайджане, Фергане, Приднестровье, Грузии. В частности, во время нашей последней беседы, состоявшейся буквально за день до его трагической смерти, обсуждались события в Нагорном Карабахе и других горячих точках. Воспроизведу некоторые фрагменты его рассказа:

«Я всегда говорил: национальный вопрос — острый вопрос, и если его ловко использовать, можно творить великие “чудеса”».

Когда первый раз приехал в Степанакерт, Карабах, говорю: покажите мне, где армянин, а где азербайджанец. Они уже за много лет совместного проживания сами не отличали друг друга.

Один азербайджанец спрашивает: Виктор Иванович, ну кто это нас поссорил? Мой сын женат на армянке...

Другой: мой сосед азербайджанец, я никогда его не пропущу, чтобы не пригласить на торжество какое, свадьбу... Мы жили вместе, мы перемешались. Взяли — и по живому начали резать...

В Азербайджане, в Баку, расследуем события в Карабахе, изучаем. Я — от Генеральной прокуратуры. Пирожков Владимир Петрович — зампредседателя КГБ СССР, Демидов Николай Иванович, замминистра внутренних дел СССР.

Мы работаем уже полгода и видим: нам удалось сбить волну национализма. Возбудили уголовные дела против подстрекателей. Люди между собой стали снова общаться, вышли на работу. Мир вернулся, поверьте мне — мир!

И вдруг нам объявляют указ об особой, президентской форме управления Карабахом.

Обращаюсь к Пирожкову:

— Владимир Петрович, с вами кто-нибудь советовался, вас в Москву вызывали?

— Нет.

Спрашиваю то же самое у Демидова — нет, только что узнал об этом.

Виктор Петрович Поляничко, второй секретарь ЦК КП Азербайджана, — удивительный человек! Прошёл Афганистан. День и ночь работал, находился в самой гуще собы-

тий. Несколько покушений было на него¹. Люди тянулись к нему, и армяне, и азербайджанцы. Как он замечательно мог говорить, затронуть за живое! Мы с ним вместе много проехали — по Азербайджану, Карабаху.

Я его тоже спрашивал:

— Виктор Петрович, как могло такое случиться?

— Я не знаю.

Как можно принимать такое решение, не посоветовавшись с официальными представителями союзного Центра, с людьми, которые изучили причины происходящего, знают, что, как и почему, представляют возможные последствия любого неосторожного шага?

Обидно было. Столько было труда вложено. Была надежда, ей-богу, была надежда! И вдруг — особая форма.

А ведь эта особая форма управления была выгодна только армянским националистам, которых испугало, что в Карабах возвращается мир. Проблема уже стала терять остроту — Горбачёв взял и поднял её.

За этим решением стояли Галина Старовойтова и Елена Боннэр², а Горбачёв шёл на поводу у провокаторов.

Вместе с генерал-полковником Александром Петровичем Тягуновым, комендантом города Баку, мы принимали академика Сахарова вместе с его супругой Боннэр и Старовойтовой. Во время встречи я убедился, что Сахаров на самом деле — пешка. Мужик он, может, был и неплохой, но решали всё эти две кладбищенские вороны — Боннэр и Старовойтова, которые ему и рта раскрыть не давали.

Только Сахаров заговорит: вот я, товарищ генерал, хотел бы уточнить эту позицию... Старовойтова тут же:

— Подожди, Андрей.

И: тра-та-та-та...

Попытается он снова слово вставить — другая влезает.

Тягунов не выдержал: ну дайте Андрею Дмитриевичу хоть что-то сказать!

В общем, они крутили Горбачёвым и Сахаровым, как хотели, и докрутили...

¹ В. П. Поляничко погиб в результате покушения 1 августа 1993 года на территории Северной Осетии.

В 1985—1988 годах работал в Афганистане советником ЦК КПСС при Политбюро ЦК НДПА, был одним из разработчиков политики национального примирения. В августе 1991 года поддержал ГКЧП.

² Влиятельные политические и общественные деятели либерального толка.

В Прибалтике эмиссаром Горбачёва был А. Н. Яковлев. Съездит туда — докладывает: там нормальный процесс идёт.

Как “нормальный”?! Там ставится вопрос о выходе из Союза. Там объединяются саюдисты¹, которые организуют моральный террор против русских, всего пророссийски настроенного населения. Там объединяются националистические народные фронты. Там ЦК компартий начинают проводить сепаратистскую линию.

А Яковлев: всё нормально!

Тот же Ельцин туда ездил в январе 1991 года подписывать договор о предоставлении так называемой независимости Эстонии². Пьяным его везли обратно (боялся на самолёте возвращаться) до Ленинграда, а затем уже перемещали в Москву...

Национальные отношения — это самый разрушительный вопрос, если в него вцепились негодяи.

Так называемая “элита” в республиках и разыграла эту карту. Прекрасно понимая, что при нормальном течении она ничтожно мелка и никогда бы не пришла к власти.

А на национальном вопросе, разогрев его, раскачав, можно преуспеть...»³

Может возникнуть вопрос: не стусил ли Илюхин краски во время беседы с автором?

В своей книге «На краю пропасти» Крючков делится с читателем такой информацией. В июне 1988 года в ленинградском Институте социально-экономических проблем прошёл так называемый «семинар 38-й комнаты». Выступившая на нём Г. Старовойтова изложила позицию по национальным отношениям, как выразилась, «радикального крыла перестройки». Предложенный ею «радикальный вариант решения национального вопроса» появился на базе бесед Яковлева в Эстонии с некоторыми руководителями партийного аппарата этой республики.

¹ Саюдис — общественно-политическая организация, возглавившая сепаратистские течения в Литве.

² 12 января 1991 года Б. Н. Ельцин совершил визит в Таллин, в ходе которого подписал с председателем Верховного совета Эстонской Республики Арнольдом Рюителем договор «Об основах межгосударственных отношений РСФСР с Эстонской Республикой». В статье I договора стороны признали друг друга независимыми государствами.

³ Аудиозапись беседы автора книги с В. И. Илюхиным от 18 марта 2011 года.

Этот вариант предусматривал сознательную установку на ослабление межнациональных связей с целью их децентрализации. Как считала Старовойтова, Эстония должна послужить полигоном для испытания идеи Яковлева. На этом же семинаре ещё один полигон борьбы за децентрализацию — Армения, способная усложнить обстановку в Нагорном Карабахе. Самое важное, отметила «демократка», победа армян над азербайджанцами, поскольку это означало бы первую, главную и решительную победу над ленинско-сталинской национальной политикой.

Армянская проблема имела для «демократов» большое значение по ряду причин. По мысли некоторых участников ленинградского семинара, необходимо было «развенчать» договор большевиков с президентом Турции Кемалем Ата-тюрком, что дало бы возможность перейти к критике Ленина: «Не во всём был прав, а может, и ни в чём не был прав».

По замыслу инициаторов этого плана, обострение обстановки в Азербайджане и вокруг него приведёт к напряжённости в республиках Средней Азии, где имеется почва для проявления исламского фундаментализма.

Крючков прекрасно сознавал всю остроту национального вопроса и то, к чему ведёт его «разрешение» доморощенными «демократами». Выступая в декабре 1990 года на Четвёртом съезде народных депутатов СССР, он с тревогой говорил о том, что в стране уже насчитывается более двадцати националистических политизированных объединений, имеющих в своём составе военизированные формирования или вооружённые отряды боевиков. В их числе на Украине — «украинская республиканская партия» и «украинская межпартийная ассамблея», в Латвии — «карти-бассарги» (дружинники) и «айз-сарги» (защитники), в Эстонии — «кайтселийт» (союз защиты), в Грузии — «легион грузинских соколов», в Армении — «армия независимости», «мстители».

Органы госбезопасности, подчеркнул Крючков, не занимают позицию стороннего наблюдателя. В последнее время выявлено более четырёхсот вооружённых формирований численностью свыше 26 тысяч человек. Никто не думал, что на семьдесят четвёртом году советской власти будут убивать людей только за их национальную принадлежность.

Остановился Владимир Александрович и на положении в отдельных республиках:

«Кто возьмётся назвать, например, конструктивными призывы к населению Молдавии бойкотировать подпи-

сание Союзного договора¹, рассматривая его — цитирую: как “попытку построения новой тоталитарной пирамиды... стремление вовлечь республику в старый капкан и тем самым узаконить её оккупацию”? Или, например, утверждение, что для Литвы “Вторая мировая война продолжается”. Подобные утверждения мы слышим из уст далеко не рядовых граждан.

От имени Народного фронта Латвии со страниц республиканской прессы звучат призывы: “Вступать в особые добровольные формирования стражей порядка!”, “Подготовить структуры Народного фронта для деятельности на нелегальном положении!”

...26 октября с. г. на встрече с избирателями в Зеленограде прозвучал призыв: “Долой марионеточный Верховный Совет СССР и Съезд народных депутатов СССР!” А прозвучало это не кто иной, как один из народных депутатов².

На том же заседании Съезда народных депутатов, отметив резкую активизацию подрывной работы западных спецслужб против Советского Союза, Крючков подчеркнул, что «основные источники нашего неблагополучия, по мнению Комитета госбезопасности, находятся внутри страны». Их главные причины заключаются в том, что «в стране развернулась острая борьба по вопросу о собственности и вопросу о власти» (курсив мой. — А. Ж.).

Именно эта борьба привела к обострению экономического кризиса в стране, вызвала нарушение вертикальных и горизонтальных связей, перебои в поставках сырья и комплектующих, сокращение производства, остановку целых предприятий. Важнейшим инструментом борьбы за власть стал прямой саботаж в организации хранения, транспортировки и реализации населению продуктов питания и предметов первой необходимости. Цель ясна — усилить недовольство людей, вывести их на улицы.

¹ На основании такого договора в 1922 году был образован Союз Советских Социалистических Республик. Основные положения договора об образовании СССР вошли в текст Конституции СССР, принятой в 1924 году. Естественно, что необходимость разработки и принятия нового Союзного договора диктовалась самим ходом исторического развития. Однако отношение к этому процессу и содержанию готовящегося договора было далеко не однозначным: основное противоборство шло между сторонниками сохранения Союза и его разрушителями.

² Крючков В. А. Без срока давности. Кн. 1. М.: Просвещение, 2006. С. 214.

Эти явления приняли такие размеры, что в ноябре 1990 года Верховный Совет СССР, обсудив вопрос «О положении в стране», поручил Комитету госбезопасности развернуть эффективную борьбу с экономическим саботажем. Руководство работой КГБ по пресечению экономических преступлений возглавило вновь созданное Управление по борьбе с организованной преступностью. Этими проблемами чекисты занимались и раньше, но теперь они вошли в число приоритетных направлений деятельности Комитета.

Уже спустя три недели после принятия Верховным Советом постановления «О положении в стране» Крючков докладывал Съезду народных депутатов о первых результатах работы органов госбезопасности. В частности, он привёл в качестве типичных примеров ряд установленных фактов сокрытия от продажи населению и необоснованного длительного хранения на складах товаров:

«Мясо: в отделе рабочего снабжения Байкальского целлюлозно-бумажного комбината — 500 тонн;

мясные консервы: в Ашхабаде — 441 тысяча, а в Тирасполе — 250 тысяч банок;

рис: в г. Турсун-Заде — 1100 тонн;

чай: в Туле на одной из баз — 300 тысяч пачек;

сигареты: в Казани — 40 миллионов штук;

деликатесные рыбные продукты: в Новосибирске — 28 тонн икры, 304 тонны осетрового балыка; на одной из овощных баз Краснодар — 1 тысяча ящиков консервов; в Саратове — 200 тысяч банок деликатесов, в том числе 20 тысяч банок с лососёвой икрой.

В Томске почти 5 месяцев находился неразгруженным контейнер с 20 тоннами импортных лекарств, его содержимое частично было расхищено. Только после вмешательства органов госбезопасности контейнер был доставлен по назначению.

...Стоило появиться на складе рыбопродуктов в Иванове нашему сотруднику, как немедленно в детские дома и лечебные учреждения города было направлено около 1 тонны икры...»¹

Факты, о которых говорил Крючков, явились прямым следствием саботажа, организованного антисоветскими силами. Во всех словарях русского языка слово «саботаж» толкуется примерно одинаково — как умышленно-не-

¹ Крючков В. А. Без срока давности. Кн. 1. М.: Просвещение, 2006. С. 216.

добросовестное исполнение обязанностей, уклонение от работы при соблюдении видимости выполнения её, как стремление помешать осуществлению чего-либо при помощи скрытого, замаскированного противодействия.

На завершающем этапе перестройки саботаж применялся в первую очередь для того, чтобы парализовать в стране систему торговли и снабжения населения, разорвать экономические связи между предприятиями и тем самым создать в стране хаос и неразбериху. (Из истории известно, что в ответ на попытки противников советской власти саботировать деятельность государственных учреждений сразу же после Октябрьской революции и задушить молодую республику, 20 декабря 1917 года была создана ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем под руководством Ф. Э. Дзержинского.)

То, что процесс дестабилизации экономической жизни носил целенаправленный характер, подтверждает в своих воспоминаниях и Н. И. Рыжков, который в то время возглавлял Совет министров СССР: «Полки магазинов пусты, в морских портах стоят суда с продовольствием и товарами народного потребления, а желающим принять участие в их разгрузке вручают деньги и отправляют восвояси. На железных дорогах создают пробки, практически перекрывающие жизненные артерии страны. На полях гибнут хлеб, овощи, в садах гниют фрукты... С тех пор на протяжении более полутора десятков лет, чтобы задним числом оправдать приход к власти “демократов”, по телевидению показывают одни и те же кадры: пустые полки продуктовых магазинов. Но нынешние “независимые” властители СМИ стыдливо умалчивают о том, почему они пустовали»¹.

Правда, об одном моменте Николай Иванович не упоминает — о том, что в мае 1988 года правительство под его руководством предприняло один из первых, крайне неудачных шагов по реформированию экономики — был принят непродуманный Закон о кооперации в СССР. А в результате к действующим государственным предприятиям присосались тысячи кооперативов, которые, ничего не создавая, с жадностью пили кровь из живого организма советской экономики. Начался открытый грабёж государственной собственности. И дело не только в огромном и невоспол-

¹ Рыжков Н. И. Разрушители державы // Наш современник. 2006. № 2.

нимом прямом ущербе, который наносился стране. Вместе с кооперативами на предприятия проникли бандитизм и рэкет, разросшиеся в последующие годы до невиданных масштабов, стали процветать коррупция и казнокрадство.

В статье «Знаем ли мы всю правду о теневой экономике?», опубликованной в «Правде» 18 августа 1990 года, Крючков подчеркнул, что свыше 50 процентов вновь организованных кооперативов пошли не по пути развития производства товаров, а занялись оказанием посреднических услуг, где легче извлекать нетрудовые доходы. В 1989 году в кооперативном секторе выявлено преступлений в 5 раз больше, чем за 1988 год, причём рост правонарушений значительно опережал увеличение количества кооперативов и численности работающих на них. По сведениям Владимира Александровича, выдача со счетов кооперативов наличных денег в несколько раз, на миллиарды рублей, превышала средства, поступающие на них.

Заметим, Крючков говорит только об учтённых банками суммах. Однако не составляло большого секрета, что теневых наличных средств, которые «прокручивали» кооператоры, было во много раз больше.

В результате «посреднических услуг» кооперативов в стране образовался огромный навес денежной массы, и волна наличных средств «малиновых пиджаков» моментально сметала всё, что появлялось на прилавках магазинов.

Поскольку большинство «демократов» и либералов составляли выходцы из КПСС, они хорошо знали о важнейшем признаке революционной ситуации, о котором не раз говорил Ленин: нужды и беды трудящихся обостряются до такой степени, что «низы не хотят жить по-старому». Только вот в отличие от Ленина, который рассматривал этот признак в качестве *объективной* предпосылки революции, создавали они эту ситуацию искусственно, по принципу «Чем хуже — тем лучше».

Бывший начальник Управления КГБ по Кемеровской области В. А. Пчелинцев в книге, посвящённой шахтёрским забастовкам 1989 года, рассказывает, как известные московские лидеры «демократов» буквально «оседлали» Кузбасс. «Осчастливил» шахтёров своим визитом и Ельцин. Цель у всех была одна — подогреть бастующих шахтёров и направить их требования в политическое русло. Прозрение у большинства рабочих наступило слишком поздно. Василий Алексеевич вспоминает, как через несколько лет зашёл в магазин и стал свидетелем ожесточённого спора между

людьми, толпившимися в ожидании завоза хлеба. Ругали почём зря шахтёров, упрекали забастовщиков в эгоизме, в том, что они «продали свою рабочую совесть за жалкие гроши и ввергли страну в капиталистический рынок». Досталось и новоявленным правителям Кемеровской области, и Ельцину, которого называли и разрушителем Советского Союза, и «собутыльником членов рабочего комитета Кузбасса», созданного в период забастовок. Когда спор дошёл до кипения, один из покупателей, стоявших в очереди, неожиданно вступился за Ельцина и попросил не ругать его, а, наоборот, выразить ему благодарность. На объявившегося защитника обрушилась очередная волна негодования, но тот попросил внимания:

«Вы не горячитесь, а выслушайте лучше, что я хочу вам сказать. Ельцина нужно благодарить прежде всего за то, что он и его демократические друзья всего лишь за два года доказали, а коммунисты за долгие семьдесят четыре года не смогли доказать, что социализм всё-таки лучше, чем капитализм!»¹

...Осенью 1989 года от обязанностей главного редактора органа ЦК КПСС газеты «Правда», которую Горбачёв с Яковлевым держали в ежовых рукавицах, освободили В. Г. Афанасьева. Принято считать — за статью о пьянстве Ельцина в Америке. Однако дочь Виктора Григорьевича Ольга Афанасьева вполне обоснованно полагала, что основная причина внезапной отставки заключалась в другом. До её отца дошли материалы, раскрывающие истинное лицо лидеров Межрегиональной депутатской группы (МДГ)², сформированной летом 1989 года на Первом съезде народных депутатов в качестве «демократической» фракции. В частности, в руки В. Г. Афанасьева попала стенограмма секретной конференции Московского объединения клубов избирателей, состоявшейся в сентябре 1989 года, в том числе выступления на ней Г. Х. Попова и других лидеров МДГ. Ознакомившись с материалами конференции, Афанасьев в срочном порядке подготовил предложения, призванные воспрепятствовать дальнейшей дестабилизации обстановки в стране и прорыву «межрегионалов» к власти. На следу-

¹ Пчелинцев В. А. Жаркое лето 1989 года. Кемерово: Примула, 2011. С. 74.

² Основной целью создания МДГ было объявлено «преобразование политического режима в СССР от тоталитарного к демократическому».

ющий день после того, как он передал документ Горбачёву, ему предложили уйти на пенсию.

Что же так обеспокоило вождей перестройки? То, что Афанасьеву стали известны истинные замыслы «демократов», откровенно преступные средства, которые они намеревались использовать в борьбе за власть. Так, Попов предложил своим поделщикам «для достижения всеобщего народного возмущения довести систему торговли до такого состояния, чтобы ничего невозможно было приобрести. Таким образом можно добиться всеобщих забастовок рабочих в Москве. Затем ввести полностью карточную систему. Оставшиеся товары (от карточек) продавать по произвольным ценам».

Особым «демократизмом» отличались предложенные Поповым методы воздействия на политических оппонентов: «У нас есть шансы для победы, нужно ставить на учёт каждого депутата РСФСР. Он должен понять, что если он будет голосовать не так, как скажет Межрегиональная группа, то жить ему в этой стране будут невозможно».

Как видим, перед «демократами» ставились предельно ясные задачи.

Добавим, что хорошо знали о замыслах МДГ и в Управлении КГБ по Москве и Московской области. Начальник управления Прилуков лично направлял всю соответствующую информацию Крючкову, который доводил её до сведения президента.

И здесь хотелось бы отметить один важный момент. Несмотря на острое политическое противостояние, которое достигло особенно большого накала в Москве и Ленинграде (не зря историки считают, что в переломные годы судьба страны всегда решалась в столицах), первоочередные усилия органов госбезопасности и их контрразведывательных структур направлялись на то, чтобы предотвратить в крупных городах акции саботажа, диверсий, возможные террористические акты. Политика отступала на второй план, главное — обеспечение полной безопасности людей, нормальных условий их повседневной жизни, труда и быта. Например, под постоянным контролем УКГБ по Москве и Московской области находилась инфраструктура мегаполиса — теплоэнергоснабжение, водоснабжение и канализация, транспорт, снабжение и торговля продуктами питания и товарами первой необходимости, аэропорты и вокзалы, предприятия повышенной опасности и многие другие жизненно важные объекты. Много сил занимала

борьба с организованной преступностью и другими особо опасными антиобщественными проявлениями, для которых междувластие и безвластие всегда являются хорошей питательной средой.

Эта работа органов КГБ не афишировалась и, чаще всего, люди о ней даже не подозревали. Отдадим ей должное хотя бы сегодня.

...Практически всё, что председатель КГБ адресовал Горбачёву, оставалось без ответа. Создавалось впечатление, что только один Михаил Сергеевич не понимал, к какой пропасти скатывается страна.

Отсутствие у руководства страны воли и желания заняться конструктивным решением нависших над ней проблем создавало в органах госбезопасности тягостную атмосферу. Как отмечал Крючков, крайне тяжело создавшуюся в стране обстановку переживали разведчики, особенно нелегалы. В Центр шли тревожные шифровки, о содержании которых докладывалось и руководству страны — безрезультатно. Вот содержание одной из них: «Уважаемый Владимир Александрович! Что происходит с нашей страной, с моей Родиной? Куда мы идём? Здесь в открытую говорят, что скоро не будет Союза. Злорадствуют по этому поводу. Я вне себя от отчаяния».

Письмо другого разведчика-нелегала не менее откровенно: «...Предательство социализма... развал Советского государства... бездумные уступки Западу... предательство союзников... непонятно, чем руководствуются в Кремле... люди ЦРУ в советских верхах...» И в конце: «Куда смотрите вы? Невыносимо тяжело наблюдать всё, что происходит в нашем Отечестве. Но вы можете быть уверены, что я полностью свой долг до конца».

Ещё одно письмо из секретной почты: «Тяжело слушать, как наши недруги, потирая от удовольствия руки, говорят, что все спецслужбы мира, вместе взятые, не сделали бы с Советским Союзом то, что русские сами творят со своей страной».

Что можно было ответить этим людям?

Глава седьмая

РАЗВЯЗКА

Знакомясь с выступлениями и статьями В. А. Крючкова, включёнными им в двухтомник «Без срока давности», невольно обращаешь внимание на то, как в течение сравнительно короткого времени менялась их тональность. И если после назначения на пост председателя КГБ СССР Владимир Александрович вполне искренне говорил о своей приверженности перестройке и неутраченной вере в Горбачёва, то спустя полтора-два года в его публичных заявлениях стали всё чаще звучать жёсткие оценки ситуации в стране и положения, в которое загоняли КГБ. «Архитекторы» и «прорабы» перестройки, ввергнув страну в фазу полураспада, теперь упорно толкали её к последней черте, к точке невозврата.

Обычная манера Крючкова даже самые острые вопросы ставить спокойно и взвешенно, не давая воли эмоциям, конечно же, никого не вводила в заблуждение. Заметные перемены в его позиции в первую очередь обеспокоили Горбачёва и ближайшее окружение президента. К тому же на Горбачёва давили и набиравшие силу «удельные князья», мечтавшие о своей полной независимости от Центра. Мешал КГБ, где слишком много знали, — разведывательные и контрразведывательные структуры Комитета, несмотря на массивированные психические атаки либеральных СМИ, продолжали работать в обычном режиме. Неудивительно, что Крючкову, обладавшему полной информацией о состоянии страны и реальных целях «демократов», исподволь стали подыскивать замену. Об этом, например, свидетельствует В. И. Болдин, который в силу обязанностей заведующего Общим отделом ЦК КПСС и руководителя Аппарата президента СССР общался с Горбачёвым едва ли не каждый день. В книге Валерия Ивановича «Крушение пьедестала» описывается такой эпизод:

«Все, кто знал Горбачёва довольно близко, видели его колебания, понимали безысходность положения. Страна стояла на грани развала, гражданской войны, разрухи, и оздоровительные меры были просто необходимы. Президента СССР всё больше загоняли в угол руководители России, других республик, они диктовали ему условия, оказывали влияние на выбор им кадров. Незадолго до отъезда в отпуск Горбачёв неожиданно спросил меня:

— Ты знаешь о моей встрече с Ельциным и Назарбаевым? Они настаивают на том, что Крючкова и Язова надо убирать с должностей: не тянут больше старики.

Я удивился не столько самой встрече, о которой ничего не знал, сколько тому, что сказал Горбачёв.

— Я слышал другое — будто вы обсуждаете вопрос о назначении Бакатина на пост председателя КГБ.

Он удивлённо взглянул на меня и быстро заговорил:

— Ни Крючкова, ни Язова этим вождям я не отдам. Скорее вместе уйдём с постов...

Я понял, что Горбачёва очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. И если нет, то он, видимо, надеялся, что при случае я могу передать Крючкову слова Горбачёва о его решимости отвергнуть предложения Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крючкову уже подготовлена замена, заставила Горбачёва страстно убеждать меня, что... эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратиться к гнев.

Лишь спустя два или три года я узнал от Крюčkова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачёва, Ельцина и Назарбаева¹, как и не знал вообще, что *президент СССР плетёт против него интриги*» (курсив мой. — А. Ж.).

Поскольку мы всё ближе подходим к августовским событиям 1991 года, ставшим переломными не только в судьбе Крюčkова, но и в истории нашей страны, хотелось бы заострить внимание читателя на некоторых моментах, позволяющих, по мнению автора, лучше понять феномен ГКЧП.

На протяжении многих веков философам и историкам не даёт покоя вопрос о роли личности в истории. Сторонники тех или иных, часто — взаимоисключающих, взглядов в

¹ Впоследствии Крюčkова обвиняли в том, что он якобы осуществлял прослушку этой беседы и, усмотрев в разговоре угрозу своей власти, предпринял попытку «государственного переворота».

качестве аргументов своей точки зрения, как правило, приводят примеры из прошлого. Но на проверку большинство исторических иллюстраций оказываются столь противоречивыми, что этот философский вопрос до сих пор остаётся неразрешённым.

Однако это не лишает нас права утверждать, что в критические моменты истории роль субъективных факторов неизмеримо возрастает и отдельные личности могут существенно повлиять на течение исторического процесса. И не случайно революционные эпохи, войны и другие крупные катаклизмы наша память тесно связывает с именами людей, предрешивших исход тех или иных событий.

Конечно, на характер и итог недолгой деятельности Государственного комитета по чрезвычайному положению оказал воздействие целый ряд объективных факторов. Но многое в августе 1991 года предопределил именно Крючков, причём большую роль сыграли его чисто человеческие, личные качества.

Тема «Крючков и ГКЧП» постоянно поднималась во время многочисленных бесед автора с ветеранами КГБ, и всегда во главу угла ими ставился вопрос: обладал ли Владимир Александрович необходимой решительностью для того, чтобы действия ГКЧП увенчались успехом, или ему не хватило твёрдости и последовательности? При этом высказывались прямо противоположные мнения, и каждый обосновывал своё суждение достаточно вескими доводами. И всё же, на взгляд автора, более убедительными выглядят аргументы тех, кто считает, что решительности Владимиру Александровичу вполне хватало.

Поясню свою точку зрения такими примерами.

В конце 1988 года, вскоре после назначения Крюčkова председателем КГБ СССР, страну потрясла драма, разыгравшаяся в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ): трое вооружённых бандитов захватили автобус с большой группой школьников вместе с их учительницей. Угрожая убийством детей, они потребовали предоставить самолёт для вылета за рубеж.

Крючкову пришлось тогда решать сложную дилемму. Можно было попытаться освободить заложников с помощью группы захвата, готовой уничтожить преступников. Однако исключить при этом гибель хотя бы одного школьника никто не мог. И тогда Владимир Александрович принял такое решение: удовлетворить все требования преступников — выдать им запрошенную огромную сумму валюты,

продукты питания, доставить до аэропорта, предоставить самолёт, передать пистолеты, автоматы и бронежилеты.

Особенно большой риск заключался в том, что преступники в любую минуту могли воспользоваться предоставленным оружием. Всю ответственность Крючков взял на себя, поскольку далеко не все одобряли его решение. Но в конечном счёте, убедившись, что их требования полностью выполняются, бандиты уже перед самым вылетом самолёта в Тель-Авив освободили всех заложников. Последним самолёт покинул подполковник Шереметев — сотрудник УКГБ по Ставропольскому краю, который по требованию бандитов добровольно согласился быть у них заложником (за этот мужественный поступок он был удостоен ордена Красного Знамени).

Кстати, после этого случая в СССР была прекращена практика неоправданного, неприемлемого риска при освобождении заложников — в центр внимания ставилась задача их спасения.

Следует добавить, что в этой истории Крючков проявил и свои дипломатические способности. Поначалу преступники не собирались лететь в Израиль, рассматривали совсем другие маршруты. И лишь в самый последний момент, к огромному облегчению Владимира Александровича, назвали в качестве конечной точки Тель-Авив. По каким-то одному ему известным причинам, он был твёрдо убеждён, что выбор террористами Израиля, по сути, предопределял благоприятный для нас исход операции.

А ведь у нас с Израилем были тогда весьма натянутые отношения. Однако Владимир Александрович через МИД СССР вступил в контакт с израильскими властями и спецслужбами, будучи уверенным, что они окажут нам поддержку, задержат бандитов и выдадут их Советскому Союзу. Никто тогда его уверенности не разделял, но произошло всё именно так. А помимо прочего, этот случай сыграл свою роль в потеплении отношений между СССР и Израилем.

В результате действий и твёрдости Крючкова операция КГБ по спасению детей закончилась благополучно. И разве можно его отказ от крайних мер по освобождению заложников назвать нерешительностью?

Вместе с тем в других критических ситуациях, при обстоятельствах, не оставляющих выбора, он всегда принимал жёсткие решения. Как, например, при проведении операции КГБ по обезвреживанию преступников в Саратове в мае 1989 года. Тогда, захватив оружие и автомашину,

бандиты обосновались в квартире, в которой проживала семья — муж, жена и их двухлетняя дочь. Ими были выдвинуты требования — деньги и самолёт для вылета за рубеж, иначе заложники будут сброшены с четвёртого этажа. Судя по совершённым накануне этой же бандой преступлениям, рассчитывать на то, что переговоры могут дать какой-то результат, не приходилось.

Сотрудники группы захвата совершили, казалось, невероятное — с крыши дома на канатах спустились на два этажа ниже и вышибли окна квартиры. Первый ворвавшийся в неё чекист накрыл своим телом девочку. Выстрелы бандитов участники операции приняли на себя, но, к счастью, выручили бронезилеты.

В другой раз, в августе 1990 года, группа преступников из семи человек захватила следственный изолятор в Сухуми, в котором они содержались в ожидании суда за ранее совершённые преступления. Помимо арестованных, они взяли в заложники четырёх сотрудников изолятора и в последующие двое суток выдвинули ряд опять-таки «стандартных» условий — машина, деньги, самолёт. В противном случае грозили расправиться с заложниками. Переговоры шли день и ночь, но результатов не дали. Было принято решение направить в Сухуми группу сотрудников спецподразделения «А» 7-го управления КГБ (так называемую группу «Альфа»). Расчёт строился на внезапности и быстроте действий. Преступникам по их просьбе был предоставлен микроавтобус, на котором они рассчитывали выехать в аэропорт, чтобы оттуда покинуть страну. В момент выхода во внутренний двор изолятора и посадки в микроавтобус преступники были атакованы скрытно находившейся там группой «Альфа». Спустя несколько секунд все семеро преступников были нейтрализованы. Жизни заложников были спасены.

Конечно, приведённые примеры убедят не всех: оперативная сфера — это всё же одно, а способность принимать последовательные и жёсткие решения политического характера, от которого зависит судьба страны, — это совсем другое. Однако многие факты свидетельствуют о том, что Крючков и при возникновении реальной угрозы конституционному строю СССР был внутренне готов к самым серьёзным шагам. Как предупреждение явным и скрытым врагам советской власти прозвучали его слова на Четвёртом съезде народных депутатов, состоявшемся в декабре 1990 года:

«Звучат опасения, что если сегодня пойти на решительные действия по наведению порядка, то надо заведомо согласиться с тем, что прольётся кровь.

А разве кровь уже не льётся? Разве, включая телевизор и открывая газеты, мы не узнаём почти каждый день о новых человеческих жертвах, гибели невинных людей, в том числе женщин и детей? Никого не хочу запугивать, но Комитет госбезопасности убеждён, что, если развитие ситуации в нашей стране пойдёт и далее в таком же ключе, нам не избежать более серьёзных и тяжёлых по своим последствиям социально-политических потрясений. Речь идёт о том, чтобы уйти от жертв, предупредить новые»¹.

Острые и нелюбезные оценки сложившегося в стране положения и перспектив выхода из него прозвучали в выступлении Владимира Александровича на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года, за два месяца до создания ГКЧП. Поднятый перед депутатами ряд принципиальных проблем уже ни у кого не оставил сомнений в том, что Крючков не намерен созерцать дальнейший развал СССР в качестве стороннего наблюдателя — ведь страна стояла на грани жизни и смерти.

Сначала приведём несколько его высказываний по поводу текущего момента:

«...Наше Отечество находится на грани катастрофы...

Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью...

Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране...

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору...

Всё более угрожающие масштабы приобретает преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах

¹ Крючков В. А. Без срока давности. Кн. 1. М.: Просвещение, 2006. С. 215.

политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества...

Нужны настойчивость и решительность в главном — защите Конституции...

Главное наше достояние — это складывающийся веками великий союз народов. Его сохранение — священный долг перед поколениями, которые жили до нас, и теми, кто придёт нам на смену. Тут в полную силу пора говорить о нашей исторической ответственности...

По сообщениям, которые мы получаем, — это и в открытой печати проходит — в Соединённых Штатах Америки и в некоторых других западных странах считают, что развал Советского Союза предрешён...

Есть данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определённых условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным арсеналом...

Нет такого принципиального вопроса, по которому мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую, часто нелюбимую информацию руководству страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение. Однако, разумеется, нужна адекватная реакция...

Обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайно характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжёлую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия...

Обстановка требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному, и прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Всё остальное, мне думается, должно быть подчинено этому».

Но даже предельная откровенность Крючкова и вся острота поднятых им проблем не произвели на депутатов Верховного Совета такого впечатления, как затронутый в выступлении вопрос о деятельности агентуры влияния. При этом Крючков начал с того, что зачитал записку Андропова, направленную в Политбюро ЦК КПСС ещё в 1977 году. Ознакомимся с ней и мы:

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение со-

ветского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определённых трудностей внутривнутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества и прежде всего в экономике, что приведёт в конечном счёте к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки.

Председатель КГБ СССР Ю. Андропов».

Выступление Крючкова и зачитанный им документ, несмотря на секретность заседания Верховного Совета, получили огласку и произвели в «демократическом» лагере эффект разорвавшейся бомбы. Во-первых, всем было ясно, что записка Андропова к концу 1980-х — началу 1990-х годов приобрела особую актуальность. Многие, очень многие в «коллективном портрете» агентов влияния, составленном Комитетом госбезопасности по материалам разведки и контрразведки, без труда узнавали себя и боялись разочарований, которые, как они обоснованно полагали, были вполне возможны в случае принятия чрезвычайных мер, на чём настаивал Крючков. Вот почему «демократы» с такой истерикой и злобой встретили весть о создании ГКЧП и не скрывали безудержной радости по поводу его неудачи.

С тех пор либеральные СМИ усилили нападки на Крючкова, обвиняя его в необоснованной дискредитации «благородных намерений и помыслов сторонников свободы и демократии». Тот, в свою очередь, был убеждён, что к началу 1990-х годов наша страна была «нашпигована» агентами влияния, которые направляли демократическое движение в деструктивное русло. Однако эта его уверенность вовсе не подтверждала многочисленных выдумок «демократов» о наличии в КГБ мифических «списков Крючкова», на основании которых якобы готовились «новые репрессии против инакомыслящих». У страха, как известно, глаза велики.

В январе 2006 года в интервью газете «Трибуна» Крючков подчёркивал, что, говоря о наличии в стране агентов влияния, он никого прямо не обвинял. «Но всем тогда становилось ясно, о ком идёт речь. Из уст председателя КГБ прямые обвинения не должны были исходить. Я ведь не суд»¹.

Но это высказывание Владимира Александровича отнюдь не означало, что органы госбезопасности, чья разведывательная и контрразведывательная деятельность всегда носила и будет носить политический характер, должны были закрывать глаза на существующую проблему.

Агентура влияния — это не выдумка КГБ, как очень часто нам пытаются представить. В использовании такого метода работы ни наши, ни западные разведывательные службы никогда не видели ничего предосудительного. Другое дело — оказаться в рядах агентуры влияния, сознавая, что ты работаешь против своей страны (правда, не всех это

¹ Крючков В. А. Без срока давности. Кн. 2. М.: Просвещение, 2006. С. 461.

расстраивало и расстраивает). В «Записках начальника нелегальной разведки» Ю. И. Дроздов даёт такие пояснения:

«Специфическим орудием борьбы и их, и наши стеснительные политики называют агентуру. “Агентура влияния”, как правило, не вербуется, она приобретает, завоёвывается, воспитывается терпеливо, ненавязчиво, заботливо, услужливо. По американским взглядам, акции влияния и подбор агентуры для них должны осуществляться строго конспиративно. Конечная цель должна быть скрыта. Ещё более конспиративную форму должно иметь финансирование подобных акций: различные международные конференции, общества дружбы с Америкой, — но ни в коем разе не допускать грубого прямого подкупа политика иностранной державы для действий в интересах США. Только в результате длительного и кропотливого труда появлялась возможность считать такого политика или государственно-го деятеля “агентом влияния”, а последний и не догадывался, что считается “оберегаемым” или “особо оберегаемым источником”. На языке нашей разведки это называется использованием объекта “втёмную”».

Эти строки написаны человеком на основании огромного личного опыта разведывательной работы за рубежом, в том числе и в США.

Почти 40 лет службы в органах госбезопасности и за плечами у А. П. Фролова, который также затрагивает эту тему:

«Формы и методы привлечения к сотрудничеству и использованию “агентов влияния” существуют самые разнообразные и диктуются конкретными условиями жизни, работы и отдыха таких людей. Многие из них сотрудничают на идеологической основе и не преследуют стяжательские цели.

“Агенты влияния” получали, однако, завуалированные, хотя и прозрачные, вознаграждения в виде повышенных гонораров за изданные книги, статьи или публичные выступления, устройства детей и родственников в учебные заведения, культурные или спортивные учреждения и многое другое¹.

Выявление и разоблачение “агентов влияния” является профессиональным делом контрразведчиков, но требует сверхтонкого искусства контршпионажа. Дело в том, что типичные признаки, демаскирующие обычный агентур-

¹ Об этом же упоминает и В. Ф. Грушко в книге «Судьба разведчика».

ный шпионаж, в поведении и работе “агентов влияния” или вовсе отсутствуют, или бывают затенены на фоне выполнения ими привычных служебных обязанностей»¹.

Однако вернёмся к личности Крючкова, которому суждено было стать центральной фигурой в Государственном комитете по чрезвычайному положению и координировать (не формально, а по существу) его деятельность. Именно *суждено*, поскольку никто из членов ГКЧП такой ответственности на себя брать не стал. Вице-президент СССР Г. И. Янаев узнал о готовящемся выступлении лишь 18 августа. И то, что он, ни минуты не колеблясь, дал согласие исполнять обязанности президента, несомненно, делает ему честь. Вопрос о руководителе ГКЧП обсуждался, однако так и остался открытым. Фактически *Крючков взял основную ответственность на себя*.

Ряд ветеранов госбезопасности, с которыми беседовал автор, уверены, что ГКЧП в своих действиях должен был идти до конца и не останавливаться перед применением силы. В критические моменты истории власть, защищающая интересы народа и убеждённая в своей правоте, имеет право на вооружённую защиту. В качестве примера приводились события 1989 года в Пекине на площади Тяньаньмэнь, когда китайское руководство подавило выступления недовольных реформами Дэн Сяопина, решившись на крайние меры. А ведь значительная часть протестовавших против политики властей китайских студентов и представителей интеллигенции полагала тогда, что образцом для Китая могут стать либеральные преобразования Горбачёва, посетившего накануне этих событий КНР.

Трудно представить, что бы стало с Китаем, если бы противники Дэн Сяопина взяли верх. Развитие современного Китая, толчок которому дали его реформы, сегодня впечатляет весь мир. «Реформы» Горбачёва уничтожили СССР и поставили Россию на грань катастрофы.

Не только члены ГКЧП, но и некоторые влиятельные сотрудники КГБ, по их рассказам, ещё за несколько месяцев до августовских событий делали попытки склонить Крючкова к мысли о том, что спасти страну можно только силовыми методами. Но Владимир Александрович в таких случаях казался непроницаемым.

Они не убедили Крючкова. Скорее всего, потому, что плохо знали его. Вероятно, Владимир Александрович уо-

¹ Фролов А. П. КГБ СССР: контршпионаж, учёба и работа контрразведчиков. М., 2011. С. 185.

дил от ответа, поскольку лучше других видел черту, которую он не сможет переступить. И вряд ли можно до конца понять суть августовских событий, если эту проблему обойти стороной.

Генерал-лейтенант Н. С. Леонов известен не только как крупный разведчик-аналитик и учёный, но и как человек, наделённый несомненным литературным даром, автор многих известных книг. Как-то он высказал автору такое мнение о Крючкове: по уровню образованности и присущей ему интеллигентности председателя КГБ можно сравнить только с одним человеком из большого круга руководителей спецслужб, включая зарубежные, — главой разведки ГДР Маркусом Вольфом, поражавшим всех своим интеллектом и кругозором.

Крючков — настоящий интеллигент, которого отличают не только ум и образованность. Вспомним о его страстной любви к театру. Или о его манере поведения, таких качествах, как сдержанность и неизменная вежливость в общении с окружающими, обращение ко всем без исключения только на «вы», неподдельная забота о людях. В его спокойной и неторопливой речи никогда не было грубых слов, тем более «солёных» словечек, без которых обходится далеко не каждый мужчина. Он практически никогда не повышал голос.

В то же время он далёк от той когорты чеховских хлюпиков-интеллигентов, которые всегда чем-то недовольны, философствуют ни о чём и ведут меж собой пустопорожние разговоры. Как подметил один из героев «Вишнёвого сада», «громадное большинство интеллигенции ничего не ищет, ничего не делает и к труду... не способно».

И, пожалуй, о главном. Крючкову, почти 30 лет работавшему в органах прокуратуры и КГБ, было присуще такое качество, как нетерпимость к любому виду насилия. Что, в общем-то, нетипично для людей подобных профессий и поэтому может показаться кому-то странным.

Мы уже говорили о том, что Крючков не любил охоту, поскольку это занятие претило всей его натуре. Однажды, в 1965 году, ему довелось сопровождать в поездке по Венгрии Брежнева и Подгорного. Наблюдал он и за охотой на фазанов, которую организовал для них Янош Кадар, знавший о любимом увлечении советских руководителей. Наверное, это самые эмоциональные страницы воспоминаний Владимира Александровича, пронизанные отвращением и даже ненавистью к тому, что он тогда увидел. «Эта бойня, — пишет Крючков, — и по сей день стоит у меня перед глазами».

Эта история говорит о многом. Мог ли Крючков, который категорически отказался взять в руки ружьё на охоте, допустить, что противостояние 19—21 августа выльется в вооружённые столкновения? Вопрос скорее риторический.

К тому же не будем забывать, что Крючков — законник (юридическое образование и прокурорская работа не прошли даром), и его законопослушание, как считают некоторые его коллеги по КГБ, было «избыточным». Трудно сказать, может ли оно вообще быть таковым. Но вот известный юрист, государственный советник юстиции 1-го класса, бывший заместитель Генерального прокурора РФ М. Б. Катышев, с которым автор обсуждал эту тему, убеждён, что именно верность Закону не позволила Крючкову перешагнуть роковую черту в августе 1991 года.

Благодаря этому качеству Владимир Александрович, возглавив КГБ, увидел зазоры между правовой базой КГБ и его практической деятельностью, добился принятия закона об органах государственной безопасности и приступил к осуществлению конкретных мер по их демократизации.

Законопослушание Крючкова проявлялось и в его отношениях с Горбачёвым, во взаимодействии Комитета госбезопасности с органами государственной власти даже в то время, когда, может быть, и следовало «наступить на горло собственной песне».

В начале 1991 года, обсуждая с Горбачёвым январский кризис в Литве, спровоцированный экстремистами, Крючков чётко обозначил свою линию: *Комитет госбезопасности силовыми методами будет действовать лишь в тех случаях, когда получит соответствующие указания от руководства страны. Он был привержен этой линии и в последующем.*

То, что произошло в Литве, требует пояснений — ведь в столкновениях у телецентра в Вильнюсе либералы, по своему обыкновению, обвинили в первую очередь КГБ и, естественно, Крючкова.

Экстремистские силы из движения «Саюдис», нагнетая обстановку в республике и подогревая сепаратистские настроения, пользовались поддержкой со стороны руководства Литвы, в частности председателя Верховного совета Литовской ССР В. Ландсбергиса, и не намеревались решать какие-либо проблемы политическим путём — речь шла только о насильственных методах борьбы «за независимость», против «советской оккупации». Москва обвинялась во всех смертных грехах, изображалась источником враждебности по отношению к литовскому народу. Теле-

видение и радио, значительная часть газет и журналов выливали на жителей Литвы поток лживых инсинуаций и подстрекательских заявлений, призывов действовать, добиваться «свободы для литовского народа».

Как отмечал Крючков, резкое обострение обстановки вынудило президента СССР Горбачёва 10 января 1991 года обратиться к Верховному совету республики. В его обращении говорилось: «Надо смотреть правде в глаза и видеть истинные причины создавшегося положения. Они коренятся в грубых нарушениях и отступлениях от Конституции СССР, Конституции Литовской ССР, попрании политических и социальных прав граждан, в стремлении под лозунгом демократии провести в жизнь политику, направленную на восстановление буржуазного строя и порядков, противоречащих интересам народа».

Поскольку никакой реакции на это обращение не последовало, Горбачёв дал указание министру обороны Язову, министру внутренних дел Пуго и председателю КГБ Крючкову предпринять при необходимости адекватные меры силового характера. Заметим, что это решение поддержал тогда и министр иностранных дел СССР Шеварднадзе, ставший к тому времени «своим» в лагере либералов.

В ночь на 13 января 1991 года агрессивно настроенная дружина литовцев из так называемого Комитета национального спасения выдвинулась к телецентру, безопасность которого вместе с другими силовыми подразделениями должны были обеспечить 30 сотрудников группы КГБ «Альфа». На пути к телецентру военнослужащие и бойцы «Альфы» подверглись нападениям со стороны хулиганствующих элементов, обстрелу с крыш близлежащих домов, в результате чего пострадали и гражданские лица. Через несколько месяцев, закончив расследование, Прокуратура СССР установила виновность организаторов и участников беспорядков. Также было отмечено, что сотрудники «Альфы» не произвели *ни одного выстрела*¹. Даже несмотря на

¹ Сотрудники группы «Альфа», сохранившейся после упразднения КГБ СССР, проявили верность своему долгу по обеспечению безопасности граждан и во время вооружённого захвата Верховного Совета РФ 4 октября 1993 года, организованного Ельциным. Они отказались применить оружие против осаждённых и в течение нескольких часов выводили людей на безопасную территорию, закрывая их от пуль своими бронжилетами и рискуя собственными жизнями. За всё время нахождения в самом пекле событий ими было израсходовано в общей сложности всего четыре патрона.

то, что от огнестрельного ранения в спину погиб их товарищ — лейтенант В. В. Шатских, посмертно награждённый орденом Красного Знамени...

Искусственно спровоцированные в республиках центробежные тенденции вылились в так называемый «парад суверенитетов». Суть его заключалась в принятии республиканскими органами власти местных законов, имевших приоритет над союзными, что создавало правовые предпосылки распада Советского Союза. В головной колонне этого «парада» оказалась и Россия, планы выхода которой из Союза вынашивались Ельциным и его сторонниками. Крупным шагом в реализации задуманного ими стало принятие 12 июня 1990 года Декларации о государственном суверенитете РСФСР, 5-я, ключевая статья которой предусматривала верховенство российских законов над законами СССР.

Далеко не все участники Первого съезда народных депутатов РСФСР, дружно проголосовавшие за Декларацию, понимали тогда, к чему это может привести. Безусловно, на их решение повлияли разгул русофобии, недовольство политикой Горбачёва и крайне недружелюбное, а порой и откровенно враждебное отношение к Москве ряда республиканских руководителей. Но в той обстановке нельзя было противопоставлять Россию другим союзным республикам, где население находилось в таком же бедственном положении.

Вот так, благими намерениями, мостилась дорога в ад.

После позорных Беловежских соглашений — окончательного приговора Союзу ССР, вынесенного в декабре 1991 года на абсурдных юридических основаниях и денонсированного позднее, в 1996 году, Государственной думой РФ, многие депутаты российского парламента, подписавшиеся под Декларацией от 12 июня 1990 года, наконец-то осознали, что именно с её принятием началось ускоренное разрушение Союзного государства. «Первый шаг в этом направлении, — признали они в печати, — сделали мы сами на первом съезде, из благих побуждений приняв решение о государственном суверенитете Российской Федерации... Виноваты мы все. И те наши руководители, которые борьбу против недостатков, а также конкретных политиков, находившихся у власти в Союзе, превратили в борьбу против государства и основ этого государства».

К великому стыду, Россия одной из первых бросила вызов Союзу ССР. Уже затем последовали декларации о су-

веренитете Узбекистана, Молдавии, Украины, Белоруссии, Туркмении, Армении, Таджикистана.

Отметим, что большинство граждан СССР, несмотря на огромные пропагандистские усилия сепаратистов, не испытывали желаний замкнуться в своих квартирах и отдать свою судьбу в руки местных «элит». 17 марта 1991 года состоялся общесоюзный референдум по вопросу о сохранении СССР. На вопрос референдума — «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?» — ответили «да» свыше 76 процентов его участников (всего в референдуме приняли участие 80 процентов граждан СССР, имевших право голоса). При этом в Узбекистане, Азербайджане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении за сохранение обновлённого Союза высказалось от 93 до 98 процентов участников референдума. Такая же картина наблюдалась и в Казахстане, однако основной вопрос референдума там был изменён и формулировался следующим образом: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза ССР как Союза равноправных суверенных государств?» За этой формулировкой просматривалось явное стремление руководства республики к обособленности, что вскоре и подтвердилось.

В Латвии, Литве, Эстонии, Грузии, Молдавии и Армении руководство отказалось от проведения референдума. Голосование, в котором приняли участие в общей сложности свыше двух миллионов человек, проходило по инициативе отдельных местных Советов и трудовых коллективов.

К сожалению, не прошли бесследно сказки российских политиков либерально-демократического и псевдопатриотического толка о том, что Россия «кормит окраины» и, отделившись от них, она якобы моментально превратится в богатейшую страну мира: в Москве и Ленинграде более половины участников референдума проголосовали против сохранения СССР.

Верховный Совет СССР, рассмотрев итоги референдума, отражавшие желание большинства народов СССР, постановил:

«Государственным органам Союза ССР и республик руководствоваться в своей практической деятельности решением народа, принятым путём референдума в поддержку обновлённого Союза Советских Социалистических Рес-

публик, исходя из того, что *это решение является окончательным и имеет обязательную силу на всей территории СССР* (курсив мой. — А. Ж.).

Рекомендовать Президенту СССР и Совету Федерации, Верховным Советам республик исходя из итогов состоявшегося референдума энергичнее вести дело к завершению работы над новым Союзным Договором, с тем чтобы подписать его в кратчайшие сроки».

Важно отметить, что, определяя главный принцип нового Союзного договора (действовавший Договор об образовании СССР был принят 30 декабря 1922 года), *в декабре 1990 года Четвёртый съезд народных депутатов СССР поимённым голосованием принял решение о сохранении федеративного государства и его названия — Союз Советских Социалистических Республик*. Вместе с тем на этом же съезде президент Казахской ССР Н. А. Назарбаев выдвинул идею заключения республиками Союзного договора без участия Центра, что отражало намерение ряда республиканских руководителей направить процесс подготовки основополагающего документа в сторону замены федеративного устройства страны конфедерацией.

Эта же точка зрения, которая шла вразрез с Конституцией СССР и итогами мартовского референдума, отразившими позицию абсолютного большинства населения СССР, возобладала во время стартовавшего в апреле 1991 года так называемого Новоогарёвского процесса с участием девяти республик, выразивших желание остаться в новом Союзном государстве, и союзного Центра как самостоятельного участника дискуссий по вопросу, каким быть обновлённому Союзу (формула «9 + 1»).

Каково же было отношение Крючкова к основным проблемам, возникшим во время подготовки нового Союзного договора?

«Можно и нужно было, — считал он, — поступиться многим — отказаться от жёсткой централизации и всеобъемлющего планирования, однопартийной системы, предоставить реальные права и полномочия союзным республикам, решительно изменить соотношение властных, управленческих прерогатив между Центром и местами, пойти на радикальные изменения в социально-политическом строе, в частности сделать крен в сторону рыночных отношений, предоставить право на жизнь всем формам собственности, осуществить в строго определённых рамках приватизацию и многое другое. Главный исторический итог развития нашего

тысячелетнего Отечества — Союз, единое государство, подлежал сохранению во что бы то ни стало»¹.

Находясь уже под арестом (после провала ГКЧП) и отвечая на вопросы следователей, Владимир Александрович так пояснял свою позицию:

«На заседаниях, в ходе делового общения стоял неизменно вопрос: “Что же делать?” Начался распад Союза, и это, пожалуй, беспокоило всего больше. В конце концов, каким будет строй в нашей стране — капиталистический или социалистический, — это ещё можно было бы как-то переварить. Но то, что распадается Союз, то, что международные конфликты уносили всё новые и новые сотни жизней, когда тысячи людей были ранены, а более семисот тысяч человек стали беженцами, гонимыми, — это всё уже говорило о том, что страна охвачена, без преувеличения, смертельным кризисом»².

У приверженцев социализма эти слова Крючкова, безусловно, вызовут большие сомнения: а можно ли было ради сохранения Союза поступиться социалистическим строем? Конечно же, нет! Ведь именно социализм с его базовыми ценностями служил цементирующей основой многонационального Советского государства. Именно социалистические идеи, воплощение в жизнь принципов интернационализма, равенства и дружбы народов позволили большевикам во главе с Лениным в кратчайший исторический срок осуществить величайший в истории человечества проект по созданию многонационального государства — Союз Советских Социалистических Республик был образован уже через пять лет после Октябрьской революции³. Уместно напомнить, что важнейшим ленинским принципом решения национального вопроса, обеспечившим добровольное вхождение республик в СССР, было *право наций на самоопределение*⁴. И не Ленин «заложил под

¹ Крючков В. А. На краю пропасти. М.: Эксмо, 2003. С. 67.

² Протокол допроса обвиняемого В. А. Крючкова от 31 августа 1991 года.

³ Сравните с тем, как в наше время, в эпоху реанимированного и переведённого четверть века назад в палату для тяжёлых больных капитализма, движется, например, строительство Союзного государства России и Беларуси, начатое ещё в 1997 году, — и пояснять больше ничего не придётся.

⁴ Кстати, Сталин, бывший поначалу сторонником создания не федерального, а унитарного государства, в конечном счёте признал историческую правоту Ленина и при разработке Конституции СССР 1936 года не стал изменять заложенные Лениным принципы построения Советского государства.

Россию атомную бомбу», как в этом пытаются нас сейчас убедить некоторые российские политики, а подложили её те, кто в 1991 году, спекулируя на национальных чувствах народов и возникших трудностях, разорвал Советский Союз на части, разогнал великое содружество наций по отдельным квартирам, а сейчас пытается уничтожить в людях даже само воспоминание о социализме. Возникает вопрос: почему же руководство страны так трепетно заботится об увековечении памяти одного из главных разрушителей великой державы и виновников неисчислимых бед народа Б. Н. Ельцина (например, открытие ельцинского центра в Екатеринбурге почтили своим присутствием президент и председатель правительства Российской Федерации)? Думаем, что на этот вопрос каждый читатель волен отвечать по-своему.

...Автор глубоко убеждён: Крючков прекрасно сознавал, что и обновлённому Союзу суждена недолгая жизнь, если не сохранить его фундамент — социалистический строй. Да, тогда, в 1991 году, уже существовала реальная угроза разрушения фундаментальных основ Советского Союза — подрывные работы велись полным ходом. Но всё же наиболее опасным в тот период представлялось стремление деструктивных сил осуществить демонтаж здания под названием СССР «сверху», разобрать сначала его крышу и стены, а уж затем приступить и к подрыву всего фундамента.

Заметим, что позиция Владимира Александровича отражала мнение большей части здравомыслящих сил в верхних эшелонах власти. Казалось бы, неизбежные в сложных ситуациях компромиссы, которые допускал Крючков и близкие к нему по духу соратники, могут быть приемлемы для всех участников Новоогарёвского процесса, если... Если бы только все из них были действительно озабочены жизненными интересами людей, сохранением великого государства, руководствовались общим стремлением преодолеть политический и социально-экономический кризис, который переживала страна. Однако, как подтвердило дальнейшее развитие событий, многие региональные руководители преследовали совсем иные цели...

Владимир Александрович обстановку в стране, сложившуюся к августу 1991 года, характеризует в своих воспоминаниях довольно лаконично, но предельно ясно:

«Конституция СССР, конституции союзных республик были отброшены в сторону как ненужный хлам, в стране

наступил хаос и беспредел. Между Центром и союзными республиками воцарилась атмосфера раздоров и противостояния.

Попытки с помощью “демократических”, популистских заявлений исправить положение, напротив, лишь ухудшали его. Разрушительные силы делали своё дело: держава катилась в пропасть. Во многих районах страны возникла обстановка морально-психологического террора.

Любой голос в защиту институтов советской власти — легитимной, конституционной — встречал град нападков. Огульно охаивалось всё: история, настоящее, а будущее в условиях советской власти рисовалось как мрачная перспектива».

К июлю 1991 года был готов проект нового Союзного договора, в основном одобренный Верховным Советом СССР. Но окончательная его доработка осуществлялась келейно, за закрытыми дверями. Своё заключение по этому документу дали три большие группы квалифицированных юристов, каждая из которых работала самостоятельно.

23 июля на совещании новоогарёвской группы в соответствии с принятым ранее решением Верховного Совета СССР было решено договор доработать и провести его подписание в сентябре—октябре, после обсуждения и утверждения текста Съездом народных депутатов СССР. Однако 29—30 июля на закрытой встрече в Ново-Огарёве Горбачёв, Ельцин и Назарбаев решили подписать новый договор 20 августа без его предварительного обсуждения и одобрения на Съезде народных депутатов СССР.

Центральным союзным органам, в соответствии с последним вариантом договора, отводилась чисто символическая роль. Их функции сводились к тому, чтобы в основном *координировать* деятельность республиканских органов. В соответствии с «Основными принципами» этого документа каждая союзная республика получала статус «суверенного государства», а обновлённый Союз наделялся правом осуществлять государственную власть лишь «в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора».

Провозглашение Союза «федеративным» государством никого не могло ввести в заблуждение, поскольку «государства, образующие Союз», имели право «на самостоятельное решение всех вопросов своего развития».

Показательным был подход авторов договора к решению наиболее принципиального вопроса — о бюджетно-

финансовой системе СССР. По свидетельству А. И. Лукьянова, Ельцин настоял на том, что вместо двухканальной бюджетной системы следует ввести одноканальную. Это означало, что все налоги будут поступать не в бюджет Союза с последующим распределением их по республикам, а в бюджеты республик, которые будут по своему усмотрению выделять средства лишь на поддержание сведённых до минимума функций общесоюзного государства.

Весь смысл договора окончательно проясняла статья 23: «Настоящий договор одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу с момента подписания их полномочными делегациями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года».

Как видим, о высших органах центральной власти здесь даже и не упоминается, всё было подготовлено к тому, чтобы Советский Союз с самого начала процедуры подписания прекратил своё существование, рассыпался как бы «автоматически». И такой план задумали осуществить, по сути дела, три человека, грубо поправ основные положения действующей Конституции СССР. Ведь даже название для нового государственного образования было придумано новое — Союз Советских Суверенных Республик (сравните с прежним названием и, как говорится, почувствуйте разницу).

На этой же встрече Горбачёва, Ельцина и Назарбаева обсуждался и широкий круг других вопросов, касавшийся участи Советского государства. В частности, планировалось прекратить деятельность союзных законодательных и исполнительных органов и заменить их новыми, лишёнными каких-либо серьёзных властных функций и полномочий. Под этим же углом зрения обсуждались даже кадровые вопросы.

Готовившийся в спешном порядке договор был результатом личных компромиссов Горбачёва с двумя республиканскими «вождями» в обход всех ранее принятых законом, демократическим путём решений и договорённостей. И пошёл он на сделку исключительно ради сохранения хотя бы какой-нибудь, пусть даже формальной власти, без которой он не мыслил своего существования.

И всё бы оставалось в тайне до 20 августа, если бы не утечка информации. 15 августа неожиданно для всех ли-

беральные «Московские новости» опубликовали проект Союзного договора, который предстояло подписать через несколько дней. Причин для такой публикации, думается, было две. Во-первых, газета не упустила возможности преподнести публике сенсацию. А во-вторых, редакция, видно, не смогла сдержать радости по поводу скорой кончины СССР. Об этом свидетельствует и заголовок, под которым был опубликован подготовленный к подписанию договор: «Мы ещё не знаем, что надежда уже есть».

По информации Владимира Александровича, тех, кто готовил новый Союзный договор, его публикация привела в шок. Горбачёв звонил из Фороса, куда он накануне подписания договора отправился в отпуск, метал громы и молнии, требовал наказать виновных...

Надежда для одних оборачивалась драмой для других, для подавляющего большинства советских людей. Сидеть и ждать дальнейшего развития событий сложа руки было нельзя.

Был ли у Государственного комитета по чрезвычайному положению хоть какой-нибудь шанс сорвать преступные замыслы по уничтожению Союза? Наверное, был. Любопытно, что с самого начала выступления ГКЧП эти шансы просчитывало и ЦРУ. Обратимся к книге, написанной по американским источникам:

«ЦРУ, как обычно, перебирало варианты. Вероятность возвращения к доперестроечному режиму аналитики оценивали в 10 процентов; в 45 процентов — вероятность патовой ситуации в отношении демократов и сторонников жёсткой линии и в те же 45 процентов — вероятность поражения заговорщиков. Возможность успешного путча ЦРУ рассматривало с большим скепсисом... отчасти потому, что не удалось обнаружить признаков серьёзных приготовлений: переворот был затеян почти спонтанно»¹.

В документальном фильме «Владимир Крючков. Последний председатель», показанном осенью 2015 года по государственному телеканалу «Россия-1», на протяжении всей картины проводится мысль, что в случае победы ГКЧП в стране установилась бы диктатура, а на Крючкова была бы возложена роль диктатора. Мы далеки от мысли обвинять создателей фильма, по-своему стремившихся к объектив-

¹ *Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза* (пер. с англ.: *Sergii Plokhny. The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union. USA: Basic Books*). М.: АСТ, 2016. С. 113–114.

ности, в каком-либо сознательном навязывании зрителю традиционной, либеральной, трактовки событий августа 1991 года. Однако длительная и массивная обработка мозгов «демократическими» СМИ, до сих пор представляющими ГКЧП как «путч» или «заговор с целью государственного переворота», конечно же, не прошла даром.

Как мы уже упоминали, сигналом к решительным действиям стал обнародованный «Московскими новостями» проект Союзного договора, подготовленный втайне от общественности. Однако ГКЧП создавался не на пустом месте и имеет свою предысторию. 19 августа 2015 года в газете «Комсомольская правда» было опубликовано любопытное интервью А. Осипова с экс-послом США в СССР Джеком Мэтлоком под названием «О заговоре ГКЧП мы знали за два месяца до путча». На вопрос: «Как вы узнали о планах сместить Горбачёва?» — последовал такой ответ:

«В июне 1991 года я пригласил мэра Москвы Гавриила Попова на деловой обед. И он рассказал, что против Горбачёва готовится переворот и что он очень хотел бы, чтобы Ельцин, который в те дни находился в Вашингтоне, вернулся в Москву. Всё это происходило в формате обмена записками, мы боялись прослушки.

Я написал: “Я доложу, но кто всё это затеял?” Попов вывел ручкой четыре фамилии — Крючков, Павлов, Язов, Лукьянов».

Во-первых, этот эпизод даёт читателю ещё одно наглядное представление о том, о чём мы уже говорили — о методах работы агентов влияния и предводителей «пятой колонны», чья деятельность координировалась из-за рубежа и осуществлялась в тесном взаимодействии с Соединёнными Штатами.

Во-вторых, строки из интервью с американским послом требуют пояснения, поскольку слишком много здесь напутали Г. Попов и г-н Мэтлок.

Прежде всего отметим, что первым поднял вопрос о необходимости принятия чрезвычайных мер не кто иной, как Горбачёв, и было это ещё в феврале 1991 года. Многие склонны считать, что он сознательно вёл страну к развалу, однако вряд ли его можно в этом обвинять, тем более принимать всерьёз многочисленные байки о том, что он ещё в молодости решил бороться с коммунизмом. Подвели Михаила Сергеевича его амбиции и прочие личные качества, о которых читатель осведомлён не хуже нашего, и прежде всего завышенная самооценка на фоне весьма ограни-

ченного кругозора. Не будем голословными, послушаем, что говорил по этому поводу его ближайший сподвижник А. Н. Яковлев:

«У него была... слабость, и я пишу об этом в своих мемуарах, хотя Горбачёв, наверное, обидится. Слабость вот какая: он постоянно делал какие-то “открытия” и делился со мной. Любил звонить по ночам. Знал, что я тоже “сова”, и мог звонить в два, полтретьего ночи. И начинал: “Я знаю, что ты не спишь. Слушай, у меня возникла вот такая мысль...” А я слушаю и думаю: как его отговорить от этой мысли? Потому что мысль “школьная”, вычитана из брошюр Высшей партийной школы... Приходилось лукавить: да, интересно, конечно, но...

Утром на Политбюро он опять начинает: мол, сегодня ночью мне пришла в голову мысль... Начинает её развивать, причём с какими-то добавлениями после ночного разговора. Все, конечно, слушают с умным видом, поддакивают: мол, всё замечательно, чуть ли не гениально. И вот эта его почти детская наивность просто убивала. Он искренне верил, что сделал открытие, потому что раньше он этого действительно не знал!»¹

Приведённый отрывок из рассказа «архитектора» перестройки помогает понять, почему Яковлев без особого труда получил место духовного поводыря Горбачёва, и во многом объясняет причины постоянной путаницы в голове Михаила Сергеевича.

И всё же Горбачёв, скорее всего, понял, что зашёл в тупик, и начал метаться в поисках выхода. 28 марта 1991 года он провёл совещание в Кремле, на котором принял решение о создании Комиссии по чрезвычайному положению. Руководителем Комиссии был назначен вице-президент СССР Г. И. Янаев, в её состав вошли почти все члены будущего ГКЧП² (за исключением В. А. Стародубцева и А. И. Тизякова). Председателю КГБ В. А. Крючкову, мини-

¹ Яковлев А. Маленькие тайны великого времени // Аргументы и факты. 2000. № 18.

² В ГКЧП позднее вошли: О. Д. Бакланов — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, В. А. Крючков — председатель КГБ СССР, В. С. Павлов — премьер-министр СССР, Б. К. Пуго — министр внутренних дел СССР, В. А. Стародубцев — председатель Крестьянского союза СССР, А. И. Тизяков — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Д. Т. Язов — министр обороны СССР, Г. И. Янаев — вице-президент СССР.

стру внутренних дел Б. К. Пуго и руководителю Аппарата президента В. И. Болдину было поручено проработать организационные вопросы и меры, которые следует принять в случае возникновения в стране чрезвычайной ситуации. Имелось в виду прежде всего крайнее обострение политической обстановки в стране и возможность возникновения в связи с этим массовых беспорядков.

Деятельность Комиссии по чрезвычайному положению была отнюдь не формальной. Помимо серьёзной текущей работы, трижды состоялись её вполне официальные совещания, на которые приглашались некоторые государственные и политические деятели. Вполне естественно, что свои, внутриведомственные совещания проводили включённые в Комиссию руководители силовых структур государства. По свидетельству А. И. Лукьянова, Комиссия имела и свою гербовую печать.

Добавим, что её деятельность осуществлялась в строгом соответствии с принятым в апреле 1990 года Верховным Советом СССР Законом «О правовом режиме чрезвычайного положения», статья 1 которого устанавливала:

«Чрезвычайное положение является временной мерой, объявляемой в соответствии с Конституцией СССР и настоящим Законом в интересах обеспечения безопасности граждан СССР при стихийных бедствиях, крупных авариях или катастрофах, эпидемиях, эпизоотиях, а также при массовых беспорядках.

Целью объявления чрезвычайного положения является скорейшая нормализация обстановки, восстановление законности и правопорядка».

Автору довелось встречаться с несколькими участниками рабочих совещаний Комиссии, которые носили, по понятным причинам, закрытый характер, и поэтому у людей неосведомлённых (где-то и что-то слышавших) могли вызвать иллюзию подготовки «заговора», что при желании, в обстановке острого политического противоборства можно было представить в любом свете.

Как мы уже говорили, противникам советской власти были хорошо известны и вопросы, обсуждавшиеся на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. А ведь с резкими оценками ситуации в стране на этом заседании выступил не только Крючков. Министр обороны Язов и министр внутренних дел Пуго поддержали тогда требование премьер-министра Павлова о представлении Кабинету министров СССР, стремительно те-

рявшему в результате действий центробежных сил рычаги управления, чрезвычайных полномочий (вопрос тогда остался открытым).

Нельзя обойти стороной и ещё одно важное обстоятельство: перед угрозой распада страны шёл процесс объединения и консолидации народно-патриотических сил. В июле 1991 года в газете «Советская Россия» было опубликовано воззвание «Слово к народу», инициаторами которого выступили секретарь ЦК Компартии РСФСР Геннадий Зюганов и писатель Александр Проханов. На их призыв обратиться к людям напрямую, не уповая на остатки совести и разума у действующих властей, откликнулись видные общественные и государственные деятели. Среди них были писатели Юрий Бондарев и Валентин Распутин, генералы Валентин Варенников и Борис Громов¹, скульптор Вячеслав Клыков и певица Людмила Зыкина, президент Ассоциации государственных предприятий Александр Тизяков и председатель Крестьянского союза Василий Стародубцев, председатель Союза патриотических сил Эдуард Володин и лидер движения «Союз» Юрий Блохин. В воззвании, в частности, говорилось:

«Дорогие россияне! Граждане СССР! Соотечественники!

Случилось огромное небывалое горе. Родина, страна наша, государство великое, данные нам в сбережение историей, природой, славными предками, гибнут, ломаются, погружаются во тьму и небытие. И эта погибель происходит при нашем молчании, попустительстве и согласии. Неужели окаменели наши сердца и души и нет ни в ком из нас мощи, отваги, любви к Отечеству, что двигали нашими дедами и отцами, положившими жизнь за Родину на полях брани и в мрачных застенках, в великих трудах и борениях, сложившими из молитв, тягот и откровений державу, для коих Родина, государство были высшими святынями жизни?

Что с нами сделалось, братья? Почему лукавые и велеречивые властители, умные и хитрые отступники, жадные и богатые стяжатели, издеваясь над нами, глумясь над нашими верованиями, пользуясь наивностью, захватили власть, растаскивают богатства, отнимают у народа дома, заводы и земли, режут на части страну, ссорят нас и морочат, отлучают от прошлого, отстраняют от будущего — обрекают на жалкое прозябание в рабстве и подчинении у бессильных соседей? Как случилось, что мы на своих оглушающих ми-

¹ Б. В. Громов позднее отозвал свою подпись.

тингах, в своём раздражении и нетерпении, истосковавшись по переменам, желая для страны процветания, допустили к власти не любящих эту страну, раболепствующих перед за-морскими покровителями, там, за морем, ищущих совета и благословения?»¹

Призыв «очнуться, встать для единения и отпора» был услышан и наиболее честными представителями высшего руководства страны, в том числе и будущими членами ГКЧП, о чём, например, писал в своих воспоминаниях Г. И. Янаев: «Это было очень яркое, искреннее, проникновенное воззвание. Воспринималось оно патриотически настроенной частью нашего общества с благодарностью и некоторой надеждой на лучшее будущее. Мы же, будущие гэкачеписты, в этом плане от других патриотов Советского Союза не отличались»².

Заметим, что воззвание подписали будущие активные участники ГКЧП Варенников, Стародубцев, Тизяков, а либеральные СМИ назвали этот документ «манифестом ГКЧП», «прологом августовского путча». Очевидно потому, что и его авторы, и члены ГКЧП руководствовались одним и тем же — своей совестью, чувствовали не только боль за судьбу великой страны, но и свою личную ответственность за её будущее (многие тогда эту боль переживали на кухне)...

Приведённые выше в качестве примеров события и факты свидетельствуют о том, что вопрос о введении чрезвычайного положения в стране назрел и стоял на повестке дня. И большого секрета это ни для кого не представляло, что подтверждает и история, рассказанная автору Н. С. Леоновым.

В июне 1991 года Николай Сергеевич сопровождал Крючкова, выполнявшего правительственное поручение, в поездке на Кубу. Была поставлена задача — решить с кубинским руководством вопрос о дополнительных поставках сахара в нашу страну, испытывавшую тогда трудности с продовольствием. Обстановка на переговорах с Фиделем Кастро была, как всегда, доверительная. После решения основного вопроса (была успешно заключена бартерная сделка) зашёл разговор на большую тему — о ситуации, сложившейся у нас в стране. В ходе беседы Владимир Александрович откровенно заявил, что в СССР есть силы, готовые

¹ Слово к народу // Советская Россия. 1991. 23 июля.

² Варенников В., Крючков В., Стародубцев В., Язов Г., Янаев Г. ГКЧП. Был ли шанс? М.: Алгоритм, 2013. С. 21–22.

пойти на решительные действия. При этом присутствовал и советский посол на Кубе Ю. В. Петров, работавший ранее первым секретарём Свердловского обкома КПСС, — человек, близкий к Ельцину, а потому назначенный вскоре руководителем Администрации президента РСФСР (по роковому совпадению, к новым обязанностям он приступил 19 августа 1991 года). Однако его присутствие ничуть не смущало Крючкова, из чего можно было сделать вывод, что Ельцин знал о планах подготовки к введению в стране чрезвычайного положения.

Из протоколов допроса обвиняемого Крючкова В. А.

Крючков:

«В августе 1991 года во время обычных совещаний, широких или узких, то у Павлова В. С., то у Янаева Г. И., то у Бакланова О. Д., вставал вопрос: что делать? У Павлова В. С. остро обсуждалось экономическое положение в стране, в частности, грозящее разрушение финансовой системы страны. У Янаева Г. И. обсуждали продолжающиеся правовые конфликты. У Бакланова О. Д. меня, например, поразило совещание учёных атомщиков-физиков, где речь шла о катастрофическом положении на этом направлении народного хозяйства. Тизяков А. И. рассказывал об остановке многих промышленных предприятий и о том, что она в ближайшие месяцы достигнет катастрофических последствий.

В этих условиях возникла идея ещё раз доложить всё это Президенту СССР М. С. Горбачёву для того, чтобы повлиять на него и уговорить пойти на более решительные шаги в интересах спасения страны, т. е. предотвращения полного краха государства».

А. И. Лукьянов упоминает об одном важном обстоятельстве, которое в нашей печати почему-то обычно обходится стороной:

«Мы не раз говорили с союзным президентом об угрозе, которая нависла над страной, об активизации действий оппозиции, всякого рода экстремистских элементов. 3 августа 1991 года, всего за две недели до так называемого “путча” Горбачёв на заседании Кабинета министров констатировал “наличие в стране чрезвычайной ситуации и необходимости чрезвычайных мер”. Причём, как он подчёркивал, “народ поймёт это!”¹.

¹ См.: Лукьянов А. И. Август 91-го. А был ли заговор? М.: Алгоритм, Эксмо, 2010 (Ч. 2. Август 91-го. «Путч» в защиту советской власти).

Обратим внимание: 3 августа Горбачёв обозначил крайне важную проблему перед членами правительства, а 4-го уехал в отпуск, сославшись на обострение радикулита и словно забыв о намеченном на 20-е число подписании Союзного договора.

Вряд ли у кого из здравомыслящих людей вызовет удивление, что члены Комиссии по чрезвычайному положению восприняли выступление президента на заседании Кабинета министров как прямое указание на необходимость перехода к практическим действиям.

Более того, по свидетельству Крючкова (оно есть не только в воспоминаниях, но и в его показаниях на следствии), перед самым отъездом на юг Горбачёв поручил ему, Язову и Пуго ещё раз проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придётся пойти на введение чрезвычайного положения.

«Я понимал, — пишет Владимир Александрович, — что Горбачёв боялся исключительно за себя, боялся, что с ним могут рассчитаться те, кому он когда-то, как он выразился, “насолил”, имея в виду прежде всего Ельцина. В последнем разговоре со мной перед отъездом в отпуск он многозначительно заметил: “Надо смотреть в оба. Всё может случиться. Если будет прямая угроза, то придётся действовать”».

5 августа Крючков поручил заместителю начальника ПГУ В. И. Жижину и помощнику первого заместителя председателя КГБ А. Г. Егорову подготовить аналитические документы и предложения по стабилизации обстановки в стране в случае введения чрезвычайного положения. Кстати, в материалах, которые они представили, было рекомендовано воздержаться от применения силовых действий. Язов возложил такую же задачу на П. С. Грачёва, являвшегося в то время заместителем командующего воздушно-десантными войсками.

17 августа, через день после того, как всем стал известен окончательный текст проекта Союзного договора, который предполагалось *открыть к подписанию* 20 августа (хочешь — подписывай, не хочешь — до свидания), в гостевом доме КГБ (объект «АБЦ») прошло совещание. Чтобы обсудить создавшееся положение и последствия подписания этого документа, собрались В. А. Крючков, В. С. Павлов, О. Д. Бакланов, В. И. Болдин, Д. Т. Язов и О. С. Шенин. На этой встрече присутствовали также первый заместитель

председателя КГБ В. Ф. Грушко и заместители министра обороны В. И. Варенников и В. А. Ачалов.

Было решено направить к Горбачёву в Крым, в Форос, куда он уехал в отпуск, группу в составе Бакланова, Болдина, Шенина, Варенникова и в качестве сопровождающего — Ю. С. Плеханова, начальника Службы охраны КГБ (бывшего 9-го управления). Им поручалось ещё раз доложить президенту обстановку в стране, информировать его о резком ухудшении ситуации, убедить отложить подписание Союзного договора до обсуждения на Съезде народных депутатов СССР и обосновать необходимость срочного принятия чрезвычайных мер.

Ответственность за подготовку необходимых в связи с этим документов возложили на Крючкова. По его заданию Жижин и Егоров вместе с начальником Аналитического управления КГБ Леоновым приступили к работе над текстами Заявления советского руководства и Обращения к советскому народу, а также первых постановлений ГКЧП, окончательное редактирование которых было завершено в ночь на 19 августа.

В середине дня 18 августа Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников и Плеханов вылетели в Форос. Поначалу встреча с Горбачёвым, продолжавшаяся немногим более часа, носила довольно напряжённый характер — к идее немедленного введения чрезвычайного положения он отнёсся отрицательно. Но после того, как были найдены компромиссные решения, обстановка на переговорах потеплела. Договорились, что *президент, который всё же признал целесообразность введения чрезвычайного положения*, на время останется в стороне, а его полномочия примет на себя Янаев. Было обусловлено отключить в резиденции президента связь и усилить её охрану, чтобы обеспечить безопасность Горбачёва и его семьи в случае непредвиденных осложнений. На прощание Горбачёв пожал всем руки и произнёс: «Черт с вами, действуйте!»

В последующие дни в Форосе был осуществлён ряд мероприятий — в полном соответствии с договорённостями, достигнутыми с президентом. Это подтвердил в беседе с автором и генерал-майор КГБ В. В. Генералов, который 19–21 августа обеспечивал на территории резиденции президента режим безопасности. Ни о какой изоляции Горбачёва и речи не шло, хотя уже 19 августа тот вдруг потребовал через своего помощника Черняева восстановить связь. Посоветовавшись по телефону с Крючковым, Генералов

предложил воспользоваться специальной машиной связи, которую для удобства он был готов подождать поближе к резиденции. Последовал отказ. Немного позже Горбачёв передал своё желание вылететь в Москву. Но на полученное согласие предоставить ему специальный борт опять ответил отказом. По всему было видно, что положение «узника» Михаила Сергеевича вполне устраивало. Кроме того, между небольшой группой Генералова и многочисленной вооружённой охраной президента (которую, разумеется, никто не разоружал) сразу же была достигнута договорённость «о мирном сосуществовании». Как обычно, свободно приходили на работу сотрудники обслуживающего персонала, каждый день Горбачёва посещал нейрохирург, лечивший и консультировавший его по поводу обострения радикулита. Местные органы КГБ не усиливались и работали в обычном режиме.

...Вернувшись в Москву поздно вечером 18 августа, Бакланов, Шенин, Болдин и Плеханов (Варенников из Крыма вылетел в Киев) доложили собравшимся в кремлёвском кабинете Янаева (там ждали их возвращения сам Янаев, Павлов, Крючков, Язов, Пуго, Тизяков, Лукьянов) итоги встречи с Горбачёвым. На этом же совещании был утверждён состав ГКЧП, а на Янаева (как и было обговорено в Форосе) было возложено исполнение обязанностей президента. Ещё раз условились: чрезвычайное положение ввести только в Москве, и ни при каких обстоятельствах не идти на какое-либо противостояние с народом.

Даже при самом большом желании в решениях и действиях этих людей трудно усмотреть хотя бы малейшие признаки заговора, тем более антиконституционного переворота. Все они представляли высшую государственную власть, находились при исполнении возложенных на них служебных обязанностей и выполняли свой долг по защите конституционного строя СССР в соответствии с Законом СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и по согласованию с президентом СССР. Естественно, никто из членов ГКЧП не ставил вопроса об отстранении президента от власти каким-либо нелегитимным способом, хотя все прекрасно понимали, что именно политика Горбачёва завела страну в тупик, и сознавали, что дальнейшее его пребывание у власти будет и дальше идти вразрез с решением неотложных задач по спасению страны. Поведение президента в Форосе ещё раз подтвердило, что он и в дальнейшем

будет увливать от решения острых и жизненно важных для государства вопросов.

Ю. П. Иванов, адвокат Крючкова на следствии и процессе по делу ГКЧП, предложил автору книги такой ключ к пониманию сущности августовских событий: ГКЧП явилось детищем наиболее честной части горбачёвской администрации. С этой формулировкой можно согласиться, но только с существенным уточнением: «...той её части, которая размежевалась со своим руководителем».

Однако все члены ГКЧП отдавали себе отчёт в том, что решать судьбу Горбачёва и делать соответствующие организационные выводы может только Съезд народных депутатов.

Позиция членов ГКЧП отразилась и в его главном документе, обнародованном 19 августа.

Из Обращения ГКЧП к советскому народу:

«Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М. С. Горбачёва политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна по существу стала неуправляемой».

Состав ГКЧП, его решение о введении чрезвычайного положения и соответствующие меры предполагалось утвердить на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, созвать которую было намечено 26 августа (постановление председателя ВС СССР от 19 августа 1991 года).

В том, что ГКЧП с самого начала действовал легитимным путём, в рамках закона, убедиться нетрудно — было бы только желание. Однако к его выступлению родоначальники нового, «демократического» этапа развития России, задумавшие свергнуть в стране конституционный строй, прилепили ярлык «путч»¹, вложив в него всю свою ненависть к тем, кто попытался встать у них на пути к власти.

Эта формулировка режет слух нормального человека — режет той ненавистью, которую вложили в неё авторы

¹ Его изобретатель — Р. И. Хасбулатов, как и положено первопроходцу, не стоит на месте. Его последние публикации пестрят и такими выражениями в адрес ГКЧП, как «хунта» и «преступники» (см., например: Совершенно секретно. 2016. № 1).

чудовищного эксперимента над Россией, осуществлённого в 1990-е годы. Не все, быть может, знают, что понятие «путч», которое, к нашему всеобщему стыду, до сих пор фигурирует даже в школьных учебниках, они заимствовали из чёрных времён становления германского нацизма — под таким названием вошло в мировую историю первое крупное гитлеровское сборище в Мюнхене в ноябре 1923 года.

Стремление российских «демократов» провести такую историческую параллель и заставить людей уверовать в их дикую выдумку о тождестве человеконенавистнической сущности фашизма и коммунистических идей, воплотившихся в создании первого в мире социалистического государства — страны, освободившей Европу от нацизма, — не случайно. Цель одна: любыми путями оправдать собственные неблагоприятные деяния. Рано или поздно за них придётся отвечать, а процесс восстановления исторической справедливости, как показали последние 25 лет, носит необратимый характер. ГКЧП — начальная точка этого процесса.

Из Обращения ГКЧП к советскому народу:

«Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию Советского Союза, развал государства и захват власти любой ценой... Сегодня те, кто по существу ведёт дело к свержению конституционного строя, должны ответить перед матерями и отцами за гибель многих сотен жертв межнациональных конфликтов. На их совести искалеченные судьбы более полумиллиона беженцев. Из-за них потеряли покой и радость жизни десятки миллионов советских людей, ещё вчера живших в единой семье, а сегодня оказавшихся в собственном доме изгоями. Каким быть общественному строю, должен решать народ, а его пытаются лишить этого права».

Прекрасно понял смысл этих слов цвет российского «демократического» руководства, собравшийся на даче Ельцина в Архангельском утром 19 августа. Многие из тех, кто спешно слетелся в гнездо вожака, — а были там Силаев, Руцкой, Хасбулатов, Бурбулис, Шахрай, Полторанин, Ярошенко, — и не пытались скрыть охватившие их страх и смятение, что подтверждают многочисленные источники.

Р. И. Хасбулатов, ближайший сподвижник Ельцина, а после событий сентября–октября 1993 года — его заклятый враг, в своей новой книге, отрывки из которой были опубликованы в январе 2016 года, описывает одну приме-

чательную сцену, которую можно назвать «Утро 19 августа на даче Ельцина»:

«Я бегом направился к дому Ельциных...

Вбегаю на второй этаж, открываю дверь спальни — на кровати сидел полураздетый, старый, обрюзгший человек. Похоже, сильно усталый, невыспавшийся. Он даже не реагировал на моё шумное вторжение, голова склонена чуть ли не до колен, был безучастен. Я несколько секунд с удивлением смотрел на него, не понимая его состояния, затем подошёл вплотную, полуобнял его вялое, крупное тело и сказал, стараясь как можно мягче: «Вставайте, Борис Николаевич, приводите себя в порядок. У нас появились новые дела, нужно действовать»».

(Примерно такую же картину обрисовал Хасбулатов во время беседы с ним автора.)

Дальнейшее поведение Ельцина как-то не согласуется с бытовавшими тогда рассказами «демократов» о его волевом характере и проявленной в этот день отваге, которые, казалось бы, подтверждали и известный снимок Ельцина на танке перед «Белым домом», почти ничем не уступающий знаменитой картине художника И. Тоидзе «Призыв вождя», запечатлевшей выступление Ленина с броневика у Финляндского вокзала в апреле 1917 года. Краткая история сюжета «Ельцин на танке» такова. Уговорил Ельцина (к тому времени уже умытого, побритого и поправившего здоровье «после вчерашнего») залезть на танк всё тот же Хасбулатов. Ельцин сопротивлялся: «Что вы, меня ведь убить могут!» Хасбулатов успокаивал: «Никакой угрозы нет, Борис Николаевич».

О том, что никакой угрозы действительно не было, Руслан Имранович был прекрасно осведомлён. Как, впрочем, и Ельцин, который, несмотря на это, несколько дней не мог преодолеть охватившего его панического страха. Так, ночью 20 августа он надумал бежать в американское посольство, чтобы сформировать там с помощью американских друзей «правительство в Свердловске» или «правительство в изгнании в Париже». Но, в конце концов, возобладал «патриотизм» — сердцам настоящих россиян Архангельское несравнимо ближе.

Не мог унять страх и И. С. Силаев, тогдашний председатель Совета министров РСФСР. Все три дня 19–21 августа он жил ожиданием неминуемого ареста или покушения и не находил себе места. Хасбулатов опубликовал содержание его прощального звонка в «Белый дом»: «Руслан Имра-

нович, прощайте. Борис Николаевич, прощайте. Сегодня ночью с нами будет кончено. Это достоверная информация. Пусть берут дома. Прощайте...»¹ (немножко лукавит Иван Степанович — не у себя дома он отсиживался).

Люди порядочные обычно объясняют свой страх приступами минутной слабости. Другие...

Спустя некоторое время в печать была запущена нелепая выдумка о якобы имевшемся у ГКЧП намерении физически устранить со своего пути ряд «революционеров» горбачёвско-ельцинского призыва. В зависимости от фантазий количество лиц, якобы внесённых гэкачепистами в «расстрельный список», колебалось от тридцати до восьмидесяти человек. Гавриил Попов, например, бахвалился своим почётным вторым местом в этом списке (не отбирать же, в самом деле, лавры главного «революционера» у Ельцина). Через 20 лет после событий Иван Силаев заявил о том, что он видел список собственными глазами. Ведь надо же человеку как-то оправдаться за свои призывы расстрелять всех членов ГКЧП, а Крючкова — в первую очередь. Как Силаев пояснил, «это было спонтанное высказывание революционера. Я тогда ощущал себя участником процессов, в которых действуют законы революционного времени»².

А ведь не будь у этих «революционеров» страха перед возмездием, они действительно расстреляли бы тогда многих честных людей. Ведь расстреляли же они «Белый дом» вместе с находившимися там защитниками в октябре 1993 года! И в 1991 году дело к этому шло — для «путчистов» фабриковалось абсурдное обвинение по статье 64 УК РСФСР «Измена Родине», предусматривавшей смертную казнь с конфискацией имущества.

Психологам хорошо известен довольно распространённый тип людей, склонных к безудержным фантазиям, в результате которых они сами начинают верить в то, чего не было на самом деле, — грань между вымыслом и реальностью в их сознании стирается.

Страх в ельцинском окружении вызывали не только обнародованные утром 19 августа документы ГКЧП: в Москву были введены регулярные части Министерства обороны. Разъяснение ГКЧП, что войска в столицу вводятся в целях предотвращения массовых беспорядков (что в пол-

¹ *Хасбулатов Р.* Провал операции КГБ «Гром» // Совершенно секретно. 2016. Январь. № 1 (376).

² *Силаев И.* Я хотел расстрелять всех членов ГКЧП // Трибуна. 2001. 17 августа.

ной мере соответствовало главной установке ГКЧП: никакого противостояния с народом), не успокаивало.

Автор в эти дни не раз бывал в центре Москвы, в том числе — и у здания Верховного Совета РСФСР, и около оцепления вокруг Кремля. Наблюдал, как к солдатам подходили группы сердобольных женщин-«демократок»: «Сынки, вы ведь не будете стрелять в народ?» Ребята, утомлённые подобными вопросами (казалось, женщины намеревались опросить весь личный состав оцепления), хмуро отвечали: «А чем стрелять?» Для убедительности показывали отстёгнутые от автоматов пустые магазины и открывали пустые затворы.

Но главную опасность ельцинская верхушка видела не в бронетехнике, патрулировавшей Москву, а в Крючкове. Он слишком много знал. Конечно же, волновали российских вождей не «мужские» грехи, которые свойственны значительной части «сильного пола». У многих были припрятаны в шкафах куда более серьёзные «скелеты», о чём было хорошо известно Комитету госбезопасности. Что, если всплывут наружу злоупотребления государственного и финансового характера, коррупционные сделки и хищения, сомнительные контакты с американскими спецслужбами и дипломатическими представительствами, связи криминального характера? Особое беспокойство испытывали те «светочи российской демократии», которые, занимая различные ответственные посты, регулярно выполняли задания и поручения КГБ. Практика, в общем-то, обычная, и продиктована она исключительно государственными интересами. Но в «демократических» кругах любое сотрудничество с органами госбезопасности считалось тяжким грехом и позором. (Последний яркий пример — тот переполох, который поднялся в феврале 2016 года среди либерал-демократов Польши в связи с обнаружением документов, подтверждающих сотрудничество со Службой безопасности бывшего лидера польской «Солидарности», борца с коммунизмом Леха Валенсы.)

Эти перевёртыши, люди с двойным дном, давно питали к Крючкову жгучую ненависть. Не имея никакого понятия о благородстве и великодушии, они и о других судили по себе.

Отдадим должное способностям и волевым качествам Хасбулатова: страх, вселившийся в ельцинскую команду, он сумел скрыть за декорациями грандиозного фарса, организованного вокруг «Белого дома». Фарса, ставшего

первым актом трагедии, пережитой российским народом в 1990-е годы.

Однако главными фигурами противостояния, возникшего в августовские дни, были, безусловно, Ельцин и Крючков.

Внезапность создания и выступления ГКЧП (а мы теперь знаем, чем была вызвана такая поспешность) привела Ельцина в состояние глубокого шока. Дело в том, что он ничего не знал о событиях предшествующих дней, поскольку гостил у Назарбаева и лишь поздним вечером 18 августа вернулся из Алма-Аты. Поэтому, узнав утром 19-го о ГКЧП, он сразу же пришёл к выводу, что Крючков его обманул и не преминет свести с ним счёты.

Не будем говорить о нравственной несопоставимости этих двух людей. Но попробуем понять, что же такое могло заставить Ельцина заподозрить Крючкова в коварстве и обмане?

Разрабатывая в соответствии с поручением Горбачёва меры чрезвычайного характера, *Крючков не мог, да и просто не имел права игнорировать Ельцина*, сумевшего набрать солидный политический вес. Кстати, делал Ельцин карьеру не без помощи актива, «элиты» КПСС — достаточно вспомнить, сколько коммунистов, наплевав на Конституцию СССР и основные ленинские принципы Договора об образовании СССР, дружно проголосовало за суверенитет России. Именно тогда была заложена база для процветания российского псевдопатриотизма, ставшего той основной «идейной» почвой, на которой взрастало ельцинское самовластие (вспомним: разграбление страны в 1990-е годы шло под любимым лозунгом нуворишей «Поднимем Россию с колен!»). Об этом почему-то забывают те записные «коммунисты-ленинцы», которые вместе с «демократами» на своих руках несли Ельцина к трону. И почему-то до сих пор именно они, безвольно сдавшие все позиции партии и оставившие в 1991-м Крючкова между двух огней — между Горбачёвым и Ельциным, больше других обвиняют его в «соглашательстве», нерешительности и даже трусости, якобы и ставшими в своей совокупности основной причиной неудачи ГКЧП.

А ведь расплывчатая позиция партии в очередной раз проявилась уже в первый день ГКЧП, когда, казалось, у неё появился шанс реабилитировать себя. Обратимся к воспоминаниям Ю. А. Прокофьева, бывшего тогда первым се-

кретарём МГК КПСС, рассказавшего, как 19 августа проходил Секретариат ЦК КПСС под руководством Шенина:

«К 10 часам утра меня вызвали на заседание Секретариата ЦК. Вёл его Шенин, рассказал то, что я уже знал ночью. Стали спорить, когда собирать пленум ЦК. Большинство настаивало собрать на следующий день и определить свою позицию, а пока ограничиться телеграммами в регионы, чтобы сохранить спокойствие. В том случае, если ГКЧП будет действовать в рамках Конституции, оказывать ему всяческую поддержку. Телеграмму подписал Шенин.

Но вообще наблюдались растерянность и непонимание, что, зачем и как надо делать... И Шенин вёл себя “чисто информативно”, позицию свою конкретно не определял (заметим, что речь идёт о члене ГКЧП, представлявшем в нём руководство КПСС. — А. Ж.)»¹.

Свою книгу Прокофьев снабдил громким названием: «Как убивали партию». Но, думается, ей больше подходит заголовок: «Как партия сама себя убивала».

Но вернёмся к теме «Ельцин — Крючков» (или наоборот, как удобно читателю).

...Разумеется, Крючков учитывал и то, что по итогам выборов первого российского президента за Ельцина проголосовало больше половины российских избирателей, а в Москве — подавляющее большинство, около 70 процентов. Важный момент — Ельцин был избран в июне 1991 года, за два месяца до августовских событий. В этих условиях только сумасшедшему могла бы прийти в голову мысль покушаться на власть президента РСФСР, избранного всенародным голосованием или ставить её под сомнение. Крючков таковым не являлся. Более того, он поддерживал с Ельциным постоянные контакты, а по свидетельству начальника внешней разведки КГБ Шебаршина, давал своим подчинённым указания больше информировать президента РСФСР о положении в стране и за рубежом. Что также было вполне нормальным.

Основные рабочие связи с Ельциным Крючков осуществлял через своего первого заместителя генерал-полковника В. Ф. Грушко. В своей книге воспоминаний Грушко пишет:

«Ещё в январе 1991 года В. А. Крючков пригласил меня к себе для того, чтобы познакомить, по его словам, с “весьма

¹ Прокофьев Ю. А. Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011. С. 134.

интересным собеседником”. Им оказался Юрий Владимирович Скоков, являвшийся в то время первым заместителем Председателя Совета Министров России. Крючков представил нас друг другу и порекомендовал договориться о регулярных контактах. Из беседы я понял, что у Скокова были соответствующие полномочия от Председателя Верховного Совета Российской Федерации Бориса Николаевича Ельцина. Когда Скоков ушёл, я поинтересовался у Крюčkова, какими будут мои задачи. “Оставляю их на ваше со Скоковым усмотрение, — ответил председатель КГБ. — Цель состоит в обмене мнениями для лучшего взаимопонимания. Контакт рассматривайте как рабочий, а меня информируйте лишь тогда, когда сочтёте необходимым”.

Мы встречались со Скоковым два-три раза в месяц, обычно вечером. Скоков произвёл на меня впечатление достойного и озабоченного судьбами государства человека, хорошо разбиравшегося в вопросах внутренней и внешней политики, не говоря уже об экономике. Вскоре у нас сложились хорошие отношения, позволявшие отлично понимать друг друга¹.

Автору приходилось не раз слышать от довольно осведомлённых людей, с которыми он общался в процессе подготовки книги, о том, что у Крюčkова с Ельциным были и конфиденциальные встречи. По крайней мере одна — она, по их сведениям, состоялась в середине августа 1991 года, накануне поездки Ельцина в Казахстан. Веских подтверждений этому автор не нашёл, но в том, что такая встреча действительно могла состояться, нет ничего предосудительного. Было бы удивительно, если бы два руководителя такого ранга между собой не общались.

Не секрет, что в поисках мер по предотвращению распада СССР Крючков и его соратники были готовы пойти и на определённые компромиссы с Ельциным, рассматривая в то время последнего как меньшее зло в сравнении с Горбачёвым и его ближайшим окружением в лице Яковлева, Шеварднадзе, Медведева и прочих «архитекторов» тотального развала страны.

Можно допустить (правда, с трудом в это верится), что Хасбулатов, которому ГКЧП до сих пор представляется в виде ужасного монстра, которого он, Хасбулатов, пронзает

¹ Грушко В. Ф. Судьба разведчика. М.: Международные отношения, 1997. С. 205–206.

копьем, и не знал о контактах между Крючковым и Ельциным. Но уж наверняка он знал о том, что в течение 19—21 августа они несколько раз разговаривали по телефону. Звонили Крючкову в эти дни и Силаев, и Бурбулис. И в каждом разговоре Владимир Александрович успокаивал собеседников: «Никакого штурма “Белого дома” не будет и быть не может». (На самом деле миф о предстоящем «штурме» был выдуман российскими руководителями для того, чтобы распалить воображение «защитников» «Белого дома».)

Но одной только темой безопасности российского руководства эти разговоры не ограничивались. Обсуждались и вопросы, связанные с обеспечением нормальной жизнедеятельности Москвы в условиях чрезвычайного положения, с мерами по сохранению спокойствия и правопорядка в городе.

С целью налаживания нормальных контактов с российским руководством предполагалось ещё утром 19 августа направить в Архангельское для переговоров с Ельциным премьер-министра Павлова, а с ним — ещё одного-двух представителей ГКЧП. Тем самым подчёркивались и серьёзность планов Государственного комитета по чрезвычайному положению, и отсутствие у него каких-либо агрессивных намерений. Не исключался и такой вариант: для того чтобы предотвратить возможный саботаж действий ГКЧП со стороны Ельцина и людей из его ближайшего окружения, отправить их на несколько дней в гостевой дом охотхозяйства «Завидово». Ни о каких жёстких действиях против них, тем более аресте, речи не шло.

К несчастью, Валентин Сергеевич Павлов серьёзно заболел (давление — 220, аритмия; в таком же состоянии на следующий день он был госпитализирован), о чём Крючкову доложили слишком поздно — время было упущено: Ельцин и его окружение выехали из Архангельского в Москву. Подчеркнём — беспрепятственно. Дальнейший ход событий показал, что это был первый и наиболее серьёзный сбой в действиях ГКЧП.

Всё это время, с раннего утра, в ожидании прибытия делегации ГКЧП в Архангельском дежурило подразделение группы «Альфа» во главе с генералом Карпухиным, которому было поручено обеспечивать безопасность встречи. Не исключались и провокации, хотя «Альфа» о целях своего присутствия поставила в известность охрану Ельцина. Естественно, знал об этом и президент РСФСР. И тем не

менее этот эпизод стал предметом многочисленных спекуляций. Распускались слухи о том, что готовился якобы арест российского руководства, что планировалось не только «захват», но даже и физическое уничтожение Ельцина, для чего якобы ещё накануне готовилась «встреча» на аэродроме Чкаловский. Почему именно там, под Щёлковым, когда известно, что самолёт с Ельциным, прилетевший из Алма-Аты, благополучно сел, как и планировалось, во Внукове-2, и главный пассажир, естественно, спокойно доехал до дома? Никто на этот вопрос ответить автору не мог.

Заметим, если бы ГКЧП намеревался действительно арестовать Ельцина, то мог бы сделать это в течение 19—21 августа несколько раз, причём без всякого шума.

Почему же российское, а вместе с ним и московское руководство встало на путь жёсткой конфронтации с ГКЧП?

Утром 19 августа, ещё до оглашения документов ГКЧП, по телевидению и радио было зачитано заявление председателя Верховного Совета СССР Лукьянова, посвящённое наиболее болезненной проблеме, которая, как мы уже знаем, послужила толчком к выступлению ГКЧП, последней каплей, переполнившей чашу терпения. Заявление было подготовлено ещё 16 августа, сразу же после того, как в печати был обнародован подготовленный к подписанию в обход высших органов власти страны и общественности проект Договора о Союзе суверенных государств. Было подчёркнуто, что в нём не нашли отражения результаты всенародного референдума и полностью проигнорированы принципиальные положения нового Союзного договора, которые были в основном одобрены Верховным Советом ранее, 12 июля 1991 года.

В заявлении напоминалось, что «Верховный Совет СССР признал целесообразным предусмотреть в проекте Союзного договора наличие в СССР единого экономического пространства, единой банковской системы и закрепления за Союзом собственности, необходимой для его нормального функционирования как федеративного государства. Особо было оговорено требование установления самостоятельных налоговых поступлений в союзный бюджет...

Исключительно серьёзное внимание уделил Верховный Совет СССР прекращению так называемой “войны законов”, на деле означавшей вопиющее беззаконие. В связи с этим для включения в Договор была предложена норма, не допускающая приостановления Союзом ССР респуб-

ликанских законов, а республиками — союзных законов, и предусматривающая разрешение возможных споров путём согласительных процедур или решениями Конституционного суда СССР. Несмотря на то, что это предложение было поддержано виднейшими советскими юристами, оно также не нашло должного отражения в тексте договора, подготовленного в Ново-Огарёве».

Все эти проблемы требовали серьёзного обсуждения на сессии Верховного Совета СССР, а затем — и на Съезде народных депутатов страны. «Без этого такой наиважнейший для судьбы нашего государства документ, как Союзный договор, не сможет в полной мере выражать волю советского народа о сохранении Союза ССР — великой державы, призванной служить интересам граждан всех национальностей и оказывающей серьёзнейшее воздействие на международную обстановку во всём мире».

Кстати, за это своё заявление Лукьянов, который не был членом ГКЧП и никакого участия в его работе фактически не принимал, оказался за решёткой. Но это ещё были только первые шаги крепнущей российской «демократии» по устранению со своего пути политических соперников методами сталинского террора, который они на словах так яростно осуждали...

Ни в одном документе ГКЧП, ни в одном его действии не было и намёка на борьбу за власть. Но политическая игра, которая велась командой Ельцина, рассчитывавшей 20 августа получить «вольную» и свободно выйти из СССР, оказалась на грани провала. Нет никакого сомнения, что не случись ГКЧП, они уже тогда бы осуществили свой замысел и мы получили бы «Беловежскую Пушу» не в декабре, а в августе.

В этом — ключ к пониманию того, почему меры ГКЧП встретили такое ожесточённое сопротивление ельцинистов. Ничего подобного тому, что мы увидели в августе в Москве, больше нигде не наблюдалось. Даже в наиболее проблемных республиках и регионах создание ГКЧП получило позитивные отзвуки. Так, президент Грузии З. Гамсахурдия уже 19 августа вывел из Тбилиси свою так называемую «национальную гвардию», объявив о намерении не обострять и без того сложную обстановку в стране. В этот же день армянские боевики освободили всех захваченных ранее (28 человек) военнослужащих внутренних войск МВД СССР, выполнявших задачи по предотвращению межнациональных конфликтов.

В ГКЧП предполагали, что «демократическими» силами наверняка будут организованы акции протеста в Ленинграде. Крючков на этот счёт дал жёсткую установку начальнику Ленинградского УКГБ генералу А. А. Куркову — не мешать и не предпринимать никаких ответных действий. Митинг в городе прошёл 19 августа и завершился без эксцессов, а к вечеру 20 августа обстановка окончательно стабилизировалась.

И только в Москве, где хорошо знали позицию ГКЧП: никакого противостояния и «контрмитингов» с непредсказуемыми последствиями, — пошли по пути провокаций, пытаясь довести ситуацию до взрыва.

Надуманная версия борьбы ГКЧП за власть представляет собой старый воровской приём: хорошо известно, кто громче всех кричит: «Держи вора!» Как сказал по горячим следам августовских событий один из журналистов, выносить членам ГКЧП обвинение в «заговоре с целью захвата власти» — это примерно то же самое, что обвинять коньяк «Наполеон» в бонапартизме.

Все члены Государственного комитета были людьми самодостаточными, и никто из них не страдал комплексами неполноценности, порождающими неуёмную жажду власти. Например, В. А. Крючков, ставший по воле обстоятельств одной из центральных фигур «заговорщиков», до августа 1991 года дважды подавал Горбачёву заявления об освобождении от должности председателя КГБ и дважды получал отказ. Если в чём и лукавил при этом Владимир Александрович, так это в том, что в качестве причины, побуждавшей его просить об отставке, указывал состояние здоровья. Хотя оно и на самом деле не отличалось крепостью, нежелание Крюčkова занимать высокий и ответственный пост было вызвано прежде всего политикой Горбачёва, его постоянными метаниями, лишавшими каких-либо перспектив страну, а с ней — и государственные институты, в том числе Комитет государственной безопасности, служивший надёжным щитом социалистического государства.

Даже в период самой разнузданной «демократической» пропаганды мало кто осмеливался упрекнуть кого-либо из членов ГКЧП в карьеризме. Это были люди, для которых смысл жизни заключался в самоотверженном и бескорыстном служении родине.

Не случайно все они оказались бессребрениками.

О личной скромности Крюčkова мы уже говорили.

Янаев за всю жизнь не скопил денег даже на «жигули» и имел лишь скромный дачный домик на шести сотках.

Всё состояние Пуго, ушедшего из жизни вместе с женой, составляло десять тысяч рублей в облигациях государственного займа.

Конечно же, об этом прекрасно знали «демократы». И всё же некоторые из них не гнушались грязными выдумками о зажиточной жизни и несусветных богатствах «партократов». Так, был беззастенчиво оклеветан Герой Советского Союза маршал С. Ф. Ахромеев, который, даже полагая, что ГКЧП обречён на неудачу, 19 августа срочно вернулся из отпуска в Москву и всемерно поддерживал его. По поводу гнусной лжи в адрес маршала известный публицист Виктор Кожемяко в книге «Политические убийства: жертвы и заказчики» писал:

«Видя сегодня на телеэкране модно одетую белокурую мадам, что-то лепечущую о социальной защите сирых и бедных, я всегда думаю: неужели не является тебе по ночам тень маршала Ахромеева? Того, который за величайшую скромность и аскетическую неприхотливость друзьями был назван спартанцем. Который, перейдя на должность советника президента, отказался от повышенного в полтора раза оклада. Который, даже прощаясь с жизнью, не забыл, что он должен в столовую несколько рублей, и в одной из последних записок попросил вернуть, приложив деньги.

Вы, нравственные пигмеи, злобно и жестоко травившие такого человека, разве вы способны — ну не подняться до его высоты, нет, а хотя бы эту высоту понять?»

...Дальше того, чтобы восстановить в стране конституционный порядок и дееспособность центральной власти, планы Государственного комитета по чрезвычайному положению не простирались.

Из Обращения ГКЧП к советскому народу:

«Кризис власти катастрофически сказался на экономике. Хаотичное, стихийное скольжение к рынку вызвало взрыв эгоизма: регионального, ведомственного, группового и личного. Война законов и поощрение центробежных тенденций обернулись разрушением единого народно-хозяйственного механизма, складывавшегося десятилетиями...

Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР полностью отдаёт себе отчёт в глубине поразившего нашу страну кризиса. Он принимает на себя ответственность за судьбу Родины и преисполнен решимости принять

самые серьёзные меры по скорейшему выводу государства и общества из кризиса...

Мы выступаем за истинно демократические процессы, за последовательную политику реформ, ведущую к обновлению нашей Родины...

Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжёлую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия...

Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса».

Кстати, в «демократических» кругах не принято вдаваться в содержание документов ГКЧП, а если там и упоминают о них, то только для того, чтобы поставить свой излюбленный штамп — «демагогия». Предположим, что и Ельцин с Хасбулатовым были уверены в том, что все цели ГКЧП декларировались лишь для отвода глаз, а на самом деле он готовил «переворот» и задумал отстранить их от власти. Но ведь они прекрасно понимали: затеял бы Крючков в действительности штурм «Белого дома» — и автоматы его «защитников» против бойцов «Альфы» выглядели бы «пшикалками», хотя и смертельно опасными, особенно в руках подогретых бесплатным алкоголем людей.

Но допустим всё же, что опасения этих «героев борьбы за демократию» были небезосновательны. Как тогда можно расценивать их призывы к «защитникам» «Белого дома», к *мирным гражданам*, среди которых было очень много женщин, стоять до конца? Правда, к вечеру 20 августа женщинам и тем, кто был «недостаточно храбр», все-таки предложили покинуть «опасное место». Наигранное «великодушие» ещё больше накалило обстановку.

Автор полагает, что ельцинской верхушке, *имитировавшей свою «осаду» так же, как Горбачёв — своё заточение в Форосе*, нужен был не только «живой щит» для страховки. Они нуждались в кровавых столкновениях — для того, чтобы обвинить их виновниками «путчистов» и вызвать соответствующий резонанс за рубежом.

А раскалённая обстановка в здании Верховного Совета РСФСР¹ и прилегающей к нему территории действитель-

¹ «Белым домом» Верховный Совет РСФСР окрестили «демократы» в знак верности своим зарубежным кукловодам. Автор употребляет это название в книге как напоминание о знаковых особенностях эпохи разрушения СССР.

но вызывала у ГКЧП большую тревогу. В самом здании и перед ним, по оперативным сведениям органов госбезопасности, находилось примерно 200 вооружённых людей, не имеющих никакого отношения к официальным службам охраны. Бегал с автоматом и позировал фотографам Ростропович, которого ловко использовали в роли одного из главных подстрекателей. Провокаторы действовали на каждом шагу, будоража воображение людей, многие из которых находились под воздействием алкоголя. Нагнетали атмосферу с помощью тех же слухов о якобы готовящемся штурме «Белого дома» и аресте «демократического» руководства России. Распространялась лживая, провокационная информация, что по окнам «Белого дома» и людям на площади начали работать «снайперы КГБ» — со стороны здания СЭВа и гостиницы «Украина» (19–21 августа ни одного выстрела в окрестностях «Белого дома» зафиксировано не было). Приехали в «Белый дом», чтобы «укрыться от ареста» Попов с Лужковым, прихватив для убедительности домочадцев. Спиртное лилось рекой.

О том, что «сопротивление путчистам» превратилось в крайне опасный бедлам, свидетельствуют и другие факты. Так, спустя некоторое время после августовских событий автор стал невольным свидетелем разговора нескольких подвыпивших кооператоров, вспоминая, как они вместе со своими «бригадами» «защищали Ельцина от путчистов». Судя по отдельным деталям их разговора, они действительно были на площади перед «Белым домом» вместе со своими вооружёнными бандгруппами. Им было что защищать.

Утром 20 августа Крючков, Язов и Пуго, учитывая крайне напряжённую ситуацию, сочли необходимым разработать меры по локализации напряжённости в районе «Белого дома». Исходили из того, что если какие-то группы лиц решатся развязать кровавый конфликт, стрельбу, массовые беспорядки, то, естественно, возникнет вопрос о предупреждении подобных действий. А они не заставили себя ждать.

Поздно вечером 20 августа пьяная, разъярённая толпа забаррикадировала выезд из тоннеля под Калининским проспектом механизированному подразделению, патрулировавшему Садовое кольцо, забросала БМП камнями и бутылками с зажигательной смесью, а трое «смельчаков» решили остановить боевые машины пехоты голыми руками. Это была лишь прелюдия к началу более серьёзных

столкновений, на которые подталкивали людей провокаторы и подстрекатели. И не состоялись они лишь благодаря выдержке Крючкова — вот о чём мы должны помнить, а не болтать, оправдывая себя, о его трусости и нерешительности...

Прервёмся на минуту и предоставим слово Крючкову, тем более что его информация подтверждается рядом свидетельств. Итак:

«В ночь на 21 августа у меня состоялись два или три разговора (как полагает автор, не менее трёх. — А. Ж.) с Ельциным. Ему я тоже говорил, что никакого штурма Белого дома не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ельцин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения и хорошо бы ему, Ельцину, слетать вместе со мной в Форос к Горбачёву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить на открывавшейся 21 августа сессии Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы»¹.

Это был первый разговор. Перейдём ко второму:

«Я посоветовался с Янаевым и дал согласие на вылет к Горбачёву в Форос и на выступление на сессии Верховного Совета России. Мы условились утром 21 августа решить технические вопросы и реализовать договорённость»².

В тот момент Крючков и представить не мог, что ему с товарищами по ГКЧП готовили ловушку.

В эту же ночь, ближе к утру, состоится его третий разговор с Ельциным. Но о нём — чуть позже.

После провокационного нападения на Садовом кольце на военнослужащих участники координационной группы ГКЧП во главе с Баклановым поставили вопрос о необходимости приведения в действие операции «Гром», разработанной днём 20 августа. Но готовили её не «для захвата Ельцина и Хасбулатова», в чём нас до сих пор пытаются убедить «демократы», а с целью предотвращения возможных провокаций, крупных беспорядков и вооружённых столкновений в Москве. И следствие, и суд по делу ГКЧП подтвердили, что вопрос о так называемом «штурме Белого дома» ни разу даже не поднимался на заседаниях ГКЧП. Более того, 20 августа на вечернем заседании Комитета Янаев даже предложил в целях пресечения распространив-

¹ Крючков В. А. На краю пропасти. М.: Эксмо, 2003. С. 205.

² Там же.

шихся абсурдных слухов сделать опровержение в печати. Но это могло породить волну новых домыслов, поэтому его идею отклонили.

Сложившаяся к ночи обстановка в центре Москвы, перед «Белым домом», воспринималась многими сторонниками ГКЧП как открытый вооружённый саботаж действий Государственного комитета по чрезвычайному положению, чреватый новыми кровавыми провокациями с непредсказуемыми последствиями. Поэтому оперативной группе из пяти человек во главе с заместителем председателя КГБ Г. Е. Агеевым было поручено ещё раз изучить возможность локализации беспорядков перед «Белым домом» с учётом мер, разработанных накануне. Как показал Крючков в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда РФ 30 ноября 1993 года, «“операция” по Дому Советов РСФСР была... не более чем изучаемым вариантом действий в связи с возникшими опасениями по поводу возможных непредсказуемых действий со стороны находившихся там вооружённых лиц и таковым вариантом осталась».

Вернувшиеся с места событий оперативные сотрудники доложили: операция возможна, но обстановка серьёзная: слишком много пьяных, люди возбуждены, может быть кровопролитие. Против проведения силовой операции по разоружению «защитников» «Белого дома» высказались руководители спецподразделений КГБ «Альфа» и «Вымпел» — генерал В. Ф. Карпухин и полковник Б. П. Бесков¹. Их мнение довели до Крюčkова, который в это же время в своём кабинете проводил совещание с участием Бакланова, Варенникова, Ачалова, Громова, Шенина, Грушко, Плеханова.

Хотя отдельные горячие головы на этом совещании предлагали «проявить решительность и идти до конца»: «Наведём порядок, а заодно задержим и Ельцина с его камарильей!» — большинство присутствующих посчитали, что высокая вероятность случайных жертв при проведении операции делает её невозможной.

Последнее слово было за Крючковым. Оно было крат-

¹ В одной из своих публикаций автор под влиянием воспоминаний наиболее радикально настроенных участников событий той памятной ночи написал, что они «отказались выполнить приказ», но, как позднее выяснилось, никакого приказа на так называемый «штурм» они не получали. Автор приносит свои искренние извинения Б. П. Бескову и близким В. Ф. Карпухина.

ким: «Я этого не допущу, венгерские события повторять нельзя!»

Была ли эта, без преувеличения, историческая фраза Крючкова проявлением его пресловутой «нерешительности»? На наш взгляд, это было взвешенное и единственно верное в сложившейся обстановке решение.

Ещё раз напомним о важнейшем принципе, которым руководствовался ГКЧП: *никакого противостояния с народом. Государственный комитет по чрезвычайному положению рассматривал своё выступление как политическую акцию*, а участие в нём силовых структур — лишь как средство обеспечения законности и конституционного порядка в стране.

Недопонимание целей и задач ГКЧП породило у многих его сторонников явно *завышенные ожидания и надежды*, которые, увы, не оправдались, да и не могли оправдаться. Отсюда — и глубина разочарований, проявляющаяся в оценках деятельности Государственного комитета, которые во многом несправедливы и грешат явным субъективизмом.

Долгое время под воздействием собственных необоснованных ожиданий, возникших ещё ранним утром 19 августа 1991 года, находился и автор книги, полагавший, как и многие, что ГКЧП упустил реальный шанс — одним лишь «штурмом» «Белого дома» — отвести страну от пропасти. Отчасти такая его наивность была вызвана и убеждениями, до сих пор свойственными некоторой части ветеранов КГБ, которые полагают: согласись Крючков на «штурм», и мы жили бы сейчас в другой стране. Автор не в праве сомневаться в их искренности: будучи настоящими патриотами родины, они действительно были готовы идти до конца, чтобы отвести от страны нависшую над ней страшную угрозу. Преувеличивая при этом *степень готовности ГКЧП* к такому решительному шагу.

Острота политического момента вынудила инициаторов создания ГКЧП решать сложнейшие проблемы, копившиеся в течение нескольких лет, в спешном порядке, что неизбежно порождало несогласованность в действиях членов Комитета, в их подходах к решению возникавших задач тактического характера. Причём среди тех, кто был призван обеспечивать деятельность и поддержку ГКЧП, были и люди, которые с самого начала вели двойную игру, выжидая, «чья возьмёт». Так, собственные контакты с представителями российской власти установил заместитель ко-

мандующего ВДВ генерал Павел Грачёв, который, по выражению Крючкова, «бросал шары и в ту и в другую корзину».

Вынужденная спешка привела к тому, что по ряду вопросов между членами ГКЧП возникали разногласия, в результате которых к ночи 21 августа вся ответственность за дальнейшие шаги легла, по сути дела, на Крючкова. От участия в обеспечении режима чрезвычайного положения фактически устранились Министерство обороны (утром начался вывод войск из Москвы) и Министерство внутренних дел.

Решительно отказавшись от силовых действий, Крючков остался верен своим твёрдым обещаниям, данным российскому руководству. Впрочем, о характере его переговоров с Ельциным знали практически все, кто ещё оставался в кабинете председателя КГБ ночью 21 августа. Они и стали свидетелями последнего звонка Крючкова Ельцину. Владимир Александрович намеревался уточнить план совместных действий по выходу из сложившейся ситуации, предложенных несколько часов назад российским президентом. Через трубку правительственной связи ответ Ельцина был слышен всем: «Я в Форос ехать не собираюсь».

Близилась развязка.

Днём 21 августа члены ГКЧП Крючков, Бакланов, Тизяков, Язов, а вместе с ним Лукьянов и Ивашко¹ вылетели к Горбачёву в Форос.

Курс на Форос взял и самолёт с компанией ельцинских представителей, в которой верховодил бравый генерал Рущкой со «стечкиным» под мышкой. После приземления Александр Владимирович скомандовал: «Первыми высадятся автоматчики, они образуют каре, внутри которого расположимся мы».

Фарс продолжался...

По возвращении в Москву прямо на аэродроме Крючков и Язов были арестованы.

Затем были арестованы и другие члены ГКЧП (Б. К. Пуго покончил жизнь самоубийством), а также лица, активно сотрудничавшие с Государственным комитетом по чрезвычайному положению. Среди них — генерал армии В. И. Варенников, генералы КГБ В. Ф. Грушко, Ю. С. Плеханов, В. В. Генералов.

29 августа был взят под арест председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов.

¹ В. А. Ивашко — заместитель Генерального секретаря ЦК КПСС в 1990—1991 годах.

На местах были освобождены от своих должностей практически все региональные руководители, поддержавшие ГКЧП. В стране развернулась «охота на ведьм».

Сменивший Крюкова новый председатель Комитета госбезопасности В. В. Бакатин на первом же совещании руководящего состава объявил, что он пришёл, «чтобы уничтожить КГБ». С чем и успешно справился за несколько месяцев.

Разгром ГКЧП ознаменовал переход ползучей контрреволюции в стране, действовавшей при активной поддержке западных реакционных сил, в новое качество, в завершающую стадию, период открытой борьбы против социалистического строя и советской власти.

Пошёл обратный отсчёт времени.

Декабрь 1991 года. Беловежский сговор. Руководители трёх республик подписывают соглашение о создании невнятного образования — Содружества Независимых Государств. Советский Союз прекращает существование. Первый, с кем Ельцин делится долгожданной радостью, — президент США Джордж Буш-старший. Тот тоже несказанно рад.

Октябрь 1993 года. Завершение антиконституционного переворота в России. Ельцин расстреливает Верховный Совет Российской Федерации. Гибнут сотни людей. А с ними — и советская власть...

Вместо заключения

А СУДЬИ КТО?

Народная мудрость гласит: от сумы да от тюрьмы не зарекайся.

Когда-то, в советское время, большинство людей всерьёз эти слова не воспринимали — обычная честность и порядочность надёжно оберегали их свободу, а даже самый скромный образ жизни был далёк от того, что принято считать бедностью.

Сейчас же пророческий смысл пословицы вряд ли у кого вызывает сомнение. А вернул к жизни это фольклорное наследие Ельцин, упрятав за решётку участников ГКЧП. Его приближённые — вице-президент Руцкой и председатель Верховного Совета РФ Хасбулатов, горячо убеждавшие доверчивый народ в том, что этот шаг был необходим для утверждения в России «подлинной демократии», вскоре тоже окажутся на нарах.

Многие считают, что арест и первые дни в неволе привели Крючкова в смятение, и в подтверждение этого домысла цитируют «покаянное» письмо в адрес Горбачёва. «Уважаемый Михаил Сергеевич! — писал Крючков. — Надо ли нас держать в тюрьме: одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно! Вчера прослушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает...»

Вроде бы и сам Крючков в своих воспоминаниях подтверждает, что он находился тогда, особенно 22 августа, скажем так, «не в своей тарелке»: «Физическое и моральное состояние было тяжёлым: бессонные ночи, полёт в самолёте, дорога в Солнечногорск¹. Сон буквально валил с ног,

¹ Первые сутки Крючкова содержали под охраной на территории санатория «Сенеж», расположенного под Солнечногорском.

глаза открывались с трудом. Личный обыск, протокол, другие формальности, связанные с задержанием, понимание разумом своего состояния — всё сливалось вместе в огромную давящую тяжесть».

А далее — два многочасовых допроса, второй — «откровенно жёсткий, с неудобными, даже садистскими вопросами».

В конце дня — настойчиво убеждают дать интервью репортёру Центрального телевидения В. Молчанову. Запись смонтировали на свой лад. Но главные слова Крючкова всё же оставили: «Вспоминая свой жизненный путь, думаю, что пошёл бы по нему снова. И мне представляется, что в своей жизни я не сделал ничего такого, за что моя родина могла бы обижаться на меня». Однако последующее его высказывание о том, что пять-шесть дней назад он поступил бы иначе, избрал бы другой вариант действий и не оказался бы в тюрьме, было растолковано в угоду следствию.

После всех кошмарных событий первого дня — вся ночь, целых девять часов, в дороге. Пункт назначения — следственный изолятор в Кашине. Одиночная камера в мрачном, старинном здании.

Понять состояние Крючкова можно: ещё вчера — обличённый огромной властью крупный государственный деятель, сегодня — «государственный преступник».

Но вот ведь парадокс: когда просматриваешь видеоматериалы первых допросов, телеинтервью, смонтированное Молчановым, видишь перед собой отнюдь не подавленного, а спокойного и уравновешенного, подтянутого человека.

Откуда же взялись покаянные нотки в письме Крючкова Горбачёву?

Для начала заметим, что это, в общем-то, и не письмо, а *личная записка*, посланная из тюрьмы. И то, что Горбачёв обнародовал её через средства массовой информации — как бы сказать помягче? — чести ему не делает.

Кроме того, накануне её написания Горбачёв раздавал направо и налево «разоблачительные» и гневные интервью, в которых полностью искажал содержание разговора с представителями ГКЧП, состоявшегося 18 августа в Форосе, от всего отрекся и представлял себя «узником заговорщиков». Одно из таких его интервью и услышал Крючков по тюремному репродуктору.

Поддействовала на Крючкова и мощная пропагандистская кампания, развёрнутая на радио — другие источники

информации в первые дни после ареста ему были недоступны. Зато радио можно было слушать практически весь день. Крючков потом признавался своему адвокату Ю. П. Иванову, что все эти осуждающие ГКЧП митинги, протесты, заявления, интервью и т. д. и т. п., которые репродуктор извергал с утра до вечера, заставили его на какое-то время и впрямь уверовать, что народ от «заговорщиков» отвернулся.

В то же время характер набравшей силу кампании в СМИ свидетельствовал о том, что в стране разворачивается настоящая «охота на ведьм», которая может окончиться трагически не только для членов ГКЧП и их семей, но и для всех, кто поддержал действия Государственного комитета по чрезвычайному положению. Для такой тревоги у Крюčkова были серьёзные основания. Уже 23 августа Ельцин подписал один из самых позорных в истории страны указов «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР»¹ — на том основании, что она поддержала «попытку государственного переворота». Фактически это означало запрет компартии, что во всём демократическом мире принято считать одним из главных признаков наиболее реакционных режимов.

Напоминание Горбачёву о возрасте и здоровье заключённых под стражу участников ГКЧП тоже было связано не столько с беспокойством за собственное физическое состояние, сколько с ответственностью за судьбу других людей.

Видел Крючков, в каком тяжёлом состоянии находится Павлов. 22 августа в больнице к нему приставили охрану, а на следующий день арестовали и доставили в «Матросскую Тишину».

Мы уже раньше говорили, что страдал от сахарного диабета Грушко. Пребывание Виктора Фёдоровича в тюрьме привело не только к резкому обострению старой болезни, но и стало причиной двух инфарктов. Позднее случился и третий, после которого он с трудом ходил, но нашёл в себе силы написать прекрасную, честную книгу воспоминаний «Судьба разведчика».

Тюрьма серьёзно подорвала и здоровье Плеханова. 10 июля 2002 года, кстати, во многом благодаря стараниям Крюčkова, вышел указ президента России, в соответствии с которым Плеханов был восстановлен в воинском зва-

¹ Позднее, 6 ноября 1991 года, в качестве «подарка» трудящимся к очередной годовщине Октябрьской революции Ельцин издаст указ и о прямом запрете деятельности КПСС на территории РСФСР и компартии РСФСР.

нии, ему были возвращены все государственные награды. Его друзья с копией указа на руках сразу же помчались на дачу, где он жил последние годы. Не успели. Буквально за несколько минут до их приезда Юрий Сергеевич скончался. Вот так порой уходят из жизни верные сыны родины, её преданные солдаты.

Сам Крючков перенёс в тюрьме два микроинсульта, несколько тяжёлых приступов хронических заболеваний, и совсем уж необъяснимый случай произошёл с ним в декабре 1992 года. При очередной несложной процедуре — инстиляции глазных капель (у Владимира Александровича в тюрьме заболели глаза) он внезапно потерял сознание, успев, как рассказывали потом соседи по камере, вскрикнуть: «Что вы делаете?!» Произошла остановка сердца. К счастью, помогло своевременное вмешательство сокамерника — врача по профессии. Когда Крючков пришёл в себя, глаза его ничего не видели. Через полтора-два часа зрение восстановилось, но лишь частично.

Через сутки его госпитализировали и сразу же положили в палату реанимации. В больнице провёл 40 дней. Там же его застало постановление Военной коллегии Верховного суда РФ от 26 января 1993 года об освобождении из-под стражи. Весть об этом моментально разлетелась по госпиталю. Пациенты, большинство которых были офицерами (госпиталь — ведомственное учреждение МВД), в коридорах приветствовали Владимира Александровича по-военному, «руки по швам», многие подходили: «Товарищ генерал армии, разрешите поздравить...» Крючков и сын Сергей, который поддерживал отца по пути на процедуры под руку (в оставшиеся до выписки дни ему разрешили ухаживать за ним и ночевать в его палате), были искренне тронуты таким отношением.

Многие из нас любят повторять слова о том, что семья — это тыл, но нередко произносят их как бы всуе. Семья Крючковых с первых дней тюремного заключения Владимира Александровича действительно служила для него надёжной опорой. Помогли твёрдо встать на ноги — понимали, как угнетала его в тюрьме, особенно в первые дни, тревога за родных, как беспокоила мысль о том, что из-за него могут пострадать жена и дети. А относился он к ним не просто бережно — трепетно. Об этом можно судить по одной из его дневниковых записей¹: «Сегодня 7 ноября

¹ В тюрьме Крючков не только вёл дневник, но и приступил к работе над книгой «Личное дело».

1991 года. День для меня особенный, который является значимым в моём восприятии с тех пор, как себя помню, и одновременно — день рождения любимой жены. 44 года совместной жизни, и каждый этот день мы были вместе. Впервые мы врозь, я — в тюрьме, жена — на свободе»...

К счастью, худшие опасения, которые одолевали Крючкова в начальный период заключения, не сбылись.

Помог Крючкову обрести полную уверенность его адвокат Ю. П. Иванов. Поначалу вопрос о юридической защите Крючкова, особенно в свете выдвинутых против него тяжёлых обвинений, стоял очень остро. Заботу о том, чтобы найти отцу квалифицированного юриста, взял на себя Сергей Крючков, которому порекомендовали обратить внимание на Юрия Иванова. К тому времени тот приобрёл известность благодаря успешной защите потерпевших по так называемому «узбекскому делу», искусственно раздутому следователями «демократической» ориентации до масштабов политического процесса¹. Позднее стало известно, что так называемая «группа Гдяна», в которую они входили, в ходе следствия не гнушалась фальсификациями, подлогами, лжесвидетельствами и оговорами.

Но оказалось не так-то просто разыскать Иванова — как потом выяснилось, у него недавно родился ребёнок, и по такому случаю семья адвоката уехала подальше от Москвы. В адресе, который удалось раздобыть, Сергей увидел добрый знак: Ступино, улица Андропова... Поразмыслив немного, адвокат дал согласие защищать Крючкова.

Первая задача, которую поставил перед собой Иванов, — помочь своему подзащитному обрести психологическое равновесие в условиях тюрьмы и уверенность при допросах следователей. А параллельно с этим надо было решить и другую важную проблему — каким-то образом объединить всех подследственных по делу ГКЧП, находившихся в строгой изоляции друг от друга, не допустить, чтобы в их показаниях были противоречия и расхождения. Любые трещины под мощным давлением ангажированной властями мощной обвинительной машины (Генеральная прокуратура против десятка узников «Матросской Тишины» бросила 150 следователей) могли привести к разруше-

¹ Позднее беспартийный адвокат Ю. П. Иванов успешно защищал интересы КПСС и КП РСФСР на процессе по так называемому «делу КПСС», на котором рассматривалась конституционность указов Ельцина по приостановке и запрету деятельности компартии. В декабре 1993 года был избран депутатом Государственной думы РФ.

нию оборонительной конструкции. Тем более что вместе со следственной бригадой её с утра до вечера дружно долбила своими таранами огромная пропагандистская армия, в которую наряду с добровольными помощниками и наймитами Ельцина входили и иностранные легионы (секретные материалы следствия за границу текли рекой).

Чтобы читатель лучше понял, какими методами осуществлялись воздействие на формирование общественного мнения и психологическое давление на обвиняемых, приведём такой пример. В 1992 году, в период следствия и задолго до судебного разбирательства, вышла в свет книга Генерального прокурора Степанкова и его заместителя Лисова «Кремлёвский заговор. Версия следствия». Рассмотрев ходатайство защиты об отводе всех государственных обвинителей, поскольку все они являются подчинёнными Генерального прокурора, который, выполняя социальный заказ президента России, неоднократно выступал перед средствами массовой информации с тенденциозными заявлениями и в нарушение процессуального закона выпустил книгу с заведомо обвинительным уклоном, Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации вынесла следующее определение:

«В июле 1992 года, ещё за пять месяцев до окончания расследования дела Генеральным прокурором России Степанковым В. Г. и заместителем Генерального прокурора Лисовым Е. К. была написана книга “Кремлёвский заговор”, которая вскоре вышла массовым тиражом в издательстве “Огонёк”. В этом произведении авторы, выборочно опубликовав материалы незавершённого предварительного следствия, обосновали свою оценку происшедших в августе 1991 года событий и участия в них обвиняемых. При этом обвиняемые именуются “заговорщиками”, а их действия называются “заговором” и “захватом власти”, то есть практически квалифицируются как преступление, предусмотренное статьёй 64 УК РСФСР...

Таким образом, посредством этой книги ещё до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможных показаний в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд».

Дело против ГКЧП, сфабрикованное Степанковым и К^о, начало стремительно рассыпаться. Не помогла его команде и поддержка Ельцина, который в июне 1992 года в большом телевизионном интервью заявил, что главными

виновниками распада Советского Союза являются члены ГКЧП, и назвал их «путчистами». Возмущённый таким фарисейством, Крючков пишет в тюрьме «Открытое письмо Президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину» (11 июля 1992 года его публикует газета «Правда»):

«...Подобное утверждение, не имеющее ничего общего с истиной, делается перед людьми нашей, да и не только нашей, страны, которые сами были свидетелями не столь уж давних событий и из памяти которых ещё не стёрлось всё, что произошло за последние несколько лет. Они не могут не помнить, в том числе, и Вашу деятельность, высказывания, поступки. Люди, особенно в такой пока ещё высокообразованной стране, как наша, научились самостоятельно анализировать, приходиться к собственным выводам. Вы не могли не заметить, что в последнее время их оценки всё чаще и чаще не совпадают с Вашими...»

Узники “Матросской Тишины” не хитрили, они действовали открыто, своих целей не скрывали, никаких для себя лично выгод не искали. Ими двигало одно — стремление предотвратить наступление ещё более опасных, кризисных явлений, свидетелями которых мы сейчас являемся, причём в куда больших масштабах, чем можно было предположить.

Именно Вы последовательно вели дело к развалу Союза, все Ваши действия лишь подтверждают это. А в “Матросской Тишине” оказались как раз те, кто всегда выступал за сохранение Союза в соответствии с волей народа, выраженной на референдуме 17 марта, и никем тогда ещё не отменённой Конституцией СССР и Союзным договором от 1922 года. Выступление 19—21 августа 1991 года, создание ГКЧП были отчаянной попыткой спасти Союз, тот самый, по которому Вы сегодня льёте крокодиловы слёзы и для которого Вы сами же с таким завидным упорством рыли могилу, а потом справили похоронный ритуал в виде создания СНГ...»

Письмо Ельцину стало настоящим манифестом Крюčkова, определившим его позицию в мрачный период реакции 1990-х годов. Сразу же после выхода из тюрьмы он активно включается в общественную жизнь.

1 мая 1993 года он участвует в грандиозной демонстрации трудящихся Москвы, которая стала первым столь мощным оппозиционным выступлением после распада Советского Союза. Вышедшие на улицы города люди уже сполна прочувствовали на себе, что такое чубайсовская приватизация и гайдаровская шоковая терапия, понимали, в какую пропасть загнала страна политика российского

руководства. А такие их лозунги, как «Вся власть Советам трудящихся!», действовали на Ельцина как на быка красная тряпка. Демонстрация закончилась массовым побоищем её участников на площади Гагарина, а через несколько месяцев последний оплот Советов России Ельцин расстреляет из танков.

В мрачный период реакции 1990-х годов Крючков не сидит сложа руки. Он заканчивает книги воспоминаний, начатые в тюрьме, приступает к работе над сборником исторических портретов «Личность и власть», готовит серьёзные документальные издания.

Смена российского руководства на исходе 1990-х годов породила у Крюčkова, как и у большинства жителей страны, ожидания перелома в политике, определённые надежды на новый курс, способный вывести страну из тупика. Правда, оптимизм Владимира Александровича был сдержанным: одно дело — надеяться, «другое дело — как эти надежды людей оправдываются». В начале 2000-х годов в предисловии к своим воспоминаниям он пишет: «К сожалению, события развивались и пока развиваются по худшему варианту, чем можно было предположить прежде». Через некоторое время, в начале 2006 года, он напишет: «Вот уже второй десяток лет Россия барахтается в поисках выхода из создавшегося положения, обретения уверенной поступи в своём развитии. Однако пока ничего обнадеживающего, фундаментального не придумано. Вместо социалистического пути развития, который вывел в прошлом Советский Союз на вторую позицию в мире, мы обрели проблемное государство, больное общество, в лучшем случае с сомнительным и неясным будущим.

Мы решили, причём весьма радикально и бесповоротно, построить в своей стране капитализм по западному образцу. И построили! Да такой, что он привёл к небывалому разграблению наших богатств, а внедрённые в нашу действительность порядки на том же самом Западе называли “диким капитализмом”»¹.

...В последние годы жизни Владимир Александрович любил проводить свободное время на подмосковной даче в Беспятове, куда уезжал на выходные вместе с женой Екатериной Петровной. История небольшого дома, в котором они оба души не чаяли, весьма любопытна. Когда осенью

¹ Крючков В. А. Без срока давности. Кн. 1. М.: Просвещение, 2006. С. 9–10.

1994 года Крючков занялся оформлением пенсии, неожиданно выяснилось, что он по-прежнему является... председателем Комитета госбезопасности СССР — оказалось, что его так спешили упечь за решётку, что в суматохе забыли уволить. Ну а поскольку длительный «прогул» он совершил по уважительной причине (находился под арестом), то пришлось его оплатить. Вот на эти, вполне законные, деньги и была построена дача.

Привычный образ жизни прервала смерть Екатерины Петровны, которая серьёзно надломила Владимира Александровича. Проблемы со здоровьем стали всё чаще напоминать о себе. Прогрессировала болезнь сосудов головного мозга (сказались перенесённые в тюрьме микроинсульты), возникли послеоперационные осложнения, связанные с лечением старой афганской травмы позвоночника, после двух перенесённых инфарктов беспокоило сердце.

В результате — серьёзный кризис и неотложная госпитализация, затем длительная реабилитация в семье сына Сергея. На протяжении нескольких месяцев больного практически ни на минуту не оставляла сноха Владимира Александровича Ольга, даже спала у его кровати на постеленном прямо на полу матрасе — не дай бог, упадёт во сне со своей постели.

Казалось, болезнь отступила, но последовал новый удар — внезапно скончался младший сын Алексей. Его смерть окончательно подкосила Владимира Александровича.

Последние месяцы он проводил дома в окружении близких, но врачи настояли на госпитализации. Трудно сказать, как смогла прорваться в реанимационное отделение любимая внучка Маша. Владимир Александрович скончался фактически у неё на руках.

* * *

Если крепость не удаётся взять штурмом, то её всегда можно взять с помощью «троянского коня». Реальная история питает фантастику. Американский писатель-фантаст Терри Брукс, популярный среди наших молодых читателей, в одном из своих романов описывает сражение за город, стоящий на пути к земле, в которой зарождаются «черты грядущего, черты новой, не столь далёкой эпохи». В критический момент битвы герой книги сталкивается с коварным предательством: «Всю башню заполнил громкий

скрежет рычагов и шестерней, и он с ужасом понял, что кто-то отодвигает внутренние засовы крепостных ворот...»

Крючков был одним из часовых нашей родины, не сумевших помешать изменникам. Может быть потому, что не смогли наши стражи, как и герои известного романа, вовремя разгадать их замыслы. Но сейчас мы понимаем, что вряд ли можно строго судить их за это.

Г. И. Янаев в одном из своих интервью совершенно правильно заметил, что в гибели Советского Союза повинны мы все — и я, и вы, и другие советские люди, которые не смогли или не захотели предотвратить его распад. В то же время он подчеркнул, что в истории вина, ответственность за рукотворные глобальные катастрофы всегда персонафицирована. При этом вспомнил про замечательный фильм-притчу режиссёра Милоша Формана «Пролетая над гнездом кукушки», в котором главный герой однажды попытался оторвать от пола тяжёлую раковину для умывания. У него ничего не получилось, но он произнёс: «Я хотя бы попытался».

Они хотя бы попытались!

Крючков никогда не считал нужным что-то отвечать своим обвинителям и тем, кто не гнушался извергать в его адрес потоки наветов и клеветы.

Когда на эту тему заходил разговор в кругу его близких людей, он обычно произносил одну фразу: «Нас рассудит время».

В этих словах чувствовалась глубокая убеждённость Владимира Александровича в правоте дела, которому он служил, которому посвятил всю свою жизнь.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. А. КРЮЧКОВА

- 1924, 29 февраля — родился в городе Царицыне в семье рабочего-котельщика.
- 1941, октябрь — разметчик завода № 221 (завод «Баррикады») Наркомата по вооружению, город Сталинград (после окончания 9-го класса средней школы им. И. Д. Папанина).
- 1942, август — разметчик завода № 92 им. И. В. Сталина Наркомата по вооружению, город Горький.
- 1943, май — возвращается на завод № 221, работает разметчиком. Август — мастер Особой строительно-монтажной части № 25, город Сталинград.
- 1944, апрель — комсорг ЦК ВЛКСМ Особой строительно-монтажной части № 25.
Октябрь — вступает в члены КПСС.
Август — первый секретарь Баррикадного райкома ВЛКСМ, город Сталинград.
- 1945 — окончил 10-й класс школы рабочей молодёжи и поступил в Саратовский юридический институт (в 1946 году перевёлся в ВЮЗИ, Саратовский филиал).
- 1946, август — второй секретарь Сталинградского горкома ВЛКСМ.
Ноябрь — народный следователь прокуратуры Тракторозаводского района, город Сталинград.
- 1947, ноябрь — женился на Е. П. Красильниковой.
Декабрь — прокурор следственного отдела Сталинградской областной прокуратуры.
- 1950, март — прокурор Кировского района Сталинграда. Избирается членом Кировского РК КПСС и райсовета депутатов трудящихся, город Сталинград.
Август — родился сын Сергей.
- 1951, август — поступает в Высшую дипломатическую школу МИДа СССР.
- 1954, август — третий секретарь 4-го Европейского отдела МИДа СССР.
- 1955, октябрь — третий секретарь посольства СССР в Венгерской Народной Республике.
- 1957 — родился сын Алексей.
- 1959, август — третий секретарь 5-го Европейского отдела МИДа СССР.
Сентябрь — референт отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.
- 1963, июнь — заведующий сектором Венгрии и Румынии отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран.
- 1965, май — помощник секретаря ЦК КПСС.

- 1967, *май* — помощник председателя Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР.
Июль — начальник секретариата КГБ при Совете министров СССР.
- 1968, *май* — присвоено воинское звание генерал-майор.
- 1971, *июль* — первый заместитель начальника Первого главного управления Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР.
- 1973, *декабрь* — присвоено воинское звание генерал-лейтенант.
- 1974, *декабрь* — начальник Первого главного управления Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР.
Член Коллегии КГБ при Совете министров СССР (в связи с переименованием госкомитетов с июля 1978 года — КГБ СССР).
- 1978, *ноябрь* — заместитель председателя Комитета государственной безопасности СССР — начальник Первого главного управления КГБ СССР.
- 1982, *декабрь* — присвоено воинское звание генерал-полковник.
- 1984, *март* — избран депутатом Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва.
- 1986, *март* — избран членом ЦК КПСС (избирался XXVII и XXVIII съездами КПСС).
- 1988, *январь* — присвоено воинское звание генерал армии.
Сентябрь — назначен председателем Комитета государственной безопасности СССР.
- 1989, *сентябрь* — член Политбюро ЦК КПСС.
- 1990, *март* — член Президентского совета СССР.
- 1991, *март* — член Совета безопасности СССР.
Август — член Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Арест и заключение под стражу.
- 1993, *январь* — освобождён из-под стражи по постановлению Военной коллегии Верховного суда РФ.
- 2005, *июнь* — скончалась супруга Е. П. Крючкова.
- 2007, *февраль* — умер младший сын А. В. Крючков.
23 ноября — В. А. Крючков ушёл из жизни.
Похоронен рядом с женой на Троекуровском кладбище.

КРАТКИЙ СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Документы Государственного архива Волгоградской области (ГАВО).

Документы Центра документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО).

Музейные и архивные материалы завода «Баррикады» — ЦКБ «Титан», г. Волгоград.

Семейные и личные архивы.

Литература

Алабушев Вит. Е., Попов А. И., Чурзин Г. И. Завод главного калибра / Под. ред. Вяч. Е. Алабушева. Волгоград: КарманЪ, 2014.

Баррикадцы. В 2 кн. Волгоград: Нижне-Волжское книжное изд-во, 1989.

Бобков Ф. Д. КГБ и власть. М.: Ветеран МП, 1995.

Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачёва. М.: Республика, 1995.

Бондаренко А. Ю. Фитин. М.: Молодая гвардия, 2015.

Варенников В., Крючков В., Стародубцев В., Язов Г., Янаев Г. ГКЧП. Был ли шанс? М.: Алгоритм, 2013.

Венгерские события 1956 года глазами КГБ и МВД СССР: Сборник документов / Сост. А. А. Зданович и др. М.: Объединённая редакция МВД России, 2009.

Гладков Т. К. Артур Артузов. М.: Молодая гвардия, 2008.

Группа специального назначения КГБ СССР «Вымпел». М.: МГО фонда «Вымпел-Гарант», 2008.

Грушко В. Ф. Судьба разведчика. М.: Международные отношения, 1997.

Данинос Ф. Повседневная жизнь ЦРУ. Политическая история 1947—2007 / Пер. с фр. Л. Ф. Матяш, В. А. Смирнягина; предисл. О. М. Нечипоренко. М.: Молодая гвардия, 2009.

Дроздов Ю. И. Вымысел исключён. Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-Пресс, 2000.

Житнухин А. П. Леонид Шебаршин. Судьба и трагедия последнего руководителя советской разведки. М.: Молодая гвардия, 2014.

Звезда над городом Кабулом / Сост. А. П. Житнухин, С. А. Лыкошин; предисл. А. П. Житнухина. М.: Молодая гвардия, 1990.

Кирпиченко В. А. Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001.

Колпакиди А. И., Лемехов О. И. Главный противник. ЦРУ против России. М.: Вече, 2002.

- Красильникова И. П.* Исповедь врача, или Становление характера. Волгоград: Волгоградская медицинская академия, 1996.
- Крушинский С., Маевский В., Ефимов П., Одинец М.* Что произошло в Венгрии. Репортаж. М.: Правда, 1956.
- Крючков В. А.* Личное дело. М.: Эксмо, 2003.
- Крючков В. А.* На краю пропасти. М.: Эксмо, 2003.
- Крючков В. А.* Личность и власть. М.: Просвещение, 2004.
- Крючков В. А.* Без срока давности. В 2 кн. М.: Просвещение, 2006.
- Леонов Н. С.* Лихолетье. М.: Терра, 1997.
- Лукьянов А. И.* Август 91-го. А был ли заговор? М.: Алгоритм, Эксмо, 2010.
- Ляховский А. А.* Трагедия и доблесть Афгана. Ярославль: Норд, 2004.
- Макевнина В.* Сила «Титана» / Под ред. В. А. Шурыгина. Волгоград: Альянс «Югполиграфиздат», 2010.
- Медведев Р. А.* Андропов. М.: Молодая гвардия, 2006.
- Минаев Б. Д.* Ельцин. М.: Молодая гвардия, 2010.
- Миша. Жизнь Маркуса Вольфа, рассказанная им самим — в письмах и записках семье, друзьям, соратникам / Пер. с нем. В. И. Ганиева. М.: Международные отношения, 2014.
- Млечин Л. М.* История внешней разведки. Карьеры и судьбы. М.: Центрполиграф, 2011.
- Мушаверы. Неизвестные страницы Афганской войны / Под общ. ред. А. И. Юрьева. М.: Кучково поле, 2013.
- Плеханов А. М.* ВЧК — ОГПУ: Отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921—1928. М.: Кучково поле, 2006.
- Плохий С.* Последняя империя. Падение Советского Союза (пер. с англ.: *Sergii Plokyu. The Last Empire. The Final Days of the Soviet Union.* USA: Basic Books). М.: АСТ, 2016.
- Прокофьев Ю. А.* Как убивали партию. Показания первого секретаря МГК КПСС. М.: Эксмо, Алгоритм, 2011.
- Пчелинцев В. А.* Жаркое лето 1989 года. Кемерово: Примула, 2011.
- Синицин И. Е.* Андропов вблизи. Воспоминания о временах оттепели и застоя. М.: Центрполиграф, 2015.
- Сталинградская битва. Энциклопедия. 5-е изд., испр. и доп. / Гл. ред. и рук. авт. колл. М. М. Загорулько. Волгоград: Издатель, 2012.
- Степанков В. Г., Лисов Е. К.* Кремлёвский заговор. Пермь: Урал-Пресс, 1993.
- Тишков А. В.* Дзержинский. М.: Молодая гвардия, 1985.
- Фролов А. П.* КГБ СССР: контршпионаж, учёба и работа контрразведчиков. М., 2011.
- Фроянов И. Я.* Россия. Погружение в бездну. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009.

Хасбулатов Р. И. Правда о 1993 году. Мятеж Ельцина и международный заговор против России. М.: Яуза-пресс, 2013.

Хлобустов О. М. Август 1991 года. Где был КГБ? М.: Эксмо, Алгоритм, 2011.

Черкашин В. И., Файфер Г. В поисках агента. Записки офицера КГБ. М.: Международные отношения, 2014.

Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995.

Шебаршин Л. В. Рука Москвы. М.: Алгоритм, 2014.

Яровой А. Ф. Прощай, КГБ. М.: Олма-Пресс, 2001.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	6
<i>Глава первая. Сталинград</i>	8
<i>Глава вторая. Венгерский мятеж</i>	47
<i>Глава третья. Соратник Андропова</i>	101
<i>Глава четвёртая. Главный противник главного противника</i>	142
<i>Глава пятая. Афганистан: к покаянию фарисеев</i>	197
<i>Глава шестая. Последний рубеж</i>	236
<i>Глава седьмая. Развязка</i>	292
<i>Вместо заключения. А судьи кто?</i>	343
Основные даты жизни и деятельности В. А. Крючкова . . .	353
Краткий список источников и литературы	355

Житнухин А. П.

Ж 74 Владимир Крючков: Время рассудит / Анатолий Житнухин. — М.: Молодая гвардия, 2016. — 358[10] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1587).

ISBN 978-5-235-03908-7

Очередное биографическое исследование автора посвящено жизни и деятельности многолетнего руководителя советской разведки, возглавившего Комитет государственной безопасности СССР в переломный период истории, в годы обострившегося противостояния двух полярных политических сил, завершившегося распадом Советского Союза. Важными вехами биографии героя стало его участие в обороне и восстановлении Сталинграда, венгерских событиях 1956 года и Афганской войне, деятельности Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), попытавшегося в августе 1991 года предотвратить гибель великой державы. Автор попробовал разобраться в причинах резкого расхождения в оценках роли В. А. Крюčkова в знаковых событиях советской истории.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**УДК 355.34:94(47)(092)
ББК 63.3(2)6-36**

знак информационной
продукции

16+

Житнухин Анатолий Петрович

**ВЛАДИМИР КРЮЧКОВ:
Время рассудит**

Редактор И. Н. Прелин

Художественный редактор А. В. Никитин

Технический редактор М. П. Качурин

Корректоры Т. И. Маляренко, Г. В. Платова

Сдано в набор 24.02.2016. Подписано в печать 16.03.2016. Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 1604930.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сушэвская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в ООО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-03908-7

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. М. Долгополов ЛЕГЕНДАРНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Герои этой книги — люди легендарные. Они составили славу советской и российской разведки. Некоторые из них во время Великой Отечественной войны боролись с фашизмом, действуя в тылу врага, другие выявляли угрозу безопасности нашему государству, работая в разных странах, на других континентах. Историк разведки Николай Долгополов представил в своей новой книге, целую плеяду разведчиков, защищавших нашу родину на дальних и ближних рубежах.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушеvская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. П. Житнухин ЛЕОНИД ШЕБАРШИН

Герой книги — профессиональный разведчик, прошедший путь от оперативного работника наших зарубежных резидентур до руководителя Первого главного управления КГБ СССР. Ему выпала участь возглавить советскую внешнюю разведку в период, когда рушились устои Советского Союза, к чему приложили руку и западные спецслужбы, и их пособники внутри страны, сумевшие создать «пятую колонну» при прямом попустительстве высшего руководства государства. Годы нелегких испытаний для Л. В. Шебаршина — патриота-государственника, человека исключительно образованного и интеллигентного — обернулись временем мучительных переживаний за судьбу России и размышлений о путях преодоления тяжелого кризиса, в который она была ввергнута. Отягощала его состояние и болезнь, предопределившая трагический исход жизни. Автор приводит новые факты и сведения, касающиеся политических событий, в которых довелось участвовать герою книги.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушеvская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. М. Долгополов АБЕЛЬ — ФИШЕР

Хотя Вильям Генрихович Фишер (1903—1971) и является самым известным советским разведчиком послевоенного времени, это имя знают не очень многие. Ведь он, резидент советской разведки в США в 1948—1957 годах, вошел в историю как Рудольф Иванович Абель. Большая часть биографии легендарного разведчика до сих пор остается под грифом «совершенно секретно». Эта книга открывает читателю максимально возможную информацию о биографии Вильяма Фишера. Работая над книгой, писатель и журналист Николай Долгополов, лауреат Всероссийской историко-литературной премии Александра Невского и Премии СВР России, общался со многими людьми, знавшими Вильяма Генриховича. В повествование вошли уникальные воспоминания дочерей Вильяма Фишера, его коллег — уже ушедших из жизни героев России Владимира Барковского, Леонтины и Морриса Козн, а также других прославленных разведчиков, в том числе и некоторых, чьи имена до сих пор остаются «закрытыми».

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Ю. Бондаренко
ФИТИН

Книга рассказывает о яркой и удивительной судьбе генерал-лейтенанта Павла Михайловича Фитина (1907—1971), начальника советской внешней разведки в 1939—1946 годах. В то время нашим разведчикам удалось выяснить дату нападения гитлеровской Германии на СССР, планы основных операций и направление главных ударов вермахта, завладеть секретами ядерного оружия, установить рабочие контакты с западными спецслужбами, обеспечить встречи руководителей стран антигитлеровской коалиции и пресечь сепаратные переговоры наших англо-американских союзников с представителями Германии. При Фитине были заложены те славные традиции, которые сегодня успешно продолжают в деятельности СВР России. В книге, основанной на документальных материалах — некоторые из них публикуются впервые, — открываются многие секреты тогдашнего высшего руководства страны, внешней политики и спецслужб, а также разоблачаются некоторые широко распространенные легенды и устоявшиеся заблуждения.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

С. Ю. Куняев, С. С. Куняев
СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

Эта книга принципиально отличается от всех ранее изданных книг о Есенине, поскольку ее созданию не мешали никакие идеологические догмы. В процессе работы авторам удалось познакомиться с громадным количеством архивных документов, ранее недоступных. В книге прослеживаются сюжетные линии, до сих пор не разработанные в литературе: Есенин и Троцкий, Есенин и Сталин, Есенин и семья Романовых. По-новому освещены взаимоотношения поэта с Зинаидой Райх, Айседорой Дункан и другими спутницами жизни, роль Есенина в становлении русского национализма 1920-х годов. С использованием многих неизвестных ранее документов написаны главы о пребывании Есенина за границей и, конечно, о его трагической гибели.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:
127055, Москва, Сушевская ул., 21
Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86
Телефоны для оптовых покупателей:
8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92
Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:
<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

А. Н. Варламов
ШУКШИН

Судьба Василия Макаровича Шукшина (1929—1974) вобрала в себя все взлеты и провалы русского XX века. Сын расстрелянного по ложному обвинению алтайского крестьянина, он сумел благодаря огромному природному дару и необычайной воле пробиться на самый верх советской общественной жизни, не утратив чувство корневой национальной жизни. Крестьянин, рабочий, интеллигент, актер, режиссер, писатель, русский воин, Шукшин обворожил Россию, сделался ее взыскующим заступником, жестким ходатаем перед властью, оставаясь при этом невероятно скрытным, «зашифрованным» человеком. Как Шукшин стал Шукшиным? Какое ему выпало детство и как прошла его загадочная юность? Каким образом складывались его отношения с властью, Церковью, литературным и кинематографическим окружением, с богемой? Как влияла на его творчество личная жизнь? Какими ему виделось прошлое, настоящее и будущее России? Наконец, что удалось и что не удалось сделать Шукшину? Алексей Варламов, известный прозаик, историк литературы, опираясь на письма, рабочие записи, архивные документы, мемуарные свидетельства, предпринял попытку «расшифровать» своего героя, и у читателя есть возможность познакомиться с Василием Шукшиным заново.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Р. В. Кузнецова
КУРЧАТОВ

Академик Игорь Васильевич Курчатов (1903—1960) принадлежит к числу тех ученых, чьи труды и практические усилия определили будущее человечества. Благодаря ему Советский Союз сумел в сжатые сроки создать атомную, а затем и водородную бомбу, разрушив ядерную монополию США, начал создавать атомный подводный флот. Курчатов не только заложил основы мирного применения атомной энергии, но и открыл путь исследованиям по управляемым термоядерным реакциям. Несмотря на всемирное признание заслуг Курчатова и большое количество посвященных ему публикаций, многие стороны его жизни остаются неизученными и малоизвестными. Книга сотрудника Дома-музея И. В. Курчатова, доктора исторических наук Раисы Кузнецовой, основанная на архивных документах и воспоминаниях, позволяет по-новому взглянуть на биографию научного руководителя советского атомного проекта.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Н. Т. Великанов ЧЕРНЯХОВСКИЙ

Укрыты покровом тайны дата, место рождения и кровные родители будущего прославленного советского военачальника. Трудным было его выживание в первые десятилетия XX века. А потом – выбор военной стези, стремительная карьера в годы Великой Отечественной войны и... трагический обрыв необыкновенной судьбы на пике полководческой славы. Таков 38-летний жизненный путь Ивана Даниловича Черняховского (1906—1945) — дважды Героя Советского Союза, генерала армии, самого молодого командующего фронтом. Об И. Д. Черняховском написано множество статей, очерков, документальных и художественных рассказов, повестей; всё в них показывалось правильно, гладко. Но в жизни и деятельности любого человека непременно имеется что-то, выбивающееся из общепринятых правил, оно завязывается в замысловатые узелки и укрывается временем. Писатель Н. Т. Великанов впервые касается некоторых «узелков» в судьбе Ивана Даниловича Черняховского и пытается их развязать.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127055, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 787-62-92

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://gvardiya.ru> E-mail: dse1@gvardiya.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ

*Склад
издательства «Молодая гвардия»
находится в центре Москвы
по адресу:
Сущевская ул., д. 21
ст. м. «Новослободская», «Менделеевская»*

**В отделе реализации действует
гибкая система скидок**

**Доставка книг по территории
Москвы и Московской области
БЕСПЛАТНО**

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛА РЕАЛИЗАЦИИ

8(495) 787-64-20

8(495) 787-62-92

ТЕЛЕФОНЫ СКЛАДА

8(495) 787-65-39 8(495) 787-63-64

ISBN 978-5-235-03908-7

9 785235 039087 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я